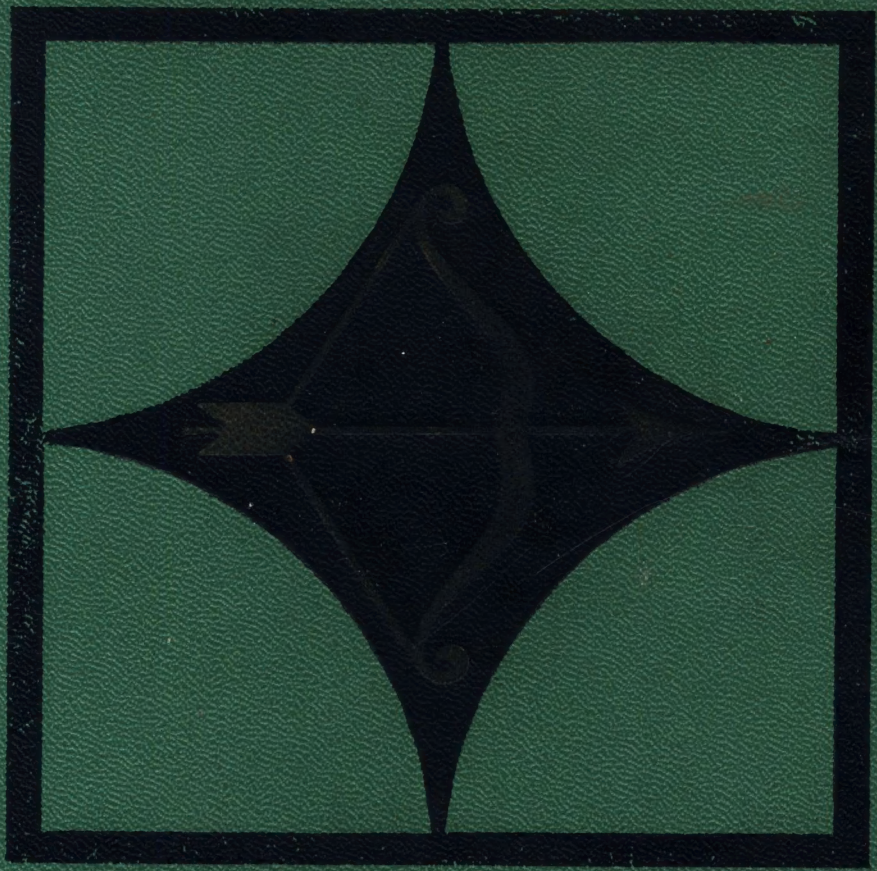
1979

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1979

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Москва
«Молодая
Гвардия»

1979

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ

1979

Р2
П75

Редакционная коллегия:

Сергей ВЫСОЦКИЙ, Петр ПРОСКУРИН,
Ким СЕЛИХОВ, Сергей СЕМАНОВ,
Федор ШАХМАГОНОВ

П $\frac{70302-191}{078(02)-79}$ 249—79. 4702000000

© Издательство «Молодая гвардия», 1979 г.

ПОВЕСТИ

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ

Свежий ветер океана

От автора

В основе этой повести — истинная судьба поисков и находок Михаила Ивановича Белова — доктора исторических наук, автора многих работ по истории географических путешествий о землепроходцах прошлого.

М. И. Белов много лет работал над историей открытия Антарктиды. В фундаментальном труде «Первая русская антарктическая экспедиция 1819—1821 гг. и ее отчетная навигационная карта» он доказал всему миру, что первыми открыли шестой континент корабли «Восток» и «Мирный», которыми командовали Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев.

В повести я посчитал своим долгом и обязанностью строго следовать фактам. Опасаясь что-либо исказить, я придерживался трактовок работы М. И. Белова, а также подлинной истории дешифровок, экспертиз, доказательств, приведенных ученым в этом труде. По этой же причине я дословно привел письма членов экспертной комиссии, так как точность научного документа в публикациях подобного рода считаю не менее важным, чем занимательность сюжета и правдивость поступков героя.

Глава первая
ДАВНО ЗАПАХАНЫ ОКОПЫ...

РЕФЛЕКС ЦЕЛИ

Головин локтями разгреб землю, устроился поудобней и поднял к глазам бинокль. Приблизился глинистый, пологий, глянцевый от дождя холм, опоясанный жиденьким частоколом проволочных заграждений. По ржавым консервным банкам, которые выбрасывали немцы, можно было определить изломанные линии окопов, пулеметные гнезда, дзоты, замаскированные наспех и неумело. Гитлеровцы еще не научились прятаться в землю. Из-за холма высовывались голые, схваченные

льдом ветки кленов и вязов. Они прикрывали полуразбитые коробки домов с черными провалами окон.

Низко, как подбитый самолет на вынужденную посадку, тащились серые тучи. Ветер цеплялся за березовые колья, за колючую проволоку, злобно посвистывал, подвывал, предвещая скорые холода.

За домами в парке стоял Большой Екатерининский дворец — великолепные комнаты и залы, роскошная Камеронова галерея... Головин был там до войны в самый разгар солнечного жаркого лета, запомнил ходы и выходы, но сейчас все сжалось, потускнело, поблекло, и это больно кольнуло сердце. Он знал, что многие ценности вывезти оттуда не успели и теперь все может погибнуть: человечество навсегда и безвозвратно потеряет частицу своей культуры.

Знал он и то, что в бывших хозяйственных пристройках дворца, в клетках и подвалах в начале войны была упрятана часть военного морского архива XVIII и XIX веков.

Если бы Головина спросили о последнем, самом большом и единственном желании, он бы ответил — заглянуть в этот архив. Ради этого он отдал бы свой хлеб, стал мерзнуть, пошел бы на верную смерть. Найти архив было мечтой его жизни. Вернее, не весь архив, а те документы, которые остались от великого путешествия Беллинсгаузена и Лазарева в Антарктиду — материк, тогда совсем неведомый.

Дед Головина в молодости служил на крейсере «Император Павел». Он умер перед самой революцией и оставил огромную библиотеку. С детства его внук пристрастился к книгам. От них веяло запахами просмоленных канатов, выжженными на тропическом солнце парусами, тугим ветром ревущих широт. Это были редкие старинные книги о кораблях и пиратах, о далеких землях и морских сражениях.

С пожелтевших страниц глядели на мальчика гравюры некоронованных королей пиратов: Генри Моргана и Джона Эйвери, Джеймса Плантэйна и Аруджа, Френсиса Дрейка и Джорджа Клиффорда. В воображении ребенка рисовался романтический образ флибустьерской республики Либерталии, Страны Свободы. Молодого Головина пленили отвага и мужество людей, рвавших с традициями эпохи.

Когда Лев Головин повзрослел, его увлекла эпоха

Великих географических открытий, далекие походы парусных кораблей в чужие земли, океаны и моря. В кабинете, кроме книг, хранились вещи — хронометры, секстанты, китовые усы, огромные раковины, модели фрегатов и клиперов. В этих предметах витал дух морской романтики.

Особенно волновали дневники деда. В конце своей жизни старый Головин заинтересовался открытием Антарктиды. Он собирал все более или менее важные сведения, которые касались походов в южные моря. Материалы дед систематизировал, разносил по карточкам, делал выписки. Он старался излагать новости по-деловому сухо и обстоятельно, как боевые рапорты, но иногда срывался с бесстрастного тона, и тут открывалось его истинное лицо — бунтаря и бродяги, неуемного спорщика и тонкого мыслителя. Он никогда не думал что-то публиковать, а писал для себя, для совершенства, как он выражался, собственной души.

«XV и XVI века... — читал Головин-внук. — Европа освобождалась от тяжких пут инквизиции и средневековья. Географы снова обратили взор к познанию своего дома. На первых картах мира в районе Южного полюса была указана большая мифическая земля — Терра Инкогнита Аустралис. Пылкие картографы Возрождения считали, что она находится в умеренном поясе, и рисовали несметные богатства. Немало морских экспедиций погибло на пути к ней. За два-три века знания о Южной Земле не продвинулись далеко вперед. Еще в XVIII веке о ней рассуждали не более обоснованно, чем в период Возрождения, хотя к тому времени была открыта Австралия. Именно после открытия Австралии усилилась настойчивость в достижении Южной Земли. Завершив географические открытия в других частях света, моряки все чаще и чаще стали обращать взор к южным широтам.

XVIII век регистрирует три более или менее крупные попытки продвижения в Антарктиду. Это прежде всего французские экспедиции Буве (1739 г.) и Кергелена (1771—1774 гг.) Они не увенчались сколько-нибудь важными результатами. Первая дошла до 54-го градуса 10 минут южной широты, вторая открыла остров, названный Кергеленом Землей Опустошения. Лишь третья экспедиция, Джеймса Кука, искавшая Южную Землю с умеренным климатом, проникла дале-

ко на юг, за 70-ю параллель. Дважды Кук подходил к южному ледяному континенту, от материка его отделяли всего 108 миль. В конце концов он пришел к печальному выводу, что у Южного полюса, возможно, и лежит ледяной континент, но открытие его не принесет человечеству какой-либо пользы».

«Спускайте паруса...» — с сарказмом замечал дед.

«Но Куку не удалось похоронить вопрос о Южной Земле, — писал он далее. — В начале следующего века английские и американские промышленники валом хлынули в южные моря. Время от времени они сообщали об открытии ими новых островов, богатых морским зверем. Уже одного этого было достаточно, чтобы снова возник вопрос о Южном полюсе, о более тщательном исследовании южных морей и выяснении — что же, наконец, находится южнее широты, достигнутой Куком, — море или континент?

Это была главная задача русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева. За двухлетнее плавание в водах Антарктики был собран огромный материал наблюдений. Крупнейшее морское предприятие принесло не только важные научные результаты, но увенчалось выдающимся географическим подвигом. Русские открыли Антарктиду!»

«Однако Морское министерство, как это часто случается у нас, русских, не оценило по достоинству научные результаты экспедиции и на многие годы задержало издание важнейших материалов ее, — сердито писал дед. — Ходатайство об отпуске средств на издание труда Николай I оставил без внимания. Через три года Беллинсгаузен вновь обратился в Главный морской штаб. Он просил выпустить в свет хотя бы 600 экземпляров, чтобы «труды были известны». Председатель ученого совета Логин Иванович Голенищев-Кутузов сделал приписку царю, что «может случиться и едва ли уже не случилось, что учиненные капитаном Беллинсгаузеном обретения, по неизвестности оных, послужат к чести иностранных, а не наших мореплавателей».

После многих проволочек царь соблаговолил издать труд в количестве 600 экземпляров. Но пока рукопись Беллинсгаузена находилась в работе, она подверглась такой редактуре, что, по словам Михаила Лазарева, «наконец вышло самое дурное повествование весьма любопытного и со многими опасностями сопряженного пу-

тешествия». И это через 11 лет после великого открытия!..

«К горю нашему, оригинал рукописи Беллинсгаузена и Лазарева, а также навигационные карты и шканечные (вахтенные) журналы шлюпов «Восток» и «Мирный» разыскать не удалось. Надо думать, что они утрачены навсегда...»

Последние слова, сказанные дедом, крепко запомнились молодому Головину.

Возможно, это обстоятельство и определило его судьбу. Он не очень огорчился, когда по слабости зрения не попал в военно-морское училище. Он поступил в университет. В первых же вступительных лекциях знаток русской морской истории профессор Шведе говорил примерно то же, о чем писал и дед:

«Обстоятельство, что до сих пор не обнаружено вахтенных журналов и подлинной навигационной карты, используется за рубежом. Не очень опрятные в научном споре люди пытаются принизить заслуги русских моряков, ставят под сомнение сам факт открытия ими шестой части света. Возможно, среди вас найдутся те, кто сумеет положить конец всем недомолвкам и фальсификациям, стряхнет пыль века и отыщет вещественные доказательства русского подвига...»

Повзрослев, Лев Головин сформулировал программу своего будущего, поставил себе целью разыскать все, что касалось первой антарктической экспедиции. Это было непросто, но трудности мало смущали молодого Головина. Он не собирался удивлять мир, а хотел, как говорил Ибсен, жить в нем. Главное было — начать.

У него выработался рефлекс цели, ощутимый так же властно, как потребность птицы летать или стремление рыбы плыть против бурного течения. Он даже выписал в дневник слова великого Павлова: «Рефлекс цели есть основная форма жизненной энергии каждого из нас. Жизнь только того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к постоянной достигаемой, но никогда не достижимой цели... Вся жизнь, все ее улучшения, вся ее культура делаются рефлексом цели, делаются людьми, стремящимися к той или другой поставленной ими в жизни цели».

Все свободные дни первых трех лет учебы в университете Лев Головин потратил на поиски документов в

исторических архивах, вплоть до дел III отделения кабинета его императорского величества, на исследование более или менее известных опубликованных работ об экспедиции Беллинсгаузена. И когда он начал подбираться в военно-морском архиве к периоду первой четверти прошлого столетия, началась война. Ушел в действующую армию отец — инженер Кировского завода. А скоро призвали и Льва. Его направили на краткосрочные курсы военного училища. Через три месяца в петлицах гимнастерки заалел кубик младшего лейтенанта.

Перед отправкой на фронт Лев заехал в морской архив. Гитлеровцы уже подходили к Ленинграду. 424-й пехотный полк 126-й немецкой дивизии из района Шлиссельбурга прорвался к Дудергофским высотам у ленинградских пригородов. Позднее из показаний пленных Головин узнал, что командир 6-й танковой роты обер-лейтенант Дариус в этот момент радировал в штаб: «Я вижу Петербург и море». Начальник оперативного отдела 1-й танковой дивизии подполковник Венк понял: его Дариус достиг отметки 167 на карте, вершины «Голой горы». Ленинград лежит у его ног, остается только протянуть к нему руку.

Фашисты из тяжелых орудий уже начали обстрел города. В небе висели «мессершмитты» и «юнкерсы». Бойцы комендантского взвода вытаскивали из полуразрушенных хранилищ архива ящики с документами, грузили их на полуторки. По двору метался заместитель начальника архива майор Попов. Военный историк Попов в свое время отдал много сил организации морского архива. Стараниями этого немного суматошного, чудаковатого, умного человека были сохранены огромные ценности в лихолетье гражданской войны, в голодные и холодные зимы Петрограда. Он любил опекать увлеченных людей и, конечно, сразу узнал Головина.

— Видите, что творится?! — крикнул Попов Головину, не отвечая на приветствие.

— Боюсь, что архив эвакуировать не удастся... — проговорил Головин.

— Само собой. — Попов подбежал к нему, вытер платком пот, размазал по лицу сажу. — А вы на фронт?

Головин кивнул.

— Через час там будете... На трамвае, прости господи.

— У меня пока есть время. Может, вам помочь?

— Да вы свалились как манна небесная! — обрадовался майор. — Своих людей мало. Третьи сутки не спим. Надо закончить опись. Архив развозим куда как. Сами понимаете, не каждому такое можно доверить.

— Ну вы-то меня знаете, Анатолий Васильевич.

— Не знал бы, не просил. Вот вам тетрадь, пишите...

Весь день Головин помогал составлять опись архивного имущества. Условными значками он обозначал, куда какой раздел направляется. По каталогу Головин знал шифр раздела, относящегося к 1812—1822 годам, и даже вздрогнул, когда боец выкрикнул надпись на ящиках:

— «Восемнадцать тысяч двести тридцать два дробь девятнадцать. Индекс семь!»

18232/19 включал в себя как раз те документы, которые нужны были Головину и до которых он не успел добраться. Бумаги этого раздела весом не меньше пяти тонн направлялись в загадочный пункт семь.

Попов проследил за взглядом Головина, догадался:

— А-а, первая антарктическая... Весьма возможно, что именно здесь хранится то, что вы ищете.

Головин пожал плечами и отвернулся:

— Теперь это мало кому нужно. Да и неизвестно, доживем ли...

— Должны дожить. — Попов выхватил из широких флотских брюк портсигар, постучал папиросой в серебряную крышку. — Какой там индекс?

— Семь.

— По секрету. Это Большой Екатерининский дворец в Пушкине.

— Спасибо, Анатолий Васильевич!

— Не падайте духом, молодой человек. — Попов прикурил, глотнул дыма. — Цель вы поставили нужную. Хочу, чтоб после войны вернулись к ней.

...И вот теперь, едва приподнявшись над бруствером, младший лейтенант Головин следил в бинокль за немецкими траншеями, которые опоясывали бывший царский дворец. Добрались ли фашисты до архивов? Только сейчас Головин осознал цену быстротекущего времени. Его невозможно ни повернуть вспять, ни хранить, сдавая излишки в архив, и брать по мере надобности. На ум пришли слова Сенеки. Древний мудрец говорил, что «все не наше, а чужое. Только время — наша соб-

ственность. Природа предоставила в наше владение только эту вечно текущую и непостоянную вещь. Ее может отнять у нас всякий, кто этого захочет... Люди решительно ни во что не ценят чужого времени, хотя оно единственная вещь, которую нельзя возвратить обратно при всем желании. Я поступаю как люди расточительные, но аккуратные — веду счет своим издержкам. Не могу сказать, чтобы я ничего не терял, но всегда могу отдать себе отчет, сколько я потерял, и каким образом, и почему...».

А потерять все было так просто. Возможно, от Беллинсгаузена не осталось никаких документов. Тогда бесполезными окажутся все волнения, цель станет ложной, а риск неоправданным. Даже пострашней, чем риск. Риск всегда ограничен временем, отрезком его. А здесь напрасно уйдет вся жизнь, все лучшее, что есть, — будущее, талант и надежды.

Все может погибнуть и сейчас. Ударит снаряд, и погибнут в огне все бумаги, до которых так и не добрался бывший студент, а ныне командир взвода, наполовину состоящего из ополченцев, вооруженных одними трехлинейками.

Над дворцом взлетели клочки бумаг. Головин прижался к окулярам, стараясь понять, что там случилось. Бумаги покружили в воздухе и опустились. Ими играл ветер.

ЗАБОТЫ БАРОНА БУДБЕРГА

Потомок прибалтийских баронов Отто Ойген Будберг попал под Ленинград волей милостивой и легкомысленной судьбы. В 1921 году он вместе с отцом репатриировался из Латвии в Германию, через четыре года вступил в рейхсвер, потом в звании майора в составе 22-й танковой дивизии вермахта покорял Бельгию, Францию, Грецию, Югославию. В первом эшелоне наступающих войск его дивизия шла на Ленинград, ворвалась в Пушкин.

У Будберга был голый череп, желтоватое сухое лицо, надменно поджатые губы. Несоразмерно длинное туловище и короткие ноги делали его фигуру уродливой, но сослуживцы не смели подшучивать. Отто Будберг насмешек не терпел. Обиды, как все ущербные люди, никому не прощал. Еще в рейхсвере он примкнул

к бывшему ефрейтору и будущему вождю рейха, быстро усвоил приемы фашистов. Его старания были замечены. В дивизии Будберг стал вроде политического эмиссара нацистской партии. Командование относилось к нему с некоторой опаской и деланной почтительностью, как ко всем функционерам партийных отрядов СС.

Когда пал город Пушкин, Будберг организовал по этому случаю митинг. Зал Екатерининского дворца был набит до отказа. Потух свет, и на экране показался орел со свастикой в когтях. Побежали кадры боев, заснятых в Прибалтике, — авиационная «карусель», потопление русского транспорта немецкой субмариной, пленные красноармейцы, развалины Нарвы...

Потом в зале вспыхнули прожектора и осветили трибуну, покрытую бордовым бархатом. Появился Будберг в парадном мундире с Железным крестом.

— Солдаты и офицеры рейха! — хорошо поставленным голосом начал Будберг, выдержал паузу и взял несколько выше: — В эти дни, когда не знавшие поражений германские войска подошли к обеим русским столицам, начали сбываться мечты фюрера, который поклялся раз и навсегда покончить с большевизмом. Петербург вы наблюдаете в свои бинокли. Этот город когда-то был моим родным городом. Я тут родился, воспитывался. За безупречную службу русским царям большевизм лишил семью всего, что она имела. В молодости нелегкой была моя жизнь. Скитаясь, бедствуя, я открыл в конце концов простую и печальную истину: в этом мире трудно быть немцем!

Будберг помолчал, выжидая, когда стихнет шум в зале, вызванный его последними словами.

— Трудно потому, что немцев все теснят, преследуют, ненавидят. А почему, за что? Потому, что природа даровала немцу трудолюбие, способности, предприимчивость, ум, дисциплинированность. Немецкая музыка исполняется во всех концертных залах мира. Немецких ученых чтят во всех странах. Разве одному Рентгену не обязаны своим здоровьем миллионы людей? На тронах почти всех монархических государств, в том числе и русского, сидели отпрыски немецких династий и княжеских родов. Нет более надежных и верных чиновников и рабочих, чем немцы. Нас не любят за то, что мы хорошие. Нам завидуют потому, что мы умнее, способ-

нее, энергичнее других. И, завидуя, отказывают нам во всем, что составляет наши жизненные интересы. Немецкому народу тесно в его европейском жизненном пространстве, и его главная задача — расшириться, приобрести новые территории, где бы избыточная часть населения Германии могла поселиться и найти применение замечательным свойствам национального характера.

Отто Будберг прошелся по сцене и воскликнул:

— Уже много лет мы находимся в тесноте и давке! Слишком много людей в слишком маленькой стране. Из-за нехватки пространства неимущие люди начали преобладать в Германии. Массы неимущих, ожесточенных крестьянских внуков под руководством раздраженных и марксистски мыслящих ремесленников обратились к интернациональным бредням вместо того, чтобы в новой борьбе завоевать свои национальные права.

Он выбросил сухую длинную руку и едва не закричал:

— Оглянитесь вокруг себя, подумайте о внуках! В такой тесноте немцы не могут расти и развиваться! Вам, молодому поколению, фюрер вложил в руки меч. Так добудьте же этим мечом для немцев пространство и покончите с красными!..

Последние слова Будберга потонули в грохоте аплодисментов. Всем казалось, что Ленинград вот-вот падет, что фельдмаршал фон Бок возьмет Москву, что война закончится такой же победой, как в Польше, Франции, Дании, Бельгии, на Балканах, и солдаты встанут на зимние квартиры в северной русской столице.

После митинга Будберг приказал вызвать своего помощника лейтенанта Лаубаха. Когда тот вошел и вытянулся у двери, Будберг некоторое время оставался стоять у окна, не поворачивая головы. Лаубах осторожно кашлянул, прикрыв рот рукой. Будберг не обратил внимания, сделал вид, что интересуется стенами Федоровского музея с сорванным куполом и разбитой Белой башней.

— Начиная войну с Россией, — наконец, растягивая слова, проговорил Будберг, — фюрер ставил своей целью не только покорить русских, но и покончить с ними как нацией. Вы хорошо знаете это.

— Так точно, — тряхнул белым чубчиком Лаубах, тараща на шефа синие коровьи глаза.

— Но знаете абстрактно, так сказать, теоретически... А конкретно вам бы следовало поразмышлять.

— Я готов, — не очень уверенно произнес Лаубах.

— Это значит уничтожить, стереть с лица земли все, что составляет национальную гордость русских. Нужно вытравить у них память! Народ без истории, без прошлого уже не народ, а стадо, которым легко управлять с помощью кнута. Все, что они делали раньше, должно стать нашим достоянием. — Будберг рукой обвел мраморные колонны и белоснежные бюсты царей и полководцев. — Отныне все это должно стать достоянием Германии. А то, что мы не сможем вывезти, просто-напросто разрушим. Фюрер намерен из Ленинграда сделать пустыню...

Будберг прошелся по кабинету, зябко повел плечами:

— Однако становится свежо. Прикажите денщику затопить камин.

Через минуту Лаубах вернулся с денщиком. Солдат принес дрова и большую пачку старых бумаг для растопки.

— Что это? — Будберг носком сапога разворошил бумагу и поднял лист с царским орлом. — Да ведь это бумаги адмирала де Траверсе! Вы, разумеется, не слыхали о таком, господин лейтенант?

— Это имя мне незнакомо, — подтвердил Лаубах.

Будберг позволил себе улыбнуться краешком губ:

— Русские звали его Иваном Ивановичем. Когда-то он был поклонником короля, после французской революции бежал в Россию. Здесь начал с главного командира черноморских портов. Сначала привел в упадок Черноморский флот, а потом и весь флот в целом. Это когда был морским министром.

— Русским редко везло на умных начальников, — заметил Лаубах.

Будберг повернулся к денщику:

— Макс, откуда вы принесли эти бумаги?

— Из подвала, господин майор. Ребята разворошили там целый склад таких бумаг.

Будберг выразительно поглядел на Лаубаха:

— Немедленно запретите это делать, лейтенант! Если мы говорим об уничтожении, то это не значит, что должны превращать в пепел все подряд. — Будберг поднял еще несколько листов гербовой бумаги, быстро

пробежал глазами: — Несомненно, русские оставили здесь морской архив. Германии он может пригодиться, как и Янтарный кабинет в здешнем дворце. Вы приступили к его демонтажу?

— Да. Солдаты упаковывают его в ящики *.

— Архивы — это та же память. Она хранится не в корке серого вещества, а в документах. По ним, этим архивам, мы докажем потомкам свою правоту. Вы это усвоили, лейтенант?

Лаубах прижал руки к бедрам.

— К сожалению, мне некогда сейчас заниматься архивами. А когда-то я с интересом изучал историю России.

— У вас такое образование! — решил подсластить Лаубах, уже привыкший к разглагольствованиям шефа, и Будберг клюнул на этот крючок, самодовольно кивнув головой.

— В свое время я увлекался работами Гобино, Лапуха, Вольтмана, Шпенглера и Фрейда. Разумеется, не прошел мимо учения Дарвина о роли естественного отбора. В жестокой борьбе за существование выживали только сильные нации. Вы заметили, лейтенант, что в те времена, когда гибли империи Ассирии и Вавилона, германцы уже видели зарю своей истории. Великий Рим, сокрушив Элладу, распространил свое могущество на всю Европу, Северную Африку и провинции Азии. Казалось, не было силы, чтобы одолеть его железные легионы. В Риме не смотрели всерьез на полудикие племена германцев. Но именно эти племена разрушили великое государство. Только в жилах этих племен текла горячая молодая кровь завоевателей. Сыновья библейского Яфета нашли свое идеальное воплощение в германце. И мы должны поднять имя германца на своем знамени.

Лаубах переступил ногами, как застоявшаяся лошадь, скрипнул паркет. Будберг резко повернулся к лейтенанту:

— Вам не по силам маленький экскурс в историю?

---

* Отто Ойген Будберг — непосредственный виновник разграбления в Пушкине Большого Екатерининского дворца, организатор похищения известной Янтарной комнаты, поныне не найденной. Этот акт вандализма он совершил вместе с лейтенантом Зольмс-Лаубахом, действовавшим по его приказу и под его руководством.

— Что вы, господин майор! — воскликнул Лаубах. — Я солдат и готов выполнить ваш любой приказ.

— Кроме беспрекословной готовности, вы должны понять общие идеи.

— Я понимаю...

— Вы свободны. — Будберг сухо простился и подумал: «Этот баварский нетопырь ни черта не понял. Да и не только он. У молодого поколения немцев забетонировали мозги. Где дух, где мировоззрение? Фюрер, к несчастью, недооценивает этого фактора. Для государства руководящей должна стать идея, а не приказ! Марксисты хорошо усвоили это, утверждая, что, когда идея овладевает массами, она становится материальной силой. С идеей легко, удобно и выгодно жить...»

Будберг открыл дверь и позвал денщика:

— Макс, принесите из подвала еще бумаги, пока его не запер Лаубах!

«Любопытно посмотреть, что там еще осталось...»

КАПИТАН ЗУБКОВ И ДРУГИЕ

До самой темноты Головин наблюдал за линией немецких окопов. Особой активности гитлеровцы не проявляли. Судя по реву тракторов и стуку досок, они подвозили строительные материалы. Видимо, сооружали дзоты, укрепляли глиняные стенки окопов, собираясь переждать в них зиму, пока голод не свалит всех ленинградцев.

Невдалеке тихо и односложно перебрасывались словами солдаты боевого охранения:

— Дома как?

— Живы вроде.

— А мои там остались.

— Неужто близко?

— Я по эту сторону проволоки, они по ту...

Головин заинтересовался, спустился с бруствера и подошел к бойцам:

— Кто из вас здешний?

— Я, товарищ младший лейтенант, — подал голос молоденький солдат в новой, необносившейся шинели. Из-под каски высовывались пятачок носа и пухлые, схваченные простудой губы. — Кондрашов моя фамилия. Алексей.

— В Пушкине жили?

— Ага. Здесь у меня батька с дедом остались, а мать с заводом эвакуировалась.

— Батька кто?

— Инвалид после гражданской, а дед совсем не ходок.

— Дом далеко?

Кондрашов вытянул тонкую шею:

— Во-о-он у ветлы...

«А ведь можно что-то придумать», — обрадовался Головин и пошел к командиру роты.

Капитан Зубков ужинал. На круглом столе стоял котелок с жидкой ячневой кашей и кружка чаю.

— Извините, зайду попозже, — смутился Головин.

— Заходи, раз пришел. Ел?.. А все равно голодный. Никитич, сообрази!

Ординарец поставил рядом другой котелок и положил ложку.

— С чем пришел?

— У меня долгий разговор, Алексей Сергеевич, — проговорил Головин, пристраивая шапку на коленях.

— Выкладывай.

Зубков не был кадровым военным. Правда, в январе сорокового года он немного повоевал с белофиннами в добровольческом лыжном батальоне, но обморозился, и его комиссовали из армии. Работал он в районном комитете Осоавиахима, и звание ему присвоили по должности. Левую сторону его лица уродовал сизоватый шрам. Головин стеснялся смотреть на этот шрам, но взгляд сам по себе останавливался на нем.

— В подвалы Екатерининского дворца в сентябре наши перевезли морской архив. Сейчас его захватили немцы. Конечно, они пустят его по ветру. А это громадная ценность, Алексей Сергеевич! Архив надо спасти.

— Ну и что теперь?

— Спасать надо.

Зубков почертил ложкой узоры на столе, помолчал.

— Других дел по горло, Левушка... Боюсь, ничего не выйдет.

— Нельзя же бросать архив на погибель!

Капитан поскреб ложкой по дну котелка, собрал крошки и отправил в рот:

— Давай так сообразим... Напиши обстоятельную бумагу, обоснуй. Я передам комбату, а тот дальше. Мо-

жет, кого-то она заденет. Сам же исподволь наблюдай, думай, что предпринять.

— Спасибо, Алексей Сергеевич. — Головин с радостью пожал локоть Зубкова.

— Не за что. Как я понимаю, кто-то в штабе должен заинтересоваться. Все же история. Хоть старая, но в научном смысле дорогая.

— Правильно вы понимаете! — Головин махом проглотил кашу и заторопился к себе.

Его взвод размещался в подвале. Верх дома сгорел, но подвал остался. В нем хранилась раньше капуста, запах выветриться не успел, кислятиной несло из всех углов. Зато сюда не проникал ветер, было тепло от печки-«буржуйки». Трубы бойцы вывели в сторону, довольно далеко от подвала. Завидев дымок, немцы первое время стреляли из минометов и орудий, разворошили выход, но потом утихли. На всякий случай Головин приказал разжигать «буржуйку» только ночью. Теперь железные бока ее багрово светились в полутьме.

Головин пробрался мимо спящих бойцов в свой угол, завешенный старым байковым одеялом, зажег коптилку, вытащил из вещмешка тетрадь в клеенчатой обложке и перламутровую авторучку — немецкий трофей.

«Командиру роты 3-го батальона 264-го стрелкового полка капитану Зубкову А. С.», — начал он рапорт и остановился.

Сколько раз в детстве, отрочестве, юности слышался ему шум воды, рассекаемой форштевнем, ледяной звон обмерзшего такелажа, глухие удары льдин!.. Воспоминания так же стремительны и неуловимы, как мысль. Мгновенной вспышкой она вдруг осветила все, что хранилось у Головина в заветных клеточках памяти. И он увидел на мостике низенького капитана с покатым лбом, выпуклыми глазами под крутыми бровями, в высокой морской фуражке и шинели, подбитой волчьим мехом. Прищурив один глаз, этот капитан приникал к подзорной трубе, надеясь в плотной дымке тумана за сахарными головами айсбергов разглядеть южный материк...

В НОЧЬ ПЕРЕД СНЕГОПАДОМ

После того как Головин подал рапорт, прошла неделя. Его терзали сомнения. Казалось, что все командиры в батальоне уже знали о рапорте и многозначительно

помалкивали, как скрывают от больного историю его болезни. Он ругал себя за торопливость, поскольку рапорт писал в спешке и там получилось больше эмоций, чем дела. Надо бы по пунктам, как в военном уставе, а он расписал всю историю, словно зеленый студент первую курсовую работу. У кого найдется столько времени?

Изредка фашисты постреливали из минометов. Наши не отвечали: снаряды и мины берегли, как хлеб. Выдавали их в дивизии почти поштучно. То же самое было и с патронами. Нехватка боеприпасов породила в войсках явление, невиданное в таких масштабах в истории войн. Чуть ли не главной силой в обороне стали снайперы-истребители. С винтовкой, снабженной оптическим прицелом, с пачкой патронов, долькой сала и ржаным сухарем — суточным пайком — они выползали на нейтральную полосу и выбивали немецких солдат.

Бойцы соседней роты притащили пленного — прыщеватого баварца в женском пуловере, натянутом поверх френча. Немец жаловался, что у русских отсутствует чувство фронтового товарищества. Они стреляют по отхожим местам, высунешь голову — пуля. Поэтому загажены все траншеи. Среди немецких солдат прошел слух, будто под Ленинград прибыла специальная дивизия охотников-сибиряков, которые попадают белке в глаз.

Поздно вечером за Головиным пришел ординарец Никитич.

— Командир роты просит.

Почему ординарца звали Никитичем, никто не знал. Это был еще нестарый солдат — лет тридцати пяти, не больше. Да и стариковской степенности не было. Но ординарец отличался от солдат роты, в большинстве молодых, необстрелянных, своей многоопытностью в житейских делах. Никитич прошел воспитание в горластой, нервной, настырной шатии беспризорников. Фамилию Никитского ему дали в детском доме, помещавшемся у Никитских ворот в Москве. Бойцы упростили ее до Никитича. Был он сух, немногословен и удачлив. За это и держал его Зубков в ординарцах. Носил Никитич челку, прикрывающую два разных глаза — голубой и карий, пренебрегал каской, довольствуясь комсоставской суконной пилоткой. Ростом он был еще меньше Головина.

Перед входом в землянку Никитич пропустил младшего лейтенанта вперед, а сам отошел в сторону. Зубков с интересом посмотрел на Головина, словно увидел впервые, склонил голову набок, выслушал.

— А ведь выгорело твое дело, — сразу он выложил новость. — Из политотдела дивизии кто-то должен приехать. Комбат тоже обещал заглянуть. Кто, говорит, такой этот Головин? Ученый или в этом роде? Береги, говорит.

Головин покраснел и перебил Зубкова:

— Что же приказано делать?

— Приказано пока самим расхлебывать кашу, вести разведку. — Зубков помолчал, постукивая по столу костяшками пальцев. — Никитич, угости лейтенанта своим трофеем.

Ординарец словно вырос из-под земли, поставил банку венгерской говядины с перцем и положил серую пресную галету.

— Откуда? — удивился Головин, захватывая полную ложку мяса.

— Он к фрицам в гости ходил, — засмеялся Зубков. — Я с ним как за пазухой... А если серьезно — временно тебе отдаю. Для разведки незаменимый человек. Как комар. В любую щель пролезет. Ты говорил, у тебя во взводе местный есть?

— Да. Кондрашов.

— Пусть они вдвоем сходят, разузнают. — Зубков развернул карту, исчерканную цветными карандашами. — Слышишь, Никитич?

— Слышу, — отозвался ординарец.

— Проходы разведай.

— Понял.

— Не знаю, как благодарить вас, — пробормотал Головин.

— Меня не за что. Начальство приказывает. Сам бы я сидел сейчас и в ус не дул.

Но по глазам видел Головин, что Зубков шутит.

ПОЛКОВОЙ КОМИССАР

— Если фриц вздумает шуметь, бей этой штукой. — Никитич подбросил на ладони гранату. — Ножом без сноровки не сможешь. Или цепляйся, как клещ, лишь бы не вопил.

Кондрашов не мигая смотрел в рот наставника.

— Смотри, как уходить из захвата... Хватай! — Никитич расслабился, позволил обхватить себя, потом, резко рванув локтями, выскользнул из рук Кондрашова и несильно ударил его головой в подбородок.

— Ловко у тебя получается, — подвигав ушибленной челюстью, проворчал Леша.

— Жизнь и не тому научит.

Они занимались позади окопов, в лощине, которую немцы видеть не могли. Никитич заставлял Лешу ползать, бесшумно пробираться через проволоку, пользоваться звуковыми сигналами, расчищать путь от мин, маскироваться.

— Часовой ночью видит все, что появляется на светлом фоне. Подсвечивают пожары, ракеты, звезды. Ты ползешь, вдруг чуешь, часовой близко и смотрит. Замри! Как был оттопыренный локоть, так и оставь. Усек? Попробуем!

Возвращались они с занятий поздно. Никитич жил во взводе Головина и спал рядом с Кондрашовым.

Они уже отдыхали, когда к Головину пришли гости — Зубков, комбат Пивоваров и полковой комиссар Дергач.

Дергач был из флотских. В свое время матросил на Балтике, за большевистскую агитацию сидел в «Крестах», подавлял Кронштадтский мятеж, ходил на линкоре «Марат» и до сих пор под гимнастеркой носил тельняшку. Войдя в подвал, полковой комиссар строгим жестом остановил Головина, собравшегося было рапортовать, огляделся, нашел свободный чурбак и сел — у него болели ноги.

— Так вот ты какой, Головин, — пробасил комиссар, по-стариковски прищурив глаз. — Мал, да удал. Владимир Николаевич Головин случайно не родственник?

— Дед.

— А ведь я его помню! На «Императоре Павле» был вторым помощником. Матросам всякое рассказывал. Я как услышал про Беллинсгаузена, о нем подумал. Только он и тогда уж стар был.

— В шестнадцатом умер.

— Значит, внук в деда пошел?

— Да ведь жалко архив...

— Жалко — не то слово, лейтенант. Это потеря невосполнимая. Ты сложную задачу на себя берешь.

— Представляю.

— Выбить немцев из Екатерининского дворца мы не сможем. Сил нет. Да и фашисты, как подмерзнут дороги, попытаются наступать. Остается диверсия. Да. Диверсия.

— Мы готовим разведчиков.

— Знаю. Но надо готовить весь взвод. Сколько у тебя активных штыков?

— Тридцать восемь.

— О задаче людям расскажи. Чтобы каждый понимал, ради чего идет. И обязательно про экспедицию. Побольше, понятней. Все же из всех плаваний в прошлом веке это был самый удачный морской поход. А уж люди поймут: раз мы предпринимаем такое дело, значит, собираемся жить долго и непременно выстоим.

Дергач поставил ладонь ребром:

— Дело это не только твое, Головин. И не наше с вами, — он оглянулся на Пивоварова и Зубкова, — а государственное. Понятно?

Командиры кивнули.

— Когда разведка пойдет?

— Завтра в ночь, — ответил Головин.

— Добро. А пока отдыхайте. — Дергач встал, скрипнул зубами от боли, потер колено, проговорил, словно оправдываясь: — Ревматизм истерзал. К самой плохой погоде...

Головин проводил начальство, проверил караулы, задержался у входа. Было тихо. Темно. Едва подсвечивали тучи. Сверху на них ложился лунный свет. Немцы не пускали ракет, не навешивали «фонари» на парашютиках. Тоже спали. Из-за плохой погоды не летали «юнкерсы». Они не могли пока подняться с раскисших аэродромов.

Головин прошел к себе, снял сапоги. Шинель расстелил на соломе, накрылся с головой одеялом. Он подумал, что все обойдется, все будет хорошо, и тут же с суеверным страхом мысленно плюнул через левое плечо.

...Утром после завтрака Никитич и Кондрашов позанимались, а потом с разрешения Головина снова легли спать. В ночь они ушли к немцам.

ВСТРЕЧА

Двигаться хоженой дорогой Никитич опасался. Потерявшийся ранец, из неприкосновенного запаса которого Зубков угощал Головина, мог навести немцев на мысль, что этот путь облюбовали русские разведчики. А Никитич, между прочим, на ранец наткнулся чисто случайно. Немецкие саперы ставили мины на нейтральной полосе, какой-то крохобор притащился сюда с ранцем, чтобы товарищи не свистнули, да сам забыл. На рассвете этот ранец из рыжей телячьей шкуры и увидел первым Никитич. Прополз метров триста да так, что и наши дозорные скоро потеряли его из виду. Вернулся с трофеем, знал: немцы — народ рачительный, если положен неприкосновенный запас, две банки консервов, галеты и мармелад, он всегда будет находиться в ранце.

Сейчас Никитич решил пробраться по кромке овражка до кладбища, миновать первую линию окопов, обогнуть дзот и дальше действовать по обстановке. Песчаный обрыв немцы минировать не могли, а вот внизу, у ручья, конечно, мин понаставили.

Пробирался он медленно, привалившись к стенке и носком сапога выбивая для ног опору. За ним держался Кондрашов. Оба были в одних телогрейках, с автоматами, закинутыми за спину, с гранатами на поясах. Ножи они втыкали в землю и повисали на них, чтобы не заскользить вниз, прямо на мину.

Сильно подморозило, но земля была еще влажной, неломкой и бесшумной. Луну совсем закрыли тучи. Лишь изредка где-то сбоку палил старательный ракетчик, заставляя каждый раз замирать на месте.

Может быть, час, а то и больше, преодолевали они расстояние, которое в хорошее время прошли бы минут за десять. Наконец показался бугор — дзот. Его строили наши, но как-то в спешке отступления оставили целым и невредимым. Немцы из старой амбразуры сделали лаз, а бывший вход забили камнями и залили цементом, оставив узкую щель для пулемета.

В дзоте кто-то тихо пиликал на губной гармошке. Тоскливые звуки доносились, как из подземелья. Никитич потянул носом, почуяв запах сладковатого немецкого табака с ментолом. Сделав предостерегающий жест, он чуть приподнялся над обрывом и заметил силуэт ча-

сового. Немец смотрел в сторону, держа в рукаве сигарету. Винтовка с коротким кинжалом-штыком стояла рядом. Значит, уходить гитлеровец не собирался. Мысленно чертыхнувшись, Никитич полез дальше, намереваясь обойти часового. Но когда разведчики удалились метров на пятьдесят в сторону, часовой поднялся и, покашливая, пошел вдоль траншеи прямо на них. «Захотел умереть», — зло подумал Никитич, медленно отстегивая от пояса гранату. Часовой не дошел шагов пять, остановился, повертел головой туда-сюда и повернул назад. Никитич ящерицей скользнул в траншею и подал руку Кондрашову. По ходу сообщения они дошли до кладбища. Хоронясь за крестами, пересекли его по диагонали и очутились у деревянных домов окраины.

— Далеко еще? — спросил Никитич, поправляя челку.

В темноте Леша не узнавал места, хотя бывал здесь до войны не раз. Помнил: у выхода с кладбища стояла кирпичная сторожка. Теперь ее не было. Сгорело и несколько домов неподалеку.

— Надо улицей пройти, — не очень уверенно сказал Леша.

— Веди! — сердито подтолкнул его Никитич.

Леша боязливо шагнул вперед. Он старался держаться штакетника, но ограда скоро оборвалась. Как раз в этот момент стрельнул ракетчик. Голубоватый свет упал на знакомую водоколонку, из которой когда-то брали воду. Теперь можно идти с закрытыми глазами.

Дворами разведчики проскользнули к маленькому домику. Под навесом у телеги всхрапывала лошадь. Окно было забито фанерой и заложено доской, как ставней.

Леша хотел постучать, но Никитич больно сжал ему локоть.

— Вдруг там немцы, — шепнул он. — Тогда дом не запирают. В дверь толкнись!

Леша ступил на крыльцо. Предательски заскрипела старая доска. Кошка неведомо откуда сиганула в сени. Леша надавил на дверь, но она не подалась. Тогда он негромко постучал. В избе заговорили. Слов Леша не разобрал, но от волнения стало жарко, и он понял, что говорили отец с дедом. Он постучал еще раз, выбивая

«я на речку шла», как это делал, когда возвращался с гулянки.

Загрохотала деревянная нога, с лязгом откинулся крючок.

— Отец, — Леша сглотнул комок и прижался к впалой груди отца.

— Живой... — не веря, отец ощупал лицо, плечи сына. — Из окружения, что ль?.. Да грязный весь...

— Я не один, — наконец проговорил Леша. — Товарищ со мной.

— Зови, у нас никого нет. И к деду иди.

Отец зажег лампу-семилинейку без стекла. Дед лежал на спине, вытянув восковые руки вдоль тела. По его щеке потекла мутноватая слеза.

— Не чаял увидеть, — проговорил он, трудно выталкивая слова.

— Живой я, дедусь. — Леша взял его невесомую руку, подержал в своей.

— Воин?

— Маленько.

— Это хорошо. — Дед приподнял голову, крикнул отцу: — Ванька, собери гостям!

— В момент, батя.

Дед снова посмотрел на внука, погладил по худенькому плечу:

— Видать, и правда дела у нас неважные, коль таким мальцам стали лбы забривать.

— Да нет, дедусь. Выдюжим. Меня вот в разведку послали...

— В разве-е-едку, — протянул дед. — Уж не наступление ли замышляет начальство?

— Пока нет. Потом скажу.

— Ну ладно. Иди к столу, а я издали на тебя погляжу. — Дед понизил голос, покосился на отца. — Твой-то дурень у немцев служит...

— Как! — вырвалось у Леши.

— Слушай больше! Совсем умом на износ пошел, — хохотнул отец, усаживая Лешу и Никитича за стол.

От коричневого, с красным перцем и корицей куска сала отец отрезал по пластику, пододвинул банку с болгарским стручковым горохом, проговорил:

— Хлеба только нет. Хозяева у нас теперь хлеба мало едят.

— Кем ты у них?

— При кухне ездовой. Воду вожу, продукты. С кухни и перепадает.

— Про меня спрашивали?

— Махнули рукой.

— А я ведь рядом, за оврагом.

— Нешто? — удивился отец и поглядел на Никитича, словно спрашивая подтверждения, но Никитич помалкивал, поедая сало и горох.

— Думаете Питер удержать?

— Непременно.

— И то, — кивнул лохматой головой отец. — А то немцы брешут, мол, голыми руками возьмем.

— Ты про Геринга им скажи! — крикнул дед с кровати, прислушиваясь к разговору.

— А-а! — махнул рукой отец.

— Что такое? — заинтересовался Никитич, сверкнув карим глазом.

— На днях было у них целое столпотворение. Приезжал сын Геринга, летчик. Тоже откуда-то из-под Питера. Будберг ему целый «бьюссинг» подарков навалил.

— Грабят, значит?

— Не без этого, — согласился отец.

— Давно?

— А как вошли, до сих пор какие-то ящики упаковывают...

— В подвалах дворца находится наш морской архив. Вы знаете об этом? — спросил Никитич.

— Летом что-то привозили.

— Он на месте?

— Да кто его знает.

— Узнайте.

— Тю! — удивленно воскликнул отец.

— Мы из-за архива и пришли, — надавил на слова Никитич.

— Подвалы заперты. Часовых, правда, нет.

— Понаблюдайте. Может, кто-то ходит туда...

Помолчали, достали из кисетов табак, закурили. Отец пустил колечко дыма, оглянулся на деда:

— Это враз не сделаешь.

— Мы подождем. У вас безопасно?

— Вроде никто не заглядывал.

— Вот и договорились.

Отец ничего не сказал, стал стелить на своей кровати.

— Я устроюсь на дворе, а Алексей пусть тут, — сказал Никитич.

— Так холодно ж там!

— Привык. Дайте чем накрыться.

Отец достал старый полушубок, стеганое одеяло, сердито сунул Никитичу:

— Дожили... По дворам прячемся...

Устроился Никитич на чердаке. Лешин автомат и гранаты отец завернул в тряпку, спрятал в печи и забросал дровами. Одежду тоже забрал отец, дал ту, которую носил Леша до войны.

— В случае чего, вернулся ты из окружения. Дезертировал.

— А друг твой, видать, серьезный, — проговорил дед.

— В роте первый, — похвастался Леша.

— Для чего, скажи, бумаги-то потребовались?

— Начальству виднее...

— Стало быть, важные бумаги. За так рисковать не послали бы. — Леша устроился на отцовской кровати, а отец ушел к деду.

— Так я коптилку тушу? — спросил он.

— Туши, — пробормотал Леша, он понял на войне, что самое плохое для солдата — это вечный недосып, он давно не спал в мягкой постели и уснул сразу, будто провалился в омут.

На рассвете отец запряг лошадь и уехал. На столе он оставил еду на всех. Дед уже бодрствовал, когда Леша очнулся от сна. В комнате было светлее обычного, хотя солнца не было. Леша отдернул занавеску и ойкнул:

— Зима.

Все лежало в белом. Крыши, улицу, деревья засыпал пушистый снег. Четко выделялись следы первых прохожих. «Опоздай мы малость — и каюк», — подумал Леша.

Хоть и немного прошло времени, как он стал солдатом, и голодно было, а успел окрепнуть, округлиться. Старая одежда была уже тесновата. Леша побренчал рукомойником, умылся стылой водой.

— Друг, чай, заждался, — напомнил дед.

— Сейчас, дедусь...

Дед с ласковостью посмотрел на него, шевельнул рукой, подзывая.

— Что тебе?

— Я уж не дождусь тебя, чую... Сделай на прощанье подарок...

— Какой?

Дед внимательно посмотрел на внука:

— Ты не смотри, что я хворый... В турецкую воевал, всю империалистическую оттопал... Оставь гранату, ради Христа...

— А как с меня спросят?

— Скажи, отдал старому воину Михайле Кондрашову, лейб-гвардии артиллеристу. Вдруг немец ко мне сунется, хоть одну вражину с собой унесу. — Дед гневно сжал кулачок, им когда-то он подковы гнул.

— Ладно, — пообещал Леша. — Обращаться умеешь?

— И то! — воскликнул дед. — В империалистической пользовался.

Леша из печки достал гранату и подал деду. Тот погладил ее зеленый ребристый бок, спрятал под подушку.

Леша собрал со стола еду и полез на чердак, куда прямо из сеней вела лестница.

Никитич сидел за трубой, через щель наблюдал за улицей.

— Не вовремя снег выпал, — проговорил Никитич. — По следам они живо отыщут, если пойдем куда.

— Отец все разузнает.

— А ему можно верить?

Леша обиделся:

— На меня же ты положился.

Со своего наблюдательного пункта Никитич все же кое-что разглядел. Он узнал, где немцы устроили казармы, где замаскировали зенитки и дальнобойную артиллерию.

В обед приехал отец. Он привез целую миску горохового супа с ветчиной. Будто бы разыскивая отвалившуюся подкову, он прошел на территорию дворца, узнал, что двери подвалов заперты на замки и опломбированы.

— Туда и мышь не проскочит. Во дворе полно людей, — заключил он.

— А если с другого конца? Окна выходят в парк?

— В парк. Да и какие там окна! Щели. Еще и забраны решеткой — пушкой не пробьешь.

— Надо посмотреть.

— Вам нельзя.

— Немцы хоть лес в парке вырубают?

— На что?

— На дрова.

— Нет. Дров им целый склад достался.

Никитич посмотрел на Лешу:

— Придется нам идти...

— Так ведь по следам заметят!

— А мы дождемся нового снегопада. Глядишь, заметет.

Еще два дня и ночь ждали разведчики перемены погоды. На счастье, задул ветер, заиграла поземка. Оставив Лешу охранять тыл, Никитич пробрался в парк, осмотрел окна подвалов. В самом деле, это были отдушины, забранные решетками толстой старинной ковки. Разве что Никитич и мог пролезть, если, разумеется, перепилить решетки ножовкой. Но как архив вытащить, перенести через передний край, не поднимая тревоги и не ввязываясь в бой?

В эту же ночь он решил идти обратно, сказал Ивану Михайловичу:

— Вы сейчас наши глаза и уши. Особенно внимания не привлекайте, но за подвалами поглядывайте. Что-нибудь придумаем.

Часа в четыре, перед утром, Никитич и Леша перебрались старым путем к своим.

«НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ МОРЯ»

Головин никак не предполагал, что найдется так много желающих узнать о плавании Беллинсгаузена и Лазарева к Антарктиде. В подвал, где размещался его взвод, набилась вся рота. Пришел и Зубков с политруком, недавно прибывшим из Ленинграда. Никитич каким-то чудом раздобыл карту с двумя полушариями, наклеенную на марлю. Карту повесили в простенок и осветили двумя карбидными фонарями.

Никогда еще так не волновался Головин. Из полумрака на него глядели знакомые и незнакомые лица в солдатских ушанках, шинелях, с винтовками в руках.

Они внимательно слушали рассказ о совсем ненасущном, далеком от них деле, которое в другое время могло бы стать лишь предметом исследований и споров немногих специалистов, о человеке, который когда-то существовал вне связи с настоящим.

Говорят, Беллинсгаузену всегда везло. Будто само появление его на свет было отмечено вмешательством чудодейственных сил. В том 1778 году особенно светлыми были белые ночи, и рыбаки Сааремы ловили много салаки. Рыба, казалось, сама шла в невода. В Аренсбурге * он учился, а летом приезжал в маленькое имение родителей. Дом стоял на берегу бухты Пелгуселахт, море шумело у его свай, и мальчик целые дни проводил на парусной лодке. Он часто уходил далеко в море и среди однообразия волн ориентировался по ветру, бледному серпу луны и звездам, отыскивал обратную дорогу. «Я родился среди моря; как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря», — напишет он много лет спустя, когда мечта его уже исполнится.

Десяти лет родитель отправил Фаддея в кадетский морской корпус, который находился тогда в Кронштадте. Учился маленький Беллинсгаузен легко, схватывал науки на лету и по окончании курса был среди первых в своем выпуске.

В 1795 году его произвели в гардемарины, а через два года после плавания к берегам Англии он получил офицерский чин мичмана.

В русско-шведской войне Беллинсгаузен командовал фрегатом «Мельпомена», нес дозор в Финском заливе, наблюдая за действиями неприятельских шведского и английского флотов. За восемь месяцев до начала Отечественной войны 1812 года его перевели на Черноморский флот командиром фрегата «Флора».

Когда встал вопрос о плавании к южным морям, многие флотоводцы высказались за Беллинсгаузена. Вскоре он принял под командование шлюп «Восток» и начальство над антарктической экспедицией.

...Сначала Головин не знал, нужно ли рассказывать в подробностях обо всем плавании. Но постепенно увлекся. Никто его не перебивал, бойцы слушали с интересом...

---

* Ныне город Кингисепп.

Капитану второго ранга Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену было тогда сорок лет. В жестокий век аракчеевщины он презирал телесные наказания, заботился о матросах, учил их сложному ремеслу добрым словом и личным примером. «Он имеет особенные свойства к начальству над таковою экспедицией, превосходный морской офицер и имеет редкие познания в астрономии, гидрографии и физике», — отзывался о нем тот же Крузенштерн.

Экспедиция с самого начала замышлялась как смелое и рискованное предприятие. Среди плавучих льдов русским морякам нужно было пройти как можно дальше на юг. Они шли искать землю, обреченную на вечную стужу, лишенную теплоты солнечных лучей.

«У меня нет слов для описания ужасного и дикого вида», — отмечал Джеймс Кук, имея в виду антарктические острова, расположенные в «неистовых» пятидесятых широтах Атлантики. Великий мореплаватель не допускал и мысли, что этими островами когда-нибудь кто-то заинтересуется. Он утверждал, что людям они не принесут никакой пользы и человеческая жизнь на них вообще невозможна.

Закончив свое плавание в южных водах, Кук записал:

«Я обошел океан южного полушария на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса, в местах, недоступных для плавания».

Джеймс Кук «закрыл» континент в умеренных южных широтах. Этот континент не интересовал торговые компании, ибо он не мог принести никаких доходов. Джеймс Кук был выдающимся мореплавателем, но он был еще сыном своей страны и своего времени: «Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос (существование материка), и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы».

Высказывания Кука о возможности существования континента не были приняты во внимание учеными-географами в первую очередь в самой Англии. После Кука они стали утверждать, что в Антарктике вообще

отсутствуют какие-либо земли. Многие географы после плавания Кука стали изображать на картах и глобусах в южном полушарии сплошной океан от умеренных широт до Южного полюса. Одна крайность сменила другую.

Антарктиду открыть предстояло русским морякам.

...Вместе с Беллинсгаузеном на втором шлюпе, «Мирный», шел в плавание лейтенант Михаил Петрович Лазарев, впоследствии знаменитый флотоводец и создатель целой морской школы.

За день до выхода в плавание сам Иван Федорович Крузенштерн — крестный отец кругосветных походов — вручил Беллинсгаузену пространную инструкцию Российского адмиралтейства и сделал ряд добавлений к ней. С почтительным вниманием выслушали матросы напутствия убеленного сединами адмирала:

— Помимо того, что указано в инструкции, вам надлежит стараться собирать любопытные произведения натуры для привезения в Россию в двойном числе: для Академии наук и для Адмиралтейского департамента, равно собирать оружие диких народов, их платья, украшения.

В местах, кои не утверждены астрономическими наблюдениями и гидрографическими описаниями, или в случае открытия новой земли или острова, не означенных на картах, старайтесь описывать их как можно вернее.

— Составляйте карту с видами берегов и подробным промером прибрежных мест, особливо тех, кои пристанищем служить могут.

Не оставляйте без замечания ничего, что случится вам увидеть, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распространению познаний человеческих во всех частях.

Старайтесь записывать все, дабы сообщить сие будущим читателям путешествия вашего.

Каждый из участников экспедиции понимал, что это плавание в безвестные пространства земного шара должно принести славу их родине. Все 189 моряков готовили себя к подвигу, равными которому могли быть только славные дела русских солдат в недавно отгремевших боях на поле Бородинском, на Березине, под Лейпцигом и Бреслау.

3 июля 1819 года «Восток» и «Мирный» снялись с якоря. Они прошли бастионы Средней и Купеческой гаваней, где собралось много народу. Провожающие махали шляпами и кричали «ура!». Потом, отсалютовав крепости, они прибавили парусов и вышли в открытое море.

...Приходили бойцы с наряда, сменялись с караулов. Те, кто должен заступать на их место, с сожалением уходили. Немцы были заняты своими делами и не стреляли. Лишь где-то на севере лениво ухали пушки.

К выступлению Головин не готовился, не делал записей. У него не было конспекта. Даже высказывания, заключенные в кавычки, он приводил наизусть. Он давно все знал. Это жило в нем самом.

...Во второй половине августа «Восток» и «Мирный» взяли курс к Южной Америке. Корабли вступили в жаркие тропические широты. Первое время дули умеренные попутные ветры, но потом все чаще и чаще стали бессильно повисать паруса. Команда изнывала под беспощадно палившим солнцем. Палуба скрипела иссохшими досками. Все металлическое — якорные цепи, люки, кнехты — раскалялось, как сковорода на жарком огне. Было такое ощущение, будто люди сгорали в пламени и в артериях вскипала кровь. Сердце билось толчками, неровно, и легкие обжигал тяжелый воздух тропической парилки.

Тропическая жара сменилась живительной прохладой умеренной полосы, а затем наступили холода антарктического Приполярья, похожие на привычные русскому человеку моросливые ненастья глубокой осени. Все чаще эти сравнения с родной землей возникали у Беллинсгаузена, который вел подробный дневник: «По горизонту был туман, подобно как в С.-Петербурге, когда река Нева вскрывается и влажность от оной морским ветром приносит в город».

В 11 часов утра 3 декабря вахтенный лейтенант Игнатьев донес капитану, что увидел бурун. Беллинсгаузен обрадовался, заключив, что можно ожидать близости берега, и приказал подойти к «отмели», о которую с шумом разбивались волны. «Отмель» оказалась тушей огромного мертвого кита.

Чем дальше к югу удалялись шлюпы, тем больше появлялось китов. То и дело над поверхностью воды

вскипали высокие фонтаны, пускаемые этими животными, а потом всплывали туши, на которые сразу же опускались уставшие птицы. Хотя на шлюпах не было натуралистов, нашлось много охотников добывать этих птиц. Под руководством медиков они препарировали птиц, делали чучела, аккуратно раскладывали образцы встречающихся в пути морских трав, измеряли и вписывали в особые журналы данные о температуре воды, ее составе и свойствах, оправдывая тем самым научное назначение экспедиции.

15 декабря 1819 года суда подошли к 54-му градусу южной широты. Над горизонтом висели густые лиловые тучи.

Остров вырос из тумана внезапно. Около него беспечно плавали киты, сновали крикливые пингвины, величаво проплывали в воздухе альбатросы. «Ужасная земля», по словам Кука, открылась высокими скалистыми горами, покрытыми снегом и льдом, рваными плешинами на черных каменных громадах. Над ними висела пронизанная холодным солнцем белизна облаков. Небо походило на только что расколотый лед. Девственно чистые, некрикливо яркие краски природы дышали суровой мощью, величавым покоем. Не было ни волнения, ни радости, ни грусти...

После описания Южной Георгии экспедиция открыла остров Анненкова, а через несколько дней — еще один остров, названный именем участника похода лейтенанта Аркадия Лескова.

Начались густые снегопады и сильные штормы. Приставать к берегам не было никакой возможности. Торопило и время — впереди лежал огромный и неизвестный путь, короткое лето шло на убыль. Двигаясь на юго-восток, мореплаватели открыли и описали острова Завадовского, Кука, Торсона.

...Карта, освещенная карбидными фонарями, была единственным пособием к рассказу Головина. Вместо указки Головин пользовался штыком, снятым с боевой винтовки. Отточенное острие коснулось кромки белого изломанного материка.

В конце декабря экспедиция подошла к району Земли Сандвича и обнаружила, что таковой вовсе не существует, а пункты, которые Кук посчитал мысами, являлись всего лишь отдельными островами. Беллинсгаузен и здесь проявил свой такт. Он сохранил за открыты-

ми русскими мореплавателями островами те наименования, которые Кук дал мысам, а за всей группой укрепил общее название — Южные Сандвичевы острова *.

Потянулись бесконечные ледяные поля и глыбы айсбергов. Некоторые громады достигали пяти километров в длину и возвышались на многие десятки метров. Штормы, снегопады, обледенения заставляли моряков находиться в состоянии крайней напряженности. Требовалось величайшее искусство вождения судов, чтобы избегнуть кораблекрушения, которое могло произойти в любую минуту. Основная тяжесть работ падала на рядовых матросов. От четкости и слаженности их действий зависел успех всего плавания. В дождь и бурю, при сильных снегопадах они ловко и быстро взбирались на реи и, стоя над беснующейся бездной ледяных океанских вод, привычно убирали или меняли паруса, сбивая с них тяжелые куски льда. Вахтенные, выбиваясь из сил, беспрерывно очищали корабли от снега, сыпавшего из низких туч, и поддерживали на судах порядок. Русские матросы оправдали своим героизмом высокое мнение, высказанное о них еще Крузенштерном, когда адмирал подбирал личный состав первой кругосветной экспедиции: «Мне советовали принять несколько иностранных матросов, но я, зная преимущественные свойства российских, коих даже английским предпочитаю, совету сему последовать не согласился».

«Снега ложилось на паруса столько, что, дабы стряхнуть оный, часто приводили шлюпы круче к ветру и обезветривали паруса. Вахтенные матросы все время едва успевали выметать и выбрасывать с палубы выпадающие, так сказать, снежные охлопья; наконец в полночь снег перестал... — записывал Беллинсгаузен при свете праздничных свечей, выставленных по случаю Нового года. — Мы пожелали друг другу счастливо выйти из опасного положения и, окончив предлежащее нам затруднительное плавание в Ледовитом океане, увидеть любезное отечество».

---

* По этому поводу известный советский географ академик Ю. М. Шокальский заметил, что благородный поступок Беллинсгаузена мог бы послужить хорошим примером для буржуазных географов наших дней, изъявших из карт многие русские наименования, данные Беллинсгаузеном.

Шлюпы в канун 1820 года находились на широте 60 градусов.

От группы Южных Сандвичевых островов Беллинсгаузен и Лазарев повернули круто на юг, предприняв первую попытку пройти к Антарктиде. 15 января 1820 года шлюпы достигли 69-й широты. Через некоторое время суда вошли в обширную бухту ледяного поля, усеянного пригорками. «Бугристые льды», как называл их Беллинсгаузен, занимали все видимое пространство. Всхолмленная поверхность была молчаливой, одетой в белоснежный саван. Безжизненная пустыня исчезала из глаз на далеком юге.

Это и была Антарктида, шестая часть света, впервые увиденная русскими моряками.

Отсюда шлюпы повернули на северо-запад и с большими предосторожностями начали выходить изо льдов.

В конце января обнаружилась нехватка дров. Сырая погода, бури и льды заставляли расходовать много топлива, чтобы сушить одежду, готовить пищу. С наступлением осени участились ураганы и штормы. «В такие дни, — писал Беллинсгаузен, — мы подвергались очень серьезной опасности: сильные порывы ветра, полное неведение о льдах, море, изрытое глубокими ямами, величайшие, то и дело вздымающиеся волны, густая мрачность и также снег скрывали все из глаз наших».

Иногда шлюпы теряли друг друга из виду, и каждый раз команды мысленно прощались, зная, что в случае гибели одного из судов все попытки спасти команду будут напрасными.

3 февраля на юге открылись большие разводья, и шлюпы на всех парусах устремились по широким проходам среди айсбергов и ледяных полей. И вдруг на пути встали огромные отвесные стены ледяного берега. Тучи рассеялись, и ярко вспыхнуло солнце, освещая грозную, величественную картину из прозрачной, переливающейся всеми цветами радуги ледяной брони. В воздухе кружили стаи птиц — буревестники, чайки, эгмонтские куры и маленькие дымчатые птички, похожие на ласточек. Последние являлись не морскими, а прибрежными птицами. Появление морских ласточек свидетельствовало о близости берега.

Увидев резкое отличие от того, что экспедиция встречала до сих пор, мичман «Мирного» Павел Новосильский записал: «При сильном ветре тишина моря была

необыкновенная. Множество полярных птиц и снежных пестрелей (буревестников) вьются над шлюпом. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды. Может быть, более счастливому будущему мореплавателю и столь же отважному, как наш начальник, вековые горы льда, от бури или других причин расступившись в этом месте, дадут дорогу к таинственному берегу».

А Беллинсгаузен об этом же донес морскому министру из Порт-Жаксона в Австралии: «...Не прежде как с 5-го на 6-е число дошел до широты 69°7′30″, долготы 162°15′. Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда. Коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к югу подобно берегу, плоские ледяные острова, близ сего материка находящиеся, ясно показывают, что они суть обломки сего м а т е р и к а; ибо имеют края и верхнюю поверхность, подобную материку».

Итак, 5 февраля 1820 года шлюпы во второй раз вплотную подошли к антарктическому берегу. В этот день в книге Беллинсгаузена появилась такая запись: «К югу представилось до 50 ледяных разнообразных громад, заключавшихся в середине ледяного поля. Обозревая пространство сего поля на восток, юг и запад, мы не могли видеть пределов оного».

Позже эту часть Антарктического континента назвали Землею Принцессы Ранхильды...

В начале марта кончалось антарктическое лето. Ночи стали длинными и темными. Поверхность воды покрывалась молодым льдом. В довершение разразился мощный шторм — самый опасный из всех предшествующих. Он захватил «Восток». Корабль был уже достаточно потрепан антарктическими бурями и требовал серьезного ремонта.

Шторм неистовствовал три дня. Был момент, когда шлюп потерял управление и его понесло на огромную льдину. Матросы оцепенели в секундном ожидании верной смерти. Но в последнее мгновение высокая волна захлестнула шлюп и отбросила его в сторону от айсберга.

После того как море успокоилось, Беллинсгаузен принял решение идти в Австралию, а потом в тропики Тихого океана. Здесь мореплаватели посетили и описа-

ли множество островов и архипелагов. На географическую карту легли острова Кутузова, Барклая де Толли, Раевского, Милорадовича, Ермолова, Чичагова. Вся группа была названа островами Россиян. После плавания на Таити и Фиджи, давно обжитые европейцами, шлюпы снова направились в антарктические воды.

9 января 1821 года со шканцев рассмотрели на горизонте чернеющее пятно. «Земля, земля!» — закричали матросы. После двух месяцев плавания в неприветливом море юга люди увидели твердую, устойчивую сушу, с которой всегда жаждут встретиться моряки.

«Даже прелестные картины островов Россиян, — пишет один из спутников Беллинсгаузена, — не возбудили столь великой радости, какой наполнены все мы при виде крутых безжизненных скал неведомой суши. Она возникла изо льдов цепью черных каменистых гор, которые исчезают из глаз за горизонтом. Открытие ее завершает наши искания. Обретя ее, мы можем, наконец, направить свой путь к родным берегам, зная, что исполнили наш долг перед отечеством и просвещением: флаг русский развевается там, куда не проник до нас ни один мореплаватель».

На следующий день суда приблизились к границе неподвижного льда. Шлюп «Мирный» подошел к корме «Востока». В этот торжественный момент выстроенные в парадные шеренги матросы троекратно прокричали «ура!», орудия обоих кораблей дали несколько залпов.

Открытая земля оказалась островом. Его назвали высоким именем виновника существования в Российской империи военного флота — островом Петра Великого.

После плавания вокруг этого острова Беллинсгаузен подвел итог наблюдениям экспедиции над природой сплошных льдов Антарктики. Он писал: «Огромные льды, которые по мере близости к Южному полюсу поднимаются в отлогие горы, я называю *материми*, предполагая, что сей лед идет через полюс и должен быть неподвижен, касаясь местами мелководий и островов, подобных острову Петра Первого, который находится в больших южных широтах и принадлежит также берегу, существующему (по нашему мнению) в близости той широты и долготы, в коей встречали морских ласточек».

За многие плавания Беллинсгаузен заметил, что мелкие морские ласточки с прямым клювом встречаются

только в несомненной близости земли, в то время как вдали от нее встречаются обычно питающиеся на поверхности моря птицы с загнутым верхним клювом.

Вывод о существовании суши он основывал не только на многих наблюдениях за живой природой, но и на всестороннем изучении окружающей среды, характера льда, его плотности, солености, свойств воды на различных глубинах и широтах.

Не зная еще о существовании шестого континента Земли, о погребенной под мощным панцирем материкового льда суше, Беллинсгаузен и Лазарев привели фактически обоснованные доказательства обязательного нахождения в районе Южного полюса целого материка. Заманчивая легенда древних о таинственной земле Терра инкогнита Аустралис обрамлялась контурами реального.

На пятые сутки плавания после открытия острова Петра Великого море потемнело. На воде и в воздухе появились эгмонтские куры и морские ласточки — предвестники близкого берега. Им оказался остров с голыми вершинами и сероватыми осыпями. Ему дали имя Александра Первого.

После исследования Южных Шетландских островов, сбора образцов пород, коллекции мхов и морской травы, отлова котиков и птиц Беллинсгаузен приказал плыть к Рио-де-Жанейро. На шлюпе «Восток» усилилась течь, и корабль резко сбавил ход. «Мирный» пошел впереди, наблюдая за бывшим флагманом, израненным в сражениях с морской стихией и льдами.

Рано утром 24 июля 1821 года шлюпы приблизились к своим обычным местам на кронштадтском рейде и бросили якорь.

Плавание к берегам Антарктиды закончилось.

В рапорте Российскому Адмиралтейству Фаддей Беллинсгаузен назвал такие цифры: шлюпы «Восток» и «Мирный» находились в плавании 751 день, пройдя более 92 тысяч километров и открыв, не считая Антарктиды, 29 больших и малых островов. Из 189 офицеров и матросов, отплывших 4 июля 1819 года, вернулось назад 186 — двое матросов умерли в пути от болезней, один погиб в море, сорвавшись в шторм с мачты. Моряки были поражены тем, что капитаны Беллинсгаузен и Лазарев, совершая столь длительное плавание в тяжелейших условиях Южного Ледовитого океана, не только

сохранили суда, но и имели очень невысокие потери людского состава, чего в те времена вообще не удавалось избежать.

Экспедиция провела огромную работу по кораблевождению, гидрографии и картографии, с поразительной точностью обозначив на картах все открытые архипелаги и острова, по океанографии, климатологии, физической географии, зоологии и ботанике. Во время плавания Беллинсгаузен вел подробные записи о ходе экспедиции. В качестве отчетного материала имелись на судах вахтенные журналы, в которых с точностью до минут фиксировались вся корабельная жизнь и все мельчайшие события каждого дня, а на особых страницах велись гидрометеорологические наблюдения.

Весь этот черновой материал, как и навигационные карты, был передан в распоряжение Беллинсгаузена. Его труд увидел свет в 1831 году. Оставшиеся материалы так и не были изданы и затерялись в архивах...

— Может быть, там, в бывшем Екатерининском дворце, они и лежат сейчас. — Головин замолчал и отошел от карты.

Некоторое время бойцы ждали продолжения рассказа, а потом кто-то, догадавшись о конце, первым захлопал в ладоши.

К Головину подошел командир роты, сказал:

— Что же ты задачу не поставил? Ведь архив-то им спасать.

— Пока ведь неясно, как командование решит.

— А что тут решать! — Пошлют — и все дела.

— Полковой комиссар, наверно, сам про это бойцам скажет.

— Кстати, тебе к нему приказано явиться. Возьми с собой политрука. Ему тоже надо в штаб на партучет вставать.

ЦЕНА ПОТЕРЬ

Головин и политрук пошли в тыл, пригибаясь в неглубоких ходах сообщения. Политрук молчал, видно, обдумывал услышанное. Молчал и Головин. Оборвав рассказ на том моменте, который заставил его, простого студента университета, начать поиски документов,

Головин умышленно не стал говорить о своих предположениях и догадках, почему русское открытие пытались предать забвению.

Великое географическое открытие, которое можно поставить в ряд с подвигами Магеллана и Колумба, в ученом мире Европы и казенном Санкт-Петербурге не было оценено по достоинству. Открытие шестой части света кое-кто попытался приписать другим, например американскому промышленнику Палмеру.

Размышляя о подоплеке умаления заслуг русских мореплавателей, Головин нашел несколько главных причин.

Во-первых, тут виноваты были излишняя осторожность и скромность самого Беллинсгаузена.

В своем дневнике он избегал категорического слова «континент», поэтому родилось мнение, будто Беллинсгаузен не понимал, что открытые им берега являются берегами Антарктиды.

Во-вторых, открытия Беллинсгаузена не стали известны широкому кругу читателей, потому что дневник экспедиции вышел в 1831 году всего в шестистах экземплярах. Он был опубликован после того, как появились сообщения о плаваниях к Антарктиде англичан Вильяма Смита, Эдуарда Брансфилда, Джеймса Уэдделла, Джона Биско и того же американца Натаниэла Палмера.

В-третьих, сам автор во время подготовки рукописи к печати находился под стенами турецкой крепости Исакчи на Дунае, в осаде которой он принимал участие в качестве командира гвардейского экипажа, а редактировали книгу разные неквалифицированные люди. Поэтому окончательный текст во многом не соответствовал оригиналу, вышел с большими сокращениями и искажениями.

Первый и единственный перевод книги на английский язык содержал такие принципиальные ошибки, которые приводили читателей к неправильному представлению о том, что Беллинсгаузен видел не берег материка, а айсберги. Русский редактор книги заменял слова «материк льда» на более осторожное выражение «лед гористый, твердо стоящий», а английский переводчик, окончательно искажая смысл, переводил как «высокие айсберги». В других местах книги, там, где в русском издании было сказано «матерый лед», английский переводчик писал «материнский айсберг».

Наконец, в-четвертых, правительства великих морских держав, и в первую очередь Великобритании и Франции, были задеты неожиданными для них успехами русских мореплавателей и не могли примириться с тем, что к славе россиян, совсем еще недавно разгромивших армии Наполеона, прибавлялась слава первооткрывателей нового континента. Англия и Франция боялись могущества России, и было ясно, что в этих странах старались всячески умалить значение и успехи экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева.

Чтобы восстановить историческую истину, Головину нужно было найти подлинные навигационные карты Беллинсгаузена. Он верил, что они могли находиться в архивах, захваченных гитлеровцами в Большом Екатерининском дворце.

...Полковой комиссар Дергач встретил Головина приветливо, угостил чаем с сахаром, расспросил, как восприняли рассказ бойцы. Потом, посуровев, сказал:

— Фашисты готовятся к новому наступлению. Тебе надо поторопиться. Командир полка согласился на операцию, выделил разведчиков. План прост — перебраться взводу там же, где прошли Никитич и Кондрашов, вынести архив и без шума снова занять оборону. Разведчики в случае чего поддержат огнем. Или же завяжут бой в другом месте, помогут выйти из опасного положения. К тебе я приду перед самым началом операции, а раньше пошли тех ребят перепилить решетки. Впрочем, детали уточни с Зубковым.

— Разрешите выполнять? — Головин встал.

— Давай, лейтенант. — Дергач тоже поднялся и пожал руку. — Только себя береги. Чую, далеко пойдешь. Доживи только.

Головин отдал честь и молча направился к выходу, тронутый словами комиссара.

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Странно, но в свои тридцать пять лет Никитич никогда не держал в руках ножовки. Полотно скользило по решетке, взвизгивало.

«Надо же!» — чуть не простонал Никитич и в сердцах опустился на снег. Он думал, это просто пилить металл, даже не попробовал, когда ножовку добыли и к ней дали два запасных полотна. Все волнения, опасный переход через немецкие траншеи, товарищи, ожидающие его сигнала, чтобы двинуться к дворцу, — все летело к черту из-за того, что Никитич, оказывается, просто-напросто не умеет владеть ножовкой.

«Дурень и есть дурень!» — обозлился Никитич на себя, не зная, что делать. Кондрашов сидел за углом дворца, у водозаборника, прикрывая Никитича со двора, откуда могли прийти часовые.

«А он-то может?.. Вряд ли. До войны совсем мал был...»

Он снова встал на колени и заскреб по решетке. Нет! Не поддается, проклятая! Никитич оглянулся по сторонам, лег на бок и пополз к Кондрашову. Взволновавшись, Леша вытянул голову, тихо затвором дослал патрон в патронник.

— Не поддается, стерва, — признался Никитич. — Ты попробуй, а я покараулю.

Леша пополз к решетке. Возле нее валялась ножовка. Леша чуть ослабил полотно, скинул рукавицу, нащупал решетку, догадался — не так «грыз» ее Никитич, и сделал первый надрез. Потом звук стал глуше и ниже, не хлестал по нервам, как у Никитича. Но скоро стали мерзнуть руки. В рукавицах же работать было неудобно.

А ведь все начиналось благополучно в эту ночь. Во взвод пришел полковой комиссар, объяснил, для чего понадобился архив. По нему выходило, что спасти бумагу важнее, чем выиграть бой. Бойцы освободили от лишнего барахлишка свои вещмешки, комроты Зубков и взводный Головин проверили каждого, не звякает ли что, выдали по паре обойм патронов, старшина расщедрился на доппаек — по пачке вареных концентратов на едока.

Старой дорогой Леша с Никитичем провели весь взвод к кладбищу. Леша сбегал домой, узнал у отца, что все осталось без изменений, в подвалы никто не заглядывал. Отец занял позицию у ворот дворца, откуда были видны часовые. В случае опасности отец поднимет какой-нибудь шум, его наверняка услышат.

Леша закончил один рез и взялся за другой, нижний,

старяясь спилить под корень, чтобы металл не цеплялся за одежду.

Поддувал ветер. Где-то погромыхивала канонада, похожая на перекаты далекой грозы. Похрустывали ветки в парке, и казалось, там кто-то ходит. Но Леша знал, что его бережет Никитич, а в темноте у того глаза были острые, как у совы. Беспокоил только отец. Как все выросшие дети, Леша относился к отцу несколько снисходительно. Как бы не перестарался и не наделал какой глупости.

А Головин в это время лежал за гранитным могильным камнем и смотрел в сторону темной громады дворца. В первый раз очутившись во вражеском тылу, он немного побаивался, но не немцев, а своих же солдат, которые могли разгадать его состояние. Вся воля уходила на то, чтобы себя не выдать, казаться спокойным и сильным. Сейчас он лежал один, невидимый для остальных, и все время посматривал на фосфоресцирующие стрелки часов. Как всегда в таких случаях, время тянулось едва-едва. Головин давно заметил, что оно спешит только тогда, когда человек сам медлит.

Вдруг до слуха долетел хлопок. Из немецкой траншеи вылетела ракета, обожгла колючим светом сугробы, ткнулась в лохмы низкой тучи и, обессилев, стала падать. Очевидно, в той стороне шумнули разведчики, и немцы забеспокоились. Головин поближе подтянул к себе автомат, чувствуя, как по телу разливается жар. Боковым зрением он увидел бойцов, вжавшихся в снег.

Дворец он рассмотрел, когда ракетчик пальнул еще раз. Стекла вспыхнули, будто разом зажглись в залах дуговые прожекторы. Головин скользнул взглядом вниз, но там никого не заметил. «Где же Никитич?»

Головину захотелось послать бойца узнать, что там случилось. Но Зубков расписал операцию по минутам. В его приказе было определено и время, необходимое для того, чтобы перепилить решетку, — полтора часа. Если Никитич не успеет, он предупредит об этом командира. Пока же едва пошел второй час. Головин поднял ворот шинели, чтобы не задувало шею, и стал ждать.

Немец ракетчик успокоился и больше не стрелял.

Второе звено Леша перепилил быстрее. Сумел приноровиться. Оставался продольный стержень, перевивающий обе стойки. Между стержнем и стеной был

слишком мал зазор, ножовка не пролезала, пришлось пилить одним полотном.

Приполз Никитич.

— Что у тебя?

— Видишь, ножовка не пролезает!

— Эх, рвануть бы гранатой... — Никитич сплюнул сквозь зубы и с беспокойством посмотрел в сторону кладбища: там коченели бойцы.

Решетка зажала полотно. Леша обхватил стойки руками, коленом уперся в стенку, потянул решетку на себя, но она не подалась.

— Тяни решетку! — приказал Леша и начал быстро швыркать пилкой.

Наконец решетка дрогнула. Вдвоем они расшатали ее, оборвали металл, привалили к стене. Никитич кулаком в рукавице выбил внутреннее стекло. Надо было вытащить еще старую дубовую раму. Никитич скинул фуфайку, обернул ею приклад, чтобы заглушить удар, и вышиб рамные переплеты.

— Лезу, давай фонарик.

Леша вытащил фонарик с синим стеклом.

Изогнувшись, Никитич скользнул в подвал. Леша телом прикрыл окно, чтобы не виден был свет, который зажжет Никитич.

Скоро он толкнул Лешу в бок, высунул голову:

— Там еще дверь, и заперта.

— А здесь есть хоть что-нибудь?

— Пусто.

— Ломай дверь.

— Чем?! Она кованая!

— Ломик бы...

— Беги домой, найди!

Леша обогнул дворец, прижимаясь к деревьям, выскочил на улицу и опрометью помчался к своему дому. Он помнил, что в дровянике всегда стоял лом, сделанный из рельса узкоколейки, который мог раскрошить любую дверь.

К деду он хотел вернуться после, однако ноги сами занесли его в избу. Дед лежал в темноте один и не спал. По легким шагам он узнал внука.

— Пришел-таки, — улыбнулся он.

— Ломик понадобился. Дверь там заперта.

— Замок?

— Ага.

— Ты пошарь в верстатке у отца. У него, кажись, целая связка ключей была. Глядишь, какой-нибудь подойдет.

— Долго возиться.

— А двери-то я знаю, их просто так, без шума не снимешь.

Леша среди разного железного хлама нашел связку ключей, сунул их в карман.

— Ну прощай, дедусь... Выздоравливай.

— Попробую. — Дед приподнял руку и ласково потрепал внука по щеке.

— А ломик я все ж прихвачу.

— Бери, коль не в тяжесть.

Леша чмокнул деда в лоб и выскочил из избы. Не знал он тогда, что видел деда в последний раз.

Ломик не пригодился. Никитич подобрал ключ, которым удалось открыть замок. В другом, более просторном помещении оказались большие фанерные ящики. Никитич сбил крышки. Там лежали папки с бумагами. Наверняка это был архив. Леша пополз на кладбище.

Головин заметил его метров за двадцать.

— Все, — выдохнул Леша.

Бойцы поползли к подвалу. Никитич набивал вещмешки бумагами, и они шли по рукам, по цепочке через кладбище, дзот, нейтральную полосу и освобождались в наших окопах. Часового, который находился у дзота, сторожил боец из полковой разведки, готовый в любой момент придушить гитлеровца, если немец заподозрит неладное и попытается поднять тревогу.

Время шло, а в подвалах еще оставалось много бумаг. Головин решил просить у Зубкова помощи.

Повалил густой снег. Он слепил глаза, мешал ориентировке, зато надежно укрывал бойцов. Они работали споро и двигались как призраки. Часовой так и просидел в окопе, ничего не увидев и ничего не услышав.

Закончили дело, когда стало светать. Никитич запер дверь, вылез из подвала и пристроил решетку на старое место.

— А где ломик? — спросил Леша.

— Ломик? Эх, я же его там оставил...

Времени, чтобы спускаться обратно, уже не было. Быстро светало.

— Ну, ладно, — прошептал Леша. — Может, обойдется...

Они ушли последними. Как и было оговорено, отец, если все закончится благополучно, вернется домой. Снег шел весь день и следующую ночь. А потом показалось белое холодное солнце. Наступила зима.

ЛЕЙТЕНАНТ ЛАУБАХ ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Лаубах прикидывался солдафоном только перед непосредственным начальником майором Будбергом. Это было выгодно и удобно. Будберг, лично оставаясь невысокого мнения о своем подчиненном, легче прощал оплошность, смелее мог проверять на нем свои концепции. А между тем Лаубах был несколько умнее и тоньше чванливого фанфарона Отто фон Будберга.

Лаубах надеялся, что после падения Ленинграда война закончится. Собирая в музеях картины и ценности, он не забывал и себя. Мечтал позднее уйти в отставку, выгодно продать их и открыть собственную мастерскую. По-солдафонски безропотно подчинялся он барону Будбергу лишь потому, что состоять при нем безопаснее, чем командовать на передней линии. По приказу шефа он составлял опись имущества и картин бывших царских и великокняжеских дворцов, при этом наиболее приглянувшиеся ему вещицы «забывал» включать в списки, незаметно отсылал в Мюнхен, расширяя собственную коллекцию.

Документы, подписанные Будбергом, направлялись в Берлин Альфреду Розенбергу, который ведал делами восточных оккупированных территорий и производил, как писал рейхсминистр в своих инструкциях имперским комиссарам, «выкорчевывание различных расовых корней».

Сведения о русском морском архиве, очевидно, заинтересовали Розенберга. Рейхсминистр прислал под Ленинград специального эмиссара, одного из авторов известного в рейхе научного труда «Народ ищет море», фрегаттен-капитана Густава Крулля.

Это был высокий седой морской офицер в пенсне, с холеным лицом, в безукоризненном мундире с золотыми нашивками на рукавах. Представившись Будбер-

гу, фрегаттен-капитан пожелал немедленно ознакомиться с архивом.

— Вы даже не хотите отдохнуть с дороги? — вежливо осведомился Будберг.

— Я превосходно отдохнул в поезде, — ответил Крулль.

— Скажите, почему этот русский архив заинтересовал господина рейхсминистра? — спросил Будберг, ощущая какую-то непонятную тревогу.

Крулль пожал плечами:

— Надо полагать, из любопытства.

— У нас не было времени, чтобы разобрать архив. Сами понимаете, здесь фронт.

— Для этого и послал меня доктор Розенберг, чтобы в дальнейшем позаботиться об эвакуации его в Морской музей Ростока.

Будберг вызвал Лаубаха и представил его Круллю.

— Архив довольно большой, но его можно постепенно перенести сюда, — предложил Будберг.

— Где он хранится?

— В подвале. Мы опечатали двери и организовали охрану.

— Тогда спустимся в подвал.

Офицеры надели шинели и вышли во двор. Лаубах взял фельдфебеля с ключами и двух солдат, которые принесли фонари. Из подвала дохнуло сыростью и плесенью. Сильный электрический свет всполошил крыс. Тяжело прыгая по ящикам, твари скрывались в темной дыре. Лаубах с отвращением пнул по первому ящику, фанера гулко ухнула. Лаубах сдернул крышку. Ящик был пуст. Он бросился ко второму. В нем тоже ничего не было. В растерянности лейтенант оглянулся на Будберга. У барона екнуло сердце — предчувствие несчастья не обмануло его.

— Ящики пусты! — вскричал Лаубах, хотя и так было ясно, что архив исчез.

— Не хотите ли вы сказать, что бумаги съели крысы? — поджал губы фрегаттен-капитан.

— Что вы! Архив весил больше двух тонн! — не понял иронии Лаубах.

Солдаты начали разбивать ящики. Отсыревшая фанера рассыпалась под их прикладами. Фельдфебель нашел клочок бумаги, подал Будбергу. Барон, держа бумагу двумя пальцами, прочитал несколько ничего

не значащих строк и брезгливо бросил обрывок под ноги.

Лаубах споткнулся о железный лом, хотел оттолкнуть его в сторону, но тут же подумал: «Откуда взялся этот лом? Когда я закрывал замок, его не было». Он осмотрел дверь, убедился, что она цела, ломом никто не работал. Взглянул на окна, залепленные снегом. Нет, через окно и решетки мог пробраться либо подросток, либо святой дух. Даже если допустить, что пробрался подросток, то как он вытащил весь архив, сколько ночей потребовалось ему, чтобы сделать это, не привлекая внимания охраны?

— Лейтенант, потрудитесь объяснить все это, — услышал он жесткий голос Будберга.

Лаубах посмотрел в серые непроницаемые глаза шефа.

— Боюсь утверждать, но здесь поработала бесовская сила, — пробормотал он.

— Вы закрывали подвал?

— Разумеется! Но если бы я даже не закрыл, то все равно никто не смог бы отсюда вынести даже листка. Во дворе днем всегда были солдаты, а ночью выставлялись караулы.

— Куда выходят отдушины?

— В сад.

Будберг подошел к одному окошку, откуда сочился слабый свет, потрогал решетку. Потом вышел в соседнее помещение и обратил внимание на снег, который надуло через разбитые стекла. Он качнул решетку, она сдвинулась с места.

— Вот так проник ваш бес, лейтенант, — проговорил он, отряхивая перчатки.

Лаубах подбежал к окну, зачем-то заглянул в него, но ничего, кроме снега, не увидел.

— Если кто-то проник в окно, то как он мог открыть запертую дверь и потом закрыть, поскольку перед нашим приходом она была на замке?!

— Надо полагать, сначала грабитель хотел воспользоваться этим вот ломом, но после сумел открыть замок ключом.

— Прикажете заняться расследованием? — спросил Лаубах, рассчитывая оттянуть наказание.

Будберг помолчал. Он соображал, как ему самому выкрутиться, и решил всю вину свалить на лейтенанта:

— За это происшествие вы будете отвечать перед военным судом... А пока вам ничего не остается, как найти похитителей и попытаться вернуть архив, если еще не поздно.

Будберг повернулся к Круллю:

— Ваше решение, господин фрегаттен-капитан?

Крулль думал несколько секунд.

— Я буду ждать, — наконец проговорил он и направился к выходу.

...Чувствуя, что военный суд не помилует и в лучшем случае пошлет в штрафной батальон, откуда почти никто не возвращался, Лаубах бросился в поиски. О спасении ему ясно дал понять Будберг: если он вернет архив. Сначала он вызвал розыскных собак, но они не помогли. С момента взлома подвала прошло, вероятно, уже много времени. Ничего не дало и обследование парка. Вьюги замели все следы. Мелькнувшую было мысль, что русские могли перенести архив через линию фронта, Лаубах сразу отогнал прочь. Немецкие войска уже давно оттеснили русских от Пушкина, прижав их к самым окраинам Ленинграда. Почти тридцать километров пространства, набитого частями всевозможного назначения в условиях уплотнившегося фронта, никак не могли преодолеть русские, даже если бы они рискнули на диверсию. Но и тогда, когда линия фронта проходила недалеко от Екатерининского дворца, они все равно не имели возможности переправить архив.

Лаубах прошел по старым окопам, забитым сейчас снегом, запутанным в колючую проволоку, огражденным минными полями, осмотрел укрепления дзотов, откуда днем и ночью просматривался каждый метр нейтральной полосы, побывал и у дзота на краю оврага, в месте, обозначенном на военной карте как наименее опасном для обороны. На взгорке у дзота был постоянный пост, откуда хорошо были видны и овраг, и минированная болотистая низина впереди, и кладбище. Диверсанты не могли быть святыми духами, любой шорох мгновенно встревожил бы часового. Однако никаких происшествий на этом посту не случалось.

Недоумение Лаубаха вызывало и еще одно обстоятельство — зачем вдруг понадобился русским старый архив, когда они, отступая, оставляли куда большие ценности? Да и мог ли ослабленный голодом, плохо оде-

тый, почти не вооруженный русский солдат отважиться на такой рискованный шаг в то время, когда Ленинград уже бился в агонии?

Однако эта мысль не успокаивала его. Был факт — исчезновение архива, и надо было принимать его как таковой, не вдаваясь в сложные нюансы. И была вещественная улика — орудие взломщика.

Кому мог принадлежать лом? Лаубах навел справки. Когда-то в Пушкине существовала узкоколейная железная дорога. По ней подвозили в Петербург торф и дрова. Позднее ее бросили.

Рельсы растаскивали кому было не лень. Их использовали для балок в строительстве, для укрепления телеграфных столбов, заборов, для изготовления инструмента — таких вот ломиков, которые были чуть ли не у каждого хозяина. Лаубах решил организовать из саперов команду, занимающуюся якобы сбором металлолома для германской промышленности, а на самом деле выявлением тех, у кого ломика не окажется. Солдаты забирали у жителей все самовары, сковороды, топоры, утюги, ухваты, чугуны и металлическую посуду. Они обшаривали все углы в доме и на дворе. Те, у кого не находили ломиков, попадали на заметку.

Так оказался в списках Иван Кондрашов. Соседи показали, что у Ивана был лом, сделанный из рельса. Привлек внимание Лаубаха и тот факт, что Кондрашов работал водовозом при солдатской кухне, мог посещать Екатерининский дворец, снабжал водой разместившийся там караульный взвод, поскольку водопровод бездействовал. Лаубах взял с собой переводчика — унтер-офицера, солдат и направился к дому, где жил Кондрашов.

Дверь открыл сам Иван. Унтер-офицер не заметил, что он был на деревянной ноге, оттолкнул русского плечом, и тот свалился на пол. Лаубаху ничего не оставалось, как сразу начать жесткий допрос.

— Обыскать! — громко приказал он и уперся взглядом на лежащего на койке деда.

— Встать!

Но старик только шевельнулся.

— Он болен! — закричал Кондрашов, пытаясь подняться на ноги.

Дед пробормотал что-то непонятное.

— Что он сказал?

Переводчик тоже не расслышал.

— Говорю, сопляк ты, чтобы на меня орать! — громче проговорил старик.

В это время один из солдат обнаружил верстак, ящик со слесарным инструментом, замками, заготовками ключей. Лаубах схватил Ивана за рубаху.

— Грабитель! — закричал он. — Ты залезал в подвал дворца? Кто помогал тебе вытаскивать бумаги?

Иван Кондрашов подумал, что кто-то выдал его, и решил молчать. Молчание и убедило Лаубаха в том, что русский причастен к исчезновению архива.

— Ну ничего, унтерштурмфюрер Эйкорн развяжет тебе язык, — пригрозил Лаубах, вспомнив об эсэсовце, который служил в жандармерии его полка и слыл специалистом по допросам русских партизан.

— Взять! — приказал он унтер-офицеру и пошел к дверям.

Солдаты схватили Кондрашова. Никто не обратил внимания на старика. Тот медленно сунул руку под подушку, негнущимися пальцами сорвал кольцо и оттолкнул гранату от себя. На покосившемся полу она покатилась к ногам гитлеровцев, тащивших к выходу инвалида-сына. Граната разорвалась, когда Лаубах уже был в сенях. Ударная волна толкнула его в спину, и он упал, больно разбив лицо о косяк. Скоро рассеялся дым, и он увидел корчившихся от боли солдат и улыбающегося Кондрашова. Русский сидел, прижавшись спиной к стене и придерживая окровавленной рукой бок, шептал белеющими в предсмертной муке губами:

— Что, выкусил?

Лаубах не понял, но почувствовал в чужих словах торжество. Он никогда не убивал. Теперь же, задыхаясь от злости, выхватил пистолет и разрядил обойму в умирающего русского.

Глава вторая
«КАЖДОМУ СВОЙ ЧАС»

ХОЛОДНАЯ ДОРОГА ЖИЗНИ

...Комья мерзлой земли и каменное крошево обрушиваются на оглушенных, придавленных огненным ветром бойцов. Он, Головин, вжимается в шершавые стен-

ки окопа, пробитого в граните. Сквозь треск разрывов, глухой обвальный гул и свист осколков до него едва долетает крик Зубкова:

— Отбили шесть атак... Два взвода полностью выбыли из строя! Дальше держаться не можем...

Зубков в разорванном ватнике, голова забинтована, обе руки тоже, свежая глубокая царапина прошла по старой изуродованной ране на щеке. Он кричит в телефонную трубку, которую держит у его рта телефонист, кричит торопливо, захлебываясь словами, боясь, что его перебьют.

— Прошу помощи! Скорее помощи!..

Взрыв задувает в укрытие желтый головый дым. Телефонист валится на Зубкова, закрывает его своим телом.

— Санитара сюда! — кричит Зубков, дико вращая белками.

Санитар не придет. Он умер рядом, так и не успев перевязать Головина. Лев хочет сказать об этом, но из горла вырывается лишь булькающий хрип. Зубков с трудом узнает его и вдруг обмякает:

— Кажется, все, Левушка...

Головин мотает головой, скрипит зубами. Нет, они не должны умереть просто так. Не имеют права. Им надо еще жить долго-долго. Красная пелена застилает глаза, обрывая явь.

...В щель дует. Холод пробирается сквозь шинель «на рыбьем меху и с теплой вешалкой». Каким-то чудом рота, а с ней и весь батальон удержались...

Старшина-санитар налил в кружку чаю из бидончика:

— Вам, товарищ лейтенант, с вашей раной, считайте, счастливая облигация досталась... Сойдет с Ладоги последний лед — и пароходом в тыл...

Он показал глазами на бухгалтерские гроссбухи, сложенные одна на другую:

— Видите книги? В них те, кого сняли с котлового довольствия по причине смерти. На каждой странице по тридцать фамилий. Если бы всех воскресить, тут стало бы тесно от людей.

...Мглистая, ветреная ночь. Берег Ладоги. Волны накатываются на обледенелые камни, на старый пароход с большим красным крестом на трубе. Обдает студеными брызгами раненых, движущихся к пароходу по сколь-

зкому от воды и наледи причалу. Одни бредут сами, другим помогают идти сопровождающие. Тех, кто не может передвигаться самостоятельно, несут на носилках.

Капитан дробит шажками мостик. Останавливается, смотрит на крышу рубки, где неясно чернеет силуэт спаренного зенитного пулемета:

— Эй, на рубке!

На крыше показывается солдат:

— Чего?

— Посматривайте... Не ровен час...

На пароход поднимаются последние раненые. Позади них военврач в белом кожушке, еще издали кричит:

— Все, капитан! Отчаливай!

— Ну, пошла-поехала... — весело произнес пожилой боец на крыше рубки.

Уже совсем рассвело, когда пароход вышел из бухты и, расталкивая мелкие льдины, начал огибать мыс. За мысом ветер был сильнее и студенее. Он свистел в снастях, трепал флаг на мачте и гулко бил в железный борт волнами и льдинами. Пароход закачало.

Головин, захотевший остаться на палубе, начал мерзнуть. Он ежился, прятал лицо в воротник шинели, чтобы как-то согреться.

Над Ладогой плыли мглистые тучи. Между ними теплились еще не успевшие погаснуть звезды. Вдали по курсу парохода виднелось ледяное поле, неровное и торосистое.

На нижней палубе вдруг раздался крик:

— Отстань, говорю. Чего прицепилась!

Раненый с забинтованной головой и с рукой в лубке рвался к носовой части парохода. Санитарка не пускала его, цепко держала за ватник, твердила умоляюще:

— Ну, миленький, золотенький, ну нельзя, понимаешь?

— Отойди! — стараясь оттолкнуть ее, вопил раненый. — Я желаю море посмотреть!

— Потом посмотришь. А сейчас надо чай пить.

— Мне желательно сейчас! Я шесть месяцев это море защищал и ни разу, представь, ни разу не видел его в глаза. Отцепись!

Он так свирепо рявкнул на санитарку, что та в испуге отскочила от него и выставила для защиты руки...

Раненый долго смотрел на Ладогу. Похоже, что-то искал в воде свое, нафантазированное за время окопного сидения. И не нашел. Разочаровался.

— А лес-то веселей, — вздохнул он и повернулся к санитарке. — Пошли, дорогуша, чаи гонять.

Совсем замерзнув, Головин крикнул:

— Братцы!

Сверху свесилась голова молоденького бойца.

— Помоги в трюм сойти.

— Момент, товарищ лейтенант. — Боец скатился с рубки, подхватил Головина, потащил вниз.

Везде лежали раненые, стонали, храпели во сне. Совсем близко от двери метался в бреду морячок, вскакивал, рвал на себе тельняшку, под которой алели бинты, и обессиленно падал.

— Кидай гранату, — хрипел морячок. — Кидай, мать твою...

Головину захотелось вырваться на воздух из тесного, пропахшего больницей пароходного нутра, но боец уже убежал, а у него не хватило сил, чтобы подняться самому, пройти мимо людей, превращенных бинтами в куклы.

К нему подошла санитарка, та самая, что не пускала раненого, пожелавшего увидеть море.

— Чаю хотите? — спросила она.

— Если можно... — трудно выговорил Головин.

— Почему же нельзя?

Через минуту она принесла кружку кипятка и большой кусок сахара.

Головин взял кружку, не спеша стал глотать кипяток. Он не сразу обратил внимание на чей-то шепот:

— Товарищ лейтенант... А, лейтенант...

Повернув голову, Головин наткнулся взглядом на широко раскрытый, странно поблескивающий глаз — глаз человека, закутанного в вату и бинты. Человек чуть слышно прошептал:

— Оставь чайку... Хоть капельку.

На какое-то мгновение Головин оцепенел — глаз словно гипнотизировал его. Кто это мог быть? Слишком знакомый глаз. Да ведь это Кондрашов из его взвода!

— Это ты, Леша?!

Синее, трепещущее веко закрыло глаз. Из-под него выкатилась крупная слеза, поползла по бинтам. Сухие, без кровинки губы шевельнулись, выцедив свистящие слова:

— Чайку... Нутро жжет.

Веко снова приоткрылось, обнажив глаз: неестественно большой, черный и глубокий. Откуда-то, похоже из самой глубины его, послышался слабый, дрожащий шепот:

— Водички мне... Хоть какой...

— Сейчас, Леша. Сейчас. — Превозмогая боль в спине, Головин перевернулся и потянул руку с кружкой к губам Кондрашова.

Глаз жадно сверкнул. Из-под суконного одеяла выпросталась желтая рука, нетерпеливо потянулась к кружке.

— Не смей! — Крик раздался сзади, такой пронзительный, что раненые приподнялись со своих лежаков.

Подскочила санитарка, вырвала у Головина кружку и выплеснула воду на пол.

— Ты что, убить его задумал? Он в живот ранен! Ему нельзя ни капли!

— Я думал, только в голову, — попытался оправдаться Головин.

— Индюк тоже думает.

Она легко подхватила Головина, подперла сильным плечом и поволокла обратно на палубу.

...Пароход шел навстречу поднимающемуся солнцу. Льдины по-прежнему бились в его борта, заставляя их басовито стонать. Справа расстилалось сплошное — до горизонта — ледяное поле. Здесь еще не успела поработать весна.

Вдруг послышался гул. Сзади, со стороны моря, показались четыре маленьких одномоторных самолета. Из рубки выскочил капитан, взглянул на них в бинокль.

— Немцы! Тревога!

Зазвенел колокол громкого боя. Возле пароходной трубы забилось белое облачко. Над водой и льдами поплыли прерывистые гудки.

Самолеты приближались быстро. Уже невооруженным глазом можно было различить толстые обводы шасси, кресты на тонких фюзеляжах.

«Лапти, — определил Головин. — У каждого по две бомбы. Итого — восемь!»

Он зачарованно смотрел на самолеты, как смотрит мышь на удава, который собрался ее сожрать. На палубу выбежала знакомая санитарка Зоя, взглянула на самолеты и, ойкнув, убежала обратно.

Головной «юнкерс», сверкнув стеклами кабины, перешел в пикирование. Сразу по нему застрочили пулеметы. По рубке покатились дымящиеся гильзы.

«Юнкерс» продолжал пикировать. С его крыльев срывались белые вихревые струи. В свист рассекаемого воздуха вмешался леденящий сердце визг сброшенных бомб.

Два тяжелых удара тряхнули пароход. На палубу обрушились вода и ледяное крошево. Пожилой боец у пулемета резко выпрямился и закачался.

— Что с тобой, дяденька? — закричал молоденький напарник.

— Воюй, солдат... — прохрипел старший, заваливаясь на спину.

Молоденький боец подскочил к пулеметам, стал наводить их на второй «юнкерс», не успел — тот уже сбросил бомбы и крутым разворотом уносился в небо.

Крыша рубки вздыбилась. Чудовищная сила сорвала Головина с места, вместе с обломками подняла в воздух...

Очнулся он ночью. Санитарка прикладывала ко лбу мокрый бинт. Она что-то говорила ему, но он не слышал — в голове стоял сплошной звон. Внизу неторопливо билась машина. Очевидно, пароход тащил буксир. Кто-то отогнал «юнкерсы». Головин закрыл глаза и снова забылся.

Два раза он приходил в себя от боли. Сначала, когда его клали на носилки. Доски причала, сколоченные наспех, пружинили под ногами санитаров, при каждом шаге носилки дергались в их руках, причиняя боль. Потом полуторка долго везла его куда-то по ухабистой дороге.

Наконец машина остановилась. По запаху паровозного дыма Головин определил, что его привезли на станцию. Он лежал в битком набитом зале ожидания целый день. Лишь ночью подогнали вагоны, погрузили раненых и куда-то повезли.

Головина сразу же положили на холодный жестяной операционный стол. Сестра сунула маску. В нос ударил колючий и резкий запах хлороформа. «Считайте», — донеслось откуда-то издалека. По боли он угадывал, что осколок засел где-то в позвоночнике у центрального нерва. Если хирург ошибется, он либо умрет, либо сойдет с ума. Или его разобьет паралич, и он превратится в живую мумию...

Стал считать, вдыхая всей грудью хлороформ. Но от взвинченных нервов, от страха никак не мог заснуть, сбился со счета и начал снова. «Семнадцать, восемнадцать... девятнадцать».

Почувствовал, что сестра сняла маску.

«Отложили операцию», — обрадованно подумал Головин и раскрыл глаза.

Он уже лежал на спине, стянутый жестким кожаным корсетом. Сестры, почему-то пряча глаза, торопливо собирали инструмент. Одна из них отдернула штору, и операционную залил солнечный свет. Начинали операцию утром, значит, между «восемнадцатью» и «девятнадцатью» прошло несколько часов.

Над ним склонился хирург в белой шапочке, тесной для большого лысого черепа, с мешками под глазами, выпяченной губой и большим сизым носом. Он щупал пульс. Почувствовав, что Головин очнулся, врач сердито отбросил руку:

— Скажу вам, вы матерились как настоящий биндюжник.

Еще пьяный от хлороформа, Головин раздраженно проговорил:

— Оставьте меня в покое!

Хирург всплеснул руками:

— Чтоб вам дожить до моих лет! Я сделал отчаянно сложную операцию — и нате вам, благодарность...

Медсестры, бесшумно скользящие по паркету, возмущенно фыркнули.

— А мне наплевать, что вы там сделали! — разозлился Головин.

Хирург снял очки с толстыми стеклами. Как у всех людей с плохим зрением, его глаза стали беспомощными и ласковыми. Он поморгал белесыми ресницами, будто попала соринка, и спросил:

— Хотите, покажу осколок?

С эмалированной чашечки пинцетом он подхватил крошечный кусочек металла, еще покрытый свежей кровью.

— Оставить на память?

— Валяйте, доктор, — тихо проговорил Головин, удивленный несоизмеримостью боли с микроскопической величиной стального комочка, который попал в момент бомбежки парохода на Ладоге.

— Будете жить сто лет. Это говорю я, полковник Радов! — Хирург взъерошил волосы Головину и, вздохнув, добавил: — Три миллиметра отделяли вас от верной смерти.

Головин осторожно взял осколок, повертел в пальцах:

— Думал, в меня влетела по крайней мере пудовая болванка...

— Через эти руки, — Радов показал сухонькие кулачки со склеротическими жилками, — прошли тысячи людей, но вы... я вам скажу!

Действие хлороформа стало проходить, и тупая саднящая боль пришла откуда-то из желудка и вцепилась в позвоночник.

— Сестра! Морфий!

Головину сделали укол в ногу, и боль немного отпустила.

Радов побарабанил пальцами по белой тумбочке, снова надел очки, и лицо его сразу стало непроницаемым и холодным. Он тяжело поднялся. За ним зашуршали тапочками сестры и ассистенты. В дверях Радов остановился.

— Не стану обнадеживать вас, — проговорил он. — Выздоровление может длиться долго. Время, молодой человек, время покажет...

Головина увезли в палату — очень маленькую комнатку в самом конце коридора. Она походила на склеп. Сестра опустила штору и приказала спать. Сильно ломило голову, уснуть он не смог и стал прислушиваться, как снова медленно, упрямо подбиралась к спине боль...

Отныне он выпал из времени. Ему сказали, что нужно лежать на спине и не двигаться. Но он не мог этого сделать, даже если бы захотел. Туго стянутый корсетом, с ногой, укрытой тяжелым гипсом, он напоминал спеленатого младенца. Где-то на границе небытия теперь надо было найти какую-то устойчивую форму существо-

вания. Лучше бы устроило тихое бездумье. Но он не мог заставить себя не думать. Ему казалось, что мозг у человека походил на чуткие весы, которые приходили в движение даже от конопляного семечка. Попадет в голову долька какого-то воспоминания, и весь механизм мозга вступит в работу, как старательный мастеровой. Мечта когда-нибудь отыскать карты Беллинсгаузена теперь притупилась. Боль украла надежду.

«Если я останусь жить, — думал Головин, — то буду вызывать жалость и сострадание у других. А это само по себе оскорбительно. Сколько времени пройдет, прежде чем я смогу встать? Месяца три или год? Но когда-то должна отпустить боль?!» Когда Головина несли в палату, он считал этажи. Их было четыре. «Значит, когда я смогу встать, то доберусь до лестницы. Лишь бы хватило сил перевалиться через перила. Ну а если не встану? Тогда доползу! Дальше жить нет смысла».

Головин успокоился и задремал. Сквозь сон он услышал, как приоткрылась дверь и в палату скользнула сестра. Кто-то остановился у порога. Он уловил тяжелое астматическое дыхание, почувствовал на себе взгляд того, кто был в дверях.

— Спит, — шепнула сестра.

— Пока уколы морфия. Иначе боль вызовет шок. Хорошо, что он так молод.

Головин узнал шепот Радова. Это он стоял у порога, полковник гуманной и печальной медицинской службы, коротконогий, старенький, полуслепой.

...Некоторое время Головин испытывал странное ощущение: он напоминал себе песочные часы. Беззвучно и безвозвратно сквозь него сыпались дни, недели и месяцы. По тому, как дуло в окно через плохую замазку, он узнавал погоду на улице. Прошли лето и осень, потом наступила зима. От снега на дворе посветлело в палате, обозначились маленькие трещины в штукатурке, небольшие потеки. Прищурив глаза, он видел в этих потеках и трещинах разные картинки — то сеть дорог, как на карте, то облака, то людей, сцепленных в плотном клубке, то бушующий океан с брызгами молний. Он лежал на спине и ничего, кроме потолка, не видел.

Небольшое разнообразие приносил утренний обход. Радов, как всегда торопясь, спрашивал о самочувствии и вставал, не дослушав ответа. Он все знал. Головин жаловался, что под гипсом отчаянно чешется распухшая

нога. «У всех чешется», — бросал он. Головин говорил, что мучают сильные боли, просил морфий. Но он приказывал давать анальгин или пирамидон. Иногда во главе свиты появлялся начальник госпиталя, и тогда смешно было видеть, как Радов, краснея, как школьник, путаясь в латыни, что-то рассказывал о Головине.

Лейтенант всегда ждал вечера. Если не было срочных операций, в это время приходил Радов. По вечерам он был совсем другим. Он садился на край кровати, некоторое время молчал, прислушиваясь к своим хрипам в хилой груди, а потом начинал рассказывать о жизни, о фронтах, на которых пришлось побывать. Все события облекал он в какую-то забавную форму, похожую на анекдоты, и они вместе смеялись и одинаково вытирали глаза, и после этого Головину думалось, что унывать не надо, все образуется, что жить в общем-то можно...

Однажды Радов принес старую книгу Роберта Скотта о его походе к Южному полюсу. В ней были собраны дневники, письма к родным, друзьям, к английскому обществу, которые когда-то сильно потрясли Головина своим драматизмом.

— Откуда вы узнали, что я интересовался Антарктидой? — удивленно спросил Головин.

Радов плутовато улыбнулся:

— Знал, да помалкивал. Мне о вас рассказывал Леша Кондрашов, но тогда вы были еще очень плохи. Я боялся тревожить.

— А где он сейчас?

— В другой палате. Когда он встанет, разрешу навестить...

— Он тогда в разведку ходил.

— Собственно, куда позднее попал архив?

Головин помрачнел:

— Об этом и мне бы хотелось узнать. Мы отправили его в Ленинград, а после немцы перешли в наступление, я из боев не выходил, пока не ранило.

— Да вы напрасно волнуетесь, сберегут архив ленинградцы. Когда-то же наши прорвут блокаду.

— Быстрей бы...

Книга Скотта, хотя она и была давно знакома, подействовала на Головина лучше всяких лекарств. По ночам, когда глухие боли гуляли по спине и у него пропадал сон, он восстанавливал по дням жизнь сильного, умного и целеустремленного человека, который все-таки

не смог преодолеть пустого разочарования, оказавшись вторым, а не первым открывателем Южного полюса. Когда 18 января 1912 года Скотт и четверо его верных друзей пешком, по рыхлому снегу, в сильный мороз достигли Южного полюса, они по оставленной лагерной палатке узнали, что всего за четыре недели до них здесь побывал Амундсен. Это так угнетающе подействовало на измученных людей, что обратный путь оказался им не под силу, и они погибли.

Скотта погубило тщеславие. Но его можно было понять. На родине ему открывалась невеселая перспектива и огромные долги. Может быть, и правда, что первенство открытия — в науке ли, искусстве, географии, спорте — вещь далеко не безразличная? И надо ли после всего, что сделано, отказываться от своей цели? Имеет ли право он, Головин, бросать свои доказательства куда более высокого достижения — открытия Беллинсгаузеном целого континента?

Его охватила злость на самого себя. Надо гнать прочь позорное прислушивание к собственным болям, бесполезное угрызение совести. Надо быстрей подняться на ноги, попытаться пробиться в осажденный Ленинград и продолжать то, что начал.

Ломая самого себя, Головин по утрам стал делать гимнастику, сестра обтирала его холодной водой. Потом он брался за книги.

Вскоре объявился в палате Леша Кондрашов. С тех пор как его видел Головин здоровым, Леша сильно изменился. Вид стал какой-то мужской, солдатский. Раны его заживали, о чем он сразу же сказал:

— Врач обещал залечить скоростным методом. Эх, быстрей бы домой. — Домом он назвал свой Ленинградский фронт. — А вы как, товарищ лейтенант?

— Рад бы в рай... В конце месяца будет комиссия.

Леша посмотрел с жалостью, хотя и пытался это скрыть.

— Кто бы мог подумать, что вас ранят снова тогда, на пароходе. Я ведь был совсем не жилец, а вы ходили...

Он рассказал, что бомба с «юнкерса» угодила в корму, пароход потерял управление и долго отбивался от пикировщиков, пока их не отогнали наши летчики. К вечеру прибыл буксир и дотащил судно до берега.

Сообщил Леша и о том, что дела под Ленинградом стали получше.

— Может, к тому времени, как выпишемся, прорвут наши блокаду.

...12 января 1943 года в палату без стука ворвался Леша Кондрашов и завопил с порога:

— Включайте радио, товарищ лейтенант. Началось!

Диктор Московского радио сообщал о начале наступления наших войск под Ленинградом. Позднее, когда в госпиталь, где лежал Головин, стали прибывать раненые из-под Ленинграда, все узнали о подробностях тяжелых и кровопролитных боев, о том, как перед боем на могиле Суворова офицеры и солдаты клялись бить врага, как на берег вышел сводный оркестр и под могучие аккорды «Интернационала» солдаты пошли на штурм гитлеровских укреплений.

Семь суток дивизии прогрызали вражескую оборону, сражение не прерывалось ни днем, ни ночью, на один-два километра в сутки сокращалось расстояние между фронтами. Дрались уже дивизии вторых эшелонов. Бойцы окружили Шлиссельбург и повели уличные бои.

В 9 часов 30 минут 18 января 1943 года у рабочего поселка № 1 встретились бойцы Ленинградского и Волховского фронтов. Они бросились навстречу друг другу, не обращая внимания на артиллерийский обстрел с Синявинских высот. Это была долгожданная встреча. Планы Гитлера задушить ленинградцев голодной смертью были сорваны.

В тот же день, 18 января, Москва приняла решение о немедленном строительстве железнодорожной линии Шлиссельбург — Поляны с мостом через Неву. 6 февраля в Ленинград из глубины страны прибыл первый эшелон с хлебом...

По этой дороге чуть позже уехал на фронт Леша Кондрашов, а летом попал в Ленинград и Головин.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВ

Головина выписывали из госпиталя с множеством оговорок... Ему запретили поднимать тяжести, перенапрягаться, переутомляться, предписывали соблюдать диету, не пить и не курить, не перегреваться на солнце и не охлаждаться на морозе. Словом, его комиссовали по чистой, выдав свидетельство об освобождении от воинской обязанности. Головин опротестовал это решение

врачебной комиссии, но на фронт его все равно не послали.

Правдами и неправдами ему удалось получить разрешение на билет в Ленинград, где он надеялся найти свою часть.

Соседом по купе оказался веселый, разговорчивый армянин с погонами капитана интендантской службы. Говорил он с сильным акцентом, тряс тощими волосатыми руками, как ветряная мельница, выкатывая глаза в красных прожилках.

— Что ты в Ленинграде нашел? — кричал он, вскакивая. — Там еще блокада. Голод. Дожди.

— А куда деваться? — усмехался Головин.

— Поезжай на Кавказ. Там фрукт много! Айву знаешь? — горячо хватал он за руку.

— Нет, не знаю. — Головин и в самом деле никогда не видел айву.

— Ну, как не знаешь?! — возмущался попутчик. — Черемуху знаешь?

— Знаю.

— Так вот совсем непохож.

Удовлетворенный объяснением, он откидывался на спинку дивана и, цокая языком, начинал расхваливать Армению, гору Арарат, райский уголок Арзни, даже вспоминал армянского попа-католикоса.

— От воды «Арзни» худеют толстяки, жиреют тощие, красивеют уроды! Тебе только потребуется изменить в паспорте дату рождения, все остальное сделает «Арзни»...

Ленинград встретил настороженной тишиной прифронтового города. К счастью, попутчика ожидала машина, и веселый капитан довез Головина до дома в Лермонтовском переулке. Квартира, как и ожидал Лев, оказалась пустой. Толстый слой пыли лежал на мебели, на полу, на книжных шкафах.

Весь день он занимался уборкой, мыл полы, перебирал книги. Они остались в том же порядке, в каком Лев оставлял их перед войной. Два года прошло с тех пор, а показалось, что полжизни. Он опустился на ступеньку стремянки и раскрыл книгу в старинном тисненом переплете, те самые «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане», над которыми начинал работать дед, скрупулезно и тонко, как хирург скальпелем, делая пометки и записи на полях. Видно было, как он упорно

шел к своей цели, выискивая весомые доказательства.

«Завтра же поеду в архив», — вдруг решил Лев и положил книгу на письменный стол.

В архиве Головин надеялся встретить кого угодно, но только не майора Попова, того самого, которому помогал грузить ящики с бумагами перед отправкой на фронт. Он почти явственно ощущал в себе границу двух жизней — того, что происходило до войны и что было сейчас, и не мог смешать одно с другим, как не могла речка перелиться через водораздел в другую. Он успел забыть людей, с которыми встречался до войны. Улицы не походили на прежние. И не только потому, что окна домов заслонили газетные ленты крест-накрест, нижние этажи люди забили мешками с песком, а в небе повесили серые колбасы аэростатов. Не потому, что прохожие оделись в брюки и ватники, вооружились винтовками и гранатами и вместо трамваев чаще грохотали танки и крытые брезентом военные грузовики с пушками на прицепе.

Улицы, как и люди, изменили облик ощутимым ожиданием опасности, иллюзорностью тишины, которую в любую секунду могли оборвать снаряд, сирена, вой самолета или крик умирающего человека.

Анатолий Васильевич Попов появился из далекого, забытого времени, и потому Головин оторопел. Одет Попов был в тот же суконный китель, брюки клеш, но на плечах золотились погоны с малиновыми просветами и поблескивал морской «краб» на фуражке.

— Головин! — раскинул руки Попов. — Какими судьбами?

— Из госпиталя.

— Ранен был?

— Теперь списали по чистой.

— Руки-ноги вроде целы...

— Нога срослась, а позвоночник поврежден.

Головин отметил, что Попов прежде разговаривал с ним на «вы», а теперь перешел на «ты», видно, обкатала война и этого человека.

— Проходи, садись. У меня тесновато, правда, но зимой было тепло. Вот здесь печка стояла...

Головин сел на большой дубовый стул.

— Между прочим, всю мебель сожгли, а этот стул уберег, — проговорил, улыбнувшись, Попов. — На нем сиживал Степан Осипович Макаров.

Анатолий Васильевич переложил с места на место бумажки на столе, собираясь начать какой-то разговор, внимательно посмотрел Головину в глаза:

— Ну а теперь куда надумал?

— Постараюсь все же прорваться в свою часть...

— Ничего не выйдет. Думаешь, я не рвался на фронт? С голода здесь чуть ноги не протянул. Но оставили при архиве, как сторожевого пса.

— Меня все время волновало вот что... Где-то в декабре вы должны были получить груз из Екатерининского дворца из Пушкина... — проговорил Головин и замер от волнения.

— А-а, ты все надеешься найти карты Беллинсгаузена?

— Мы вытаскивали архив из-под носа немцев!

— Ты лично?

— Ну, не я, а весь мой взвод.

Попов присвистнул и полез в стол, начал суетливо перебирать папки:

— Ага! Слушай «Акт о приеме архива восемь тысяч двести тридцать два дробь девятнадцать индекс семь... Майор Зубков... Младший лейтенант Головин...» Да ведь это был ты, а я не обратил внимания! Даже не подумал, представь! Голод выел все эмоции.

— Эта часть архива у вас?

— Да где же ей быть? Только ничего не разобрано и хранится... хранится — не то слово. Гибнет в сырости. Сухих помещений нет, дров нет, рабочих нет!

Попов рассердился и оттолкнул папку от себя:

— А я голову ломаю, как мне тебя в помощники перетащить, а ты хочешь в свою часть прорваться...

— Мне работать у вас? — обрадованно спросил Головин.

— У меня. Пиши заявление... Оформим допуск, получишь паек... Ты всегда появляешься в самый нужный момент.

Попов оформил Головина старшим научным сотрудником, что соответствовало его офицерской должности. Военная комиссия признала ограниченно годным к нестроевой службе. В интендантском управлении флота Головин получил морскую форму и погоны и встал на пищевое довольствие. На другой день он сразу же направился в архив.

Бумаги хранились в неотапливаемых подвальных по-

мещениях, начали отсыревать и покрываться плесенью. Нужно было срочно их спасать. С командой калек, ослабленных от недоедания, Головин раздобыл вентиляторы, разложил бумажные кипы по стеллажам, исподволь стал готовить топливо на зиму. Работали с утра и до полуночи, часто оставаясь ночевать тут же, в архиве.

Блокада хотя и была прорвана, но враг продолжал висеть над городом, методично, квартал за кварталом, обстреливая его из тяжелых орудий и предпринимая воздушные налеты.

А в это время на юге гремела Курская битва. Под Ленинградом, как сообщалось в сводках Информбюро, шли бои местного значения. В перестрелках под Великими Луками, Любанью, Синявином, Красным Бором, в целой серии частных операций среди болот и лесной глухомани шло перемалывание живой силы противника. В небольших по масштабу боях, но на многих участках, преследовалась одна цель — не допустить переброски фашистских войск под Курск и Белгород. Трясина засасывала орудия, от жары, болотных испарений, тлеющего торфа разламывались у бойцов головы, за неделю прели и расползались гимнастерки, но ленинградцам удалось выполнить и эту задачу. Ни одного солдата гитлеровцы так и не смогли перебросить на юг.

После победы под Курском началось планирование разгрома 18-й армии Линдемана — основной боевой силы северного крыла всего Восточного фронта немцев. Общий замысел сводился к тому, чтобы не только окончательно освободить Ленинград, но и разгромить фашистскую армию, овладеть Лужским плацдармом и нацелиться на Прибалтику.

Предчувствуя это, на рубеже Нарва — Псков — Порхов гитлеровцы спешно начали создавать тыловую оборонительную полосу, названную «Пантерой». Пленный офицер-сапер рассказал о подготовке к разрушению мостов, дорог, к минированию населенных пунктов. У советского командования возник вопрос: не собирается ли Линдеман уйти из-под Ленинграда раньше, чем его «подсекут под корень»? Тогда надо не дать фашистам безнаказанно уйти из-под стен города.

Гитлеровцы понимали, что теперь русские намного сильнее их, но отступать они пока не собирались. Впоследствии выяснилось, что командующий группой армий «Север» Кюхлер действительно боялся окружения 18-й

армии. Поэтому немцы загружали ближайший тыл, чтобы облегчить быстроту передвижения войск по всему фронту. В то же время Гитлер категорически отверг вариант преднамеренного отхода и приказал удерживать позиции под Ленинградом до последнего солдата.

Наступила зима. Но как она не походила на первую блокадную зиму! Город хотя и напряженно, со срывами, но снабжался всем необходимым — получал эшелоны с хлебом, боеприпасами, углем. Гитлеровцы из осаждавших превратились в осажденных. Перед ними вновь дымил заводскими трубами город-гигант, а любая попытка стрелять по городу сразу же пресекалась губительным огнем русской артиллерии. Позади в лесах хозяйничали партизаны, громили тылы, армейские склады, взрывали мосты и дороги.

Легче стало работать и служащим архива. Вместо дымных «буржуек» теперь топились печи, в помещениях и хранилищах поддерживалась нормальная температура. В «каникулярном порядке», как выразился Попов, Головин смог начать разборку бумаг первой четверти прошлого века. Остальные же сотрудники были сосредоточены в современном отделе, куда больше всего поступало заявок от разных военных учреждений и частных лиц.

Все чаще и чаще Лев оставался ночевать в архиве, чтобы не тратить время на дорогу домой.

ЛЕША КОНДРАШОВ

В ночь на 14 января 1944 года ленинградское небо наполнилось гулом бомбардировщиков. Люди, привыкшие к тупому вою «юнкерсов» и «хейнкелей», догадались, что идут наши самолеты. Через некоторое время гул стих, и до окраин долетел грохот разрывов. Над хутором Беззаботным, к югу от Стрельни, повисло зарево. В этом районе стояла дальнобойная артиллерия гитлеровцев. Укрытые в долговременных бетонных сооружениях батареи больше двух лет обстреливали город и боевые порядки наших войск. Поэтому командующий Ленинградским фронтом попросил у Ставки специальную группу ночных бомбардировщиков, которые и нанесли массированный удар по вражеским артиллерийским позициям.

В это же время, в густом тумане, чуть звякая оружием, к передовой подходили дивизии генерала Симоняка. Они шли пустынными улицами через открытые для них проходы в баррикадах, между бетонными надолбами, через проволочные заграждения, а потом по лабиринту глубоких траншей добирались до исходного рубежа в ста-двухстах метрах от фашистов.

На рассвете полки реактивных гвардейских минометов, тяжелые орудия фортов Серая Лошадь и Красная Горка, батареи Кронштадта открыли огонь. Больше часа они громили вражеские укрепления, дзоты и артиллерию. После огневой подготовки в бой пошла пехота и протаранила с ходу первую позицию главной полосы укреплений гитлеровцев.

Увязая в мокром снегу, полуоглохший и полуослепший от огня, Леша Кондрашов бежал одним из первых и наугад стрелял из автомата короткими очередями. Полы шинели цеплялись за колючую проволоку, и он ругал себя за то, что перед атакой забыл запихнуть их за пояс. Ему казалось, что он отстает, и тогда прибавлял прыти, разбрызгивая валенками снежную жижу.

Его батальон находился на вершине клина. Роты взломали и вторую полосу, перерезав шоссе от Красного Села на Пушкин. Леша видел, как навстречу неслись рыжие трассы пулеметного огня, из дыма вылетали раскаленные болванки фаустпатронов, еще незнакомых нашим солдатам. Но вся эта смерть с визгом, с хрюканьем, воем, скрежетом почему-то проносилась мимо, слепо вспарывая воздух.

Ноги скользнули на глинистом бруствере, Леша с разлета растянулся на земле, крутнулся волчком и свалился в окоп. Каской он ткнулся во что-то мягкое и увидел мертвеца с остановившимся стеклянным взглядом. От испуга он ткнул его автоматом. Немец свалился на бок. Видя, что окоп брошен, Леша вылез наверх и побежал дальше.

Откуда-то сбоку выполз танк. Переваливаясь на воронках и ухабах, он обогнал Лешу, обдав жирным дымом из выхлопных труб. Кондрашов приналег, стараясь укрыться за ним, как за щитом, но вдруг ноги не ощутили тверди. Не успев охнуть, Леша провалился в какую-то яму, больно ударившись боком обо что-то железное. Он полоснул по темноте из автомата, и в этот момент кто-то прыгнул на него сзади. Леша инстинктивно

вогнул плечи, тот, кто нападал, не рассчитав, перелетел через голову. Леша рывком откинулся назад, нажал на спусковой крючок, но автомат не сработал. Тогда он перехватил оружие за ствол, ударил немца прикладом.

Секунду-другую Леша тяжело дышал. Он напряг зрение, увидел на серой шинели узенькие белые погоны. «Офицер», — догадался Леша. Немец, застонав, перевернулся на бок.

Леша облегченно вздохнул. Так близко он увидел врага впервые и нисколько не испугался. Офицер почему-то был без оружия, а Кондрашов держал в руках, хоть и с пустым диском, автомат, которым мог еще раз ударить как дубиной.

У немца было рыхловатое бледное лицо, замазанное землей, толстый нос и двойной подбородок. «Видать, тыловая крыса», — определил Кондрашов, запуская руку в противогазную сумку. Перед атакой он засовывал туда три диска. Отчетливо помнил, что два расстрелял, а куда девался третий, не понял. Если бы в автомате оставался хоть один патрон, он, пожалуй, прикончил бы фашиста и побежал дальше, но теперь, по существу безоружный, он не мог, не хотел убивать прикладом. И оставить живым не мог — вдруг у немца окажется пистолет, тогда он, конечно, станет стрелять в спину.

Кондрашов оглянулся по сторонам. «Вот незадача», — подумал он и, обозлясь, крикнул:

— Хенде хох!

Немец проворно вскинул руки. Леша дернул его пустую кобуру, пошарил в карманах, но ничего не нашел.

Наверху еще гремел бой, стреляли. Вылезать не было смысла.

— Ладно, переждем, — проговорил Леша и знаком приказал немцу опустить руки.

Свалился он, как теперь понял, в полуразрушенную землянку. Кроме гильз, пустых цинковых коробок и какого-то тряпья, в ней ничего не было. Кондрашов стал ждать.

К полудню бой переместился в сторону. Дрались, кажется, у Александровки, примыкающей к Пушкину, у Дятлиц и Ропши, нацеливаясь на Красное Село, чтобы замкнуть кольцо окружения. Судя по ожесточенной, несмолкающей стрельбе, немцы сопротивлялись отчаянно, цеплялись за каждый опорный пункт, за мало-мальски теплое гнездо, дзот, траншею, зная, что если их вы-

шибут на голые поля, то все либо погибнут от огня, либо замерзнут.

Вечером еще сильней похолодало. Снег, прибитый дневной оттепелью, покрылся толстой ледяной коростой. Немец, хотя и был в меховой шинели, начал мерзнуть. Он жалобно стучал зубами. Леша тоже продрог. Влажная от пота телогрейка под шинелью стала дубеть, мокрые валенки превратились в колодки.

«Надо выбираться, — подумал Кондрашов. — Но как вести немца и куда? Наверное, он догадался, что у меня патронов нет, может убежать».

— Хенде! — крикнул он.

Немец, как показалось, в этот раз неохотно, с ленцой вытянул руки. Леша торопливо расстегнул свой брезентовый ремень, соорудил петлю и стал затягивать руки пленного. Немец попытался сопротивляться, что-то забормотал, но Леша коленом двинул его в зад. Немец охнул от боли. Видно, попал по тому месту, по которому раньше прогулялся приклад.

Кондрашов выбрался наверх, огляделся. Поле, изрытое окопами, перепаханное танками, искалеченное фугасами, дымило. Все живое укатилось дальше, а неживое осталось. То там, то здесь валялись трупы, торчали пулеметные треноги, колья от колючей проволоки. Далеко, у жиденького лесного островка, бродили какие-то люди — то ли немцы, то ли наши. На всякий случай Леша не стал привлекать их внимания. Он помог вылезти немцу и повел пленного в тыл.

Желудок сводило от голода, противная мелкая дрожь трясла тело. Ломило кости — значит, поднималась температура. Кружилась голова. Если бы поскорее добраться до своих да съесть котелок супа, тогда бы слабость прошла. «Неужели заболел?» — тревожился он, равнодушно глядя в широкую спину немца.

Леша не знал, что он вел одного из тех, кто служил раньше у майора Будберга и занимался реквизицией русского музейного имущества, а потом был послан на передовую в наказание за пропажу архива из Большого Екатерининского дворца. А немец сейчас ругал себя, вспоминая всех чертей. Он тоже сильно хотел есть и замерз. Но это бы он перенес, если б не плен. Непростительно глупо сдаться русскому! Даже когда солдат больно ударил прикладом по пояснице, у него еще оставались силы бороться. Теперь же, связанный,

он ничего поделать не мог. Перспектива страшила его. Смерть ли сразу, или лагерь в холодной Сибири все равно означали конец. Конечно, он не верил в сказки о жестокости и кровожадности русских. Но, оказавшись за колючей проволокой, он вряд ли перенесет лишения. После всего, что он испытал на передовой, ослабла воля, растерялось мужество, и трудно было рассчитывать на то, что когда-то он вернется домой.

Скользя по наледи, спотыкаясь, немец машинально передвигал ноги и соображал, какие сведения могли бы заинтересовать русских, чтобы они более лояльно отнеслись к нему. Сведения о дислокации войск уже явно устарели. За два дня русского наступления вся немецкая оборона рухнула и рассыпалась. Его роту почти полностью уничтожили советские пушки. Сам он в горячке боя потерял личное оружие, пытался отбиваться из пулемета, но близкий взрыв обрушил землянку и оглушил его. Как раз в это мгновение на него свалился русский солдат...

Тылы наступающих куда-то передвинулись. Наблюдательный пункт батальона был свернут. Леша повел пленного дальше. Уже в сумерках они вышли на пустынный проселок. Куда идти дальше — Леша не знал. И слева, и справа не затихал бой. Он посадил пленного на землю и стал ждать — когда-нибудь кто-то же должен проехать по дороге.

Если бы Леша был посвящен в стратегический замысел наступления и смотрел бы на карту, то ему хорошо бы представилась картина всего происходящего вокруг в этот момент, когда он, стуча замерзшими валенками, топтался на избитом траками и колесами проселке.

Наступал перелом. В бой вводился второй эшелон — 123-й корпус генерала Анисимова для штурма Красного Села и Дудергофа. Из Стрельны, поселков Володарского и Горелова, выскальзывая из еще не затянувшейся петли, спешно в Красное Село отходили гитлеровцы. Два полка 63-й дивизии полковника Щеглова обошли знаменитую Воронью гору и ворвались на нее с тыла, в яростной ночной схватке уничтожая гарнизон этого мощного узла.

Утром немцы взорвут плотину реки Дудергофки, попытаются водой остановить наступление. Но в Красное Село русские все же ворвутся и в ближнем бою среди

горящих домов, в стужу, разгромят фашистов. А позже, уже на исходе 19 января, передовые части 2-й ударной и 42-й армий встретятся с разведчиками 168-й дивизии, замкнув кольцо окружения.

Но ничего этого пока не знал Леша. Быстро темнело. На горизонте все ярче разгоралось зарево. «Придется ночевать, как пить дать», — уныло подумал Кондрашов.

Вдруг вдали замаячил синий огонек подфарников. Леша вскинул автомат и отбежал на обочину. На большой скорости летела «эмка». Сзади шел мотоцикл с коляской и ручным пулеметом. Леша выскочил на дорогу и замахал руками. «Эмка» остановилась.

— Кто такой? — сердито закричал кто-то в кабине.

— Свой я, рядовой Кондрашов, — отозвался Леша. — Пожалуйста...

В лицо брызнул свет фонарика.

— В чем дело?

— Подвезите до наших. Пленного я захватил, совсем замучился...

— Ранен, что ли?

— Заболел.

— А пленный где?

— Да вот он? Эй, комм цу мир!

Немец подошел к машине. Леша, боясь, что ему откажут, торопливо заговорил, проглатывая слова:

— Я из-за него своих потерял, наверное, ищут... Подвезите, ради бога...

— Да где ты его взял?

— Как где? В бою! Хотел, стерва, меня...

— Ладно, потом расскажешь, — прервал его тот же сердитый голос и о чем-то спросил пленного по-немецки.

Немец ответил, и тут пришла ему мысль рассказать о делах майора Будберга. Он начал говорить и не ошибся — русских это заинтересовало.

В машине потеснились. Леша и пленный опустились на теплые сиденья. «Эмка» понеслась дальше.

Оказалось, что Кондрашов встретил члена Военного совета Ленинградского фронта Соловьева. Утром генерал отправил его в госпиталь и приказал представить к награде. Привезли Лешу в Ленинград, но он уже не помнил этого — был без сознания. Врачи определили болезнь — пневмония, крупозное воспаление легких.

Рабочий день начинал Головин с того, что включал радио и слушал утренние сводки Информбюро. Каждый день приносил радостные вести. 24 января наши части вошли в Слуцк и Пушкин. Через два дня тяжелых боев завершился штурм Гатчины. 27 января диктор зачитал приказ Военного совета, обращенный к войскам Ленинградского фронта, морякам Краснознаменного Балтийского флота, ленинградцам.

«В итоге боев, — говорил диктор, — решена задача исторической важности: город Ленина полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских, артиллерийских обстрелов противника.

...Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы, отдавая для дела все свои силы».

В тот же день вечером в Ленинграде загремел первый салют. Как и все ленинградцы, Головин выбежал на улицу, кого-то обнимал, целовал и не скрывал слез. Вспышки цветных звезд выхватывали из темноты купол Исаакия, адмиралтейскую иглу, укрытую маскировочным чехлом, контуры Петропавловки и стальные ежи уличных заграждений — все это было знакомо, но сейчас виделось в каком-то нереальном, фантастическом свете. Люди, так много выстрадавшие, теперь убеждались, что к ним шла победа, возвращалась жизнь.

Редко, к сожалению, но бывает, когда вдруг наступает полоса везения. Возникает ощущение, что в цепи поисков, разочарований, догадок, некоторых косвенных находок ты нашел верное звено. Так случилось с Головиным вскоре после победы под Ленинградом. Разбирая кипы бумаг, от которых уже стало мельтешить в глазах, он обнаружил рапорт офицера шлюпа «Восток» Лескова начальнику Морского штаба Моллеру от 21 марта 1823 года. Округлым, размашистым почерком с твердым нажимом на твердые знаки Лесков писал: «Российские мореходцы неоднократно обтекали земной шар, обогатили географию новыми открытиями в обеих половинах земного шара и первые разрешили важный вопрос, открыв землю под 70-м градусом южной широ-

ты, о существовании которой после путешествия Кука перестали уже думать».

Значит, ни Беллинсгаузен, ни его офицеры не сомневались в открытии материка Антарктиды! Но почему же они скупо, как-то походя, говорили об этом в немногочисленных изданиях тех лет? «Двукратные изыскания», заредактированные и заправленные, как бы стриженные под стиль официальных рапортов и отчетов... Несколько трудов астронома Симонова, напечатанных в редких научных журналах, главным образом в «Казанском вестнике», который читала, быть может, сотня-другая людей... И о чем?! О разности температуры в южном и северном полушариях, об астрономических и физических наблюдениях, явлениях земного магнетизма и кратком историческом взгляде на путешествия знаменитых мореплавателей до начала XIX века...

Лишь в 1855 году вышла в Петербурге еще одна книга. Ее написал участник экспедиции мичман Павел Новосельский. Но и она скоро исчезла из книжных магазинов, так как была издана всего в пятистах экземплярах. И это на всю Россию о великом географическом подвиге россиян!

В конце XIX столетия о Беллинсгаузене и кругосветных путешествиях упоминалось только в «Русской старине»...

Головин написал в Казанский университет и попросил прислать список хранимых работ профессора Симонова. И каково же было его удивление, когда узнал, что в библиотеке университета обнаружилась объемистая рукопись под названием «Шлюпы «Восток» и «Мирный», или Плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света».

Затем Головин нашел представление председателя Ученого морского комитета Голенищева-Кутузова начальнику Морского штаба Моллеру-2-му. В нем говорилось, что Беллинсгаузен, окончив описание о двукратном плавании своем, «представил оное Департаменту (в общем собрании 17 октября прошлого, 1824 года) в 59 тетрадях, 19 картах и 51 рисунке». Представление было датировано 17 марта 1825 года. Следовательно, основная работа по составлению карт протекала в 1822 году, и в июле 1823 года она благополучно завершилась. Головин начал разбирать бумаги этого периода. Как и предполагал он, все документы оказались пе-

репутанными. Это были как раз те бумаги, что увозились в подвалы Екатерининского дворца.

Попадалось много карт, но все касались северного полушария и были выполнены во время рядовых плаваний по Балтике, Средиземноморью, Атлантике, Гренландскому и Норвежскому морям.

Не ожидая отыскать в них карт о плавании в Антарктиду, Головин машинально просматривал листы и едва не отбросил похожий на другие сероватый ватман с потускневшими контурами каких-то земель. Он скользнул взглядом по карте, взялся за край, чтобы перелистнуть, но вдруг глаз зацепился за надпись в левом углу — «Огненная Земля». Ток ударил в голову. Да ведь это южная оконечность Америки! Так и есть — мыс Горн. Точечным пунктиром и линией отмечены два плавания Кука, черточками — путь капитанов Фюрно в 1774 году и Головина в 1808 году, красной тушью показаны открытия шлюпов «Восток» и «Мирный». Надпись под рамкой извещала: «копировал штурманский помощник И. Иванов 16-го дня июня 1821 года». Эта карта вместе с другими была послана из порта Джексон при рапорте и письме Беллинсгаузена морскому министру.

В каталоге Гидрографического департамента указывалось, что эта карта, а также рукописная карта с вновь открытыми островами, составленная в полярной проекции, поскольку изображение южного полушария и всей Антарктиды не могло быть выполнено в меркаторской проекции, послужили основой для «Генеральной карты».

Изучая переписку Беллинсгаузена с Траверсе, Головин встретил упоминание об изготовленных в ходе плавания картах. Так, Беллинсгаузен при рапорте от 21 октября 1820 года послал министру «Карту плавания из Рио-де-Жанейро в порт Джексон», а в другой раз, 5 марта 1821 года, в письме из Рио-де-Жанейро он упомянул: «Карту плавания не посылаю из опасения, чтобы не попала в руки инсургентским корсарам, которые, не разбирая, грабят все мелкие суда». Очевидно, здесь шла речь о 15-листной «Карте плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» вокруг Южного полюса под начальством Беллинсгаузена».

Разумеется, в пути составлялись и другие карты, но они не передавались в Адмиралтейский департамент.

В числе их, догадывался Головин, находились и навигационные карты, по которым прокладывались курсы кораблей. Поскольку карт такого характера в отчетных материалах экспедиций XVIII и первой половины XIX века он вообще не встречал, то пришел к выводу, что они не передавались на хранение, а оставлялись на корабле и со временем списывались за ненадобностью.

Однако где-то же должны быть главные карты антарктических плаваний! Ведь Беллинсгаузен, отмеченный еще стариком Крузенштерном как талантливый навигатор, доверял больше картам, а не словам и письмам.

Головин все дни проводил в хранилище и поднимался наверх только в конце дня. Никто его не спрашивал, никто им не интересовался, и он был даже рад этому. Но вдруг однажды, когда он только начал работу, в подвале раздался телефонный звонок. В недоумении Лев поднял трубку.

— Тут вас какой-то солдат спрашивает, — сказал дежурный.

— Спросите фамилию.

Видно, дежурный передал трубку, и Головин услышал знакомый голос:

— Товарищ лейтенант! Это я — Леша.

— Кондрашов?

— Он самый.

— Как же ты меня нашел?

— Очень даже просто. Лечился в Ленинграде, сейчас дали отпуск. Решил найти вас. Подумал: если живы, то должны же по своему главному делу в архив обратиться. Позвонил сюда, и мне ответили, что вы работаете здесь.

— Подожди. Я сейчас.

Головин сбросил халат, надел китель и побежал к дежурке. Обнялись как старые друзья. Леша был в белом полушубке, валенках, хотя на улице уже припекало по-весеннему. Как бы невзначай Кондрашов распахнул грудь, блеснул новенькой медалью «За отвагу».

— Поздравляю, — показал глазами на медаль Головин.

— Между прочим, получилось как в сказке. — Леша чуть-чуть покрасовался. — Я поймал офицера. Им оказался, подумать только, тот, у кого из-под носа мы архив вытаскивали.

— Фамилию знаешь?

— Зачем она мне, фамилия? В наказание за пропажу архива его послали на передовую. Ну а тут наши стали наступать, я на него и наткнулся.

— Надолго в отпуск?

— Дали десять дней. Родители у меня погибли, может, у вас погостить?

— Только рад буду. Правда, дома почти не живу. Все здесь.

— Нашли карты?

— Нет еще.

— Может, все же погибли?

— Должны сохраниться.

Головин решил устроить себе выходной и, предупредив Попова, вместе с Лешей поехал в Ленинград.

— Снова ранило? — спросил он по дороге.

— Нет. Схватил воспаление легких.

— Как на фронте?

— Наступаем.

«А что, если перетащить Лешу к себе?» — подумал Головин, разглядывая его бледное, исхудавшее лицо.

— Ты к нам пойдешь работать? — спросил он вслух.

— К вам? — удивился Леша.

— Я попрошу начальника. Могут откомандировать. Будешь учиться. Когда-то ведь война кончится.

На лоб Леши набежала морщинка. Подумав, он покачал головой:

— Довоевать хочется. Если выживу, так сразу к вам приеду.

— Ну, как знаешь...

Дома Головина ждал еще один сюрприз. В почтовом ящике оказалась бандероль от майора Зубкова. Волнуясь, Лев разорвал трофейную голубую бумагу и развернул карту. Ватман был сильно поврежден временем, один угол обгорел, но кое-что осталось. На свет явно просматривались водяные знаки — Watman 1816, 1818.

На листах, вырванных из записной книжки, Зубков писал:

«Здорово, Головин! Узнал в штабе твой старый адрес. Раз к нам не вернулся, значит, комиссовали, и вдруг окажется, что ты в Ленинграде. Неделю назад брали Кингисепп, и здесь нас оставили во втором эшелоне. Как ви-

дишь, пошли и мы на запад. Так вот, мои ребята в одной усадьбе обнаружили любопытную карту. Мне показалось, что она имеет кое-какое отношение к вопросу, которым ты когда-то интересовался, то есть к картам Беллинсгаузена. Поэтому я решил переслать ее тебе. Авось сгодится ради общего дела. Еще подумал, а вдруг это часть карт. Сходил на усадьбу сам, но ничего больше не нашел. Вероятно, кто-то хранил только эту карту, и она была дорога ему».

...Эта новость взволновала Головина...

Еще со школьных лет у него остался копировальный ящик, на котором он снимал с чертежей или с каких-либо старых документов копии. Он достал ящик с полки, протер с матового стекла пыль, разложил карту, вставил штепсель в розетку. Лампочки осветили бумагу снизу и выявили некоторые контуры, проложенные чьей-то старательной рукой. В верхнем правом углу стояла подпись. Разгадывая и терпеливо складывая букву за буквой, Головин наконец прочитал: «По предписанию Г Д от 10 февраля 1831 № 45». Заглавные буквы Г Д расшифровывались легко — Гидрографический Департамент. Надпись указывала на время поступления карты в архив. Но что именно обозначала сама карта?

Зная, что теперь не успокоится, Головин сказал Леше:

— Слушай, друг. Мне надо съездить в архив. Можешь похозяйничать один?

— Конечно, могу. Но что так срочно?

— Карта уж больно любопытная. Надо по каталогу посмотреть.

— Понимаю. Не терпится, — улыбнулся Леша. — Тогда я тем временем приборку устрою, обед сварю. Хорошо?

— Делай, Леша, что хочешь! — Головин схватил шинель и выбежал на лестничную площадку. «И почему мне везет на хороших людей?» — подумал он, сбегая вниз.

В архиве сохранялись два каталога карт, поступивших когда-то в Гидрографический Департамент. Первый каталог атласов, карт и планов был издан в 1849 году. Второй, более обстоятельный каталог составлялся Б. Эвальдом в 1917 году. В свое время он поступил во все крупные библиотеки страны и получил широкую из-

вестность. Если бы все карты, которые значились в каталоге, были на месте, то любую из них легко можно было бы отыскать. Но в том-то и беда, что карт на месте не было. Бумаги были перепутаны, частично уничтожены или утеряны. Теперь же в руках Головина находился сохранившийся лист той карты, о котором по каталогу можно узнать содержание.

Торопливо листая каталог первого издания, Головин нашел номер 45 и в графе «Содержание» прочел следующее:

«Помощнику начальника отделения Г. 8-го класса Лобанову.

Гидрографический Департамент, прилагая полученную при рапорте помощника начальника отделения Колодкина от 27 генваря карту плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» вокруг Южного полушария 1819, 1820, 1821 года, подаренную для архива г. вице-адмирала Беллинсгаузена, рекомендует записать оную в каталог архива».

Сопоставив все данные, Головин понял, что эта карта поступила в архив в 1831 году из Гидрографического Депо, где она находилась в ведении полковника Колодкина, бывшего долгое время управляющим чертежной, в которой вычерчивались карты, готовившиеся к изданию в «Атласе плаваний Беллинсгаузена».

Но как она попала в Кингисепп? В том городе было родовое поместье Беллинсгаузена. Возможно, адмирал эту карту (или карты) просил позднее у архива и оставил у себя. Так или иначе теперь Головин получил важный документ — одну из отчетных карт, выполненных после плавания в Антарктиду.

Эта карта отныне могла служить эталоном в поисках. Головин знал сорт бумаги, размер листа — 100×66 сантиметров, приблизительный внешний вид.

Он вспомнил, что похожий лист видел, когда разбирал одну из кип. Пришлось вернуться к обработанным бумагам. Часа через два карту он нашел, но она на первый взгляд не имела никакого отношения к плаванию «Востока» и «Мирного». На ней отсутствовала дата составления, и никто ее не подписывал. А Головин знал, что все известные рукописные карты Беллинсгаузен подписывал собственноручно. Тем не менее он решил подвергнуть карту более тщательному рассмотрению. Кое-где обнаружились размытые надписи. Головин позвонил Попову,

который по добровольному совместительству занимался еще и дешифровкой, микрофотографированием, реставрацией и консервацией различных документов, и попросил захватить с собой химикаты, позволяющие выявить смытые тексты. Анатолий Васильевич обработал карту и обнаружил... подпись Беллинсгаузена!

— Это не его подпись, — едва поглядев, сказал Головин.

— С чего ты взял?

— Фамилия написана с грамматическими ошибками. После «лл» поставлена буква «е», а после начальной «Б» стоит не «е», а «и».

Но подобные ошибки Головин встречал и в других документах, подписанных Беллинсгаузеном. Например, в рапорте от 8 апреля 1820 года фамилия начальника экспедиции была написана с маленькой буквы, а после букв «лл» стояла та же буква «е». Беллинсгаузен, надо полагать, настолько привык к искажениям своей фамилии, что вообще не обращал на такие ошибки внимания.

Ничто не говорило ни за, ни против того, что вторая карта выполнялась в экспедиции силами ее участников. Она походила на первый лист, добытый Зубковым. Чтобы сделать правильный вывод, нужны были для сравнения более весомые доказательства и другие карты.

Головин не заметил, как прошел день. Ехать домой было поздно. Пришлось позвонить Леше, чтобы не ждал, но на звонок никто не ответил. А когда Головин добрался до своей квартиры и открыл дверь, то сразу наткнулся на записку. Она лежала на газете, прикрывавшей заставленный чем-то стол. «Извините, товарищ лейтенант, но встретил тут земляка и вместе с ним двинул на фронт. Вернусь с победой. Алексей».

Головин приподнял газету. На белой выглаженной скатерти стояли бутылки вина, хлеб, неведомо какими путями добытые консервы, на блюде лежала золотистая тушка горбуши.

...Когда закончилась война, работать в архиве стало легче: Головина теперь меньше отвлекали текущие дела, открылись доступу те материалы, которые были закрыты в блокаду. Рано или поздно он надеялся встретиться с главными картами. И не где-нибудь, а у себя в архиве, среди тех бумаг, которые достались ему с большим трудом. Он чувствовал, что этот миг приближался с каждым днем.

Глава третья
КАРТЫ

ПРЕТЕНДЕНТЫ

Антарктика избежала участи других земель, покоренных и обращенных в колонии. Судьба других островов и архипелагов зависела от того, насколько сильны и хитры были владельцы. Антарктике повезло: там никто не жил. Но когда на географические карты легли очертания нового материка, то Великобритания сразу же закрепила за собой антарктические территории Южной Георгии, Сандвичевы, Южные Шетландские острова и Землю Грейама.

28 марта 1917 года английским королевским указом объявлялось, что к колонии Фолклендских островов относятся все земли между 20-м и 50-м градусами западной долготы к югу от 50-й параллели и от 50-го до 80-го градуса западной долготы к югу от 58-й параллели до Южного полюса.

В 1923 году Англией была основана так называемая колония Росса. Эта никем не заселенная «колония» передавалась под управление новозеландского правительства. Премьер-министр Новой Зеландии наделялся полномочиями главы антарктического магистрата и назначался его верховным судьей.

Вслед за Англией Франция поспешила объявить своими Кергелен и другие острова, расположенные в южной части Индийского океана. Декретом от 27 марта 1924 года правительство Франции объявило о своих исключительных правах на разработку недр, охоту и рыболовство на Земле Адели и островах Крозе.

Норвегия установила суверенитет над островом Буве и островом Петра I, открытым Беллинсгаузеном.

Австралия возвестила о создании Австралийской антарктической территории — сектор между 45-м и 160-м градусами восточной долготы, исключая французскую Землю Адели.

Так односторонними актами объявлялись собственностью не только незаселенные, но и совершенно необследованные районы Антарктики. Страсти к захвату холодных антарктических земель разгорались. В 1934 году

в антарктических водах появилась японская китобойная экспедиция, а в 1936 году — германский флот.

Готовясь к войне, фашисты рассматривали Антарктику как важный военно-стратегический объект и источник природного сырья. Они сослались на прежние заслуги немецких полярных исследователей и для начала объявили свои права на часть антарктической территории.

Корабль «Швабенланд» нацелился на Землю Королевы Мод, чьи берега были открыты русскими и обследованы норвежцами. Он подошел к кромке плавучих льдов, спустил на воду два гидроплана «дорнье-валь», оборудованные для аэрофотосъемки. Самолеты начали полеты через пояс плавучих льдов в глубь континента. Через каждые 15—20 миль они сбрасывали специальные вымпелы, выполнявшие роль заявок. Там, где они могли совершить посадку, водружались флаги, объявлялось при этом, что все земли принадлежат отныне «Великой Германии». Часть Земли Королевы Мод, обследованная немцами с воздуха, была названа Новой Швабией.

Когда же началась война, гитлеровцам пришлось отказаться от планов дальнейших походов в Антарктику. Однако немецкое командование все же использовало антарктические воды в военных целях. В южном полушарии фашистские пираты ставили минные поля при входе в гавани австралийских портов Сиднея, Аделаиды, Мельбурна, топили военные корабли, захватывали грузовые суда.

Было очевидно, что подобные операции возможны при наличии немецких баз в южном полушарии. В отделах стратегической разведки Англии, США и других государств-союзников пришли к выводу, что такими базами могли быть пустынные антарктические острова с их многочисленными заливами и спокойными бухтами.

Позднее выяснилось, что немецкие военные корабли снабжались грузовым судном, а в качестве якорных стоянок для перегрузки военного снаряжения использовались гавани острова Кергелен.

В начале 1941 года немецкий рейдер «Пингвин» захватил в антарктических водах норвежский китобойный флот, потопил много кораблей союзников. Для борьбы против рейдера англичанам пришлось послать в Антарктику крупные военно-морские силы, в том числе крейсер «Корнуол». В мае 1941 года этот крейсер подстерег фашистский рейдер и потопил его. Одновременно в районе

Земли Грейама англичане уничтожили цистерны с жидким топливом и запасы угля.

Воспользовавшись удобным случаем, Аргентина и Чили решили закрепить за собой близлежащие антарктические территории. На военно-морском транспорте «Примеро де Майо» аргентинцы высадились на острове Десепшен и произвели гидрографическую опись. В январе 1943 года английские моряки уничтожили на острове бронзовую доску, установленную год назад аргентинцами, на которой было указано, что Аргентина вступает во владения землями к югу от 60-го градуса южной широты. Англичане водрузили государственный флаг и оставили документ о том, что эта территория принадлежит Великобритании.

Но аргентинцы, следуя примеру англичан, удалили английские эмблемы и вновь подняли аргентинский флаг. Тогда в Лондоне был разработан секретный план под названием «Операция Табаран». Согласно этому плану в антарктические воды было послано два корабля с задачей построить в ряде пунктов постоянные метеорологические станции. Были построены станции на острове Десепшен, на месте китобойной станции в заливе Китобоев и на острове Виенски у Земли Грейама. Эти станции и закрепили за англичанами право на владения обширными антарктическими территориями.

Соединенные Штаты формально в разделе Антарктики не участвовали. В то время, когда Франция объявила свое право на Землю Адели, американцы посчитали этот акт незаконным, мотивируя тем, что этот берег Антарктиды был открыт экспедицией Уилкса почти 100 лет назад. В правительственном заявлении было сказано, что «открытие неизвестных человечеству земель и формальное объявление о владении ими не дает права на суверенитет, если за открытием не последовало их фактического заселения».

Однако активность немцев в Антарктике, объявление норвежцами суверенитета над территорией, в десять раз превышающей размеры самой Норвегии, многочисленные заявления Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии о правах на антарктические земли заставили американцев пересмотреть свои позиции. Правительством США была создана специальная Антарктическая служба во главе со старым полярником Ричардом Бердом. В задачу этой службы входило создание постоянных баз и обсле-

дование тех районов Антарктиды, где, по мнению американцев, США имеют больше всего прав.

После окончания войны американцы предприняли крупнейшую операцию под кодовым названием «Хайджамп» («Высокий прыжок»), в которой участвовало 4000 человек на 13 кораблях, включая авианосец и подводную лодку. Свой отчет об этой экспедиции Ричард Берд начинал такими красочными словами:

«На самом юге нашей планеты лежит очаровательная страна. Как бледная принцесса, зловещая и прекрасная, спит она волшебным холодным сном. На ее волнистых снежно-белых одеждах таинственно мерцают ледяные аметисты и изумруды. Ее грезы — это радужные сияния вокруг солнца и луны и переливающиеся на небесах нежные краски — розовая, золотистая, зеленая, голубая.

Такова Антарктида, влекущая и таинственная страна. Площадь этого скованного льдом материка составляет почти 15 миллионов квадратных километров, то есть почти равна площади Южной Америки. Большая часть ее внутренних районов фактически менее исследована, чем обращенная к нам сторона лунной поверхности.

За все столетие, прошедшее со времени ее открытия, на ее берегах обитали менее 600 человек. Подобно сирене, она завлекает послевоенный мир, жадно ищущий приключений, и бросает ему вызов».

Корабли, гидросамолеты, санно-тракторные поезда обследовали огромные территории, создали несколько баз на побережье Антарктиды, наметили планы по дальнейшему проникновению в глубь континента.

А между тем политическая и дипломатическая борьба за обладание антарктическими землями разгоралась все сильнее и острее. Тон дипломатических нот между Англией, с одной стороны, Аргентиной и Чили — с другой, становился все более резким. Затем Аргентина послала в антарктические воды свой флот, в том числе транспорты с частями горных стрелков. В шести километрах от британской базы аргентинцы построили свою станцию.

Тогдашнее правительство Чили в сезон 1947/48 года предприняло эффектную демонстрацию. В Антарктику отправился сам президент Габриель Гонсалес Видела. Оркестр при этом играл национальный гимн, а когда президент ступил на землю континента, с кораблей раздались залпы салюта.

Английское адмиралтейство, в свою очередь, направило из Южной Африки свои крейсеры.

В конце 1951 года аргентинцы построили новую метеорологическую станцию в бухте Хоп, в том месте, где в 1948 году сгорела английская станция. 1 февраля 1952 года сюда подошло английское судно «Джон Биско». Англичане начали выгрузку. Начальник аргентинской базы заявил, что он имеет приказ от своего правительства не допускать строительства других баз в этом районе. Англичане не приняли эти слова во внимание. Тогда аргентинские солдаты, вооруженные винтовками, посадили англичан на свой катер и доставили их на борт «Джона Биско». Англичане доложили по радио своему правительству о военных действиях аргентинцев и все же добились в конце концов разрешения построить свою базу.

На острове Десепшен, где в шести километрах от английской базы находилась аргентинская станция, аргентинцы и чилийцы построили хижины-убежища всего лишь в четырехстах метрах от английской базы. В феврале 1953 года в бухту острова прибыл британский корвет. Начальник английской станции в сопровождении двух констеблей приказал матросам разрушить хижины, а двух аргентинцев, живших там, арестовал и отправил для передачи аргентинским властям на Южную Георгию...

В этих ожесточенных спорах, разумеется, никто не упоминал о тех, кому по праву первооткрывателей принадлежала Антарктида, — о русских. Более того, чаще и чаще снова стал подвергаться сомнению сам факт открытия российскими кораблями шестого континента.

Выступая в сенате США в связи с обсуждением международного договора об Антарктиде, Елизабет Кондолл заявила о Беллинсгаузене так: «Для меня непостижимо, чтобы он мог не издать крика радости, если он увидел новый континент, а он никогда не издавал такого крика, вызванного открытием нового континента».

Зарубежные географы посчитали весьма спорным то, что экспедиция Беллинсгаузена видела впервые берег материка в конце января 1820 года, хотя и признают, что берега Антарктиды были подробно описаны через две недели, в середине февраля. А за этот короткий промежуток времени материк якобы успела увидеть и нанести на карту английская антарктическая экспедиция лейтенанта Брансфильда.

Американцы же вообще сделали вид, что ничего не знают об открытиях Беллинсгаузена и тем более Брансфильда, а утверждали, что ее впервые увидел китобой Натаниэль Палмер 17 ноября 1820 года.

Но так ли было на самом деле?

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОБРАТНОГО

Толстую коричневую папку, истрепанную по бокам, Головин уже встречал. За время работы в архиве у него хорошо развилась зрительная память. Он мог точно сказать, видел уже ту или иную бумагу, даже не зная ее содержания. Эта папка ассоциировалась с темнотой и почему-то со снегом... Как же она могла попасть на глаза? Когда вытаскивали архив из подвала Екатерининского дворца? Нет. В то время Головин прикрывал бойцов со стороны передовой и не видел, как бумаги заталкивали в вещмешки и выгружали в окопах. И вдруг он ясно вспомнил — эта папка лежала поверх неразобранной груды, когда он только что пришел работать в архив. Еще была блокада. Лампочки горели вполнакала, в их скудном красноватом свете холодно поблескивал иней. Он стряхнул изморозь ладонью, прочитал надпись, тисненную золотом: «Ведомости содержания унтер-офицерского и рядового состава крепости Кронштадт». Потом папку положил к другим уже просмотренным бумагам, и постепенно она очутилась на самом низу.

Когда же он начал снова, более детально исследовать каждый лист, папка еще раз попала ему в руки. Он машинально потянул за тесемки, сдул с заглавной страницы пыль, пробившуюся сквозь плотный старый картон, и вместо ведомостей увидел иссиня-желтые листы, сложенные кое-как торопливой рукой.

Он почувствовал, как запрыгали пальцы. От волнения сдавило горло. Боясь поверить, он закрыл глаза и открыл их вновь. Нет, предчувствие не обмануло его. Ноги вдруг ослабли, потеряли упругость. Он опустился на стул, не выпуская из рук папку. На первом же листе карты, среди многочисленных надписей, сделанных разными почерками, он сразу же узнал твердую, без наклона и модных для того времени завитушек руку самого Беллинсгаузена.

Головин положил руку на телефонную трубку, но

помедлил — ему хотелось в одиночестве хоть несколько минут продлить радость. Потом он снял трубку и быстро набрал номер Попова.

— Анатолий Васильевич? Нашел! — успел сказать он и тут же услышал короткие гудки.

Через минуту в комнату ворвался Попов, на ходу надевая очки:

— Где?

Головин стал разворачивать листы и раскладывать прямо на полу. Свет падал на них сверху, хорошо высветливая полутени.

— А вот надписи самого Фаддея Фаддеевича...

Попов упал на колени и наклонился над картой:

— Да. Это его рука.

— Надо ли передавать на специальную экспертизу?

— Обязательно.

— А вы разве не можете?

— Я любитель. А здесь нужен своего дела мастер. Посылайте по разным адресам: в лабораторию консервации и реставрации документов Академии наук и, скажем, в институт истории доктору Валку.

— Хорошо.

Попов поднялся с пола, окинул все карты разом и круто повернулся к Головину:

— А ведь ты все-таки добился своего. Поверь, у другого давно опустились бы руки. А ты... молодцом!

— Захвалите, — улыбнулся Головин. — Дайте лучше отпуск хоть за свой счет, хоть очередной.

— Отдыхать собрался? — удивился Попов.

— Заняться этими картами.

Попов покусал губу и решительно махнул рукой:

— Бери. Месяца хватит?

— Чтобы сделать вчерне, хватит...

— И еще раз поздравляю... Знаешь, даже позавидовал тебе. Как это у Теннисона: «Бороться и искать, найти и не сдаваться...» Если бы каждый из нас открыл в жизни хоть малую толику из всех загадок — было б замечательно!

...Через несколько дней Головин некоторые документы разослал экспертам, а сам разобрал и только что найденные, и открытые раньше карты по номерам и засел за изучение каждого листа в отдельности.

Он понимал, что эти отчетные карты представляли собой замечательное картографическое произведение, не-

известное в практике русских кругосветных экспедиций XVIII и первой четверти XIX века. По существу, эти 15 карт, связанные единой идеей, составляли как бы отдельный атлас. Он охватывал все антарктическое плавание шлюпов «Восток» и «Мирный», не повторенное до сих пор. На всех листах имелась единая сетка меридианов и параллелей, но на них не было характерных для рабочих, прокладочных карт следов развязки курсов, перевычислений и поправок. Бесспорно, они относились к категории навигационных. На них со всеми подробностями наносилась штурманская прокладка с рабочих карт. Эта прокладка являлась результатом исправлений, развязки всего пути плавания, и ее можно было посчитать отличной навигационной картой для последующих плаваний в Антарктиду.

Огромную ценность представляли и надписи на картах.

Во-первых, это были и научные наблюдения, представленные всевозможными метеорологическими и гидрологическими данными о состоянии погоды и моря — дождь, туман, снег, ясно, облачно, за каждые сутки сообщалась температура, давление воздуха, абсолютная влажность, направление и скорость течения, волнение, определялись магнитные склонения компаса, отмечались южные полярные сияния. Здесь же приводились данные орнитологических наблюдений — перечислялись птицы, которые встречались вблизи льдов или в океане. Упоминались и представители животного мира — киты, нерпы, морские свиньи, котики. Многих этих данных вообще нет в книге Беллинсгаузена, а они, конечно же, представляли немалый интерес как первые инструментальные наблюдения в Антарктике. Более того, могли служить исходным материалом для характеристики эпохальных изменений природы в этой части света.

Во-вторых, на картах записывались отдельные приметные события в плавании. Иногда записи перерастали в целые рассказы. Но чаще они коротко сообщали о прибытии на корабли офицеров, о состоянии такелажа, получении изо льда пресной воды, сигналах для ориентировки шлюпов.

Особое внимание на картах отводилось состоянию льда во время плавания. Да это и понятно. Льды представлялись морякам как непреодолимое препятствие для движения вперед и в то же время поражали вообра-

жение своим суровым величием. О льдах в записи о событиях 5 февраля 1820 года, когда шлюпы третий раз приближались к ледяному берегу, Беллинсгаузен писал так: «Огромные льды, которые по мере близости к Южному полюсу поднимаются в отлогие горы, называю я матерыми, предполагая, что, когда в самый лучший летний день морозу бывает 4 градуса, тогда далее к югу стужа, конечно, не уменьшается, и потому заключаю, что сей лед идет через полюс и должен быть неподвижен, касаясь местами мелководий или островов, подобным острову Петра Первого, которые, несомненно, находятся в больших южных широтах и прилежат также берегу, существующему (по мнению нашему) в близости той широты и долготы, в коей мы встретили морских ласточек... Мнение мое о происхождении, составлении и перехождении встречаемых в Южном полушарии плавающих ледяных островов основал я на двухлетнем беспрестанном плавании между оными, и полагаю, что в Северном полушарии льды составляются таковым же образом».

Из рассуждений начальника экспедиции видно, что он был убежден в существовании в районе Южного полюса «материка льда». Это был первый и основной вывод, вынесенный им из плавания вокруг шестого континента. Берег континента, покрытый льдом, Беллинсгаузен называл «материком льда». Точно так же высказывались и его единомышленники. Лазарев в письме Шестакову характеризовал его как «льдяной континент», Симонов — «ледяной оплот», Новосильский — «ледяная стена». Для того времени, когда вообще не существовало понятия об Антарктиде, как покрытом материковым льдом континенте, окаймленном в отдельных местах шельфовыми ледниками, представления русских моряков о шестой части света были удивительно близки к современным.

На картах условно обозначались материковые, «матерые» льды в виде примыкающих друг к другу темно-синих пятен. Иногда в этом месте Беллинсгаузен делал приписку: «Увидели сплошной лед». Так случилось в тот день, когда «Восток» в первый раз подошел к ледяному берегу, — 15 января 1820 года. Моряки в это время заметили над сплошными льдами необыкновенно яркое свечение, хотя погода была сырая, над морем низко стлались тучи.

Головин легко объяснил себе физическую сущность этого явления — там, где плыли корабли, было пасмурно, а над Антарктикой светило солнце. Солнечный свет отражался от снежной поверхности континента и создавал у мореплавателей впечатление яркости, свечения на горизонте, белого яркого света. А это еще одно свидетельство нахождения «Востока» и «Мирного» у берегов Антарктиды, делающее русским морякам несомненную честь.

Сопоставляя сообщения на карте о «сплошном льде» с терминами «твердые льды», «твердо стоящие льды», встречающимися в разных документах и книге Беллинсгаузена, Головин сделал вывод, что для Беллинсгаузена это были слова-синонимы. Он ставил знак равенства между «сплошным льдом» и «льдом гористым, твердо стоящим». Именно этот «твердый лед», по выражению капитана, «идет» через полюс и должен быть неподвижен».

Следовательно, надпись, которую он собственноручно сделал на отчетной карте и которой придал особое значение, — «Увидели сплошной лед» — явилась выражением его убеждения, что именно в этот знаменательный день русская экспедиция впервые подошла к «материку льда», «твердо стоящему льду», то есть к ледяному берегу Антарктиды.

С первого взгляда малозначительная надпись при дешифровке оказалась полной важного и глубокого смысла. Темно-синим цветом близко примыкающих друг к другу пятен на картах закрашивалось то ледяное пространство, перед которым русские корабли четырежды останавливались на пути к югу. Головин пришел к убеждению, что суда в эти памятные дни останавливались не вообще перед льдами, а перед ледяным берегом континента.

ЭКСПЕРТЫ

Конечно же, когда ждешь чего-то, то время как бы замирает на месте. Ответы на письма не приходили, и Головин тревожился. Чудилось всякое — вдруг письма затерялись на почте или попали к нерадивым людям. Но почта, не то что в военные годы и блокаду, работала исправно.

Понимая, что совершает бестактность, Головин поехал в Лабораторию консервации и реставрации документов Академии наук СССР. Благо она была в Ленинграде.

Очевидно, привыкнув к назойливым посетителям, секретарша сразу же попыталась выставить его, так как день был неприемный. Но Головин, по натуре человек деликатный и скромный, здесь был непреклонен.

— Письмо передано Дмитрию Павловичу, пройдите в его кабинет, — наконец сдалась секретарша.

Крупнотелый, мрачноватый эксперт молча выслушал Головина, глазами показал на стул рядом со своим, в ворохе бумаг отыскал папку Головина:

— Ваша?

— Моя, — кивнул Головин, холодея от мысли, что эксперт сейчас ее вернет и откажется от работы.

— Я уже написал заключение...

— Вы согласны, что здесь есть подписи Беллинсгаузена? — воскликнул Головин, но эксперт, сердито дернув рукой, заставил его замолчать, разложил на столе документы и пачку микрофотографий. Отбивая слова одно от другого, он проговорил:

— Поясню суть. Вы послали три документа — часть карты побережья Антарктиды с берегами Новой Шотландии и Земли Александра Первого, на ней содержится запись, приписываемая руке Беллинсгаузена, затем — рапорт, на последней странице которого имеется собственноручная приписка мореплавателя, и последнее — его письмо на имя морского министра. Так?

Головин кивнул.

— Исследование мы проводили по двум линиям. Крупномасштабно изучали начертания отдельных слов с характерными буквами и сравнивали оптические характеристики чернил на этих документах. Так вот... Чтобы выявить особенности письма, фотографировали области частичного поглощения. Вам понятно? При такой съемке чернильные штрихи становятся полупрозрачными. Это позволяет лучше рассмотреть микродетали письма, толщину слоя чернил в штрихах. И вот что мы обнаружили. Фотографии, полученные как с карты, так и с рапорта и письма, показывают идентичность не только конфигурации отдельных букв и буквосочетаний, но и в технике их исполнения, то есть направлении ведения пера, в нажиме, в начале и окончании штриховедения.

Эксперт взглянул на Головина, словно желая убедиться, какое впечатление производит его рассказ на собеседника. Головин, подавшись вперед, внимательно рассматривал микрофотографии.

— Вы сделали огромную работу! — сказал он.

Эксперт насмешливо скривил губы.

— С целью сравнения оптических характеристик, — продолжил он, — мы делали съемку фрагментов всех трех документов в узких спектральных зонах при помощи интерференционных светофильтров и в лучах собственной видимой люминесценции, возбужденной ультрафиолетовыми лучами...

— И к какому выводу пришли? — опять не выдержал Головин, повернувшись к эксперту.

Тот сунул толстые очки в карман халата, перебросил на столе несколько фотографий, нашел лист написанного заключения:

— Здесь все сказано.

Головин прочитал:

«1. Чернила по своей химической природе, видимо, железогалловые.

2. Чернила, использованные во всех трех документах, по своей качественной и количественной рецептуре очень близки, а возможно, и вполне идентичны.

3. Характер техники исполнения письма во всех трех документах совпадает полностью, и потому письмо их несомненно принадлежит одному лицу».

Эксперт поставил свою подпись и быстро собрал все бумаги в папку.

— Вы ждали такой ответ? — спросил он, несколько теплея в голосе.

— Признаться, ждал.

— Следовательно, ваши предположения оправдались. До свидания...

Когда Головин распрощался с экспертом, секретарша попросила его зайти к директору. Директор, не в пример своему сотруднику, оказался чрезвычайно добродушным и любезным.

— Значит, вы и есть тот Головин? — протягивая маленькую сухую руку, спросил директор.

— А какой же еще? — спросил Головин.

— В истории морского флота осталось много Головиных. А вы тот, кто возвращает науке карты Беллинсгаузена, — серьезным тоном проговорил директор, за-

ставив Головина смутиться. — Не обижайтесь, но я по своей инициативе обратился в Институт русской литературы и попросил высказать свои соображения по вопросу об атрибуции почерка, которым сделано перечисление условных обозначений на рукописной карте, посланной вами. Ознакомьтесь.

Головин прочитал документ, опуская уже известные ему доказательства:

«...Не вызывает сомнений то, что приписка условных обозначений на «Карте плавания шлюпов...» написана рукою Беллинсгаузена. Условные обозначения сделаны теми же чернилами, которыми написаны письма Беллинсгаузена. Особенно близок почерк к приписке, сделанной рукою Беллинсгаузена на рапорте адмиралу Траверсе (его «чистовой» почерк).

Его же рукою также сделана приписка «Увидели берег с волнистой чертой» внизу на 14-м листе «Отчетной карты».

Отпадает возможность предположения в подделке почерка Беллинсгаузена на «Карте плавания шлюпов...». Подделыватели, как правило, хорошо передают начертания обычных букв; оригинальные же начертания, свойственные только данному почерку, обычно в подделках выделяются от остальных букв более сильным нажимом (не говоря уже о «расплывчатости» и некоторой неопределенности линий). Обо всех этих характерных чертах подделок почерка не может быть и речи при анализе написания условных обозначений на «Карте плавания шлюпов...». Почерк поражает своей определенностью, четкостью, сохранением «чистоты» линий, характерных для Беллинсгаузена.

Научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, кандидат филологических наук Г. Н. Моисеева».

— Я тронут вашим вниманием, — проговорил Головин.

— Что за разговор! — прервал его директор. — Просто я в науке не первый год и знаю, что нам приходится все трижды проверять и перепроверять...

Дома в почтовом ящике лежала бандероль с документами, которые Головин посылал на экспертизу, и заключения доктора Валка:

«Сопоставления особенностей начертаний в несомнен-

но принадлежащем руке Ф. Ф. Беллинсгаузена письме его к Министру 8 апреля 1820 года и тех пометок, которые имеются на карте плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» вокруг Южного полюса в 1819—1821 годах, приводят к выводу, что пометы написаны той же рукою, что и письмо. Иными словами, пометы написаны рукою Беллинсгаузена...»

Теперь оставалось Головину поразмышлять над выводами. А они раскрывали многое.

Опубликовав с большим трудом книгу и «Атлас» в 1831 году, мореплаватель, естественно, не мог ставить вопрос об издании отчетной карты. Это потребовало бы новых, и немалых, средств, скупо отпускаемых морским ведомством на подобные дела. Отчетную карту, могла бы постигнуть судьба ее предшественниц. Достаточно вспомнить, что ни одна итоговая карта русских морских экспедиций XVIII века при жизни их составителей не увидела света. Большинство из них было обнаружено и издано в наше время.

Теперь становится более понятной суть одной небольшой заметки, которую Головин как-то встречал в журнале «Отечественные записки» за 1821 год. Побывавший на борту шлюпов корреспондент этого журнала писал о «курьезных вещах», доставленных Южной экспедицией в Кронштадт, и свидетельствовал, что при осмотре научных материалов ему показали карты, составленные в ходе плавания, и среди них его внимание остановилось «на картах, ими (русскими моряками) самими сделанных», где «положены с величайшей точностью пути кораблей и знаменитого Кука». Журналист заметил, что на этих картах «разными стрелочками показаны ветры, встреченные ими на сем пути».

Корреспонденция в «Отечественных записках» еще раз подтверждала выводы о времени составления отчетной карты — одного из главных первоисточников экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева. Это происходило в 1821 году, а местом ее составления являлся флагманский корабль экспедиции.

О том, что этот важнейший первоисточник отражал события, происходившие на борту шлюпа «Восток», говорят надписи на самой карте: «С Мирного командир и офицеры приежжали обедать», «Командир и офицеры на Мирный ездили обедать» и т. д. Поэтому нелепо предполагать, что отчетная карта составлялась после того,

как экспедиция перестала существовать и ее участники разъехались по флотам и флотилиям, когда многие, в том числе и приведенные подробности похода, вряд ли могли заинтересовать Морское министерство.

И еще одно важное открытие сделал Головин, изучая отчетную карту первой русской экспедиции в Антарктику. Он установил, что при переводе среднеастрономического времени, по которому велись записи в корабельном журнале, на гражданское время истинной датой подхода судов к антарктическому берегу следует считать 27 (15) января.

Значит, 15 января 1820 года «Восток» и «Мирный» открыли Антарктиду!

ПАМЯТНИК РУССКИМ МОРЯКАМ

В канун Международного геофизического года (1955—1957) профессор В. В. Белоусов на пресс-конференции в Париже заявил о планах работ в Антарктике. Советские ученые намеревались создать исследовательские станции на южном геомагнитном полюсе и в районе Полюса недоступности. Они начинали штурм самых труднодоступных точек со стороны Индийского океана.

В то время советский план показался фантастическим. Со стороны моря Росса атака континента длилась больше половины столетия и не увенчалась успехом. О природе тех мест, где находился геомагнитный полюс и Полюс недоступности, исследователи строили лишь догадки.

Первую советскую экспедицию в Антарктику возглавлял Михаил Михайлович Сомов. 5 января 1956 года дизель-электроход «Обь» подошел к ледяному припаю антарктического берега. 13 февраля на мачте первой советской обсерватории был поднят государственный флаг Советского Союза. Эта станция получила название «Мирный» — в честь одного из кораблей первой русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева. Затем появились станции «Пионерская», «Оазис», «Восток I и II», «Комсомольская», «Советская», «Полюс недоступности», «Лазарев» и другие.

Вклад советских ученых в исследование Антарктики и содружество полярников разных стран заставили дипломатов юридически оформить принципы сотрудничества.

Договор об Антарктике включал в себя важнейшие пункты, исключающие всякие распри и столкновения. Договор запрещал любые мероприятия военного характера, создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, испытания любых видов оружия. Он давал право всем странам пользоваться свободой научных исследований во всей Антарктике на равных основаниях. На самом холодном материке, где температура воздуха доходит до 88 градусов мороза, установились самые теплые отношения между учеными разных государств. Антарктика стала зоной мира.

Работы в Антарктике расширяются с каждым годом. Стремление людей к знаниям, их сила и воля побеждают ураганные ветры и самые жестокие на земле морозы. Уж коль Земля — наш дом, то люди хотят знать, что делается в этом доме.

И конечно, многие из них не забывают имен тех, кто первым пошел навстречу неведомому. «Открытие наиболее южного из известных материков было доблестно завоевано бесстрашным Беллинсгаузеном», — признавал английский мореплаватель Джемс Росс, открывший путь для более поздних экспедиций к Южному полюсу.

Немецкий географ Петерман, отмечая, что в мировой географической литературе заслуги русской антарктической экспедиции оценены совершенно недостаточно, прямо указывает на мужество Беллинсгаузена, с которым он пошел против мнения Кука: «Но заслуга Беллинсгаузена еще наименьшая. Важнее всего то, что он бесстрашно пошел против вышеуказанного решения Кука, царившего во всей силе в продолжение 50 лет и успевшего уже прочно укорениться. За эту заслугу имя Беллинсгаузена можно поставить наряду с именами Колумба, Магеллана и Джемса Росса, с именами тех людей, которые не отступали перед трудностями и воображаемыми невозможностями, которые шли своим самостоятельным путем и потому были разрушителями преград к открытиям, которыми обозначаются эпохи».

Готовя к публикации научную работу об отчетных картах Беллинсгаузена, Головин писал о грандиозности предпринятого Россией научного мероприятия, равного которому не знала долгие годы спустя история географических экспедиций. «Во всяком случае, ни одна страна мира, претендующая сегодня на первооткрытие Антарктиды, не может представить ничего сравнимого с

отчетной навигационной картой Беллинсгаузена, — утверждал он. — Хорошо известно, что мелкомасштабные карты английской экспедиции Бранссильда и американской экспедиции Палмера не могут идти ни в какое сравнение с отчетной картой первой русской антарктической экспедиции...

Покидая Антарктику, русские моряки увозили с собой твердое убеждение, а не предположение, что к югу от курса плавания их кораблей лежит «ледяной континент», «ледяной оплот», «континент льда», «Южная земля». Тем самым они успешно справились с задачей, поставленной перед ними всем ходом географических открытий в южном полушарии. Вот почему научный подвиг русских военных моряков навсегда останется в летописи мировых событий».

Головин вспоминал о тех, кто помогал ему искать карты, вытаскивать их из подвалов Большого Екатерининского дворца, кто сохранил архив в дни жестокой блокады, а потом работал над ним, не считаясь со временем, без этих людей, наверное, Головин не смог бы вернуть науке документ огромной исторической ценности, не сумел бы представить миру главное доказательство того, что экипажи судов «Восток» и «Мирный» совершили величайшее географическое открытие века — нашли и положили на карту шестой континент — Антарктиду.

* * *

Дизель-электроход «Лена» сбавил ход. В розовой дымке голубели ледяные дали. А вокруг, как бы охраняя покой огромной белой страны, в зеленоватой воде стояли айсберги.

Леша Кондрашов глядел на открывающийся берег и вспоминал свою жизнь. Он стал таким же искателем истины, как его старший друг. Давно окончил университет, зимовал на разных полярных станциях Арктики и Антарктики, стал хорошим гляциологом, кандидатом наук. Но, как всякий беспокойный человек, иногда испытывал ужас от своего бессилия перед какой-либо проблемой, начинал метаться. И тогда вспоминал Головина. Ведь и тот переживал такое — страдая и мучаясь, радуясь и ужасаясь, пока не пришел к выводу: работай и работай, ищи и не сдавайся — вот спасение от всех обид и неудач.

Владимир ПЕЧЕНКИН

Отцы

1

Ночью выпал снег. Город проснулся чистый, опрятный, с бодрым трезвым морозцем. Владислав Аркадьевич вышел из подъезда на свежепротоптанную дорожку, огляделся и подумал, что научились все-таки у нас, слава богу, бороться с дымом и заводской копотью. В пору его детства, помнится, снег так прямо и падал грязным, серым. А теперь вон какая белизна! Приятно. Владислав Аркадьевич затянулся в последний раз сигаретой, бросил ее в сугроб и легко, но с достоинством понес свое солидное тело через двор к арке ворот.

— Извините, можно вас на минуточку...

— М-да, я вас слушаю. — Он остановился, с официально-чуткой кабинетной улыбочкой повернулся всем корпусом к спешащей ему наперерез девушке.

— Извините, вы ведь Извольский?

— К вашим услугам.

Кто такая? Куртка импортная, волосы окрашены в рыжие, сама как скелет. Где-то видел. Не лицо помнится, да лица и не видно из-за рыжих косм, а очки, темные, большущие, весьма нелепые очки. Наверное, Радика знакомая.

— Так что вам угодно? — Извольский украдкой зыркнул по окнам — не видят ли его с девицей? Мало ли, злые языки...

— Скажите, Радик дома не ночевал?

— М-да, кажется... А в чем дело? — шевельнулась тревога.

— Видите ли... их, наверное, посадили.

— То есть как? Куда посадили? Кого их?

— Радика, Валеру и Олега. Точно не знаю, мне так сказали. Будто они ночью что-то там...

— Но что именно? — упавшим голосом прошептал Извольский. Девица скривила большой крашеный рот.

— Не знаю. Один из наших видел, как их забрали и увезли.

— Один из наших, так... Позвольте, куда увезли?

— В милицию, конечно. Куда же еще.

— Но почему тогда он не позвонил?

Очки удивились глупости вопроса.

— Они же арестованные!

— Ах да, да... Но что случилось? Серьезное что-нибудь?

— Вы знаете, Радик, если выпьет, он такой... Его надо выручать, его и остальных!

— Да, благодарю вас, э-э... Сейчас же еду в милицию...

— Забрали их на Садовой, они должны в нашей милиции... Ну, я побегу.

Тощая девица неженственно ссутулилась и исчезла.

Радик!.. Ах, какая неприятность! Кто есть из знакомых в милиции? Впрочем, самому не очень удобно. Придется просить Таланова, он со всеми знаком, повлияет. Или Щеглова. Нет, лучше Таланова, у него, кажется, в прокуратуре кто-то есть. А еще лучше, пусть жена всплакнет перед Идой Абрамовной, это еще успешнее будет. Но что натворил сын? Беда с мальчишкой. Ну, в институт не прошел, прошляпили родители — не на того понадеялись, кто же знал. Так и сидел бы смирно год, до будущего приема. Вот подвел, собачий сын, ах... Не ночевал дома? Кажется, не ночевал. Собственно, это его дело, парень молодой, всяко бывает... Какой в том грех, если где-нибудь и заночует. Но не в милиции же!

Владислав Аркадьевич шагнул на уже прокатанную транспортом мостовую и властно поднял руку. Такси плавно подставило дверцу. Бросил таксисту:

— В райотдел внутренних дел.

Ах как подвел, как подвел! Мотайся теперь отец. Да, следовало бы позвонить в торг, что задерживаюсь. А, в конце концов это неважно.

Машина остановилась. Сунул таксисту рублевку: «Сдачи не надо». Поправил галстук, шалевый воротник шубы. Вошел. За деревянным барьерчиком сидел дежурный. Владислав Аркадьевич вскинул два пальца к шапке-пирожку:

— Где у вас кабинет начальника?

Дежурный вскочил перед солидной шубой.

— По коридору и направо.

Бронзовые буквы на коричневой пластмассе: слева

дверь к начальнику, справа к заму. Секретарша копается в делах.

— Подождите, подождите, вам к кому? Начальник еще не пришел.

— Не пришел? Странно. В восемь будет? Простите, забыл его имя-отчество. Да-да, Сергей Александрович. Я подожду.

Майор пришел раньше восьми.

— Здравия желаю, товарищ майор! — бодро встретил его в коридоре Извольский. — Дело к вам, Сергей Александрович, вы позволите? Надеюсь, ненадолго задержу.

— Прошу. — Вошли в кабинет, и майор указал на крайний в ряду стул: — Прошу!

Он старше Владислава Аркадьевича лет эдак на десять. Седеющий, лысеющий, но сохранивший давнюю выправку. С такими обычно трудно договориться. На кителе орденские планки. Воевал мужик. Учтем.

— Сергей Александрович, мы ведь с вами встречались в горисполкоме, — для начала соврал Извольский. — Не помните? Я Извольский, заместитель директора торга. Сейчас к вам не по работе, а по сугубо личному. Понимаете, сын не ночевал сегодня дома, и я как отец... Словом, почти не спал, беспокоился. Утром побежал к знакомым и...

— Да, мне доложил дежурный. Извольский Радий, так? Он и еще двое задержаны ночью, пьяные совершили нападение на девушку с целью... с какой целью, выясним.

— Как-кие мерзавцы! Кто же они?

— Один — ваш сын.

— Несомненно, его втянули в эту историю те, другие! Возможно, силой втянули. Радий положительный юноша, студент... то есть абитуриент. Мы с женой занимаем определенное положение в обществе и, разумеется, воспитываем сына на моральных принципах...

— Верю, что вы не воспитывали из него хулигана и насильника. Однако и родители его сообщников — начальник цеха, директор завода. Особенно директор — умный, талантливый руководитель, бывший фронтовик. И вот тем не менее...

Владиславу Аркадьевичу стало немножко легче —

те тоже влиятельные отцы, не ему одному придется хлопотать.

— Сергей Александрович, насколько это серьезно?

— Трое пьяных набрасываются на идущую с работы девушку, избивают ее — как по-вашему, серьезно это?

— Только побили? Больше ничего? Слава богу!

— Какая там слава?! Их вовремя задержали. Но потерпевшая находится в травматологическом отделении. Сотрясение мозга.

— Боже мой, боже мой! Послушайте, Сергей Альсаныч. — Майор чуть заметно поморщился. — Мальчику девятнадцать лет, возраст проб и ошибок, как говорят ученые. Подросткам особенно необходимо внимание, понимание. Развивающийся организм требует заботливого отношения. Даже если он совершил, э-э...

— Преступление, — подсказал майор.

— Ну, предположим. Вспомним, как учил Макаренко, — Владислав Аркадьевич хотел присовокупить что-нибудь подходящее из Макаренко, но никак не мог вспомнить, чему он там учил. Заметив на лице майора скучающую досаду, заспешил: — Прошу, не примите мои слова как... Поймите меня правильно, ведь я отец! У вас тоже, несомненно, есть дети. Сергей Альсаныч, прошу, умоляю вас... От вас зависит судьба.

— Судьба зависит прежде всего от него самого. Мог ведь не пить, не хулиганить. От меня же ровным счетом ничего не зависит. Дело будет передано следователю, выяснится конкретная вина каждого из соучастников, кто организатор.

— Понимаю, понимаю... («Эх, ничего не вышло, придется к Таланову обратиться».) Разрешите, по крайней мере, увидеть сына. Надеюсь, на это имею право?

— Свидание можно бы. Но дежурный доложил мне, что ваш сын всю ночь нарушал порядок, выражался нецензурно. И, между прочим, грозил, что всей милиции попадет, так как его отец, то есть вы, занимает высокий пост. Судите сами, как при таком поведении давать свидание?

«О черт, какой идиот Радий! Даже сесть в милицию не умеет корректно».

В кабинет входили сотрудники в форме и в штатском. Пришлось Извольскому встать и скорбно удалиться.

Не успел майор начать инструктаж, как зазвенел телефон и голос секретарши из динамика сказал:

— Сергей Александрович, вас.

— Начальник райотдела? Здравствуйте. Беспокоит вас Канашенко с завода металлоконструкций. Мой сын...

Да, его сын, Валерий Канашенко, был вторым соучастником из задержанных ночью. Майор коротко повторил Канашенко-отцу то же, что сказал Извольскому-отцу. Этот был начальником механосборочного цеха, его фамилию майор не раз встречал в газетных статьях — цех перевыполнял план, считался маяком производства. Этот о снисхождении для сына просить стеснялся, только хотел узнать, серьезное ли дело, дойдет ли до суда. И, выслушав ответ, помялся: нельзя ли как-нибудь обойтись без широкой огласки, потому что, видите ли... и так далее.

— Гласность от милиции не зависит, — ответил по телефону майор. — А до суда, я полагаю, на этот раз дойдет. Ваш сын и без того имеет несколько приводов, попадал в вытрезвитель. Плохо за ним смотрите. Тем более он рабочий вашего же цеха. Двойная ответственность на вас.

— Так бить его, что ли? — Майор дипломатично промолчал: сам, дескать, решай, товарищ отец и начальник. — Вот лихо на мою голову. Товарищ майор, сильно вас прошу, не сообщайте пока нам... то есть официально не сообщайте в цех, на завод. У нас, знаете, распишут, раскрасят, а авторитет начальника цеха — штука хрупкая. С начала года план никак не идет, а тут еще ЧП... Поймите меня правильно, я не о себе забочусь. Но подобные ЧП снижают в коллективе производственный подъем...

— Насчет подъема ничем помочь не могу.

— Нет, это я к слову... Можно приехать, поговорить с сыном? Спасибо, товарищ майор, спасибо. Так... Сейчас вызывают на совещание к начальнику, и мне не хотелось бы объяснять свое отсутствие... ну, вы понимаете... А может, им разрешат пока находиться дома? Никуда ж они не утекут. Ну да, ну да, понятно. Во второй половине дня приеду.

Окончив телефонный разговор, майор не сразу продолжил инструктаж.

«Струсил начальник цеха, боится огласки. Авторитет бережет. Еще будет третий отец... Как мне говорить с третьим? А с матерью как?»

2

Секретарша Мария Яновна привыкла, что директор распахивает дверь порывисто, настежь, из кабинета выходит твердым широким шагом, напористо подавшись широкой грудью вперед и чуть пригнув красивую, с седой волнистой шевелюрой голову, словно высокий проем низок ему. Мария Яновна женщиной была замужней и мужа любила, но к директору с давних пор чувствовала своеобразную привязанность, безгрешную влюбленность без тени чинопочитания или дамского вздыхательства — просто как к мужчине умному, сильному. И сейчас, когда вот так странно, медленно и беззвучно растворилась дверь, руки Марии Яновны недоуменно замерли над клавишами машинки.

Директор вышел неуверенно, лицо его пожелтело, осунулось, как это бывало в прошлые времена, когда еще «горел» частенько план, лихорадили завод и директора штурмовые бессонные «концы месяца». Но тогда в серых воспаленных глазах, несмотря на усталость, светилась энергия и воля. Сейчас в них пугающая пустота. Директор притворил дверь, постоял так, держась за ручку. Левая бровь поднялась не то с обидой, не то в вопросе...

Шестилетняя совместная работа приучила Марию Яновну не задавать лишних вопросов. Так и сидела над клавишами, смотрела на его седой затылок. Не поднимая головы, он сказал:

— Я уйду на час или полтора. К одиннадцати... да, к одиннадцати вернусь.

Секретарша секунду ждала — может, еще что будет. Спросила:

— Вызвать машину, Николай Викторович?

— Не нужно. И вот еще: должны приехать из СМУ. Передайте, что я просил подождать. И что прошу извинить за...

Не так уж часто ему доводилось ездить в трамвае. Час «пик» миновал, пассажиров немного. Но Николай Викторович не заметил свободных мест и не сел. Смот-

рел в окно на чистый, ночью выпавший снежок, искрящийся под солнцем, с синими тенями от домов и обнаженных тополей. Девчушка-школьница несколько раз взглянула из-под белой шапочки на Николая Викторовича и наконец встала, хотя были еще свободные места.

— Садитесь, пожалуйста.

— Что? А, спасибо.

Сел. И опять смотрел на белый снег.

Или этот веселый солнечный мороз, или давнее, с фронта, умение сжимать нервы в кулак при тяжелых ситуациях, но из трамвая вышел уже обычный, владеющий собой Николай Викторович Ельников, директор завода, каким его всегда знали. Только левая бровь поднята все в том же недоуменном вопросе... Перейдя площадь, мельком глянул на монументальную бетонную доску Почета, где среди прочих предприятий города значилось имя его завода, и отвернулся. У подъезда замедлил шаг. Потом, пригнув голову, как всегда, напористо толкнул дверь.

Бывал он здесь не раз и не два, изредка по делу, чаще попутно, заездом к товарищу по военным годам, по фронту: проходил узким коридором с зелеными в его рост панелями, с пластиковым покрытием на полу, мимо закрытых дверей кабинетов справа, мимо чего-то ожидающих людей, сидящих на стульях вдоль левой, глухой стены — к всегда открытой настежь приемной начальника районного отдела милиции. И вся здешняя обстановка никогда не отмечалась им как нечто тревожное, даже угрожающее. Учреждение, и ничего особенного.

На этот раз тревожную особенность коридора он ощутил. Стесненный этим, Николай Викторович терял уверенность, и коридор казался незнакомым.

— Куда? Очередь не видите, что ли!

Николай Викторович остановился. В приемной сидело несколько человек, смотрели на него равнодушно и пусто. Только женщина в зеленом пальто с вызывающе дерзким прищуром усмехнулась и, уловив его растерянность, добавила презрительно:

— Как начальство, то другие уж и не люди для их!..

Рядом с ней старик с тросточкой осуждающе кашлянул и опустил взгляд.

— Извините, я не знал.

Николай Викторович отошел и сел на свободный стул.

По коридору слонялся длинноволосый парень без шапки, глазел на дверные таблички, на плакаты, тихо посвистывал сквозь зубы и подрыгивал коленкой. Поодаль еще сидели какие-то хмурые фигуры. Николай Викторович вздохнул и принялся ждать. Смотрел рассеянно на женщину в зеленом. Одета прилично, сравнительно молода еще. Но в аляповатой накрашенности лица, губ, ресниц, в космах песцового воротника, в косых морщинах капрона на тонкой ноге над красным широким сапогом сквозило что-то неряшливое.

Вышла секретарша начальника, скользнула по лицам равнодушным взглядом, хотела что-то сказать. И узнала Николая Викторовича.

— Здравствуйте, товарищ Ельников. Вы к майору? Заходите.

Он краем глаза заметил, как ощетинился песец на воротнике неряшливой женщины, уловил выразительный кашель старика с тростью.

— Я по личному делу. Подожду.

Секретарша секунду удивлялась молча.

— Н-ну, как хотите... — И уже другим, «служебным» тоном женщине: — Зайдите.

Та скривила торжествующе губы — во, осадила начальника! — и небрежной развалочкой вошла в приемную.

Ельников ждал. Занятие непривычное для него. Ждать приходилось, разве когда вызывали в главк. Но скоро свои, сегодняшние мысли снова заполнили думы. Не заметил, как уходила по коридору сердитая женщина в зеленом, как перестал посвистывать, замялся и неохотно пошел к начальнику длинноволосый парень, как, покашливая и покряхтывая, следом за ним уплелся старичок. Потом еще кто-то. Очнулся, когда секретарша тронула за плечо:

— Заходите же.

Майор писал. Но сразу отложил ручку, вышел из-за стола, протянул широкую ладонь.

— Здравствуй. Садись.

Ельников коротко пожал его руку и выдохнул нетерпеливо:

— Ну?

Майор потрогал бритую щеку, потер высокий, с залысинами лоб.

— Ну? Говори, Сергей.

— Скверное, брат, дело...

— Знаю, что скверное, потому говори сразу.

— Ладно. Задержали их в полпервого ночи на углу Садовой и Пушкинской. Олег и с ним еще двое. Пьяные, конечно. Шли из ресторана. Встретили девушку, с работы шла. Сначала приставали, а когда вырвалась, догнали и... били. На ее счастье, люди как раз шли со смены. Ну, эти бежать. Задержали их. Собственно, и все.

— Били, значит?

— Да. Больше ничего не случилось. Но, падая, она ударилась об асфальт.

— Сильно ударилась? Так. А он где? Ну ясно, где ему еще быть.

Лицо Николая Викторовича побелело, под глазами выявились синие тени, и глубже стали морщины у рта. Майор кивнул на стул:

— Ты садись, Коля.

— Угу, спасибо. Ты сам с ним занимался?

— Нет, и не видел еще. Даже не решаюсь как-то. Ведь очень хорошо вас всех знаю... Олега с пеленок знаю. Дело их у Евстафьева, это молодой лейтенант, но толковый.

— Дело? Ну да, дело... Послушай, может быть, тут что-нибудь не так, а?

— К сожалению, все так.

— И что за это?

— Ты же знаешь, определяет суд.

— Но все-таки?

— Н-ну, если дойдет до суда...

— А до суда дойдет?

— Если потерпевшая подаст заявление, то прокуратура, я думаю, даст санкцию на возбуждение уголовного дела.

Ельников грузно опустился на стул. Майор сел рядом. Николай Викторович спросил:

— Зачем ты все рассказал жене? Ты бы мне сперва, уж я Лену подготовил бы как-нибудь.

— Да ведь я понимаю, что не следовало бы! Позвонил, надеясь тебя застать дома, да ты уехал уже. Сказал я Лене, что по заводским делам нужен ты, и трубку

положил, думал немного погодя на завод позвонить. Только матери, они к беде чуткие. Тем более что Олег дома не ночевал. Лена сразу же опять меня вызвала. Я было успокаивать, да... Словом, вытянула из меня всю правду. Как она, Лена-то?

— У нее ж сердце больное. Хотела сама к тебе ехать — не смогла. Соседи «неотложку» вызвали... Но почему?! Почему?!

Ельников вскочил и заходил по кабинету.

— Да, почему?! Я не пьяница, не скандалист, не жулик, всегда толковал ему о порядочности, о совести, о... Мой тут какой-то просчет, но в чем? В чем моя вина... перед той девушкой?

Он круто остановился перед другом.

— Твоя — не знаю. Разве лишь в том, что забот у директора завода всегда по горло, а времени для семьи всегда дефицит. Да ведь и не один ты его воспитывал. Мальцам каждый встречный немножко воспитатель. А встречные, они разные. Хоть бы и старшие, наше поколение взять...

— Поколение? Ну, знаешь!.. Наше поколение и трудом и кровью советское.

— Да, но вот сейчас здесь, у дежурного, спит некий Додонов. Систематически пьянствует, во хмелю же не человек... Дебоширит, орет, лается. Трезвый — изврался вконец. Я ведь тоже воевал, до Будапешта дошел, ордена у него, медали. И вот существует же — ордена сохранил, совесть потерял.

— Но Олег мой сын! Мой, а не его!

— Ты на своем заводе сидишь, а Додонов на улице, на виду буянит.

— Так вы-то на что, милиция?

— Что мы?.. Он преступления не совершил. Пятнадцать суток мы ему давали. Теперь штрафуем. Посадить за хулиганство в колонию? Так нам все время твердят: избегайте мер с лишением свободы, воспитывайте.

— Тогда ссылать таких куда-нибудь в тайгу, чтобы молодежь не пачкали!

Майор вздохнул:

— Организовать такую «тайгу» не в полномочиях начальника райотдела. К сожалению.

— А что в полномочиях?

— Ну, беседы, внушения. Штраф.

— Эх вы, бедняги, — сказал Ельников и задумался.

Майор взял со стола карандаш, повертел, положил на место.

— Коля, ты повидаться с Олегом не хочешь? Поговорить?

— А это разрешается?

— Запрещения такого нету.

Ельников ответил не сразу.

— Тяжело... Но надо. Что уж теперь от беды прятаться. Меня в камеру проведут? Или его сюда?

— Лейтенант Евстафьев дежурит, кабинет его свободен.

— Ладно. Подожди... — Николай Викторович постоял минуту молча. И повернулся к двери. — Куда идти?

И опять он ждал. Узкая комната, шагов пять в длину. Стол, сейф, три стула. Солнечный мороз за окном. Шапку Ельников оставил в кабинете начальника, но пальто не снял, и все равно было зябко, набегала дрожь, которую приходилось сдерживать, унимать, уговаривать. Николай Викторович пытался представить сына здесь, в этой комнате, — и не мог. Стоял перед глазами облик прежнего, того, домашнего Олега, остроумного, самоуверенного, всегда немного небрежного, с чистым здоровым лицом и красивой прической — Николай Викторович не уважал гривастых юношей. Олег интересовался спортом — без увлечения, современной музыкой — без модного меломанства, книжки почитывал — без читательских восторгов, учился без двоек, но и без похвальных грамот. Веселую компанию любил, но... нет, пьяным не видели сына. Средний парень, от которого в дальнейшем ожидали, конечно же, большего. Многого ожидали... А теперь?

«Что же, постригли его уже? В чем он, в куртке или в пальто? Наверное, холодно в... камере. Нет, как все непонятно, невероятно! О чем с ним говорить? Надо держать себя в руках, чтобы без этой дрожи. Не отапливают здесь, что ли? Если он в куртке, надо принести пальто. Будет суд... Может, все-таки не будет? Как же так, ведь еще вчера вечером ничего подобного и представиться не могло. Ни боли этой, ни дрожи, ни кабинета этого...»

Дверь приоткрылась, заглянул милиционер. Все в Ельникове вздрогнуло и напряглось.

— Входи.

Олег... В куртке он. Руки за спину. Шагнул, и дверь закрылась. В побледневшем лице, во всей фигуре — помятость... Сын! На правой щеке, от темного пушка на верхней губе до уха — две свежие тонкие царапины.

— Здравствуй, папа...

— Здравствуй.

Николаю Викторовичу стало трудно дышать. Года полтора назад, простудившись и схватив жестокий бронхит, он бросил курить. Сейчас захотелось вдруг затянуться папиросой, и он, не понимая зачем, трогал карман рукой. Сын, поникнув плечами и все еще держа руки за спиной, уставился в крашеный пол.

Волна дрожи миновала, Ельников овладел собой.

— Как ты... попал сюда?

Олег шевельнул плечами.

— Выпили... — Голос хриплый какой.

Ельников подождал.

— Ну?

— Выпили мы, домой пошли...

От этого плавающего голоса, от недвижной сутулости и рук за спиной стала Ельникова заливать неприязненная брезгливость. Твердо, напористо он поторопил:

— Ну!

— Я был выпивши, сильно выпивши... плохо помню...

— Врешь.

— Ну, так получилось... Хотели пошутить сначала... — Он поднял пустые, невидящие глаза. — Просто пошутить... Я даже не знаю как...

Больше не было дрожи. Ельникова жгли возмущение, обида, злость, словно был он не отцом этого перетрусившего хулигана, а отцом той неизвестной девушки, которая бежала ночью с работы.

— Вы избивали женщину. Одну — трое здоровых парней. — Олег дернулся, словно протестуя. — Что? Ты хочешь что-то сказать?

— Она сама вцепилась мне в лицо! Вот смотри, — провел пальцем по царапинам.

— Вот как! Значит, это она напала на трех здоровых парней? И ты защищался? Спасал свою драгоценную жизнь? Что молчишь?

— Я вот так сделал рукой, чтобы заслониться, а она упала.

— И вы продолжали бить лежащую женщину? Ради самозащиты? Олег, неужели от меня научился ты трусливо врать?

Николай Викторович отвернулся к окну. Отвернуться было необходимо, чтобы не крикнуть, не ударить. Переждав, заставил себя говорить, не повышая голоса.

— В сорок пятом году моего друга, лейтенанта, разжаловали, сняли с погон звездочки, в боях заслуженные. За что? За самосуд. Его с сержантом послали арестовать немку, гестаповку. Местные жители сами пришли в комендатуру и указали, где скрывается. И все было сделано хорошо, застали гестаповку врасплох, она и пистолет схватить не успела. Терять ей нечего, бросилась на лейтенанта, как рысь. Сильная была, ловкая, тренированная — в гестапо с разбором брали. Лейтенант в финской участвовал и эту войну с боями прошел от Волги, в рукопашных схватках траншеи по метру отвоевывал. Но тут перед ним была женщина! Фашистка, враг, но — женщина. И он не смог ударить. Смог только выстрелить. Понимаешь, пристрелил, но бить женщину не поднялась рука.

Николай Викторович отвернулся от окна и посмотрел на сына. И понял, что никаких его воспоминаний о лейтенанте Олег не слышал, он думал о себе. Волосы успел пригладить, руки заложил в карманы куртки — если говорят о чем-то другом, что его лично не касается, то, выходит, не так уж плохо его дело...

— Папа, я все понимаю... Не знаю даже, как могло... Пьяные мы были, в этом все дело. Мы готовы просить у нее прощения...

— А у меня?! А у матери?!

— Что? Да, конечно, извини, папа.

Николай Викторович ждал, что Олег хоть сейчас спросит о матери. Сын не спросил. Собой занят. Молча стояли они, не зная, что еще сказать, и каждый чувствовал себя непонятым.

Ельников пошел к двери. Олег удивленно посторонился и, когда отец подошел уже к порогу, позвал упавшим голосом:

— Папа, так как же?

— Что — как?

— Ну я не знаю... Ведь можно же... Я попрошу прощения...

— Я не народный судья.

— Папа! При чем народный судья?! Из-за этого! У меня скоро сессия, и вообще... Для чего портить мне все из-за случайности...

— Ты чуть не испортил жизнь девушке.

— Но я же сказал, что все понял! И наконец, Сергей Александрович твой друг... Поговори с ним...

Ельников больше не мог. Толкнул дверь и вышел. Милиционер почтительно приложил руку к козырьку, но Ельников не заметил. Быстро прошел коридором к выходу и лишь на улице, почувствовав студеный ветерок, вспомнил, что оставил шапку. Пришлось вернуться.

Майор подписывал паспорта. Тотчас отпустил сотрудницу.

— Ну что?

— Шапку забыл.

— Олег что говорит?

— А что ему сказать.

Николай Викторович взял со стула шапку, помял рассеянно, надел.

— Пойду. До свидания, Сергей.

— Подожди! — Майор схватил карандаш, положил, кашлянул. — Ты бы поговорил с ней...

— Да просто не представляю, как она...

— Скажи ей, что мальчик он еще, в сущности.

— А? Постой, с кем это — с ней?

— Да с потерпевшей.

— О чем? Ах ты вот что! Я думаю все про жену, про Лену... Так советуешь поговорить с потерпевшей? Уговорить, чтоб заявление не подавала? Так, что ли? Сергей, это чтоб за твоим отделением лишнего происшествия не числилось?

— Перестань, — вскинул голову майор. — Я не лакировщик! С каких пор перестал ты меня уважать, Коля? Но тебе-то за что несчастье? Лене за что мука — с передачей ходить?! Разве ты мне чужой? Разве чужие вы мне? Или я забыл, кто в сорок третьем под Ржевом выволок меня из окружения?! Не заслужил ты, директор, орденоносец...

— Наши ордена сыновьям не прикрытие. Свои заслуги пусть считают. И хватит, Сергей, об этом. Делай с хулиганами, что должен делать.

Майор подошел и положил ладонь на рукав Ельникова.

— Извини. Час назад на этом месте один папаша взывал о снисхождении к развивающимся организмам... Извини, Коля. Ты сейчас едешь к Лене? Крепитесь, друзья мои. Если травма у девушки несерьезная, как-нибудь, возможно, обойдется и без лишения свободы.

— Спасибо. Пойду я.

Трубку взяла секретарша Мария Яновна.

— Алло? Приемная директора. Алло, алло!

— Это я, Ельников. Мария Яновна, из строительно-монтажного управления приехали уже?

— Из СМУ? Нет еще... нет.

Мария Яновна никогда еще, кажется, не лгала своему директору. Но голос его в трубке звучал так разбито...

— Когда приедут, просите подождать. Мне необходимо еще полчаса. У жены с сердцем плохо.

— Хорошо, Николай Вик... — Она спохватилась и оглянулась на двух насторожившихся посетителей из СМУ.

Ельников вышел из будки телефона-автомата и прижался плечом к шершавому камню стены. Мимо проходила курьерша из заводоуправления, взглянула мельком на пожилого мужчину у стены. Но не узнала директора.

3

Владислав Аркадьевич думал: «Ну, сейчас начнется истерика, не ко времени, как всегда». Но истерика не начиналась, жена только по-настоящему горько плакала, она была занята — собирала передачу для Радика, поминутно хлопая дверцей холодильника.

— Неужели ты не мог? Радик почти еще ребенок, был выпивши к тому же. Неужели ты не мог втолковать какому-то майору, что нельзя мальчика держать в тюрьме из-за девчонки, которая шляется по ночам! Наконец, пообещал бы что-нибудь достать, сделать, устроить... ну я не знаю, что там майорам надо!

— Чепуху городишь, Октавия. С кем следует, я уже...

По паспорту Извольская значилась Октябриной. Но ей казалось, что такое имя теперь «не звучит», и все, и муж тоже, звали ее Октавией.

— Я горожу чепуху! Ну конечно! Ты же не способен помочь единственному сыну! Бедный мальчик! Бедный, бедный!

— Октавия, пойми, этот майор человек совершенно не нашего круга, ему просто невозможно делать такие предложения. Я, слава богу, знаю людей. Кроме того, к нему пришли разные милиционеры. Что же, я должен отвести его в угол и шепнуть: «Хотите импортное пальто, товарищ майор?» Чепуха! Самое лучшее, попроси как следует свою приятельницу Иду Абрамовну, она знакома...

— Надо бы еще батон Радику положить. Или два. И, может быть, торт. Он любит шоколадный торт.

— Твое дитя находится не в роддоме, а в тюрьме, и торт, разумеется, неуместен.

— Мое дитя! А не твое разве?! Сыночек, бедный, бедный!.. Сходи в булочную за батонами. Еще колбасы, лучше сервелат, если есть. И уж если нельзя ему торт, купи конфет. Владислав, что ты ждешь?! Ради бога, скорей, нам пора в эту ужасную милицию!

Она расплакалась, роняя слезы в банку с сахарным песком. Извольский оделся, взял сумку и поспешил в булочную. А она все плакала, хватала то одну вещь, то другую, совала в рюкзак, снова выкладывала. На столе, креслах, пианино, на полированном гэдээровском серванте — всюду лежали вперемежку продукты, теплое китайское белье, болгарские сигареты, даже на телефоне перекинуты теплые носки.

Слышно, поворачивается ключ в замке. В прихожей шаги.

— Владислав, почему так быстро? Булочная закрыта?

Но в комнату вошел сын, ее Радик, несколько бледный, однако с обычным ироническим прищуром, с такой знакомой кривенькой — под городского теледиктора — улыбочкой.

— Радик, мальчик!! Тебя освободили?! У-у, родной ты мой, бедный!..

— Ну ладно, мама, ладно. Чего ты, ладно уж.

Она ощупывала, гладила его голову, длинные, до плеч, крашеные волосы, щеки, покрытые молодой пуш-

ковой бородкой, ласкала сына, вернувшегося из «ужасной милиции», пока он решил, что нежностей довольно.

— Хватит, мать. Хватит, говорю!

Отпустила его, только рассматривала, держа за узкие плечи, всматривалась в недовольное лицо.

— Раденька, бедненький мой! Кушать хочешь? Сейчас, сейчас накормлю. Тебе было очень плохо? Там тебя не били?!

— Еще чего выдумаешь! Они не имеют права бить. Да подожди ты, курить хочу. Слушай, мама, коньячку не найдешь, мамуля?

Коньяк нашелся. Радик развалился в кресле с сигаретой, а мама, то и дело выбегая на кухню, что-то разогревала, кипятила воду для кофе.

— Радик, но как же это случилось? — догадалась наконец спросить. — Неужели правда, что ты кого-то побил?

— А, у нас всегда раздуют, из мелочи устроят грандскандал. Мы шли, дурачились, хотели напугать знакомую девчонку, а она упала и ушиблась. Тут явились разные добровольные моралисты и черт знает чего не наприписывали нам. За такую ерунду вообще не имели права держать в милиции.

— Все равно, так нельзя, милый. Все оттого, что ты ничем не занят. Отец мог бы найти тебе подходящую службу. Не хочешь? Раденька, извини, но ты стал часто выпивать...

— Мать, что у тебя за дурная привычка устраивать трагедии из-за мелочей? Подумаешь, ночевал в милиции. Ну и что? Нужно испытать все, чтобы иметь представление, иметь свое мнение. Теперь я знаю, что за комедия наша кутузка.

— Радик, что за выражения! Ты должен подумать о...

— В наш век все думают. Мыслят. Мартышки, дельфины, крысы даже. И я мыслю как гомо сапиенс — человек мыслящий. Мне по биологическому виду полагается. И знаешь, мамуля, что я мыслю? Что ты мне сейчас подкинешь десятку, а? Надо встряхнуться, прийти в себя. Кстати, где отец?

— Пошел тебе за батонами. Как всегда, носит его где-то. («Ах Радик, всегда он шутит. Что ни говори, а настоящий мужчина растет, смелый, гордый, даже неприятности не могут его расслабить».) Сынок, ты хо-

чешь куда-то пойти? Ужин готов, тебе нужен отдых, покой после всего этого ужаса... Нет, нет, никуда не пущу!

— Маман, ты не права. Придет отец, и у нас, боюсь, получится крупный разговор. Оба вы любите читать мораль, а я в ней не нуждаюсь, ибо достаточно самостоятельный человек. Ты дай денег, поем где-нибудь спокойно.

(«Да-да, он прав, пожалуй. Отец иногда бывает ужасно нудным, он не понимает современной молодежи».)

— Не задерживайся долго, Радик, умоляю тебя. И не пей, сыночек. Понимаю, тебе нужен свежий воздух после... Ах, как это дико — милиция!

4

Отпуская Валерия Канашенко, дежурный провел воспитательную работу:

— Иди и больше не хулигань. Смотри-ка, родители вон тебя ждут, нервничают.

— Смотрю. Родители. Эка невидаль.

Отец читал плакаты в коридоре с таким интересом, будто затем в милицию и пришел — плакаты почитать, а разные там арестованные, выпускаемые ровно никакого отношения к нему не имеют. Мать стояла в сторонке с хозяйственной сумкой у ног, издалека жалобно улыбалась, и в морщинках под глазами набиралась у нее влага, которую она незаметненько стирала рукавом. Валерий видел, как мать рванулась было к нему, но отец шепнул ей что-то, оглянулся по сторонам. И только когда он вышел на улицу, оба подошли.

— Хорош, — сказал отец. — Ну, дома поговорим.

А мама, пока шли до трамвая, задавала обычные, самые мамины вопросы: хочет ли он кушать, не холодно ли ему, не болит ли голова, а то ишь вид нездоровый.

— Не с курорта едет... — сквозь зубы процедил отец.

А она шепотом: страшно ли было, совсем ли отпустили или еще что-нибудь будет? Валерий отвечал ей тоже вполголоса. Отец молча слушал и пока не вмешивался. Никто не касался самого больного вопроса: как Валерий мог?! Не место для этого вопроса — улица. Валерий боялся, что мать не удержится и спросит, и за-

плачет, а отец на нее прикрикнет — неудобно, мол: начальник цеха идет по улице с семьей, а жена ревет в три ручья. Вдруг встретится кто из цеха, что подумают?

Убедившись, что сын здоров и, кажется, «прочувствовал» на этот раз, мать уехала трамваем на смену — отпрашивалась всего на час «по семейным обстоятельствам». Отец велел сыну зайти в парикмахерскую:

— Побрей морду, а то каторжанский вид — стыдно в трамвай с тобой садиться. Везет же дураку!

— Опять ты за меня хлопотал?

— Отпустили, и радуйся. Ты разве оценишь заботу!

Пока Валерия брили, отец ждал в вестибюле. Когда сели в трамвай, встретился кто-то из знакомых, и отец изобразил беззаботную улыбку: «Мать на работе, а мы с сыном заняты заготовкой продуктов» — это он про сумку с передачей.

Приехали домой. И началось... Отец высился над столом, как над трибуной, и то ругательски ругал Валерия, то заводил речь о долге, о рабочей чести, о моральном кодексе. Еще, кажется, о соцсоревновании. Только графина с водой ему не хватало. Валерий не отвечал, он ел. В милиции аппетита не было, а тут, под аккомпанемент родительской нотации, уписывал колбасу с белым хлебом, а отвечать ему просто некогда было, пока не наелся.

— На что ты годишься, позволь узнать? Ну хорошо, учиться не желаешь, в науках не преуспел. Устроили тебя на гормолзавод, зарплата для начала вполне...

— Я восемь классов кончил, чтобы ящики таскать? — дожевывая, начал оборону сын.

— Ты так учился, что с твоими знаниями только ящики и таскать и не рыпаться. А ты через два месяца уволился. Однообразный труд, видите ли, не отвечает твоим высоким запросам! Ну хорошо, ну прекрасно! Упросил я, чтобы приняли в пожарную команду. И что же? Через полгода за прогул вылетел!

— Тоже мне работа — пожарка!

— Так что же тебе надо? Что? В свой цех взял, чтобы ты хоть на глазах был, к Вавилову, лучшему слесарю, приставил — нет, не идет дело! Дважды из вытрезвителя выручать пришлось. На сей раз еще похлеще — от суда! Что же, и в цехе тебе не нравится?

— В цехе нравится. Почти нравится.

— Так почему подводишь родной коллектив?

— Папа, ты как на профсоюзном собрании: «родной коллектив»... Скажи уж прямо, что начальника цеха я подвел — тебя. Показатели тебе порчу.

— Обо мне ты не думаешь! Так подумай о коллективе, который повседневно и неустанно борется...

— Ну да, за выполнение плана и повышение производственных показателей. Ты, папа, хоть бы дома-то без штампов разговаривал, они на собраниях приелись вот как!

— Не ври, с собраний ты сбегаешь, хотя я не раз предупреждал, что сын начальника цеха должен являть собой образец активности, высокой сознательности.

— Чего там интересного-то, на собраниях ваших? Толчете воду в ступе — «повысить, расширить, углубить, все как один человек»... Слова одни, а толку — ноль. Заготовок нету, инструмента путного нету, а вы «повысить, расширить»... Электрокар вон больше года, говорят, отремонтировать не соберетесь, заготовки на горбу таскаем, а вы «повысить»!

— Да ты сам-то у меня на горбу сидишь, бездельник! Балласт в цехе...

— Работаю не хуже других, хоть Вавилова спроси.

— Другие в вытрезвитель не попадают.

— Знаешь, папа, у меня голова болит очень. Давай ты меня в другой раз повоспитываешь, а сейчас я спать пойду.

— Вот как! Напакостил, подвел — и пошел спать! Нет, ты слушай! По-настоящему-то надо тебя на общее собрание, перед всем коллективом...

Голова у Валерия в самом деле разламывалась. Он озлился.

— Да не пугай ты общим собранием, все равно оно не состоится. Не решишься меня разбирать, чтоб авторитет твой не запачкался. Из вытрезвителя не одного меня выручал — почему? Ах, высоко держим трудовую дисциплину, нет нарушений в лучшем цехе! Минька Балбашон пьяный вдрызг на смену заявился, тебя матом обложил, а ты, начальник цеха, что сделал? В цеховой машине его домой отправил, чтоб, значит, сор из избы не выносить. Пашка с Егорьевым подрались на рабочем месте — ты их «перед коллективом»? Нет, ты все тихонечко замазал. Авторитет! Дисциплина! Да ты — первый нарушитель трудовой дисциплины, если хочешь

знать! Как ты, начальник цеха, допускаешь, чтобы твои люди в конце месяца без выходных по две смены вкалывали! Вот тут ты нарушений не видишь, а еще и успехами потом хвалишься.

Канашенко-старший никак не ожидал такой «критики снизу», притом в самый неожиданный момент. Рявкнул:

— Мальчишка, молокосос! Что ты понимаешь! Честные трудящиеся вкладывают все силы, чтобы справиться с государственным заданием, а ты!..

— Рабочие смеются, а ты за свой авторитет дрожишь. Надоела всем твоя показуха! Ну пускай я мальчишка, да разве я не вижу? Все видят.

— Сверх смены я работать не заставляю, я только прошу. Люди сами проявляют...

— Так и организуй, чтобы план и премия — без штурмовщины. Не можешь? Кишка тонка, начальник цеха! Ладно уж, работяги твой авторитет выручат. Но и ты нас выручай из вытрезвителя. И не пугай коллективом. Коллектив и мне и тебе цену знает.

Канашенко-старший, ломая спички, прикурил, бросил спичку в пепельницу, промахнулся.

— Не свои слова болтаешь, Валерий. Знаю чьи. Вавилова это слова. Он мастак начальство бранить.

— Ты его только что лучшим слесарем назвал, — напомнил сын.

— Да, и могу повторить: лучший он слесарь цеха. Но демагог! Смотри, какие штуки мальцу навнушал!

— Разве это неправда? Вот мы не на собрании, и комиссий тут нету, скажи честно — неправда? Нет у нас ни штурмовщины, ни показухи? Вот ты скажи!

— Видишь ли, обстоятельства производства иногда...

— Вот и у меня обстоятельства — попал в милицию. Ты каждый месяц нарушаешь кодекс о труде, я в среднем раз в квартал — уголовный. И давай не будем друг друга воспитывать.

— Да ты что, в конце-то концов! На дело тебя нет, а болтать наловчился! Он только что из милиции, а я виноват! Наставник твой Вавилов слесарить тебя что-то не шибко научил, а вот критиковать... Критиковать-то легко!

— А ты Вавилова не трогай! Вавилов — человек! Дело свое знает получше, чем ты свое.

— О! Вавилов уж ему лучше отца родного! Вавилов, видите ли, человек! Что же он из тебя человека не сотворил? Еще и хуже ты стал — не только хулиганить, еще и болтать научился! Хватит! К черту! Довольно терпеть в цехе хулигана! Ищи себе работу по вкусу, не держу! Завтра же дам расчет!

— А не имеешь права. Я чист. Вытрезвители мои ты скрыл, милицию тоже скрыть постараешься — авторитет бережешь. Не записано мне на бумаге никаких взысканий, увольнять не за что. Понял? Ну и все.

— Сейчас же, слышишь? Сейчас же пиши «по собственному желанию»!

— А если мне работа почти нравится? Нету у меня собственного желания увольняться. А раз нету желания, зачем я буду писать, что оно есть?

— Валерий, ты наглец!

— Папа, а что лучше — наглец или лицемер?

— Кто это лицемер? Кого имеешь в виду, сопляк?!

— Ты подумал, что тебя?

Ну, это уж слишком. Пора поставить мальчишку на место! Надо решительно заявить... Что заявить? Разве он поймет, как приходится вертеться между двух огней начальнику цеха? В чем-то мальчишка прав... Но обстоятельства, в которых приходится работать начальнику цеха, этого он не поймет!

В прихожей раздался звонок, и Канашенко-старший обрадовался разрядке.

— Иди открой, кого там принесло.

Оказалось, явился Радик Извольский.

— Как у тебя, Валерка? Заели предки?

— Кого? Меня? Хо!

— Пошли прошвырнемся. Каторжники и те имеют право на прогулку. У меня монеты есть, освежимся коньячком после милицейской кипяченой водички.

Отец, конечно, запротестовал, но быстро объявил нейтралитет: черт с тобой, пропадай, если ты такой оболтус. Канашенко-старшего в общем-то устраивал перерыв в тяжелом разговоре, не подготовился он к такому разговору. Дурацкое положение: отец ничего не может сделать с сыном, начальник цеха — с учеником слесаря! Немощное какое-то положение. Как бороться с неприятностями? Чем оправдаться перед сыном?

5

С самого утра, с самого того телефонного звонка, чем бы ни был занят директор, какие бы вопросы ни решал — давила его не мысль даже, а ощущение горя, тем более неотвязное ощущение, что предпринять что-либо он был бессилен. Вспомнилось: в войну, в полевом госпитале жуткой казалась бомбежка: нагло гудит над головой смерть, а зениток в лесу нет уже, вперед они ушли, и лежишь, раненый, недвижный, в койку вдавился, и ничего не можешь — ни уйти, ни стрелять. Сейчас не смерть физическая грозит — честь семьи в надломе. Бывало, батарейцев его называл комдив: «капитана Ельникова орлы».

Николай Викторович до сих пор мерил будни фронтовой мерой. Капитан Ельников суров был во всем, что касалось воинской дисциплины, четкости и быстроты исполнения приказа, но не терпел зряшной муштры, показной лихости. Директор Ельников не привык «развертывать борьбу за...», он просто воевал, и в мирные дни воевал за живое дело, за нужное дело, за лучшее. Иногда на два фронта... Но сейчас, в семейной трагедии, он чувствовал себя безоружным.

Отложив все, что можно было отложить хотя бы до завтра, приехал домой пораньше — и к сегодняшней отцовской ране прибавилась еще царапина директорская, из-за незавершенности каких-то заводских дел.

Жена чувствовала себя лучше. Или делала вид, что лучше. Они почти не говорили о главном, что мучило. Только Лена сказала:

— Ты бы свез все-таки ему поесть.

— Нет.

И она больше о том не заговаривала.

— Коля, звонят к нам?

Обыкновенный звонок в прихожей теперь пугал.

— Сейчас открою. Медсестра, наверное, время укол тебе делать.

Он пошел и открыл.

— Ты?!

— Папа, нас отпустили, совсем отпустили.

Тяжкий груз беды приподнялся, отлегло щемящее чувство в груди, на миг отлегло.

«Отпустили! Ну вот, миновало... Нет, почему же отпустили? Ну не сбежал же, в самом деле. Отпустили его! Лена успокоится, и все обойдется теперь. Недоразумение произошло? Да нет, вот же, вот царапины у него на лице. Значит?..»

Груз беды опустился снова, налег.

— Когда суд?

— Не будет суда, папа. Сообщат в институт, и все.

— И все... Так.

Сын стоял у двери, словно не было уже у него права пройти в свой дом и нужно, чтобы отец разрешил ему это.

— Входи.

Олег вошел в прихожую. Потупясь, снимал куртку, ботинки. Когда он ехал трамваем, когда почти бегом торопился к своему дому, казалось, что отец и мама встретят его радостно — все ведь кончилось благополучно, судить не будут! Но сейчас, в прихожей своей квартиры, понял, что ничего не кончилось, что вина попрежнему на нем осталась, а что суда не будет — то для людей, а для отца Олег все так же виновен.

— Как мама?

— Лежит.

— Папа...

— Ну?

— Можно к ней?

— Погоди.

И он остался в прихожей. Теперь он был чем-то чужеродным, плохо приемлемым в своей семье, ибо противопоставил себя строгой совести семьи. Там, в камере, он находился в обществе себе подобных, все они склонны были считать себя не преступниками, не нарушителями порядка, а, наоборот, вроде как пострадавшими от излишней придирчивости чьей-то. Иные, как Радик Извольский, громко кричали о своей невиновности, грозили даже жалобой в высшие инстанции. В камере было легче. В семье он безусловно виновен. Если б можно было вернуть вчерашний вечер! Или лучше бы совсем не выходить вчера из дому! Или хотя бы не поддерживать буйную веселость Радьки Извольского, не гнаться за девушкой... Если бы вернуть те минуты!

Жена сидела в постели, отыскивала ногой тапочку.

— Лежи, лежи, Олег пришел, выпустили их, решили без суда обойтись.

— Так он не...

— Он соучастник, но судить не будут. Позвать его? Зайди! — крикнул он в дверь.

«Ох, в камере было легче... Дома я обвиняемый. Даже мама...»

— Здравствуй, мамочка.

Отец:

— Иди в свою комнату. Видишь, маме и без тебя плохо.

В своей комнате, не включая света, он сел к столу. Это была его комната, где кругом его вещи, его книги, магнитофон, диван, распечатанная пачка сигарет «Лайка» рядом с учебником химии, с улицы светит в окно его фонарь. И все это перестало быть таким, каким было вчера, вещи усомнились в том, что он по-прежнему их хозяин, — ведь он чуть не лишился их, всего этого своего мира. Вещи безмолвно осуждали.

Майора он застал еще в милиции.

— Честное слово, никакой скидки на родителей не давалось, — успокаивал майор. — У потерпевшей при врачебном осмотре телесных повреждений не обнаружено, сотрясение мозга не подтвердилось. Ну и что, что есть свидетели? Прокуратура не дает санкцию на возбуждение уголовного дела ввиду малозначительности содеянного.

— Значит, если не искалечили, то и невиновны?

— Мы стараемся по возможности избегать наказаний, связанных с лишением свободы, шире привлекать меры общественного воздействия. Поэтому надо ли загружать народные суды мелкими делами?

— Не оттого ли им работы много, что...

— Послушай, Николай, ты чего же хочешь? Чтобы твоего сына отправили в колонию?

— Чтобы за преступлением неотвратимо следовало наказание. Настоящее, реальное наказание.

— Суд общественности иногда не менее, а порой и более эффективен...

— Иногда, порой... Необходимо безусловно эффективное наказание. И потом... вздумай я позвонить декану института, и никакого суда общественности не будет вообще.

— Мне-то для чего это говоришь?! Поверь, я не делал скидок Олегу и его дружкам.

— И то хорошо. Извини, Сергей, я подумал, что ты... Ладно, пусть общественность. Стыдно, очень стыдно, а придется самому присутствовать в институте при... До свиданья, Сергей. Бедные вы все-таки, милиция.

Сын по-прежнему сидел в темной комнате, уставясь в затянутое зимним узором окно. Николай Викторович сказал оконным узорам:

— Будут в институте разбирать твое персональное дело, дай мне знать, приеду. Оно и мое персональное дело — мы из одной семьи. Если же в дальнейшем с тобой произойдет что-то подобное... поеду хлопотать к прокурору города, области, чтобы наказание дали особо суровое. Надеюсь, со мной будут считаться.

Когда Олег поднял голову, отца не было в комнате. Лег не раздеваясь на незастеленный диван. Хотелось бы уснуть — не мог. Смотрел в темноту и слышал вчерашнюю ресторанную музыку, видел ночную улицу, одинокую девичью фигуру... И Валерку Канашенко, и Радика Извольского, и себя. Ну что бы им сразу из ресторана разойтись по домам! Или не заметить одинокой фигурки. Наконец, удержать Радьку, когда тот с пьяным, глумливым ржаньем схватил ее за руку...

— Вставай, к тебе пришли.

— Кто? — испугался Олег.

— Приятели. С которыми совершал подвиги.

— Пожалуйста, папа, скажи им, что я сплю...

— Встань и скажи сам, что ты спишь. Лгать — не мое хобби.

Радик и Валера курили на лестничной площадке.

— Как дела, Олежка? Э, да ты совсем скис, — прищурился Радик. — Завоспитывали предки до упаду? Вот, под глазами сине, как после брачной ночи. Одевайся, пойдем отметим свободу. Ах, это сладкое слово — свобода! Хватит тревог и угрызений.

— Не хватит, тревоги не кончились.

— Ну, ты не каркай. Тоже мне, вещий Олег!

— Вы как хотите, а я не пойду никуда. Мать болеет.

— Чего с ней? Так ты же не доктор, пойдем. Моя вот маман морально устойчивая. Поахала — червонец дала.

— Может, она толстокожая, — неприязненно сказал Олег.

— Вон что! Психуешь? Тонкий ты оказался, друг. Черт с тобой, кисни возле мамочки. Пойдем, Валера.

Олег захлопнул дверь.

Николай Викторович повесил пиджак и снял рубашку:

— Нет, не пошел он, давай спать, Лена.

Прошли они вместе квартала три. Канашенко остановился.

— Радька, я тоже домой пойду.

— Чего ты? Посидеть надо, отметить.

— Не, утром на работу, мой шеф Вавилов учует запах. Ни к чему сейчас дополнительные неприятности.

— Эх вы, мужчины! Заворчали папочки-мамочки — и дружба врозь? — Радий громко выругался. — Чего заоглядывался? Струсил, что вчерашний блюститель нравов опять из-за угла вылупится? Не бойся, дитя, нас же законно отпустили. А тому пижону, защитнику униженных и оскорбленных, я еще шепну пару ласковых тет-а-тет. Я ж его знаю, Витька Алексеев его звать. Он, подлюка, меня в милицию сдал, я его в больницу устрою, дождется. Так ты идешь или нет?

— Я домой. Вот и Олег не захотел.

— Хлюпики вы! — Радий опять ругнулся, плюнул и двинулся вразвалочку к ресторану один.

6

Валерий Канашенко вернулся домой рано и в полном порядке, чему отец даже удивился. Противный разговор больше сегодня не начинали — «стороны» заключили негласное перемирие. Только Канашенко-старший, чтобы дать понять, что так легко мальчишке не обойдется, буркнул:

— Завтра «четырехугольником» решим, что с тобой...

Это он может. Начальник цеха Канашенко в щекотливых случаях всегда прибегал к «четырехугольнику». С одной стороны, соблюден принцип коллегиальности, а с него лично снимается часть ответственности. С другой стороны, он умел влиять на «треугольник» — партсекретаря, комсорга и предцехкома — нужным для де-

ла образом. Не вынося вопрос на широкое обсуждение — «нужно ли разжигать страсти?» — администрация вкупе с общественностью тихо находили выход из создавшегося положения.

Это отец может. И придется завтра слушать хрестоматийно правильные слова, вопросы: «Как думаешь в дальнейшем, Валерий? Даешь ли твердое обещание, Валерий?» Отец будет только подавать реплики, комсорг молчать, а партсекретарь и председатель цехкома поучать. Пока Валерию не надоест все это и он не отмахнется: «Больше не повторится».

Утром Валерий явился на смену. Избегая всяческих контактов с парнями, быстренько переоделся, шмыгнул к рабочему месту. В конце пролета доигрывали партию в «козла» — одни приходят «забить разок» за полчаса до смены, иные и за час. Из раздевалки все шел и шел народ, растекался по своим местам. Кое-кто из парней, понизив голос, спрашивал:

— Ты чего вчера-то?

— Да так, ерунда получилась.

Он чувствовал, что многие в цехе знают о его «ерунде», поглядывают как-то эдак... Откуда стало известно? Или только кажется? Нет, знают кое-что. Ну ясно, не молчали те, которые задержали их ночью. Сутки прошли, слухи разошлись.

Валерин наставник, «шеф», слесарь седьмого разряда Вавилов выкладывал из верстачного ящика инструмент, осматривал.

— Здрасте, Геннадий Иваныч!

— Здравствуй.

Вавилов повертел сломанный гаечный ключ, глянул на часы. Сейчас он скажет: «Пойди в инструменталку, замени. Инструмент должен быть всегда исправным».

Но Вавилов сказал:

— Пойди к начальнику участка, попроси, чтобы тебя перевели от меня к кому-нибудь другому.

В груди у Валерия дрогнуло.

— Почему, Геннадий Иваныч?

— Сосед мой Виктор Алексеев вас задерживал тогда ночью. Этот парень врать не станет. А у меня, между прочим, у самого дочь подрастает.

— Нас же отпустили, Геннадий Иваныч!

— Отпустили — их дело. Но не могу я каждый день

на тебя смотреть, работать с тобой. Мне противно. Привык я, что рядом рабочий человек, а не ночной насильник. Товарищ, а не трусливый подлец из ресторана. Ты не обижайся, я вообще говорю. Так пойди к начальнику участка, вон он как раз у себя в будке.

— Геннадий Иваныч, честное слово, я уже осознал...

— Иначе, худо тебе? Но мне-то за что терпеть тебя рядом?

И Валерий потащился к начальнику участка. Его прямо-таки тошнило от собственного ничтожества. Ничего хорошего от сегодняшнего дня он и не ожидал, конечно. Вавиловского мнения боялся больше, чем всего «четырехугольника». Вавилов не просто первоклассный слесарь, он — правильный человек, вот в чем дело-то. Никогда не «воспитывает». Может, потому его и уважают, что не «воспитывает» никого. Вавилов просто терпеть не может мерзостей, от кого бы они ни исходили. В цехе немало таких, кто что угодно стерпит, если самого его некасаемо, еще и поржет, похохмит. Вот к такому, наверное, и сунут теперь Валерия, и все обойдется. Все обойдется, кроме одного: Вавилова он и уважал-то именно за нетерпимость к пакостям, за справедливость.

Начальник участка ничего не знал о ЧП с Канашенко-младшим, потому недоуменно заволновался. И побежал к Вавилову. О чем там они говорили, Валерий не слышал. Он сперва торчал неприкаянно возле будки начальника участка, потом укрылся за бездействующим электрокаром. Он тоскливо смотрел из-за электрокара, как начальник участка убеждал Геннадия Ивановича, и не убедил, и побежал к лестнице на второй этаж, к начальнику цеха. Вскоре в кабинет начальника цеха попросили и самого Вавилова — уговаривать.

Валерий никогда еще так не мучился. Ну что он такое в цехе после того, как отверг его Геннадий Иванович? А если Вавилова уговорят и оставит он Валерия при себе, как же с ним работать — в постоянном стыде? Одно осталось — уволиться. Но с легкой руки того же Вавилова нравилось Валерию слесарное дело, ладилось, шло. Сам Геннадий Иваныч одобрял. Не то что молочный завод с их ящиками. Или пожарная команда... Уж лучше бы не отпускали из милиции, судили, наказывали, чем презрение Геннадия Иваныча!

Начальник цеха Канашенко чувствовал себя неловко.

— Геннадий Иваныч, поймите меня правильно, не за сына прошу... Молодой рабочий, ваш ученик, оступился. И разве не ваш долг, долг советского человека, помочь молодому рабочему встать на правильный путь?

Вавилов ответил:

— Когда работу «запорол» сам начальник цеха, тут уж слесарь вряд ли исправит. Пусть попробует какой-нибудь другой советский человек. Заберите парня от меня. Мне хочется его ударить. А советский человек почему-то не имеет права бить подлеца.

— Но, Геннадий Иванович, в чем-то здесь и ваша недоработка наставника. — Канашенко-старшему очень хотелось поделиться с кем-нибудь «коллегиально» собственной виной.

— Может, и есть. Тем более заберите его от меня.

Начальник цеха развел руками, как бы предоставляя этим жестом высказаться остальным «углам» «четырехугольника». И его эстафету принял председатель цехкома:

— Так нельзя, Вавилов. Все мы являемся наставниками молодежи. Тем более вы пользуетесь известным авторитетом, к вашему мнению прислушиваются...

— Вот и прислушайтесь.

Теперь предцехкома развел руками. Заговорил партсекретарь:

— Минуточку, минуточку, Геннадий Иванович! Вспомните, когда ваш ученик попал в вытрезвитель, так вы чуть ли не в защиту его кинулись, несмотря на то, что он, работник без году неделя, подвел цех. Некоторые товарищи справедливо высказывались, что его следует перевести в наказание на хозяйственные работы. Вы были против. Так почему сейчас вы столь бескомпромиссны?

— Тогда я настаивал, чтобы в хозбригаду перевели подкранового Валиулина, он готов пить с кем попало, с подростками, учениками. Валиулин спаивал и моего ученика, но вы не решились его наказать. Почему? Потому что вместо одного нарушения в цехе было бы два. Пили они вместе, но Валиулин живет близко, он добрался до дому и там устроил скандал. Парнишка же уснул на улице. Почему же вы не захотели наказать скандалиста Валиулина, спаивающего молодежь, хотя его вина тяжелее? И справедливо ли было наказать одного

Валерия? Вот почему я промолчал, когда вы, Федор Макарович, замяли эту историю. Кстати, я что-то не помню, чтобы Валерия хотели перевести на хозработы.

«Четырехугольник» молчал. И Вавилов спросил:

— Можно мне идти?

— Геннадий Иванович, — сделал еще попытку начальник цеха. — Повторяю, меня волнует судьба молодого рабочего. Надо понять его, надо протянуть руку помощи...

— Вы сами на собрании говорили о непримиримости к преступлению, а дошло до дела — и взываете о руке помощи? Почему такая полярность между призывом и действием?

Начальник цеха махнул вяло:

— Идите, товарищ Вавилов.

Электрокар стоял тут давно и безнадежно ожидал ремонта. Электрокар стоял в сторонке и как будто сам стыдился своей беспомощности, запыленный, несчастный. Валерий плакать не собирался — еще чего не хватало! Но похилившийся контур электрокара терял очертания, колебался влажно.

«Я им еще докажу, увидят! Сам же Вавилов говорил, что у меня работа с лету ладится...» Впервые он по-настоящему и глубоко пожалел, что хватило у него бездумья бить кого-то... Его выбросили, как паршивца. И кто — Вавилов, настоящий слесарь, настоящий человек...

Вавилов вышел. Начальник участка мялся у дверей — то ли и ему идти, то ли будут какие распоряжения?

— Федор Макарович, так куда мне его девать, вашего?

Но тут снова открылась дверь, и появился Вавилов.

— Слушайте, ладно, пускай остается у меня. Только уж вы мне не мешайте, понятно? До свидания.

Валерий даже присел, увидя Геннадия Ивановича.

— Вот ключ, держи. Видишь, сломан. Иди в инструменталку и замени. Быстро!

7

У Олега сидел Канашенко.

— Привет нетипичным юношам! — крикнул Радий, входя в комнату Олега. — Всю неделю не видел ваших морд, заскучал. Что не заходите?

Олег пожал плечами, уселся на диван, подняв колени и обхватив их руками. Валерий листал журнал. Он ответил:

— Неделя у нас трудовая. Это ты не работаешь.

— Вон что! После малоприятного отдыха в кутузке трудолюбие вас обуяло? Так сажать вас почаще — в ударники выйдете, в отличники. Эй, да хватит вам серьезничать! Ударники должны уметь не только трудиться, но и отдыхать. Пошли, организую вам культпоход. У меня имеется некая сумма. А остальное все приложится.

Ожидаемого энтузиазма у друзей не появилось. Радий посмотрел на одного, на другого. Шевельнулась догадка, что энтузиазма он и не увидит сейчас. Верить этому не хотелось. Извольский не привык, чтобы в его ближайшем окружении кто-то не считался с его желаниями, с его мнением.

— В чем дело, джентльмены? Почему минута молчания?

Валерий захлопнул журнал.

— Говоришь, должны уметь отдыхать? Значит, работать ты уже научился?

— Хо, от работы, знаешь, у слона грыжа бывает. — Он пропел: — Я не трактор, я не плуг, я им не бульдозер.

— А кто ты?

— Я? Слушай, Валера, ты хочешь прочитать лекцию на тему «Труд создал человека»? Мой юный друг, не надо. Приступим лучше сразу к художественной части.

— Художества надоели, Радий. Не та самодеятельность у нас получается. Вот с этой девчонкой...

— Парни, да ведь все обошлось! У моего папочки атомная энергия и широкий диапазон действия. И сейчас я вас зову не госбанк грабить, а всего-навсего посидеть в кафе, в пределах законности.

— Мерси. Мы уже посидели немного... не в кафе.

— Не все ж тебе, ударник, на профсоюзных собра-

ниях заседать, для разнообразия и кафе, и даже кутузка неплохо. Скажи, Олег?

Олег сидел с закрытыми глазами, вроде дремал.

— Слушайте, парни, — сказал Радий, — а ведь раньше вы не были слюнтяями.

— И теперь тоже.

— Теперь сомневаюсь. Но дело, конечно, ваше. Так вы идете или нет? Олег?

Олег открыл глаза.

— Мне к зачету готовиться. «Хвосты» есть, понимаешь...

— И черт с вами. Здесь становится скучно. Гуд бай, ударники.

Что произошло? Бунт на корабле? Да нет, никакого бунта. Просто команда испугалась, увидя волны. Хлюпикам захотелось серенькой жизни, с разными там нормами выработки, с моральным кодексом. Не надо винить команду хлюпиков, не каждый ведь способен жить ярко. Капитан великодушен, он их не винит, он плюет на них. Радий Извольский способен жить ярко, остро, красиво. Пусть заурядные личности грызут науку или там слесарят. В отличники лезете, студентик? Ну-ну. Валяйте, зубрите. Дипломчик, конечно, необходим по нашим временам. Радий Извольский понимает, Радий Извольский осенью тоже займется науками. И представьте, студентик, дело у Извольского пойдет не хуже вашего. В отличники, может быть, и не полезем — на что? Ну а дипломчик заимеем, точно. А что касается карьеры дальнейшей, то вас-то уж обставим. А вы, товарищ слесарь? Для наук вы, прямо скажем, туповаты. Поэтому махайте кувалдой. Хорошо будете махать — начальство наградит вас званием ударника комтруда. Только вот ведь в чем штука, хлюпики: старания ваши — это ужаснейшая мура! Не в кувалде счастье, примитивные труженики. Надо уметь жить — вот в чем настоящая наука! Извольский-папа, между прочим, диплома не имеет, кувалды в руки отродясь не брал, но умеет жить и живет получше, чем инженер или там знатный горновой, сталевар или как их там. Ибо в этом, увы, не лучшем из миров, на земном шарике, блага достаются не умной голове, не мощным мускулам, а сильной личности, личности без предрассудков. И когда-нибудь вы,

бывшие друзья, будете умолять Радия Извольского «устроить» вам по знакомству, за ваши — ну конечно же, честные! — деньги что-нибудь такое редкое, дефицитное. Может быть, лекарство, к которому приведут вас усиленные труды. И Радий Владиславович Извольский, так и быть, достанет вам это лекарство. Разумеется, с наценкой, ибо дураков надо учить. Вы будете очень благодарны Радию Владиславовичу и постараетесь не вспоминать, как когда-то отвернулись от него. Вот так, трудяги.

Мороз стоял под сорок. Тянул северный ветер. Выглядывало из-за облаков и пряталось солнце. Третий час дня. Сегодня воскресенье, и где-то уже орет песню пьяный. Прохожие бегут-торопятся — холодно. Красные озябшие носы выглядывают из-за воротников. Бегут прохожие. Никому нет дела до Радия Извольского, до его обиды.

— ...Диспетчеру легко командовать: «Две гондолы в тупик». А путя снегом замело, как я подам гондолы? А? Нет, ты скажи, — сердится шапка с железнодорожной кокардой.

— У Олечки ангина, температурка, а она, представьте себе, форточку настежь! Я ей говорю: «Детка, разве можно...» — тарахтит кому-то старуха. У самой, поди-ка, вовсе никакой температуры нету, ишь, даже пар изо рта не идет, а она тарахтит про Олечку.

— Вот увидите, сдаст на пятерку! Говорит, что ничего не знает, а вот увидите, сдаст. У него способности! — Это девчонки-студентки пищат, варежками за уши держатся.

— ...Какая оркестровка, какой голос! Талант...

Путь. Тупик. Способности. Талант. Никому нет дела до Радия Извольского.

Возле магазина подпрыгивают на морозе два знакомых подонка.

— Радька, привет! Слушай, у нас не хватает малость, добавь, а?

Вот у кого есть дело до Радия Извольского!

— У вас не хватает? У обоих, вместе взятых, и не хватает? Эх, крохоборы.

Не обиделись. Улыбаются синими губами, просят. Обычно Радий с такой рванью не связывался. Но на безрыбье, как говорится...

— Ладно, крохоборы, пойдем в кафе. Я не привык пить по подворотням, как вы.

Они возликовали, залебезили. Бежали за ним, виляли задами, как собачонки. В лицо заглядывали. На миг Радий снова почувствовал себя орлом-капитаном, мелькнуло в сознании что-то про сильную личность... Мелькнуло и угасло. Не то, не то... вшивая команда бежит за капитаном.

Одно кафе миновали — «команда» заявила, что там «шибко культурой прет». В другое, подальше, зашли. Длинноволосые юнцы и крашеные девы с сигаретами что-то здесь пили, шептались интимно. Сели. Радий хотел заказать коньяк, но передумал — подонкам ни к чему, не оценят, им что «Плиска», что одеколон, один черт. Заказал водки. А те оттаяли, и обнаружилось, что они уже «под мухой». Хватили еще по сто пятьдесят, и стало с ними Радию еще скучнее. Беседу вести они способны только лишь о выпивке. Рассопливились, тычут сигаретами в салат, роняют вилки, все время ругаются. Досталась капитану неудачная команда. На кой черт их поил? Один, с маленьким личиком и кудлатой башкой, похож на пуделя. Только пудели не ругаются. Второй — стриженый, в синих спортивных брюках, вроде подштанников.

— Радька, сволочь, я тебя уважаю! — лез обниматься Пудель. — Ты мне только скажи, все сделаю! Ты друг! Кто тебя тронет, ты скажи мне, Радька, сволочь такая! Я в-во! — Он извлек из кармана нож. — Видал? Я... я...

Пудель скрипел зубами, гавкал матом. Радий пожалел, что связался. Особенно после истории с девчонкой не надо быть в такой приблатненной компании...

— Кто меня тронет, чего ты? — уговаривал он Пуделя. — Дай сюда, а то порежешься.

Отобрал нож, подонок и не заметил. Хватит, пора кончать эту благотворительность. На их столик посматривают официантки. Да и что за удовольствие — не перед кем блеснуть своей философией «сильной личности». Подонки, разве они поймут?

— Айда отсюда, вы! На свежий воздух. Окосели, черти.

Они не соглашались. Они не пьяные. В норме. Они бы и еще выпили. Тогда Радий догадался объявить, что у него деньги кончились. Это подействовало, и они вы-

шли. Подонки тут же забыли о благодетеле Радьке, завыли песню, побрели. И он забыл о них — по ступенькам кафе неспешно, вальяжно поднималась знакомая девица. Радий был с ней раза три в компаниях и знал, только он моргни — Эльмира на шее повиснет.

— Хэлло, Элли! Какими судьбами в сей вертеп?

— Чао! Надо посидеть, встряхнуться. А ты уже?

— Уже. Но могу и еще. Пойдем, убьем с тобой время.

Она вздернула остатки выщипанных бровей.

— Не могу. У нас компания.

— Кто такие?

— Тут одни...

У края тротуара два парня расплачивались с таксистом.

— Не могу, Радик. В другой раз с удовольствием...

Парни уже подходили. Один задел локтем Радия:

— Это что за фрей?

— Так, знакомый. Пойдем, Жанчик. Чао, Радик!

Ушли. Еще один плевок судьбы в самолюбие капитана. Команда сдрейфила, красотка ушла с другим. В голове сумбур и злость от множества мелких уколов, от подонков, от Эльмиры, от водки с пивом.

Начинало смеркаться. Домой идти рано. Неудачный день, обидный день. Выпитая в дурной компании водка не утешила, а еще больше изобидела. Он, Радий Извольский, ничего не может, даже выпить, как ему нравится. Еще неделю назад Валерка и Олег, верная его команда, шли за ним в ресторан, разделяли его досуг и его мнение, с ними было хорошо и смело. Отчего же все расстроилось? Из-за той девчонки? Глупо, по пьянке зарвались.

Потоптался на перекрестке. Куда пойти? Стянул с руки кожаную перчатку, полез в карман за сигаретами. Что там колется? Ах да, нож пуделевидного подонка. Ничего финочка, рукоять наборная. Вещь! Сунул в карман пальто, закурил, пошел бесцельно вдоль сквера. Ну-с, так с чего бы это не везет? И как с ним бороться?

Радик имел основания считать себя сильной личностью. О его необычайных способностях и талантах он привык слышать с раннего детства. И были они, способности. Память легко и цепко схватывала услышан-

ное, прочитанное. На одни пятерки учился до шестого класса, почти не готовя устные уроки. Папа и мама восторгались. В награду отличнику исполнялось любое его хотение. Позже, во второй, наверное, четверти шестого класса, стало не хватать одних только способностей, а упорства, усидчивости не нашлось в характере. Появились в дневнике четверки, потом тройки. Родители возмутились. Нет, не слабоволием сына, а несправедливостью учителей — как же так? Всегда был отличником, способным учеником и вдруг стал неспособным! Ох и досталось классной руководительнице. Мама так кричала в учительской, что в соседнем классе прервался урок. Она кричала, что бездарные учителишки зря огребают казенные деньги, что не умеют найти подход, что портят ребенка. Радик стоял в коридоре, слышал, и ему было до отчаяния стыдно за маму. Но стыд прошел, потому что крик мамы принес пользу — перевели его в другую школу. Однако и новые педагоги не нашли подход к ребенку. Радик получал уже двойки. Но по-прежнему не знал отказа своему «я хочу». Напрасно его убеждали в школе: «Ты должен», в нем уже прочно укоренилось безвольное и капризное до истерики «я хочу!». А хотел он много. Хотел успеха, признания, поклонения, к которым привык в семье. Успеха любой ценой и любого признания. Ведь он талантлив, он исключительный! А его оставили в седьмом на второй год. И пришлось переходить в третью школу. Родители купили ему магнитофон — чтобы мальчик отвлекся от огорчений и, ради бога, перестал грубить. Магнитофон развлек ненадолго. Захотелось мотоцикл. Пообещали. Семья Извольских жила зажиточно, а сын единственный. Притом папа, Владислав Аркадьевич, заместитель директора торга. Сын много раз присутствовал при родительских совещаниях: пора продать рижский гарнитур, а достать финский, это модно, и ни у кого пока нет из знакомых. Через Таланова не худо бы приобрести ленинградский электрокамин — это сейчас модно, и ни у кого пока... Радий желал чешский мотоцикл «Ява» — это модно, и ни у кого из ребят такого нет...

Учителя приходили в ужас от его контрольных работ. И перетягивали Извольского из класса в класс — за второгодничество учителей ругают. Радию купили «Яву»...

О! Радий остановился. Впереди колышется синяя куртка с черным воротником, ее Радий и в сумерках узнал. Он, Витька Алексеев, первым бросился тогда заступаться за девчонку, он догнал, схватил и узнал Радия. Другие не вмешались бы не в свое дело, если б не Витька, другие, если б и вмешались, так не отправили бы в милицию. А этот везде лезет, больше всех ему надо! А какое имеет право?! Дружинник? Из-за него и всыпались, из-за него пошло все наперекосяк. Куда это он заворачивает? На Садовую, конечно, к своей студенточке. Нет, ты не торопись, дружинник, честняга! Сперва со мной свидание состоится, а там поглядим...

Мороз торопил прохожих, гнал в теплые квартиры. На заснеженной аллее сквера попалась навстречу только тетка, до глаз закутанная в шаль. Кругом больше никого. Сумерки. Радий прибавил шаг. Догнал синюю куртку.

— Приветик, Витя. Что, разочарован? Старался, бежал, ловил, сдал легавым, а я — вот он. Гуляю.

— Что ж, и судить вас не будут? А надо бы. Я же видел, как вы ее избивали.

— Видел? В другой раз не гляди, сеньор Дон-Кихот. Не твое собачье дело за мной приглядывать.

— Мое. И в другой раз, если придется, схвачу за руку.

— Какой смысл, Витя? Били мы или нет, а не виновны ни в чем, раз милиция нас отпустила. Так что проси сейчас прощения, что руки-то мне крутил, невиновному. Проси прощения, Дон-Кихот, пока я в добром настроении.

Виктор остановился. Короткий светлый чубчик из-под серой армейской ушанки припорошен свежим снежком. Румянец здоровый в сумерках словно светится.

— Не пойму, ты мне угрожаешь? Или запугиваешь? Зачем же, Радик? Или сам испугался?

— Ты так считаешь?

— Чего там считать? Смелые парни не бьют девушку втроем.

И Витька пошел по аллее. Он уходил по аллее, и в белом сумраке посерела его куртка и ушанка армейская, и не узнать уж Алексеева. Радию стало страшно, что сейчас он потеряет себя окончательно, потеряет свою исключительность, самолюбие, свою сильную личность —

все, что осталось еще у него в этот вечер. Последние крохи своего «я» потеряет. Что же останется? Слюнявый подонок, вроде того, пуделеобразного...

Он плохо сознавал, что делает. Что догоняет Алексеева и зачем догоняет. Плохо понимал, что гонится по аллее сквера, где черные голые яблони до ветвей в сугробах стоят шеренгами справа и слева и смотрят сквозь сумерки, как бежит через их строй жалкий мелкий подонок с длинными волосами из-под шапки-пирожка, в импортной шубе с шалевым воротником, подонок с испуганным, ничтожным лицом... Или без лица... Нож не просто лежал в кармане, он удобно вложился в ладонь наборной рукояткой, нож толкал к действию, завораживал, приказывал отомстить за собственную его, Радия, низость. Не будь ножа, Радик малодушно расплакался бы. Но в руке наборная ручка...

Догнал и ударил в спину.

Сначала он бежал. Когда сквер кончился, бежать стало страшно — как бы не навлечь подозрение. Быстро шел, обходя людей, засветившиеся фонари, освещенные магазины. Скорее, скорее домой, укрыться дома, в своем мирке... Иногда заставлял себя вообразить, что он мститель. Ловкий, смелый, как киноковбой. Сильная личность. Но никак не получалось. Страх заглушал воображение и гнал домой, бросал в сторону от людей, фонарей, магазинов. Нож он бросил в сугроб сразу, как ударил им. Но ладонь еще чувствовала удобную, твердую, опасную тяжесть рукоятки. Он снял перчатку, подставил ладонь морозу. Рука стыла, но все равно чувствовала.

Наконец он дома. Тепло, спокойно, безопасно... Мама смотрит телепередачу. Что-то сказала, он что-то ответил. Разделся, сел перед телевизором. Ничего не понимал на экране. Страх, страх...

Где-то хлопнула дверь, он вскочил с кресла.

— Господи, Раденька, что с тобой?

— Ничего, ничего... Пойду спать.

— Поесть не хочешь? Отец раздобыл шпроты. Хорошо, что ты рано возвращаешься домой, Радик.

Ушел в свою комнату, плотно прикрыл дверь. Страх... Голову под подушку, чтоб не слышать звуков. Страх... Он трус? Пусть, пусть, только бы не было ничего, как-

нибудь обошлось... Только бы его не трогали... Страх! Через стены, через подушку слышны его шаги, приближается, вот-вот стукнет в дверь — страх! Радий вжался головой в подушки, спрятался от звуков, от всего... Но неумолимо громко стукнула входная дверь... Пришли, они уже пришли?! Сейчас поведут?! Голос отца, спокойный голос. Нет еще, не за ним... Это папа пришел. Уснуть бы. Уснуть летаргическим сном, чтобы все миновало...

За ним пришли около полуночи.

Наутро Владислав Аркадьевич Извольский снова сидел на краешке стула перед майором, начальником милиции, и лепетал жалкие слова. Все было до ужаса ясно, и нечего говорить, а он все-таки говорил.

— Вы должны были... по закону должны были посадить их в тюрьму... за то, что побили девушку! Тогда ничего бы не случилось, мой сын не сделался бы... — Слово «убийца» Владислав Аркадьевич страшился произнести. — Вы, почему вы не посадили их тогда по закону!..

Дали бы два, три года, наконец, но тогда мой сын не...

Упреки Извольского были нелепы. Майор поступил тогда так, как и должен был, сделал все, что положено. Майор лично виноват не был. И все-таки виноват — ибо Виктор Алексеев убит.

8

В истории болезни указывалось, что двадцатилетний Михаил Бобков, монтажник, работая при аварии в скреперной будке домны, простудился на сквозняке. Чтобы удобнее работалось, парень скинул полушубок, понадеялся на закалку. Самоотверженность в штурмовой аварийной горячке? Зряшная лихость, нарушение техники безопасности? Как бы там ни расценивать, а доставлен монтажник Бобков в терапевтическое отделение с температурой 39,3, с диагнозом «пневмония». Больной находился в тяжелом состоянии, и Петр Федорович — он в тот вечер заступил на дежурство по больнице — еще раз зашел в палату. Да, пневмония. Влажные хрипы. Какой богатырь монтажник! И в работе, видно, го-

ряч, азартный. Ничего, этот справится с влажными хрипами...

В палату вошла дежурная сестра:

— Петр Федорович, к вам пришли, в дежурке дожидаются.

— Кто?

— Не знаю. Просили вас.

Петр Федорович не заметил, что сестра взволнована, голосок дрожит, вот-вот сорвется...

— Да кто там? Доставили больного? Что с вами, сестра?

— Просят вас...

Петр Федорович укрыл больного одеялом, похлопал ободряюще по плечу и отправился в дежурку. И здесь ему сообщили, что его сын Виктор убит.

Кто сообщил, Петр Федорович не помнил. Да и не вспоминал. Возле него хлопотала плачущая дежурная сестра, делала ему укол, подносила стакан, остро пахнущий каплями Зеленина. Покорно подставил руку для инъекции, выпил капли. Один у него был сын...

Сестра звонила по телефону, приехал кто-то из коллег.

— Петр Федорович, дорогой, поезжайте, отдохните. Санитарная машина вас доставит домой. Петр Федорович, вы меня слышите?

Отвечал всем:

— Подождите, пожалуйста, подождите.

Его жена, тоже врач, умерла в шестьдесят первом. Она чудом — вернее, упорством — жила, еще и работала в поликлинике — и после тяжелого ранения под Сталинградом. Там она мужественно сражалась за чужие жизни в полевом госпитале. Потом долгие годы — за свою жизнь. В шестьдесят первом силы ее иссякли, и мужество уже не могло спасти... Петр Федорович и Витя жили вдвоем.

Доктор Алексеев тоже служил в полевом госпитале. И он мог погибнуть тогда от фашистской бомбы, от фашистской мины. Погибнуть на войне. Но как же Витя?.. Сейчас не война. Он вздохнул, оглядел всех и встал.

— Мне нужно поехать к нему.

— Но, Петр Федорович, вам лучше бы...

— Кто-то здесь сказал, что можно поехать на ма-

шине? Благодарю. Он, вероятно, в морге? Не нужно коньяк, спасибо, я выдержу.

Он выдержал поездку в морг. Неподвижное, белое лицо сына. Холодный лоб. Дорогу домой выдержал. Вошел в опустевшую квартиру. И этой пустоты он выдержать не смог.

Не плакал, не бился, не проклинал, не отвечал на хлопоты двоих врачей — коллеги не решились оставить в эту ночь Петра Федоровича одного. Как и в первые минуты, когда сообщили о гибели сына, охватило его сейчас оцепенение, но более глубокое и безнадежное, потому что тогда, в первые минуты, теплилась еще надежда, тогда все его существо отказывалось полностью поверить в ужас непоправимого.

Сидел в кресле с каменной неподвижностью. Коллеги подняли его, уложили в постель. Надолго. У Петра Федоровича отнялись ноги.

9

Его часто навещали коллеги из городской больницы. Лечащий врач, старичок невропатолог, чудаковатый, флегматичный, в первые, самые трудные вечера просиживал здесь до полуночи, не утешал, не задавал глубокомысленных вопросов о самочувствии, а читал что-нибудь из новостей медицины, читал неторопливо, повторяя интересные строчки, картавил через вставные челюсти. Мерные, шепелявые, шамкающие слова скользили над сознанием больного, мимо, мимо. Иногда усыпляли, иногда задевали, будили профессиональный интерес к новым диагностическим или терапевтическим приемам, вырывали из постоянных больных дум. Невропатолог дважды так и засыпал в кресле у постели больного, уронив журнал на пол, невозмутимый, старенький, многое на своем веку повидавший. Петр Федорович долго слушал его посапывание, смотрел на по-детски приоткрытый рот, на белые брови, смешно поднятые над очками. И тоже забывался непрочным сном.

Утром прибегали медсестры, умелые, ловкие, делали уколы, приговаривали бодро и весело. Вливания, ионофорез, горбольничные новости, все, что могли ему во здравие дать. Он же смущался, что вот приходится кому-то беспокоиться из-за него, уверял, что чувствует себя лучше, и каждому посещению тихо, про себя ра-

довался, насколько можно радоваться в его положении. Лечь в больницу решительно отказался. Коллеги не настаивали, полагая, что домашний покой ему лучше, чем больничное внимание. Он и сам уверял: «Дома мне спокойнее». Но как жутко было видеть дверь, в которую входил сын. Стул, на котором он сидел еще мальчонкой. Телевизор, им отремонтированный, будильник, подымавший его сначала в школу, потом на смену. Против воли чудилось: Витя здесь, он только вышел из комнаты... И полоснет по сердцу — он убит! Живой, веселый, деятельный приходил к нему сын в зыбких сновидениях, говорил, улыбался родной улыбкой... и кошмаром было пробуждение.

Приехала из Липецка дальняя родственница Филипповна, вдова, такая же одинокая, как и он теперь. Старушку маяли свои недуги, о которых в отличие от многих сверстниц распространяться она не любила. Два одиноких человека обменивались за день едва ли десятком слов. Она подавала лекарства, приносила к постели еду, на его отрицательное качание головой сердито стучала ложкой о тарелку, и он, покорно вздохнув, без аппетита ел, чтобы не огорчать старуху — Петр Федорович терпеть не мог огорчать чем-либо людей, того не заслуживающих.

Петр Федорович не смог быть на суде. Не видел убийцу сына. Но много думал о нем бессонными ночами, знал о нем, исподволь выведывая его черты от посетителей-коллег, хотя они темы этой избегали. Он болезненно рисовал в воображении лицо, глаза, плечи, фигуру убийцы — получалось что-то ненастоящее, расплывчатое, безличное и бесхребетное. Не мог он представить образ убийцы. Потому что не мог понять: зачем это сделал неведомый человек по фамилии Извольский?

Потом ему сказали, что преступник осужден на десять лет в колонии усиленного режима. Петр Федорович не ответил на это ничего.

Приходили бывшие его пациенты — опытный врач и отзывчивый человек, Алексеев имел в городе добрую известность. И уходили, его не увидя: старуха Филипповна никого, кроме врачей, не допускала:

— Нельзя, хворает он.

— Знаем, что болен, потому и пришли, — отвечали

ей. — Нас вылечил, а сам вот... Может, что ему надо, так скажите, мы постараемся...

— Надо покой. А боле ничего. Так что не прогневайтесь, не пущу.

Ей пытались вручить мед («горный, очень полезный, из Средней Азии!»), варенья малинового («свое, не куплено, с чаем пускай попьет...»). Филипповна отвергала дары: «У нас диетпитание».

Один, шибко настойчивый, прибегал раза четыре, желал передать лично Петру Федоровичу дефицитные апельсины, потом ананасы.

— Да поймите же, их не достать!

— И не надо доставать. У нас диета. Нам, может, такие штуки вредно.

Филипповна невзлюбила этого, обходительного: настырный, суетливый, от таких вот и здоровые хворают, не то что...

Петр Федорович, слышавший голоса в коридоре, спрашивал:

— Кто приходил?

— Да, говорят, больные твои.

— Так, может быть, они на консультацию, а ты их опять выпроводила! Ах, как нехорошо.

— Да они здоровее тебя. Бог даст, сам оздоровеешь, тогда и лечи сызнова всех. А пока лежи знай.

Филипповна давно жила одиноко, люди ее утомляли, она полагала, что и Петру Федоровичу они только помешают выздоравливать. Не ровен час, брякнут что-нибудь неосторожно либо сочувствовать кинутся, рану бередить. Пускала только «своих», проверенных — больничных сотрудников: эти полезнее, боль понимают, зазря ни в теле, ни в душе не ковыряются.

Впрочем, однажды ее непреклонность поколебалась. Она увидела в окно, как у подъезда остановился легковой автомобиль, дверца распахнулась широко, резко, вылез крупный, седой, в пальто, без шапки, напористым шагом двинулся в подъезд. Вылез и шофер, стал протирать бок машины, слегка забрызганный. Видать, начальство какое приехало... Филипповна хмыкнула про себя, поджала губы и пошла встретить да проводить.

На немой старухин вопрос посетитель поклонился крупной седой головой, спросил глуховатым голосом:

— Доктор Алексеев здесь живет? Можно его видеть?

Филипповна подумала, что вот этот и в самом деле на консультацию норовит — говорит уверенно, а как бы с виноватинкой, веко дергается. Совесть бы поимел: других докторов ему мало?

— Хворает доктор Алексеев, — ответила сурово. — В поликлинику идите, ежели врача вам надобно.

— Не врача, а его бы увидеть хотел...

— Не велено. Покой прописан.

К ним уже приезжали на легковых автомобилях — из горсовета, из горкома, — Филипповна тоже не допустила: мало ли что из горсовета, больному только лечащий врач — начальство. И те ушли, пожелав Петру Федоровичу быстрейшего выздоровления.

Этот не уходил, не говорил пожеланий. Только несколько раз кивнул понимающе. Брови надломились, глаза понурились — опять же ровно повиниться хотел. Али когда-то обиды Петру чинил? Али уж не родич ли того бандюги? Нет, у родичей совести не хватило бы сунуться... Виноватость так не шла энергичному, четкому лицу, что старуха медлила закрыть дверь.

— Вы из горсовета, что ль? Приходили уж из горсовета.

— Нет, я с завода.

— Лечились у него или как?

— И не лечился. Мы не знакомы.

— Почто же пришли-то?

— Узнать, не нужно ли чего? В его несчастье... Словом, нужна ли какая-либо помощь? Что могу для него сделать?

— Здоровья своего одолжить не можете, а в остальном все больница делает.

— Так. Ну извините. До свидания.

Он пошел вниз по лестнице. Филипповна еще раз подивилась: такой крепкий, в полной силе мужчина, а чтой-то в нем горюет — ишь, идет как в воду опущенный. И не знаком, и не лечиться... С лица и со спины вот — человек хороший, самостоятельный. Жалко даже его выпроваживать.

— Погодите, — сказала Филипповна. — Вот я погляжу, как он там, не задремал ли. Ну, глядите, чтоб про сына ни-ни.

Петр Федорович читал.

— Кто приходил?

— С завода какой-то.

— Опять выгнала?

— Нет, у дверей стоит.

— Так проси. Может, необходимо человеку.

Петр Федорович не мог вспомнить, от чего лечил этого человека, стоящего у двери. Что-нибудь неопасное — сложных пациентов доктор помнил долго.

— Позвольте, с кем имею удовольствие?..

— Ельников, директор завода «Механик», — представился посетитель. — Заехал узнать...

— Проходите же, садитесь вон в кресло. Слушаю вас, чем могу помочь?

— Вы — помочь? Доктор, да это я заехал узнать, не нужно ли вам что-нибудь!

— Так вы и есть Ельников! Простите, имя-отчество? Слышал о вас, Николай Викторович, на заводе лекции читал... Было дело, по телефону с вами ссорился. И больше как будто никаких дел не имел. Не угадываю, почему вы лично сейчас... Впрочем, я вам рад. Садитесь же.

Ельников присел в кресло. Только сейчас пришло ему в голову, что ведь к больному следует приходить с фруктами, с конфетами... или с чем? Когда в больнице жена, он знал, что ей нужно, что она любит.

— Просто зашел навестить. Мы оба фронтовики, оба, — Ельников чуть не сказал «отцы», — оба, насколько мне известно, воевали на Первом Украинском.

Петр Федорович улыбнулся:

— Это вы воевали, а я лечил.

— Значит, тоже воевали.

— Пусть так. Но уж если мы фронтовики, так и говорите прямо: с чем пришли? По внешнему виду здоровьем природа вас не обидела. Вот разве что нервы... А? Отдыхать надо вам полноценно, дорогой мой.

— Нервы? Это временно, пройдет. Не обо мне речь. Что мы, завод, можем сделать для вас?

— Право, не знаю, ничего мне не нужно. А скажите-ка, что у вас с профилакторием? Закончили стройку?

— Два корпуса закончены полностью, в третьем отделочные работы. В июле планируем первый массовый заезд. Хотите, пришлю вам путевку? Какой там воздух, бор кругом сосновый, река чистая, рыбная! Хотите? Сами сказали: полноценный отдых...

— Я наотдыхался, дорогой мой. Пора бы и к обязанностям приступать, да вот ноги...

— Вам нужно еще...

— Работу нужно, вот что. У вас, Николай Викторович, ранения были? В госпиталях прифронтовых леживали?

— Дважды. Пулевое в плечо, осколком в ногу. Но, как видите, ваши фронтовые коллеги починили надежно.

— Мы старались. Но я о другом. В госпитале, раненым, бомбежку не испытывали?

— Случалось.

— Ага! Помните ощущение? Когда не в бою, не при деле ты, а... В каких войсках служили?

— Артиллерия. Командовал батареей, дивизионом.

— Вот. В сражении вы — бог войны. Бьете по цели, и в вас снаряды летят и рвутся близко, а вы плюете на все это, вам цель поразить надо! Так ведь? Так. И совсем иное в госпитале: беспомощный, на койке лежите, а над вами завывают вражеские моторы, смерть висит, и руки и мысли делом не заняты, тут вы сами — цель. А?

— Мерзкое состояние, — подхватил Ельников. — И ведь, черт возьми, бомбили-то железнодорожную станцию, а госпиталь в лесу, в палатках, и умом понимаешь, что не в тебя свистит бомба, а жуть! Бессильный страх в койку вжимает.

— Да, вот именно! А вы говорите!..

— Что я говорю? — опешил Ельников.

— Что меня в сосновый бор, в тишину у речки. Не-ет, дорогой мой, при ничем не занятых мыслях и руках тяжело выносить удары. Сами знаете по военному времени.

— И по мирному времени знаю, я ведь тоже чуть сына не потерял... — Ельников закусил губу: «О-о, как неосторожно вырвалось!..»

— А что с сыном? Болезнь? Ранение?

— Пожалуй, болезнь. Но кризис как будто миновал. Оставим эту тему, Петр Федорович.

— Болезнь — это несколько другое по сути. Тут пока никто не застрахован. Но почему мы, наши сыновья не застрахованы от...

Упоминание о чьем-то сыне, тоже чуть не потерянном, всколыхнуло то, о чем думал Петр Федорович все эти месяцы, о чем избегали с ним говорить. И Ельникову, совершенно незнакомому человеку, но ровеснику,

тоже отцу, бывшему фронтовику, Петр Федорович излил свое недоумение.

— Почему?! А? Все это время беспокоит меня вопрос... Что же за люди — сегодняшние преступники? Нельзя же отделаться одними словами: моральный урод. Ведь он не сумасшедший, он вменяем. Нормален, как ни странно. Вам доводилось видеть лицом к лицу фашиста? Пленного солдата или офицера, какими они были году эдак в сорок втором? Я видел, лечил даже раненых пленных солдат. То есть не лечил, а оказывал помощь, и потом их отправляли в наши тылы. Ну и вот, я всем сознанием своим, каждым нервом против фашизма с его жестокостью, надменностью, с его презрением к человеку, к жизни человеческой. И все-таки могу понять его, того солдата, гитлеровца. Его с юности, с детства натаскивали: «Убивай! Убивай всех, ибо ты ариец! Убивай во имя идеи, тебя благословляют фюрер и бог, убивай! Грабь! Громи!» Мне отвратительны грабительские идеи, но солдата могу понять — он отравлен фашизмом чуть ли не с пеленок. У нас же с детства внушается, что человек, его жизнь, честь, счастье — превыше всего. Так почему у нас есть убийцы? Кто их воспитал? Для чего? Какая логика, какая идея вдохновляет «нашего» убийцу?

Петр Федорович умолк — над ним стояла Филипповна, молча укоризненно покачивая головой. Побледневший Ельников вымолвил, как пощады попросил:

— Доктор, прошу вас, хватит! Не надо!

— Надо! И говорить, и искать, и действовать, как на фронте...

Филипповна перебила:

— Пора вам уходить, мил человек. Не прогневайтесь.

— Филипповна! Как не стыдно! — возмутился Петр Федорович.

— В самом деле, мне пора, доктор, — поднялся Ельников. — Я еще буду заезжать к вам, если позволите. Что нужно, чтобы вы поскорее встали на ноги? Что могу для вас сделать, доктор?

— Что вы можете, то уже сделали.

— Не понял.

— Да вот пришли ко мне. Мы и не знакомы, и делом никаким не связаны, а вот навестили.

Ельников вынул платок. В комнате не жарко, но

он отер лоб, щеки — чтобы хоть на секунду скрыть от доктора свое лицо. Думал: «Связаны мы, доктор, связаны... Делом, тем самым, что вас подкосило. Дружки они, мой сын и убийца вашего сына. Виноват я, доктор, — вот что привело».

Вслух сказал:

— Вот что, я оставлю телефоны, домашний и служебный. — Вырвал листок, написались неровные, шаткие цифры. — Звоните в любое время, если потребуется что. Выздоравливайте, доктор.

— Обязательно. Только бы мне на ноги, потом легче пойдет.

Петр Федорович протянул бледные руки с тонкими пальцами.

Филипповна проводила Ельникова и поспешила к больному.

Петр Федорович, приподнявшись в постели, опираясь на локоть, шевелил под одеялом коленями.

— Дрыгаешь? — грубовато спросила Филипповна.

— Послушай, а Ельников-то — с душой мужик. А? Как это ты его впустила, ангел-хранитель?

— Что, не надо было?

— Нет, хорошо, правильно.

Ельников сказал шоферу:

— Домой, в управление, — и хотел сесть в машину. Тут его позвали вкрадчиво:

— Николай Викторович, здравствуйте!

Пригнувшись к машине, глядя исподлобья, Ельников кивнул — он узнал Извольского, видел его на суде. Но там Извольский был бледен, подавлен, плакал даже. Теперь, похоже, совсем оправился. Улыбка бодренькая, этакая свойская и в то же время настойчивая... как у толкача, который хочет отхватить сверх лимита дефицит. И повадка та же: руку на дверцу как бы случайно положил и придерживает, не сядешь в машину.

— Простите великодушно, Николай Викторович, вы не у Алексеева были? Ах, какое горе, такая у нас с ним трагедия!.. Скажите, как его самочувствие?

— К сожалению, намного хуже, чем у нас с вами.

Ельников хотел прямо сказать: «Чем у тебя», но спохватился вовремя, что не вправе так...

— Я много раз заходил, хотел лично высказать соболезнование... Но эта старая ведьма... — У Ельникова дрогнула щека, Извольский заметил, поправился: — Эта старушка никого не пускает. Но у вас, я вижу, контакт наладился?

— Зачем вам доктор Алексеев? — прямо спросил Ельников.

— Ах, Николай Викторович! Как никто другой, я способен прочувствовать его муки! Так хочется его поддержать, и морально, и, если нужно, материально... Фрукты вот ему нужно кушать, а у нас их, знаете, не достать. Скажите, как он? Ему лучше? Ужас! Мы потеряли самое дорогое — наше будущее, сыновей! Вы ж понимаете, вы сами отец...

— Извините, мне надо ехать. — Ельников решительно раскрыл дверцу. — А вы к Алексееву не ходите. Слышите? Не смейте ходить к нему.

— А почему, собственно? — Извольский соображал, насколько сильно ему следует обидеться. Но шофер бесшумно двинул «Волгу».

10

Лишь в середине мая Петр Федорович поднялся на ноги. Филипповна водила его по комнате вокруг стола. К концу мая он уже и сам с тросточкой в руке в погожий день долго спускался по лестнице под надзором все той же Филипповны — посторонней помощи он совестился — выбирался на улицу.

Уговаривали ехать на курорт, на юг, принимать ванны. Возражал: «Дома стены помогают». Главный врач больницы схитрил: сам принес и вручил путевку, при этом расхваливал курорт, что там просто-таки чудеса происходят, инвалиды исцеляются и что достать путевку — тоже чудо административной оперативности. И Петр Федорович согласился, чтобы не огорчать доброго главврача.

В самом деле, южный курорт вернул ему здоровье — что возможно было вернуть. Приехал и на другой же день явился в больницу. Без тросточки, загорелый, лицо как фотонегатив — темное, волосы белые-белые. Коллеги радовались, во-первых, как радуются всегда врачи каждому выздоровевшему. Во-вторых, что выздоровел действительно хороший человек. В-третьих, что доктор

Алексеев вернется к ним, а как же не ценить опытного терапевта? Однако лечащий врач, флегматичный старичок невропатолог, на все лады осмотрев и ощупав бодрящегося Петра Федоровича, велел продолжать процедуры, продлил больничный лист. Петр Федорович обижался, уверял, что ему сейчас нужна разминка, работа хотя бы на одну ставку. Невропатолог приводил свои резоны, убеждал окольным путем, аналогиями:

— А я ведь, Петр Федорович, все еще в подвале живу. Да-с, представьте себе, все еще. Наш дом второй год на капитальном ремонте. Хотели ремонтники как лучше, а вышло как хуже. Они, видишь ли, в свое время обязательства громкие приняли: сварганить капремонт досрочно. Ну-с, выполнили, доложили и отметили. Прекрасно. Только в дом въезжать нельзя. То канализация вдруг подвал затопит — трубы из-за поспешности не сменили, то водопровод где-то там заткнется сам собой, то полы в дугу изогнутся. Полгода доделывают. А жильцы кто где ютятся, ждут.

— Надо же куда-то идти, добиваться! — тотчас отозвался Петр Федорович. — В горжилотдел или еще куда. У тебя радикулит, тебе нельзя в подвале! Время у меня сейчас есть, схожу вот поговорю.

— Уж из тебя ходок... Да ты и о себе никогда порадеть не умел.

— Для себя просить неудобно. Надо же — второй год в подвале! Разве можно так!

— Погоди, ты не сочувствуй, а на ус мотай. Не жалуюсь я, для примера говорю. Дом шлакоблочный, и то спешка ему боком выходит. Ты у меня на капремонте — могу ли я тебя досрочно на работу выдать, чтоб после долечивать? Нет, дружочек, не просись. Когда забегаешь, как до болезни, вот и отпущу с больничного с чистой совестью. А пока — покой, да-с.

Подобные споры возникали между ними не раз. Невропатолог славный был старик, а с хорошими людьми Петр Федорович спорить не любил. Смирялся, брал продленный больничный лист и шел домой. Шел, обязательно обходя стороной лежавший на его пути сквер, тот самый сквер, где убили Витю... Петр Федорович выполнял указания главного врача: нужен покой. Чтобы скорее вернуться к работе и опять беспокоиться, волноваться за чье-то здоровье, жизнь.

Стояла июльская теплынь. Набегали веселые дожди, поливали зелень, умывали улицы, дома и так же быстро уносились, предоставив солнцу снова сиять и греть. Ранними погожими утрами Петр Федорович ходил на площадку соседнего детского сада, в этот час здесь нет воспитателей, еще спят у себя дома ребятишки — никого на песчаных дорожках, скрытых акациями. Петр Федорович снимал пиджак, аккуратно клал на ребячью скамеечку. Бежал рысцой по дорожке до поворота. Минуту передохнув, бежал обратно. Еще раз, еще. Поглядывал на часы, чтоб не застали его за смешным ковыляющим беганьем. Ноги надо разминать, приучать, чтобы слушались, подчинялись. Пора, давно пора на работу.

В то утро, отбегавшись, немного запыхавшийся, довольный, что бег получается все ровнее, Петр Федорович надел пиджак, присел отдохнуть. Солнечные лучи не успели еще прогреть, просушить ночную влажность зелени, было свежо, светло в молодом детском скверике. Засмотрелся доктор Алексеев, задумался.

За углом, со стороны фасада, тихонько скрипнула калитка. Петр Федорович глянул на часы: рано еще воспитательницам и нянечкам, да уж, видно, домой надо пойти, чтоб не застали, а то неудобно будет. Навстречу из-за угла вышел плотный, средних лет мужчина в ладно сшитом белом костюме. Петр Федорович подумал: «Не замечены ли мои тут забеги? Скажут, впал старик в детсадовский возраст...»

— Тысячу извинений, доктор, что нарушил ваше уединение. — Мужчина почтительно снял шляпу. — Рад, весьма рад видеть вас э-э... надеюсь, в полном здравии?

— Доброе утро, — поклонился и Петр Федорович. Обратил внимание: незнакомец говорит бодрые слова и радостным тоном, между тем круглое лицо его хранит выражение горестное. Болен?

— Простите еще раз, доктор, но мне нужно с вами поговорить. Очень нужно, поверьте. Иначе не решился бы беспокоить.

— Ничего, прошу вас. Может быть, домой ко мне? Или позже, в поликлинике? Сюда скоро придут.

— Я не задержу вас долго.

— Что ж, к вашим услугам. Вы у меня не лечились?

— Нет, я здоров. То есть здоров физически. Боль

другого рода... Давайте сядем, в ногах правды нет... ах, извините, я не о ваших ногах, пословица такая. Дальше, прошу вас, там есть беседка.

Он уверенно вел в акации, слегка поддерживая под локоть. Беседка низенькая, детская, со всех сторон зеленью укрыта.

— Садитесь, доктор.

— Благодарю. Но право же...

— Сейчас, сейчас. — Незнакомец покашлял в ладонь. — Доктор, моя травма, моя рана... похожа на вашу. Прошу, умоляю, не сочтите мое обращение к вам бестактностью! Выслушайте, прошу, и вы поймете, вы окажете снисхождение, доброе ваше сердце известно всему городу...

— Успокойтесь же, — сказал Петр Федорович. Но сам почувствовал какое-то беспокойство. — Объясните, в чем дело.

— Только от вас, доктор, зависит судьба молодого, очень способного... Но позвольте представиться, моя фамилия Извольский, Владислав Аркадьевич Извольский.

Доктор Алексеев хотел встать и то ли уйти, то ли... бог знает что... Не встал. Вдруг мертвыми сделались ноги. В груди ледяное что-то повернулось, стеснило. Зелеными стали не только акации, но и стены, и небо, все кругом. Наплыл тошнотворный страх, словно в болезненном кошмарном сне, когда идет нечто мерзкое, опасное, надо крикнуть, бежать, а голос, а тело скованы бессилием... Нельзя, нельзя, надо очнуться, одолеть слабость, надо одолеть все это...

— Ради бога! — шептал рядом Извольский. — Доктор, выслушайте, не уходите! Неизвестно, кому сейчас хуже, вам или мне.

Слов Петр Федорович не понял. Сквозь зеленый туман проникли только звуки, и было в них неподдельное, искреннее. Это помогло ему очнуться — доктор Алексеев привык отзываться на звуки боли, которые всегда искренни. В ступнях знакомое покалывание — неприятно, а лучше все ж, чем мертвенность, деревянность их. Снять бы туфли, массаж бы... Этот человек что-то говорит? Ах, да. Он Извольский. Отец того, убийцы. Зачем он? Подождал бы, что ли, пока хоть ноги, ноги окрепнут. Да и тогда — зачем? Кажется, смог пошевелить пальцами? Да, смог. А встать? Нет. Уж если состоялась эта

тягостная встреча, надо через нее пройти, пусть вот так, с бессильными ногами. Так что он?

— ...У вас пережито, у меня все впереди. Десять лет! Доктор, это ужасно! — Извольский сдавил пальцами виски, закачал головой. Вышло несколько театрально.

Петр Федорович подумал так и одернул себя: «В горе мы не следим, театрально или нет. Но зачем он все это?»

— Скажите наконец, зачем вы?..

— Да-да, сейчас, — заторопился Извольский. — Я боюсь, доктор. Боюсь, что Радик там погибнет. Видели бы вы, как увозили его из суда! Он совершенно убит...

— Убит не он, а другой.

— Душевные муки страшнее! Честное слово, лучше бы я был на вашем месте...

— Я не хотел бы поменяться с вами горем.

— Вот видите!

— Да что вам от меня-то?

— Снисхождения, доктор! Мы будем в вечном долгу, только отнеситесь к нам снисходительно. Клянусь, я тоже скорблю о вашей потере. Но какой смысл в гибели двоих? Областной суд вынес приговор, Верховный суд республики оставил без последствий нашу апелляцию, но мы напишем дальше, в Президиум Верховного...

— При чем тут я?

— О, вы могли бы... Если бы пожелали... пожалели... Простите, я волнуюсь, боже мой! Если бы к нашему обращению в Президиум... присовокупили... что не хотите лишних потерь, что просите смягчить наказание...

Он уже не слушал. Смотрел на Извольского, на белую его руку, белые чистые пальцы, придерживающие шляпу, чтоб не упала с узенькой скамейки. Пальцы не дрожали. Изящные, цепкие, с обручальным кольцом и еще с одним, ценным, должно быть. «Самое главное во вселенной — лишь он, его семья, все остальные люди — чужие, из них надо извлекать пользу. Из меня тоже он хочет извлечь пользу. Даже странно, почему не пришел раньше? Мог прийти и тогда, сразу, к лежащему, тяжело больному, ему ничего не стоило. Извольскому-младшему тоже ничего не стоило ударить... Смогу я встать? Смогу! Нужно сейчас же уйти».

Петр Федорович уперся ладонями в крашеные рейки скамьи, подался вперед, приготовился. От напряжения, от недоверия к своим ногам, от голоса, назойливо мо-

лящего, опять в глазах позеленело, не подняться... Переждать, сейчас пройдет.

Извольский все говорил. Петр Федорович слышал то дрожащий шепот, то напряженно-жалкий чуть ли не плач. Слов не было, они скользили мимо, только плачущая интонация, звуки в зеленых кругах напоминали о чем-то уже слышанном или виденном, смутно, как во сне бредовом, напоминали... Голос этот, искренний, но вкрадчивый будто...

«Бред у меня? Надо уйти, как-нибудь уйти».

Извольский говорил, и слова плыли мимо, мимо сознания.

Алексееву почудился запах гари. В зеленых кругах появился дымный серный запах. Он вспомнил.

Горький дым стелется в сером безветрии над землей, за его сизыми пластами — голые печи, трубы... Першит в горле, слезит глаза. Старший лейтенант медслужбы Алексеев морщится от дыма, от рыдающего взахлеб, молящего голоса, от хриплой матерной брани. Крик боли всегда действовал на Алексеева однозначно — скорее надо помочь. Брань, тем более при женщинах, при детях, рождала резкий протест. Но сейчас обратное происходило в нем: плач вызывал негодование, мат — сочувствие. Воет в голос и бьется на земле парень лет двадцати пяти, Алексееву примерно ровесник. На коленях, съежившись, в предсмертном ужасе бьется лицом в опаленную землю, царапает ее грязными татуированными руками. Кругом стоят санитарки и медсестры в военном, местные бабы и старики, кто в чем одеты, оборванный мальчик с бледным лицом, пятеро или шестеро солдат из какой-то пехотной части — солдаты его и изловили, полицая. Сержант и плечистый солдат удерживают, не пускают щуплого, расхристанного старичонку, а тот рвется к полицаю, кроет матом:

— Пусти, тудыть твою!.. Пусти, уничтожу гниду! Ты кого обороняешь? Он, стерва, хуже Гитлера, он всем людям враг! Над нами измывался, девок, баб наших... Пусти!!

Сержант свой приводил резон:

— Батя, остынь, не лезь. Гада сперва допросить надо. Приказано всех пленных в штаб... Мне, что ль, охота с ним валандаться? Мне часть догонять надо.

— Пусти, Христом богом прошу! Какой он, к дьяволу, пленный, он уголовник продажный! Гитлерам село жечь помогал...

Бабы молчали, не спорили с сержантом, только надвигались со всех сторон, оттирая санитарок. У иных откуда-то взялись обломки, горелые доски. Сержант уловил их тактику.

— Хватит, отставить разговоры! А ну отойти всем, шагом марш! Батя, я кому сказал! — И, когда все местные неохотно попятились, велел солдату: — Отведи гада до штабу. В поселке должен дислоцироваться штаб дивизии, вон по той дороге два с половиной километра. Особистам сдай эту слякоть, и чтоб живо догонял, понятно?

Полицая пнули, дернули, подняли. Он перестал выть. Алексеев хотел рассмотреть лицо — какой он, предатель? Не увидел лица — нечто грязное, трясущееся, в крови. Солдат толкнул полицая в бок автоматом, и тот засеменил босыми ногами, руки назад (на левой Алексеев разглядел татуировку — гадюку), подняв плечи до ушей, торопясь прочь от расправы.

— Чтоб живо, понятно? — крикнул еще раз сержант.

Солдат кивнул через плечо, не выпуская из зубов самокрутку. Старичонка плюнул сержанту под ноги и ушел, скрылся в дыму. Бабы хмуро провожали взглядами солдата и полицая. Кто-то сказал, что старичонка был партизанским связным и что у него погибли двое сыновей.

А спустя какой-нибудь час старший лейтенант Алексеев перевязывал голову тому солдату, конвоиру. Парень дешево еще отделался. Очень уж поверил в жалкость пойманного полицая. Вел покуривая, поплевывая — не врага вел, а так, слякоть ничтожную. А слякоть, попросившись сесть по надобности, — жердь в руки да солдата по голове. Добро, что настырный тот дедок сторонкой за ними увязался да вовремя и кончил предателя из трофейного парабеллума, когда уж грязные руки с наколками рвали автомат с груди оглушенного солдата.

Жестокое наказание...

Петр Федорович очнулся. Ах да, это Извольский, это его жалкий голос.

— Что вы сказали?

— Вы меня не слушаете, доктор? Я говорю, мой

сын уже достаточно жестоко наказан, для него это кошмар!

— Как же иначе? Преступление обязательно бьет в обе стороны — в жертву и в предателя... в убийцу, грабителя. У жертвы страдает обычно тело, у преступника изуродована душа, если он не окончательно отупел.

— О, Радик такой впечатлительный, так тонко чувствует! Изуродована душа — как вы это верно сказали, доктор. Я знал, что вы, врач, представитель самой гуманной профессии, поймете его страдания. Не помню, кто это сказал: понять — значит простить.

— Я тоже не помню, кто так сказал, но это неверно. Преступление, даже как-то объяснимое логически, прощать нельзя. Иначе как же быть со справедливостью!

— Он молод, почти мальчик, и если бы вы проявили гуманность...

— Можно ли проявить гуманность к обоим — к убийце и убитому? Нет, воскресить мертвого не дано. Так с какой стати именно убийца будет пользоваться преимуществом? Это уже не гуманность, это аморально.

— Вы не правы! Доказано, что жестокость не исправляет, а усугубляет преступные наклонности...

— Кем доказано?

— Ну, не знаю. Специалистами, видимо.

— Возможно, я и не прав. Но вот что помню твердо. Редко, но доводилось и мне стрелять в фашистов, это было необходимо, чтобы сберечь жизнь, свою и беспомощных раненых. Если бы, я вместо того чтобы стрелять, предался гуманным размышлениям, что и фашист тоже человек, что испорчен воспитанием и молод, и есть надежда, что когда-нибудь подобреет...

— То была война! И то были фашисты.

— Разве умирать от руки своего, нашего врага приятнее, чем от чужого? Фашисты пришли к нам грабить, издеваться, убивать. Хулиган, грабитель, убийца сегодняшний — они делают то же. Нет, я не имею права на гуманность.

— Но, доктор, послушайте...

Распахивались окна, затянутые марлей, слышался звон посуды, детский щебет — у малышей начался завтрак. Петр Федорович оперся покрепче, качнулся вперед и трудно встал.

— Нет, нет, — отстранил он руки Извольского.

Ноги держали неважно, дрожали. Нельзя, нельзя падать на виду у Извольского. Петр Федорович пошел. Позади шуршал песок — Извольский идет следом, обдумывает новые доводы. Доктор остановился.

— Скажите, сын похож на вас?

— Да, очень. А что?

— Я так и думал. Прощайте.

У калитки воспитательница в белом халате разговаривала с молодым мужчиной, очевидно родителем ее подопечного малыша. Родитель слушал, озабоченно морщил лоб. Увидя Петра Федоровича, женщина смолкла на полуслове.

— Вам нехорошо? Вы чей дедушка?

Мужчина быстро глянул на свои часы и шагнул к Петру Федоровичу.

— Проводить вас? Где вы живете?

— Тут, рядом. Спасибо, дойду потихоньку, мне уже лучше.

11

Главврач перечитал заявление еще раз. Пожал плечами.

— На что вам неделя отпуска без содержания, Петр Федорович? Вы ж и так на больничном.

— Мне нужно съездить в Захарьевку. Если я способен ехать куда-то по личным делам, значит, уже не больной. А с больничного прошу выписать.

— Вот уж это не наше с вами дело, пусть решает лечащий врач. И потом, зачем вам в Захарьевку? Петр Федорович, я решительно против. Не в таком вы состоянии, чтоб отпустить вас трястись в автобусе по жаре два с лишним часа. Нет-нет.

— Не в автобусе. В машине поеду. Ельников, директор завода, прислал.

— Ельников? Вот как! А позвольте спросить, какие у вас личные дела в Захарьевке? Впрочем, если не хотите говорить, то...

Петр Федорович вынул чистый, аккуратно свернутый платок, расправил, вытер потный лоб, сложил опять, сунул в карман. Главврач смотрел то на него, то в окно: у больничного подъезда действительно стояла коричневая «Волга», и шофер драил тряпочкой ветровое стекло. Вот же беспокойный человек этот доктор

Алексеев — едва поднялся, и опять у него хлопоты, личные дела, которые, конечно же, для других направлены...

— Вам скажу. Только, пока дело не завершено, не разглашайте, ладно? Дело в том, что в Захарьевке детский дом...

— Да вы с ума сошли! Простите... Но как же вы станете воспитывать?..

— Как и сына воспитывал.

— Я не в том смысле. Нет никакого сомнения, что вы воспитаете настоящего человека, во всех отношениях настоящего. Но не сейчас же, когда сами...

— А когда же? У меня времени впереди не так много, как хотелось бы. Будет сын — будет и здоровью смысл, ноги сами забегают. Пожалуйста, не отговаривайте. Мне так нужно.

— Не отговариваю... Черт возьми! Простите... Ах, знаю, не первый год с вами работаю: вы надумали, так о чем теперь и толковать. Но заявление ваше не подпишу, больничный не закрою. Езжайте так, удивительный вы человек. Да не поехать ли с вами из женщин кому-нибудь? Старшая сестра из терапии, Марта Андреевна, она многодетная, разбирается. Сами разберетесь? Хорошо, хорошо, не настаиваю. Ах, черт возьми, надо же! Простите... Ну, с богом, как раньше говорилось.

ЭЛЬЧИН

Волк нападает сзади

ПРОЛОГ

На улице послышались тихие приглушенные шаги. Мужчина в черном пальто с поднятым воротником шел вдоль домов, натянув на самые глаза шляпу.

Мокрый снег валил не переставая, но единственный ночной прохожий не обращал на него никакого внимания. Ветер иногда швырял ему снег прямо в лицо, а он продолжал шагать так же медленно, не поднимая глаз, и капли воды стекали с его лица.

Затем он пошатнулся и, не вынимая рук из карманов, распластался лицом в тротуар.

В спине его, слева, поверх пальто, сверкнула большая рукоятка ножа, будто осветив на мгновение тем ную ночь.

Кровь, хлынувшая из-под рукоятки, смешиваясь с водой, потекла по тротуару.

1

Деревья, кусты, вся земля в снегу, небо тоже белое, и в белизне заполнившего все кругом снега была трогательная чистота.

Вот послышались чьи-то робкие шаги. Затем из лесу вышла косуля. Она остановилась на прогалине, на мгновение насторожив уши и осматриваясь по сторонам Изо рта и ноздрей ее шел пар. Утопая ногами в снегу, косуля прошла несколько шагов вперед и, снова навострив уши, огляделась.

Хруст снега, раздававшийся из-под ног косули, отчетливо звучал в нависшем над пространством беззвучье, и, когда он умолк, снова всюду воцарилось молчание, будто всегда так было и будет, природа останется столь же чистой, и на всей земле только скрип снега под ногами косули вдруг да нарушит заповедную тишину.

И тут издалека послышался шум идущего поезда. Подняв голову, косуля взглянула на дым далекого паровоза. Дым, бросая на распростертую кругом белизну черные пятна, продвигался вперед. Косуля вновь опустила голову, похоже, ни шум паровоза, ни его вид не пугали ее.

Поезд прошел с неслыханной в здешних местах скоростью, и паровоз, будто мстя утвердившейся тишине, издал резкий гудок. Неожиданный звук привел все вокруг в смятение. Косуля вздрогнула от отвращения, рванулась и, проваливаясь ногами в снег, скрылась в лесу.

— Джейран!.. Джейран!..

Оторвав от окна хорошенькую головку с белыми, чуть ли не больше ее самой бантами, девочка изумленно посмотрела на мать широко открытыми, обрадованными негаданным видением глазами:

— Джейран был, э, мама, джейран был! Такой красивый был! Постоял, затем убежал...

Мать сказала, не отвлекаясь от раскрытого журнала:

— Хорошо, хорошо...

Девочка догадалась, что мать ей не верит, и от обиды у нее задрожали губы.

— Не веришь? — воскликнула она. — Честно говорю...

Мать, на этот раз приподняв глаза от журнала, повторила:

— Хорошо! — и снова скользнула взглядом в журнал.

У девочки тут же испортилось настроение, радость ее померкла.

В мягком купе ехало четыре человека — маленькая девочка с матерью, пожилой мужчина, развернувший газету, и сидящий напротив него молодой человек.

Молодой человек спросил:

— Джейран дрожал от холода?

Девочка посмотрела на него и поняла, что этот молодой дядя ей верит, верит, что она только что видела настоящего джейрана.

— Изо рта и из носа шел пар, — сказала она.

Молодой человек улыбнулся. Улыбка у него была удивительная: тонкие губы расходились, показывая ослепительно белые зубы, а в глазах светилось что-то чистое, и в чистоте этой чувствовалось нечто близкое и родное.

Мать девочки опять оторвалась от журнала и сначала оглядела добродушного молодого человека, а затем дочку, и, покачав головой — есть же еще простаки в мире! — отвернулась.

Девочка снова загрустила и, отойдя от окна, села напротив матери.

Паровоз настырно тащил за собой состав, пробиваясь сквозь засыпавший рельсы снег.

Девочка сказала:

— Сыграем в шашки, мама?

Мать, насупившись, склонялась над журналом и молчала.

— В Эфиопии двести тысяч человек умерли с голоду. Вот тебе и жизнь! — заметил читающий газету человек.

Девочка протянула руку, вытащила из маминой сумки карты и, надеясь пробудить внимание матери, сказала:

— Тогда давай сыграем в «дурака»...

Мать не отвечала.

Молодой человек взял из рук девочки колоду карт, предложил:

— Клади свою карту куда хочешь и сама перемешай.

Девочка серьезно и быстро перемешала карты и протянула их молодому дяде.

Молодой человек принял у нее колоду, поднес ее к глазам и долго рассматривал. Наконец вытащил одну карту и показал девочке.

— Эта?

Девочка широко распахнула глаза.

— Да! А как это у вас получилось? — и, не дожидаясь ответа, обескураженно подтолкнула мать: — Ты видела, мама?

Мать, откинувшись от журнала, с улыбкой посмотрела на молодого человека.

— Сколько же времени в Италии продолжается правительственный кризис! — Это опять высказался пожилой мужчина. Свернув газету, он равнодушно глянул на молодого человека.

Тот, пересчитывая карты, сказал:

— Одной не хватает... Ты?

Девочка искренне воскликнула:

— Нет. Все там...

— А это что? — Молодой человек протянул руку к надетому на девочку шерстяному жакету и вытянул из промежутка между пуговицами одну карту, потом прикоснулся рукой к черным волосам девочки и достал оттуда еще одну. — И эта здесь, оказывается, была.

Девочка восхищенно взглянула на мать и в полном восторге от сказочной таинственности мира взмолилась:

— Еще покажите, еще!..

Мать ее, недоверчиво посмотрев на молодого человека, потянула к себе сумку — должно быть, в ней были ценные вещи.

Молодой человек улыбнулся:

— Ну хватит. — Он поднялся на ноги, открыл дверь и вышел в узкий коридор.

Пожилой мужчина направился за ним и, вытащив из кармана пачку сигарет, спросил:

— Курите?

— Нет. Большое спасибо.

Пожилой зажег сигарету и произнес:

— В первый раз вижу такого воспитанного молодого человека: в вагоне не курите.

Молодой улыбнулся:

— Не так уж я молод, как вам показалось...

Пожилой возразил:

— Примета юности: вечно хочется выглядеть постарше... Вам вот самое большее лет двадцать пять — двадцать шесть, разве это не молодость?

Теперь его собеседник рассмеялся:

— Мне тридцать семь...

От неожиданности куривший поперхнулся дымом.

— Не может быть!

— Могу поклясться...

— Да вы фокусник? — Он и внешность своего спутника готов был объяснить фокусничеством.

Молодой человек снова засмеялся — последний вопрос ему очень понравился.

— Какой уж там фокусник!

На этот раз улыбнулся и пожилой:

— А мать девочки испугалась вас, сумочку к себе притянула, а... — и, посерьезнев, добавил: — Что делать бедняжке, жуликов у нас еще много...

Молодой человек глубоко вздохнул:

— Много.

2

На вокзале шел мокрый снег. Погода была очень холодной, в такое время вроде б ни приезжать, ни уезжать некому. Никого вокруг и не было видно, кроме женщины, продающей пирожки, и пристроившихся возле ее ларька двух мальчишек одиннадцати-двенадцати лет.

Пожалуй, крохотный ларек этой продавщицы был единственным теплым местом на вокзале. Из посудины, полной пирожков, поднимался пар, лучшей рекламы, чем этот пар, для съедобного товара не было. Однако женщина, надевшая поверх добротного пальто белый халат, позевывала из-за отсутствия клиентуры.

Один из мальчишек сказал:

— Тетя Зиба, хорошие у вас сегодня пирожки.

Продавщица пирожков Зиба, удерживая зевок, улыбнулась, затем, когда из старенького приемника «Араз» послышался голос Кадыра Рустамова *, приоткрыла один глаз. А когда Кадыр Рустамов спел:

— Все улицы полить я смог,
Чтоб ты не запылила ног... —

Зиба, не удержавшись, сказала:

— Послушайте только. Вот оно как!.. Он полил улицы водой, чтоб ноги любимой не испачкались в пыли! Где теперь такого мужчину найдешь?

Евший пирожок мальчик, не поняв ее слов, недоуменно спросил:

— Что это ты говоришь, тетя Зиба?

Зиба, открыв и другой глаз, посмотрев на мальчика и вновь улыбнувшись, сказала:

— Этого-то ты и не знаешь, Муршуд!.. Ты еще маленький... Вырастешь — узнаешь, о чем это я говорю.

Любопытное дело: когда эта женщина так улыбалась, она больше была похожа на воспитательницу из детского сада, заботливо старающуюся постичь душу ребенка, чем на лоточницу.

Кадыр Рустамов пел:

Опять придешь или вновь уйдешь...

Но Зиба уже снова обернулась подлинной торговкой. Покачав рукой, она обратилась к радиоприемнику:

— Так не получится, чтоб без вранья.

---

* Певец, исполнитель народных песен.

Как обычно, сначала послышался гудок паровоза, затем показался поезд, и, когда он подошел и остановился у платформы, спешно дожевывая пирожки, мальчишки побежали к вагонам. Муршуд на ходу бросил товарищу:

— Ты с той стороны, а я — с этой!

Один из них помчался к паровозу, а другой пустился к хвосту поезда.

Зиба в нос промычала слова Муршуда, будто строчку из песни:

— Ты с той стороны, а я — с этой!

Наш знакомый молодой человек, сойдя с поезда, мгновенно продрог. «Фокусник» почти уже приблизился к выходу в город, но здесь его настиг Муршуд.

— Дядя, дядя, у вас спички есть, поменяемся?

Прибывший остановился, спросил:

— Этикетки собираешь?

— Да.

Молодой человек сокрушенно покачал головой:

— Жаль, не курю...

Мальчик, сразу сникнув, посмотрел в сторону поезда и, поскольку никого больше не увидел, зашагал рядом.

— Давно метет?

— Три дня, как началось. В Баку не так? — спросил, стараясь походить на взрослого, Муршуд.

— В Баку весна.

Когда они вышли в город, молодой человек спросил:

— Тебя как зовут?

— Муршуд.

— Дай мне твой адрес. Я тебе спичечные этикетки из Баку пришлю.

От радости глаза у Муршуда заблестели:

— Правда? — Но радость тут же его покинула. — Нет, так нельзя, — сказал он.

— Почему?

— Я тоже ведь должен дать вам спички.

— Зачем мне спички. Я не курящий. И этикетки не коллекционирую.

— Ну и что?.. Даром я не хочу...

— Вот ты какой!.. А где здесь книжный магазин?

Муршуд внимательно посмотрел на гостя, приехавшего из Баку.

— Вы там проверять будете?

Гость засмеялся:

— А что?

— Мой отец там работает.

— Ну... Боишься, что отца твоего проверю?

Муршуд пожал плечами.

— А что его проверять. — Затем, протянув руку, показал: — Вот, идите по этой улице прямо, потом поверните направо...

— Ты здесь останешься?

— Да, товарища жду.

— Хорошо, товарищ Муршуд, большое спасибо. — Приехавший из Баку гость потряс мальчику руку и зашагал вдоль улицы.

Он шел, втянув голову в воротник и размахивая черным портфелем, с которого мерно стекала вода. Он повернул направо, от угла, показанного Муршудом, прошел еще немного и остановился перед выстроенным недавно двухэтажным книжным магазином.

Перед дверью в узеньких сенях на табуретке, покрытой маленьким матрацем, сидел пожилой мужчина и, дымя трубкой, чинил круглую электроплитку. Мужчина скорее всего был сторожем магазина и готовился к длинной зимней ночи.

А вечер только еще начинался.

И приехавший из Баку человек, миновав книжный магазин, вошел в двухэтажное старинное здание, на двери которого крупными буквами было написано — «Районная прокуратура».

3

Прокурор Дадашлы помешал кочергой мерцающие в печке угли, притворил тяжелую заслонку, сунул обе руки в карманы брюк и, напевая себе под нос, подошел к письменному столу. Взял в руки грушевидный стакан с недопитым чаем и, сделав два глотка, поставил его на стол.

Рядом со стотридцатикилограммовой громадой прокурора Дадашлы стакан выглядел совсем крохотным. Казалось, забавляется стаканом как игрушкой. Действительно, зачем это чай такому большому человеку?

Дверь кабинета открылась, и вошел приехавший из Баку посетитель.

— Здравствуйте, — сказал он и закрыл за собой дверь.

Прокурор Дадашлы удивленно оглядел вошедшего, осмелившегося в пальто и не испросив позволения сразу войти в его кабинет. Он будто не верил, что видит перед собой следователя по особо важным делам при прокуроре Азербайджанской ССР, советника юстиции Гюндюза Керимбейли.

— Гюндюз Керимбейли? — вопросил прокурор, отчего-то произнося имя Гюндюз с особым ударением.

Приветливо улыбнувшись своей чудесной улыбкой, Гюндюз Керимбейли сказал:

— Разрешите?

— Пожалуйста, пожалуйста, конечно!.. — Прокурор Дадашлы обменялся рукопожатием со своим внезапным гостем. — Входите, располагайтесь! — И, положив ему на плечо мясистую, рыхлую ладонь, прокурор повел Керимбейли к столу.

Гюндюз бросил пальто на диван и сел.

Прищурив свои блестящие, как две черные виноградинки, глазки, прокурор Дадашлы взглянул на Гюндюза Керимбейли.

— Верьте мне, я разбираюсь в людях. Но, клянусь честью, не зная вас, в жизни бы не подумал, что вы следователь по особо важным делам, советник юстиции, да еще к тому же Гюндюз Керимбейли! Каждый раз, как вижу вас, сомневаюсь, он ли...

Видимо, к медовым комплиментам, к славе Гюндюз Керимбейли был небезразличен — мощная вещь похвала! — и радостно, растроганно улыбнувшись, он сказал:

— Как у вас здесь жарко. Ну и натопили.

Начало беседы пришлось по душе прокурору Дадашлы.

— В такую погоду необходимо разжечь огонь и погреться у печки. Дядя Фаттах у нас мастер разжигать печь. — Прокурор Дадашлы с наслаждением потер рука об руку, аккуратно положил локти на постеленное на стол полотенце, сцепил мясистые пальцы. И, глядя на гостя с привычной для себя ласковостью, добавил: — Таких, как я, надо прятать подальше от глаз Амосова. Мне требуется эта вот печь, книга и благоговейная тишина здешних мест. Я слышал, вы сами книголюб. —

Когда прокурор Дадашлы упомянул книги, настроение его мгновенно поднялось. — Каюсь, я неисправимый книгоман! И просто обязан вам показать мою библиотеку.

Прокурор Дадашлы, естественно, намек в словах следователя по особо важным делам понял. Было заметно, как огорчительно для него после разговора о книгах перейти к рассказу о преступлении.

— Сколько дней не нахожу уж покоя. Двадцать семь лет работаю в системе, но такая бесчеловечность — по пальцам пересчитать. Дело веду я сам, к тому же... к тому же мы вроде бы напали на след... — Прокурор развел в стороны руки, положил ладони на стол и, должно быть, от внутреннего напряжения постучал пальцами по столу. — Хотите вызову оперативную группу, поговорим обстоятельно?

Дадашлы протянул руку к кнопочке звонка, но Гюндюз Керимбейли его остановил:

— Поговорим пока вдвоем. С товарищами встретимся позже.

Приехавший из Баку коллега откровенно нравился прокурору. Встав из-за стола, Дадашлы присел напротив Гюндюза Керимбейли на стул: когда он садился, казалось, тонкие ножки стула, не выдержав веса этого огромного тела, тут же рассыплются на щепки.

Восседая на стуле, Дадашлы говорил:

— Вообще-то район здесь спокойный. Смертных случаев считай что и не было. Правда, однажды, лет двадцать назад, у нас произошла одна трагедия со смертельным исходом. Некий ревнивец пырнул свою жену ножом, оскорбившись... двадцать лет назад... А теперь вдруг такое дело! Да еще в трех шагах от здания прокуратуры, в самом центре!.. Клянусь честью, как будто мне положили отомстить за все мои спокойные деньки. Сколько времени уже, а даже ночью, ложась в постель, не могу взять в руки книгу, чтоб полистать. Нервы... Но я даже не знал, что из республиканской прокуратуры должны приехать... Почему же нам не сообщили? Мы бы встретили вас.

— Зачем это?

— Прав мой сын — любит Гюндюз Керимбейли конспирацию. В Баку на юридическом факультете учится он, мой сын. Вы, наверное, и сами это знаете, но и я вам скажу: ваше имя на устах у всех студентов юри-

дического факультета. Особенно после раскрытия преступного дела Мехради-заде...

Следователь по особо важным делам спросил:

— Когда все это произошло?

Прокурор Дадашлы, естественно, уловил намек. Поэтому решил начать сразу с главного:

— Несчастье случилось позавчера ночью, между двенадцатью и часом. Таково заключение судебно-медицинской экспертизы. Убит ножом в спину. Всю ночь шел мокрый снег. Тело до утра оставалось на улице. На месте происшествия никаких следов не обнаружено. Убитый, Махмуд Гемерлинский, приехал сюда из Баку на поезде в двадцать тридцать пять. По словам его внука, примерно в одиннадцать они были дома. И — опять примерно — через пятнадцать-двадцать минут он вышел из дома.

— Для чего?

Прокурор Дадашлы пожал плечами.

— Внук утверждает, что у деда спазмой сжало сердце. В такую погоду сердце побаливает, что поделаешь.

Гюндюз Керимбейли улыбнулся:

— У кого как.

Прокурор Дадашлы согласился и продолжил рассказ:

— И то верно. От их дома до места происшествия примерно четверть часа ходьбы.

Прокурор встал со стула, подошел к печке и, взяв из аккуратно сложенных дров одно полено, бросил в огонь. Новое полено сразу же охватило ярким пламенем, что заметно подняло настроение прокурора.

— Осина, — сказал Дадашлы. — Здорово горит. — Оставив дверцу печи открытой, он направился к столу и спросил: — Вы состоите членом общества книголюбов?

Гюндюз не мог не улыбнуться.

— Разумеется, — отвечал он и добавил, будто продолжая говорить о деятельности этого общества: — Махмуд Гемерлинский впервые приезжал в этот район?

Прокурор Дадашлы задумался.

— Да! — сказал он. — В первый раз приехал. — Затем он открыл одну из папок, лежащих на столе. — Вот дело, начатое в связи с убийством Гемерлинского.

— Разрешите?

— Конечно, конечно, — обрадованно согласился прокурор Дадашлы и помассировал себе пальцами виски.

Возможно, такой массаж его и успокаивал, не исключено, что в какой-нибудь старой книге дается тому наиподробнейшее объяснение.

Бегло просматривая папку, Гюндюз спросил:

— Золотые часы его взяли?

Убрав руки с висков, прокурор Дадашлы ответил:

— Да. Взяли старые наручные часы. И еще портмоне вытащили из кармана. Сколько в нем было денег — неизвестно. Внук полагает — рублей тридцать-сорок.. Сам Гемерлинский был на пенсии. Пенсионер республиканского значения.

Гюндюз Керимбейли достал из папки какую-то бумагу.

— Гемерлинский Фазиль, двадцати четырех лет, учитель истории. Это тот самый его внук, да?

— Да. Его внук. — Прокурор Дадашлы машинально произнес эти слова и вдруг, точно рассердившись на себя за свои же мысли, ударил кулаком по столу; жирный кулак подскочил и упал как мячик. — Ну что за бессердечие? Взять и угробить человека ради каких-то копеек! Одни старые золотые часы да тридцать рублей!

Гюндюз Керимбейли просматривал фотографии.

На фотографиях был заснят мужчина, лежавший вниз лицом на земле.

Отложив в сторону снимки, Гюндюз спросил:

— Вы говорили мне, что вышли на след...

— Да, для меня лично задача ясна... Есть тут один, некий Имаш по имени. Родную мать способен зарезать! Его рук дело!

— А доказательства?

— Когда Махмуд Гемерлинский приехал из Баку, Имаш находился на вокзале. Торчал у кассы, глазел на приезжих. Так утверждает кассир. Но сам Имаш все отрицает. Боится, что спрошу я его: «Эй, ворюга Имаш, в такой снег, в метель, что тебе делать ночью на вокзале? Ты-то никуда ведь не уезжал...» Что он мне ответит? Сказать, что вышел на охоту, добычу искал?

— Ну а другие доводы есть?

— Есть.

Гюндюз Керимбейли посмотрел на прокурора Дадашлы: так какие же?

Прокурор Дадашлы приподнялся над столом.

— Интуиция, взращенная на протяжении двадцати семи лет беспорочной службы, товарищ следователь по

особо важным делам. Смотрю я, к примеру, в глаза Имашу и чувствую: эта сволочь, извините, за копейку может человека убить, дважды сидел за воровство.

— А сам он что говорит?

— С ним я пока официально не беседовал. И с кассиром ему очной ставки пока не устроил. Правда, дома у него произвел обыск, но часы и портмоне не нашлись... Где он их спрятал, аллах его знает! Но я в аллаха не верю, а...

Гюндюз Керимбейли, улыбнувшись, промолчал. А прокурор Дадашлы продолжал:

— Ничего, найдем!.. Нож по самую рукоятку вонзил. Глубина раны семнадцать сантиметров, представляете? Гемерлинский был человеком высокого роста. Нужно быть таким силачом, как Имаш, чтобы суметь совершить такое...

Гюндюз сложил карточки в папку, взял еще один документ и, рассмотрев его, спросил:

— Ваш эксперт опытный работник?

— Только что закончил медицинский институт. Приехал по распределению. Умница, а не парень. К тому же здесь все настолько ясно, что и слепцу все понятно...

— Я хотел бы с ним встретиться.

— Сейчас?

Гюндюз посмотрел на часы:

— Нет, сейчас уже поздно, как-нибудь потом поговорим. Рабочее время закончилось...

Закрыв папку, он поднялся и внезапно раскашлялся.

Прокурор Дадашлы закрыл сейф на ключ и сочувственно спросил:

— Кажется, вы простудились?

— Да, похоже, немного простудился.

— В такую погоду лучше всего не иметь никаких забот, сидеть себе у печки, а возле себя разложить груду книг! В нашем доме для приезжих печь тоже хорошо греет.

— Далеко он отсюда?

— Нет, дорогой. Наш городок очень маленький, здесь все одно, что далеко, что близко! Садовник дома для приезжих, дядя Фаттах, работает сторожем книжного магазина, того, что поблизости.

Они стояли друг против друга. Пожалуй, на всей земле не найти было б двух людей, столь сильно внеш-

не отличающихся один от другого, как следователь по особо важным делам Гюндюз Керимбейли и прокурор Дадашлы. Один — чудовищно толстый, с поредевшими волосами, выглядел гораздо старше своих пятидесяти пяти лет, хотя одет был со вкусом: черный благопристойный костюм, черные туфли, белоснежная рубашка, модный цветастый галстук. Другой — среднего роста, стройный и худощавый, в шерстяном джемпере грубой вязки и в джинсах, казался совсем еще молодым юношей. Вряд ли кто-нибудь признал бы в нем следователя по особо важным делам при прокуроре Азербайджанской ССР, советника юстиции и, как говорил прокурор Дадашлы, к тому же Гюндюза Керимбейли. Из десяти девять решили бы, что он футболист.

4

Гюндюз Керимбейли и прокурор Дадашлы вышли из здания прокуратуры вместе. Дадашлы, нахмурившись из-за ненастной погоды, нахлобучил шляпу на лоб, затем, посмотрев в сторону книжного магазина, громко поздоровался:

— Добрый вечер, дядя Фаттах!

Сторож с противоположной стороны улицы отвечал:

— Добрый вечер!

— Не хочешь перейти к нам?

Дядя Фаттах, поднявшись с топчана, застегнул пуговицы телогрейки, пересек улицу и, подойдя к ним, снова сказал:

— Добрый вечер.

Как и Гюндюз, прокурор Дадашлы тоже во второй раз поздоровался со сторожем и, наверное, чтоб не задерживаться в такую погоду долго на улице, сразу перешел к делу:

— К нам из Баку гость приехал, дядя Фаттах, остановится в доме для приезжих.

Дядя Фаттах посмотрел на советника.

— Очень хорошо сделает! С удовольствием, рады будем встретить. Место для него найдется.

Дадашлы обратился к Гюндюзу Керимбейли:

— Слушать дядю Фаттаха — все равно, что еще один университет окончить. К тому же он в нашей гостинице и садовник и администратор. Одним словом,

всем этим домом распоряжается он. Да еще и сам там живет вместе с семьей.

Седовласый, седобородый сторож, видимо, понравился и следователю по особо важным делам.

Заметив это, прокурор Дадашлы сказал дяде Фаттаху:

— Проводи-ка гостя прямо сейчас, пусть отдохнет немного. Дел у него много. А за книги не бойся, ничего с ними не станет, сразу же и вернешься.

Дядя Фаттах, попыхивая трубкой, улыбнулся.

— Трус умирает по сотне раз в день, а мужественный человек только раз в жизни. Чего мне бояться?

Эти слова дяди Фаттаха понравились прокурору Дадашлы. Засмеявшись, он сказал:

— Видели, каков наш дядя Фаттах? Пожалуйста, в машину.

Гюндюз Керимбейли покачал головой:

— Я лучше пройдусь пешком.

— Вот в этом мы никогда не сойдемся. Я ходить пешком не люблю. Ладно, идите отдыхайте. Завтра с утра и мои сотрудники, и милиция в вашем распоряжении. Все, что у нас есть!.. Знаю, вы не любите, когда много людей, но все, что потребуется, предоставим.

Пожимая руку Дадашлы, Гюндюз спросил:

— Об этом тоже говорят на юридическом?

Прокурор Дадашлы подхватил:

— Так точно!

Попрощавшись, они разошлись.

Гюндюз Керимбейли с дядей Фаттахом зашагали по тротуару, а прокурор Дадашлы направился к дожидавшемуся его с утра «газику», как вдруг, вспомнив что-то очень важное, повернулся назад и крикнул вдогонку Гюндюзу:

— Чуть не забыл сказать вам! Страшно подумать!

Гюндюз Керимбейли остановился и повернулся к прокурору Дадашлы.

— Я обнаружил отличную рукопись Шейха Махмуда Шабустари *, очень редкая вещь, не позднее XVI века! Покажу вам, когда мы пороемся в моей библиотеке, — сказал прокурор Дадашлы.

Улыбку Гюндюза прокурор Дадашлы, наверное, расценил как выражение явного удовольствия.

* Шейх Махмуд Шабустари — средневековый азербайджанский писатель.

Гюндюз благодарно наклонил голову:

— Непременно пороемся.

С удивительным для своих ста тридцати килограммов проворством прокурор Дадашлы забрался в ГАЗ-69 и, когда машина проезжала мимо Гюндюза, помахал ему рукой.

Дядя Фаттах шагал несколько впереди, глубоко затягиваясь трубкой, бережно укрываемой им в ладони, Гюндюз Керимбейли, едва выйдя из теплой комнаты, подняв воротник пальто, шел рядом с дядей Фаттахом и, чтобы не угодить в лужу, не отрывал глаз от земли.

Дядя Фаттах, не вынимая трубки изо рта, показал головой на что-то впереди:

— Вот, смотри, здесь.

Гюндюз удивленно взглянул на дядю Фаттаха. Дядя Фаттах пояснил, невозмутимо дымя трубкой:

— Эх, сынок, наш райцентр — маленький райцентр. И еще говорят, шила в мешке не утаишь. Совсем спокойный город, а теперь в самое что ни на есть тихое время года и вдруг такая история... Я об убийстве деда учителя говорю.

Гюндюз Керимбейли, дойдя до места, указанного дядей Фаттахом, остановился и, прищурившись, огляделся вокруг.

Обычная улица обычного районного городка. Вдоль улицы вытянулись заборы, прикрывающие дворы одноэтажных и двухэтажных домов. Через каждые пятнадцать-двадцать шагов попадались разноцветные ворота, с трудом различимые в надвигающейся темноте.

Гюндюз Керимбейли сильнее закашлялся и еще плотнее вжался в свое пальто.

— Идем, сынок, идем, — сказал дядя Фаттах. — Ты, кажется, успел уже простудиться.

Как бы не расслышав его слов, следователь по особо важным делам указал на забор, прислонившийся вплотную к тротуару, на котором резко выделялись ворота, и спросил:

— Чей это дом?

Дядя Фаттах сначала пригляделся к воротам, будто и сам был в здешних местах пришельцем, а затем сказал:

— Этот?.. Это двор женщины Фатьмы.

— А кто она, женщина Фатьма?

Губы дяди Фаттаха, посасывающие трубку, улыбнулись.

— Кем она может быть? Сплетница.

Гюндюз Керимбейли тоже не мог не улыбнуться.

— С кем же она живет здесь?

— Сын есть у нее, шофер. С ним...

— А как его зовут?

— Джеби.

Гюндюз Керимбейли хотел еще что-то спросить, но кашель чуть не согнул его, и дядя Фаттах откровенно забеспокоился.

— Сильно ты простудился, — сказал он. — Давайка пойдем лучше. Аллах милостив, может, завтра погода исправится. Идем-идем, отдохнешь хоть немного.

Гюндюз Керимбейли наконец-то откашлялся и сказал:

— Один человек плакался, что он весь в долгах. Ему говорят, не переживай, аллах милостив. А тот возражает, в том-то все и дело, что и всю причитающуюся мне милость я уже задолжал.

Гюндюз Керимбейли улыбнулся и снова закашлялся. Взяв его под руку, дядя Фаттах произнес:

— Пошли! Если уж суждено оплачивать долги милостью, так пусть этот долг подождет до завтра.

Следователь по особо важным делам согласился:

— Пошли. Но только еще не к вам, дядя Фаттах, а в дом, где живет Фазиль Гемерлинский. А потом уже к вам.

Дядя Фаттах посмотрел на своего продрогшего гостя и огорченно возразил:

— Нет, товарищ, это не дело. Этот дом находится на одном конце города, а дом для приезжих — совсем в другой стороне!

— Замерзнуть боишься, дядя Фаттах?

Рассердившись, дядя Фаттах вынул изо рта трубку:

— Погоды я не боюсь, товарищ! Я за тебя боюсь, за тебя! И молодость тогда не выручит. Из одного климата совсем в другой попал. Тебя-то, наверное, тоже кто-нибудь ждет в Баку?

Следователь по особо важным делам поежился.

— Вот это ты прямо в точку попал, дядя Фаттах. Ох как я тороплюсь в Баку! Знаешь почему? У дочки моей день рождения через три дня...

Дядя Фаттах уже успокоился.

— Пусть растет большой и красивой! Наверное, дитя еще...

— Спасибо, десять лет исполнится. А десять лет, сам знаешь, дядя Фаттах, это юбилей. Ну, пошли?

— В дом для приезжих?

— Сначала в тот дом, где живет учитель Фазиль. А затем и домой.

Дядя Фаттах, кажется, смекнул, что переубедить приехавшего бакинца безнадежная задача, и, покачав головой, двинулся с места, опять несколько опережая своего спутника.

Незаметно совсем стемнело. И оттого, что на улицах было так неуютно темно, а из расположенных на деревянных крышах труб струились веселые дымки, холод чувствовался еще больше. Окна, словно по очереди, загорались, и следователь по особо важным делам, шагая возле дяди Фаттаха, что есть силы напрягал глаза, с ресниц которых стекали капельки мокрого снега, чтобы рассмотреть и дымящиеся трубы, и окна, в которых так приветливо горел свет, а затем по привычке уставился лицом вниз, чтоб не попасть ногой в лужу.

Дядя Фаттах, покуривая трубку, как бы беседовал сам с собой:

— Такие в мире дела. На склоне лет человек приезжает навестить внука, а какой-то негодяй выпускает из него кровь, чтобы заграбастать пятнадцать копеек!.. Получит их он, жди, а!.. Ядом вытекут из носу.

— При чем здесь мир, а, дядя Фаттах, это же люди...

— А мир и люди — это одно и то же, сынок. Человека называют самым разумным существом планеты. А смотри, что он вытворяет иногда, это самое разумное существо. Конечно, что сбылось, того не исправишь, это верно. Кому что судьбой предписано, то и сбудется. Смерть не бывает лучше или хуже, это все правда. Смерть есть смерть. Но оценку выставляют и смерти. А ее дешевизна обидна человеку!..

Чем больше дядя Фаттах говорил о дурных людях, тем темнее становилось. Пропитанный мерзкой сыростью снег, словно боясь упустить редкую возможность, валил все сильнее и сильнее. Гюндюз Керимбейли окончательно заледенел, и при каждом взрыве кашля этого приезжего бакинца дядя Фаттах качал головой:

— Тебе б сейчас дома сидеть да чай пить с малиновым вареньем...

Гюндюз не выдержал:

— Да, сейчас чай с малиной — лекарство.

Дядя Фаттах остановился перед воротами белевшего в темноте двухэтажного дома и, показав окно на втором этаже, где еще горел свет, сказал:

— Вот здесь он живет.

Гюндюз Керимбейли, кутая шею в воротник пальто, еще раз взглянул в освещенное окно.

Мгновение они постояли молча. В течение этого короткого мгновения в нарастающем шуме хлынувшего потока мокрых снежных хлопьев послышались перебивающие друг друга человеческие голоса. Голоса доносились из указанного дядей Фаттахом окна. Очевидно, два человека ожесточенно ругались между собой.

Следователь по особо важным делам Гюндюз Керимбейли и дядя Фаттах прислушались к голосам. Слова невозможно было разобрать, но не приходилось сомневаться: спор в доме все более разгорался.

Дядя Фаттах, дымя трубкой, сказал:

— Кажется, не вовремя мы пришли...

Гюндюз Керимбейли, не отрывая глаз от окна, возразил:

— А может быть, как раз вовремя, — и добавил с резкой, решительной интонацией, так непохожей на знакомый сторожу мягкий и сдержанный тон: — Ты иди, дядя Фаттах, я потом приду.

Дядя Фаттах догадался, что лучше ему согласиться. Странно только, что этот промокший бакинец дрожал как цыпленок, а тут и дрожь как рукой сняло.

— Может, подождать тебя здесь?

— Нет, к чему ждать, иди.

— А как ты нас найдешь?

— Найду. Учитель меня проводит.

— Ну что ж. Мы как раз против школы живем...

Дымя трубкой, дядя Фаттах повернулся и медленно исчез в темноте.

Гюндюз решил постучать в маленькую калитку, но она оказалась открытой. Когда он вошел во двор, откуда-то выскочила здоровенная собака с обрезанными ушами, не иначе как волкодав, и залилась лаем. Не будь она на цепи, дела советника стали б плохи. В свете, идущем от одноэтажной пристройки, глаза ее злобно блестели.

Из двери дома чуть высунула голову пожилая жен-

щина, стараясь не подставлять лицо пронизывающему снежному вихрю.

— Кто это там? — послышался ее голос.

— Я к учителю Фазилю.

Женщина прикрикнула псу:

— Тихо ты!

Пес тотчас замолк, будто только и ждал окрика этой женщины. Помахивая хвостом, торопливо убрался в конуру.

Поднявшись по деревянной лестнице на второй этаж, Гюндюз приблизился к веранде.

Голоса слышались теперь совсем ясно.

— Я тебе не ребенок, чтобы меня запугивать.

— Не знаю, ребенок ты или еще кто-нибудь. Вот что я тебе скажу: промокший дождя не боится. Запомни: сделаешь только что-нибудь плохое, выпущу кишки твои наружу!

— Ну что ты за человек? Языка человеческого не понимаешь? Что ты на меня так набросился?

Гюндюз Керимбейли, должно быть, даже в интересах дела не любил подслушивать. Вытащив руку из кармана пальто, он постучал в дверь.

Сначала наступила тишина, а затем изнутри донесся голос:

— Ничего не надо, тетя Айна!

Гюндюз постучал снова.

— Ну что там еще? — одновременно с этими словами дверь отворилась, и открывший ее парень, оглядев незнакомого ему гостя, спросил: — Вы к кому?

Гюндюз посмотрел на стоявшего посреди комнаты мужчину лет сорока пяти — пятидесяти, одетого в ватник, и спросил застывшего перед ним молодого человека:

— Вы учитель Фазиль?

— Да, я.

— У меня к вам небольшое дело.

Бросив быстрый взгляд на мужчину в ватнике, учитель Фазиль предложил Гюндюзу пройти в помещение.

— Входите, пожалуйста, располагайтесь.

Войдя в комнату, Гюндюз Керимбейли направился к стулу, указанному Фазилем, и, поскольку здесь было очень жарко, снял пальто. Портфель, с которого, не переставая, стекала вода, он поставил на пол возле стола. Сел и положил пальто на колени. Мужчина в ват-

нике, косо взглянув на гостя, посмотрел на учителя Фазиля и выразительно произнес:

— Я пошел! Надо будет, еще приду!

Когда он вышел, учитель Фазиль с глубоким вздохом повернулся к Гюндюзу:

— Извините, я подумал, тетя Айна снова интересуется, не надо ли нам чего. Я говорю о хозяйке дома... Я здесь квартирантом...

Следователь по особо важным делам достал из нагрудного кармана лежащего у него на коленях пальто удостоверение и показал его учителю Фазилю.

— Я беспокою вас по делу Махмуда Гемерлинского.

Учитель Фазиль сел на старый кожаный диван возле двери и с искренней, сердечной горестью сказал:

— Ужасно погиб старик! Из-за меня погиб!

— Почему из-за вас?

Учитель Фазиль посмотрел на Гюндюза Керимбейли и, несколько поколебавшись, ответил:

— Если б меня здесь не было, что ему-то тут делать?

Гюндюз, придерживая на коленях пальто, спросил:

— Зачем же он приезжал сюда?

Учитель Фазиль, встав с дивана, подошел к следователю и взял у него пальто.

— Давайте повешу, — сказал он. — Мокрое, пусть подсохнет немного.

Повесив пальто на гвоздь, прибитый к задней стороне двери, он снова сел на прежнее место:

— Меня приезжал проведать, зачем же...

— Это я прочел в вашем пояснении.

Учитель Фазиль удивленно взглянул на Гюндюза Керимбейли, если, мол, прочли, чего еще снова-то спрашивать?

— Это ваш родной дед, да?

Учитель Фазиль, будто ребенок, поднес руку ко рту и принялся грызть ноготь большого пальца:

— Я все рассказал. В протоколе все записано...

— Вы не хотите со мной разговаривать?

Фазиль, не отнимая руки ото рта, отвечал:

— Почему не хочу? Родной дед, конечно... Отец погиб на фронте, я был его единственным сыном. У деда остались двое внучат, я и сестра моя, больше у него никого не было. Сестра старше меня, живет в Баку, замужем, своя семья уже. Дедушка жил один. — Учи-

тель Фазиль, оторвав ото рта палец, сложил руки на груди.

— Сестра приезжала на похороны?

— Конечно, приезжала. Долго задержаться она не могла, у нее ребенок грудной.

— Раньше вы жили вместе?

— Да. А после окончания университета меня распределили сюда.

— Это когда?

— Полгода уже, как я здесь.

— В Баку наведывались? Навещали деда?

— Да, конечно. Без нас он сильно скучал...

— Когда вы в последний раз были в Баку?

— Двадцать второго числа. В субботу сразу же после окончаний уроков и поехал.

— И на воскресенье остались?

— Да. Ночью выехал в Баку, чтоб в понедельник успеть на занятия.

— Значит, вы выехали из Баку двадцать третьего. Двадцать четвертое, — следователь загнул один палец, — а двадцать пятого дедушка уже оказался здесь. Всего через день он снова приехал сюда, чтобы встретиться с вами?

Учитель страдальчески посмотрел на Гюндюза Керимбейли, обхватил лицо двумя руками, склонил голову и со стоном произнес:

— Из-за меня человек погиб. Из-за меня.

Не удержавшись, Гюндюз Керимбейли громко раскашлялся, кашель на этот раз шел не из горла, а откуда-то из груди. Сомневаться не приходилось, простыл он очень сильно. Продолжая кашлять, он поднялся и, взяв платок из кармана пальто, поднес его ко рту. Дождавшись, когда пройдет кашель, сказал:

— Послушайте меня, учитель Фазиль! Если вы хотите, чтоб человека или людей, убивших вашего деда, нашли и покарали, если вы хотите, чтоб мы это сделали быстро, расскажите мне все, что вы знаете, ничего не утаивая. Времени играть в прятки у нас нет. Если мне придется вызвать вас в прокуратуру, я буду обязан допросить вас совершенно официально!

Учитель Фазиль отнял от лица руки и недоуменно посмотрел на своего гостя. Он, видимо, не ожидал столь строгого начала. Немного поразмыслив, он вымолвил:

— Но ведь одно совсем не касается другого.

— О чем это вы?

— О связи моего дела с убийством дедушки.

— Какого еще вашего дела?

Учитель Фазиль опять сложил на груди руки и откинул голову на спинку дивана, уставившись покрасневшими глазами на потолок. Он наконец-то догадался, что его непрошеный гость просто так от него не отстанет, душу вытряхнет, а правды доищется.

— Так дед приезжал по моему делу, — уточнил учитель.

Следователь по особо важным делам резко переспросил:

— По какому же все-таки делу?

Встав, учитель Фазиль подошел к окну и, прижавшись лбом к стеклу, уставился в темноту.

— В этом городке все равно ничего не скроешь, — сказал он, не отрывая глаз от окна, и с трудом добавил: — В Баку у меня есть невеста. Наши деды с детства друзьями были... Еще когда я учился в университете, нас обручили... Я приехал сюда, а она осталась в Баку... После приезда... — Учитель Фазиль запнулся: наверное, в этот миг он чувствовал себя в самом неприглядном положении.

Гюндюзу Керимбейли захотелось ему помочь:

— Девушка полюбила другого...

Учитель, все так же глядя в окно, прерывал его:

— Нет, девушка здесь ни при чем, это я полюбил...

Он замолчал. Гюндюз, спрятав платок в карман пальто, тоже приблизился к окну.

Но учителю не терпелось побыстрее закончить мучительный разговор.

— Это учительница русского языка в нашей школе. Зовут ее Саадет... Дед не давал согласия, говорил — нехорошо поступаешь, мужчины так не поступают... Я и сам знаю, что нехорошо, но разве человеку здесь с самим собой справиться? Человек не способен предугадать будущее: мы были молоды, нас обручили, нам казалось, друг друга мы любим. А потом оказалось, что все это детство, любви никакой нет. — Учитель Фазиль разнервничался от собственных слов и не заметил, как повысил голос. — Потом оказалось, я другую люблю!.. Отправился объяснить все деду. Нет, не соглашается он, я должен сам к вам приехать и посмотреть, что там происходит! Упрямым он был очень! Если что-то вобьет

себе в голову, разубедить его невозможно. Характер у него был такой: и дома, и на работе... — Учитель Фазиль оторвался от окна и посмотрел на Гюндюза. — В былые времена он тоже был как бы вашим коллегой. Начинал работать в милиции в районе, был начальником милиции... Нас тогда еще и на свете не было... Затем, вплоть до выхода на пенсию, был на другой работе... Бандитам, контрабандистам от него жизни не было, а умер от воровского ножа какого-то подонка.

Гюндюза Керимбейли снова прихватил кашель.

Повернувшись к нему, учитель спросил:

— Может, попросить тетю Айну принести чаю?

— Нет, большое спасибо, пойду. — Гость снова предстал перед учителем в своем первоначальном облике: вежливым и внимательным человеком. — Извините, я бы на прощание задал вам еще пару вопросов... Девушка знала, что ваш дед возражает против ваших отношений?

— Какая девушка?

— Здешняя учительница. Саадет.

Учитель кивнул головой:

— Знала!

— И что приедет, знала?

— Нет, я ей об этом не говорил.

— А кому говорили?

Учитель Фазиль, немного помолчав, ответил:

— Имашу. Это брат Саадет... Старший брат...

Гюндюз Керимбейли, подойдя к двери, снял с гвоздя пальто и, одеваясь, спросил:

— Вы один ходили встречать деда?

— Да.

— По дороге никого не встретили?

— Нет.

— Сразу же сюда пришли?

— Да.

— И не успели прийти домой, он сразу же вышел?

— Да.

— Зачем?

— Не знаю, может, с сердцем плохо стало или еще что... Он вдруг стал очень мрачен. Даже пальто не снял, минут пять-шесть посидел, может, десять... Потом сказал, что пойдет пройдется по улице. Как ни пытался его удержать, не вышло. И меня не пустил с ним пойти. Сказал, подышит немного воздухом и вернется...

— По дороге домой или дома он вас о чем-нибудь спрашивал?

— Нет, не спрашивал.

— Это точно?

Учитель Фазиль немного подумал, потом сказал:

— Спросил, доволен ли я своей хозяйкой или нет. Я объяснил ему, что тетя Айна человек хороший.

— И это все?

— Да.

— И по дороге?

— И по дороге ничего не спрашивал. Сначала настроение у него было неплохое. Говорил, что после большого города человек себя здесь очень приятно чувствует. Дым от машин, везде асфальт, все это ему весьма надоело... Потом он замолчал, и не проронил больше ни слова.

Гюндюз взял портфель и, приостановившись перед дверью, задал последний вопрос:

— Человек, что был только что здесь, это Имаш?

Учитель, поразившись, посмотрел на Гюндюза Керимбейли:

— Да, это он. А как вы догадались?

Следователь по особо важным делам, улыбнувшись, пожал плечами.

Учитель Фазиль взял пальто с изголовья кровати, надел его и сказал:

— Я провожу вас...

5

Деревянные крыши домов сумрачно блестели в темноте, мокрый снег валил и валил. Буйно стекающая с крыш и из водосточных труб вода, будто селевой поток, неслась по улицам. Окна в городке одно за другим гасли, и в кромешной тьме растущие на улице ивы и орех голыми своими ветвями вселяли в человека еще большее уныние.

Следователь по особо важным делам Гюндюз Керимбейли сидел возле маленькой электроплитки на деревянной табуретке и смотрел на раскаленную докрасна спираль: над электроплиткой поднималось еле

заметное жаркое марево. Оно будто жаловалось на уличную непогоду и вообще на горести мира.

Следователь накинул себе на плечи пальто. После отвратительной погоды на улице, должно быть, источаемое плитой тепло и незамысловатый уют его маленькой комнатки приносили Гюндюзу необыкновенное удовольствие, но чувствовалось, что, хотя глаза его пристально смотрели на покрасневшие провода электроплитки, мысли Гюндюза находились совсем в ином месте.

Перед окном на круглом столе стояла сахарница, варенье, маленький чайник и грушевидный стаканчик. Шторы окна были слегка раздвинуты, и по тому, как мокрый снег бил снаружи в стекло, было ясно: хмарь эта успокоится еще не скоро.

В комнату вошел дядя Фаттах с мешочком в руке.

— Пока ты не спишь, давай-ка я поставлю тебе банки, сынок!

Гюндюз Керимбейли, заранее смакуя наслаждение от банок, улыбнулся:

— Дядя Фаттах, ты меня так избалуешь.

Положив мешочек на разукрашенный сундук, стоявший возле железной кровати, дядя Фаттах заметил:

— Желанного гостя с пустой скатертью не встречают. Сейчас, правда, голодным никто не останется, у каждого на столе что-нибудь да есть, кило белого хлеба стоит тридцать копеек, но гость-то ест не то, что ему хочется, а то, что ему подадут. Тебя-то, сынок, я хорошо разгадал потому, что ты с таким кашлем принялся расхаживать по делам, в такое-то времечко. Понял уж, что и завтра так же поступишь, и послезавтра, и еще на другой день. И до конца всей своей жизни... Говорят, сделай доброе дело и забудь о нем: люди не узнают, а создатель все узнает. Однако не забывай, дома-то и тебя тоже ждут!

Гюндюз Керимбейли встал, бросил пальто на изголовье кровати и, усевшись на постель, сказал:

— Мать у меня в Баку, дядя Фаттах, так она будто по крупицам собрала все, что ты говоришь.

Дядя Фаттах, вынимая банки из мешочка, выстраивал их на сундуке.

— Таких, как ты, я немало повидал, сынок. Закалки ты крепкой, от дела тебя не оттащишь. Говорят, себя жалеть — счастья не иметь. Не знаю, как там у тебя со счастьем, но уж жалеть ты себя не жалеешь. Разбо-

лелся вот. А мой-то долг в том, чтобы вернуть тебя матери таким, каким она тебя сюда послала. Потому что ты гость мне, а не чужак какой-нибудь. — И дядя Фаттах, повернувшись к двери, громко позвал: — Муршуд!

Муршуд заглянул в дверь.

— Что надо, папа?

— Иди-ка сюда, поможешь.

Войдя в комнату, Муршуд, конечно, сразу же узнал гостя. Гюндюз поздоровался с ним за руку.

— Ба!.. — воскликнул он. — Муршуд-киши *, а я твой гость, оказывается.

Дядя Фаттах с удивлением посмотрел на них и, тотчас поняв, в чем дело, рассердился на сына:

— Опять на вокзал гонял?

Гюндюз Керимбейли, снимая с себя джемпер, проговорил:

— Отчего б мужчине и не собирать коллекцию, а? — И смешал рукой черные кудрявые волосы Муршуда. — Знаешь, что такое коллекционер? Один собирает марки, другой — трубки, третий же — трамваи. Ты же этикетки спичечные собираешь. Вы, коллекционеры, как вас называют, особая публика.

Наматывая вату на железную проволочку, дядя Фаттах поразился:

— Трамваи?

— Да, дядя Фаттах, есть где-то один миллионер, трамваи собирает.

Дядя Фаттах сказал:

— Совсем озверели. Один трамваи собирает, другой человека из-за золотых часов прикончил, суть же одна. Две стороны одного пятака. — Он вытащил бутылку со спиртом и открыл ее. — Раздевайся догола и ложись в постель. После банок я тебя укутаю. Вообще-то тебе и завтра не следует выходить на улицу.

— Такого условия у нас не было, дядя Фаттах. После твоих банок завтра мы должны будем чудеса творить!

Дядя Фаттах улыбнулся, покачав головой.

Гюндюз Керимбейли ничком вытянулся на постели. Дядя Фаттах, укрыв его одеялом до пояса, больши-

---

* Киши — уважительное обращение к мужчине.

ми, сильными руками помассировал спину Гюндюза, а затем, дав спички Муршуду, приказал:

— А ну зажигай.

Муршуд выхватил спичку и чиркнул ею. Дядя Фаттах с неожиданной для своих лет быстротой обмакнул обмотанный ватой конец железной проволочки в спирт, зажег его и по одной стал ставить банки.

— Смотри, как здорово получилось, — восхитился он своему умению. — Сынок, да у тебя простуда — лучше и не придумаешь.

Гюндюз Керимбейли, вытянув руки вдоль тела, внимательно смотрел на своего лекаря. Затем подмигнул Муршуду. Муршуд радостно улыбнулся.

Поставив банки, дядя Фаттах натянул одеяло на Гюндюза и, усевшись на табуретку, достал из кармана пиджака кисет и трубку.

Муршуд устроился на сундуке.

Гюндюз Керимбейли спросил у Муршуда:

— Сколько же вас всего?

Муршуд ответил:

— У меня четыре сестры и два брата.

Гюндюз улыбнулся:

— Это же целая армия, дядя Фаттах!

Дядя Фаттах, зажигая трубку, улыбнулся и в знак согласия кивнул головой.

Гюндюз спросил у Муршуда:

— Ты самый маленький?

— Нет, одна сестра старше меня, а остальные все младшие...

Дядя Фаттах, попыхивая трубкой, подложил под себя одну ногу и сказал:

— Говорят, никогда не жалеют те, кто рано наелся и рано женился. Насчет еды это точно, но и насчет женитьбы правду сказали. Если вроде меня женишься поздно, вместо того чтоб внуков нянчить, приходится детей подымать. Правда, говорят еще, что быть холостяком все равно что султаном, но я-то ничего султанского не обнаружил... Вся моя жизнь прошла в труде. Да и сейчас тоже. Днем здесь работаю — убираю, подметаю, садовничаю, ухаживаю за своими уважаемыми гостями, такими, как ты. По вечерам же в книжном магазине сторожем стою.

— Когда же ты спишь, дядя Фаттах?

— Да когда мне спать, почтеннейший. Шутка ли,

для такой армии раздобыть хлебушка? Здесь пискнут — нужно воды принести, там крякнут — беги за хлебом. — Дядя Фаттах глубоко затянулся из своей трубки.

Гюндюз Керимбейли сказал:

— Что-то у самой шеи очень жжет, дядя Фаттах.

— Простуду из тебя высасывает, из всего твоего тела. Время подойдет — сниму.

— Не скучно тебе в магазине?

Дядя Фаттах, дымя трубкой, ответил:

— Нет, сынок, не скучаю. Вы, горожане, когда у вас время есть, кино смотрите, этих, — дядя Фаттах указал на Муршуда, — никак не оторвать от телевизора. А мое кино, мой телевизор — все минувшие мои дни. Проходят друг за другом перед глазами. — Глаза дяди Фаттаха остановились, уставившись в какую-то неведомую точку. — Эх, да разве найдешь сейчас в мире дни, чтоб исчислить ими дни прошедшей моей жизни, — в сердцах махнул рукою дядя Фаттах и мгновенно опомнился. — Забот же, — он снова указал на Муршуда, — видишь вон, сколько угодно...

Лицо Гюндюза Керимбейли сморщилось:

— Очень уж здорово жжет, дядя Фаттах.

Дядя Фаттах, вынув трубку изо рта, насмешливо улыбнулся:

— Э-э-э, мужчина еще, а совсем терпения нет.

Он снова засунул трубку в рот и на этот раз посмотрел в окно. Мокрый снег тарабанил в оконное стекло, будто уличный холод рвался проникнуть в эту теплую маленькую комнату.

Гюндюз посмотрел на Муршуда, потом на дядю Фаттаха и спросил:

— Имаш где работает, дядя Фаттах?

— Какой Имаш?

Муршуд, в свою очередь, тоже спросил:

— Брат учительницы Саадет?

Гюндюз, наверное, из-за банок снова скривился:

— Да. Брат учительницы Саадет.

Дядя Фаттах, дымя трубкой, сказал:

— По-моему, он нигде не работает.

— Почему? Болеет чем-нибудь?

Дядя Фаттах немного помолчал.

— Болеть-то он болеет, но болезнь-то его иного рода.

Гюндюз Керимбейли вопрошающе посмотрел на дядю Фаттаха.

— Вот люди, — продолжал дядя Фаттах. — У каждого своя какая-нибудь болезнь. У кого паралич, у другого глаза почти не видят, а третий ворует. Как это только что говорили? Коллекционер?

Муршуд подтвердил:

— Коллекционер.

Гюндюз спросил:

— Так что же Имаш?

Дядя Фаттах поерзал на табуретке:

— Если кто ест чужой хлеб, так он враг моих глаз. Враг моих глаз. Да, вот он, вот этот Имаш, как его зовут, мать родную может зарезать...

Муршуд вмешался:

— Учительница Саадет хороший человек.

Дядя Фаттах кивнул:

— В семье не без урода. Сначала воровал у людей кур, индюшек, гусей, уток. Теперь уже начал красть баранов, коров, буйволов, лошадей. Поймали, несколько лет отсидел. Опять месяца два как вышел. Пока нигде не работает.

Муршуд спросил у отца:

— А что он сейчас будет воровать? Людей?

Дядя Фаттах, вынув трубку изо рта, осадил сына:

— Ты молчи! — Разговор о воровстве испортил настроение старику. Поднявшись, он откинул одеяло к ногам Гюндюза и стал по одной снимать банки. Банки со смачным чмоканьем отрывались от спины следователя. — Пах! О какие черные кровоподтеки, хорошо прихватили.

Дядя Фаттах снова собрал в мешок банки, быстро помассировал Гюндюзу спину и заботливо укрыл гостя одеялом.

— Спи, сынок, — сказал он. — Спокойной ночи.

— Спасибо.

— Ночью вставать вам никак нельзя. — Будто вставать или не вставать посреди ночи так уж зависело непосредственно от самого следователя по особо важным делам.

Муршуд хитро засмеялся:

— Будьте здоровы!

— Будь здоров, Муршуд-киши!

Взяв мешочек с банками, Муршуд вышел из ком-

наты. Дядя Фаттах выключил свет, вышел вслед за сыном и закрыл за собой дверь.

Среди внезапно наступившей в комнате темноты мутно заблестели оконные стекла.

Мокрый снег с шумом хлестал в окно.

Гюндюз Керимбейли повернулся на спину, положил руки под голову и начал глядеть в окно, будто удары снега о стекло ему о чем-то говорили, и следователь вслушивался в их шум...

6

Мокрый снег не унимался. Вода заполнила весь двор, весь городок.

Собака с обрезанными ушами, услышав какой-то звук, насторожилась, но, узнав тетю Айну, снова убрала морду в будку и улеглась.

Тетя Айна, высунув голову в сторону пристройки, всмотрелась в темноту, а затем, пройдя сквозь пристройку, не торопясь стала подниматься по деревянной лестнице. Поднявшись на одну ступеньку, она останавливалась, прислушивалась и, не почувствовав ничего подозрительного, опять поднималась еще на ступеньку.

Добравшись до второго этажа, тетя Айна остановилась перед дверью, на некоторое время снова замерла, затем, пригнувшись, приложила ухо к двери. Кто-то внутри ходил — слышались звуки шагов. Скрипнула железная сетка кровати, и наступила тишина.

Тетя Айна немного подождала, потом, так же как и поднималась, потихоньку спустилась со ступеньки на ступеньку вниз. Возле деревянной стены пристройки она взяла в руки медную посудину и, приподняв подол длинной юбки, чтоб не испачкаться в грязи, отправилась в самый конец двора. Там она в темноте и скрылась среди деревьев.

7

Минуло время третьих петухов. Снег больше не шел, но небо продолжало хмуриться. Все говорило о том, что эти тяжелые тучи вновь разверзнутся над райцентром.

Мир кругом будто был вымыт — и голая яблоня, и гранатовый куст, и стволы алычи, и спускающаяся вниз

по саду асфальтовая дорожка, и цементный пол дворовой пристройки.

Дядя Фаттах колол во дворе дрова, и Муршуд, подбирая в охапку готовые поленья, складывал их под деревянной лестницей, поднимающейся на второй этаж.

Жена дяди Фаттаха, Гюльдаста, кипятила у пристройки самовар. Ей было лет сорок — сорок два. Несмотря на то, что Гюльдаста родила семерых детей, она еще отнюдь не отцвела, а выглядела стройной, красивой женщиной.

Старшая дочь дяди Фаттаха смывала грязь с деревянных ступенек. Девочка лет восьми-девяти опускала стаканы и блюдца в наполненный горячей водой тазик, стоящий на столе возле стены пристройки, а затем вынимала и вытирала. У маленькой трехлетней девочки — видимо, последнего ребенка дяди Фаттаха — левая рука была привязана веревкой к туловищу, пошевелить ею она не могла. Отрывая правой рукой кусочки хлеба, который она держала в зубах, девочка бросала их разгуливающим по двору курам и цыплятам.

Когда Гюндюз вышел на веранду второго этажа, дядя Фаттах, подняв голову, увидел его и первым поздоровался:

— Доброе утро, сынок, как дела?

Спускаясь во двор, Гюндюз отвечал:

— Доброе утро. По-моему, неплохо. Совсем не то, что вчера.

Гюльдаста, очевидно, почувствовала себя неловко, увидев раннего гостя. Она прикрыла рот шелковым платком, надетым под шерстяной шалью, и чуть слышно поздоровалась.

Гюндюз приблизился к дяде Фаттаху и улыбнулся:

— Времечко к утру — руки к топору, дядя Фаттах!

Дядя Фаттах, взмахнув обеими руками топором, одним ударом расколол пополам лежащее на пне толстое и короткое бревно.

— Каждой работе хозяин нужен, — сказал он следователю.

— Помочь?

— Кто бьет по железу, тот и кузнецом станет, — засмеялся дядя Фаттах. — Не обижайся на мои слова... Но, скажу я тебе, работа умелого любит.

Гюндюз тоже рассмеялся.

— Зачем обижаться, дядя Фаттах, — сказал он и, потеребив курчавые волосы стоящего рядом Муршуда, прижал его голову к груди. — Запомни, богатырь, эти слова отца. В них — сокровище.

Дядя Фаттах поправил его:

— Да не отца его это слова, народные это слова. Миллионы таких Фаттахов, как я, пришли и навсегда исчезли в нашем неуспокоенном мире. А слово народа осталось. — Дядя Фаттах вновь поднял топор над головой. — Пусть дети хорошо учатся, заработают себе доброе будущее, придет время, эти слова им сами собой вспомнятся. — Произнеся это наставление, дядя Фаттах опять взмахнул топором: плотное бревно разлетелось с одного удара надвое.

Самая маленькая девочка подошла и встала возле них, с интересом рассматривая незнакомого дядю.

Гюндюз спросил:

— А тебя как зовут?

Девочка не отвечала.

— У тебя язычка нет, да?

Девочка показала язык.

— Оказывается, есть! — Только теперь Гюндюз заметил, что левая рука ребенка привязана к туловищу.

— Что с рукой у девочки?

Гюльдаста, поправляя платок, ответила:

— Левша. Завязали, чтоб она разработала и правую руку.

Девочка посмотрела на мать, потом, повернувшись лицом к гостю, подергала завязанной рукой и, чтоб избавиться от навалившейся на нее с утра беды, попросила у него помощи.

— Я хочу, чтобы эта моя рука стала правой. — И она снова задергала левой ручкой.

Гюндюз засмеялся. Гюльдаста тоже улыбнулась и покачала головой, не смотрите-де, что такая маленькая, шайтану шапку сошьет.

— Ты гляди только, чего она хочет, а! — Дядя Фаттах удивился и, засмеявшись, повернулся лицом к гостю. — Ты умывался уж?

— Умылся из рукомойника на веранде.

— Для мужчины это не умывание... Муршуд, идика полей воды, пусть твой дядя умоется.

Муршуд зашел в комнату на первом этаже дома, вынес оттуда кувшин воды и прямо посреди двора полил

Гюндюзу на руки. Гюндюз шумно плескал себе воду в лицо.

— Вот теперь совсем чудесно, — сказал следователь. — Я перед тобой в долгу, дядя Фаттах!

Дядя Фаттах, вынув трубку из нагрудного кармана ватника, сунул ее в рот.

— Там, где начинаются долги, дружба кончается, — возразил он. — Какой долг? Чувствуй себя как дома. Пока ты здесь, у нас для тебя всегда лучшее место найдется. Ты должен себя крепким чувствовать. Вовремя пить, есть. Работа у тебя тяжелая.

8

Прокурор Дадашлы присел перед камином и помешал кочергой горящие в огне дрова. От жара его мясистое лицо еще больше распухло и раскраснелось. Прислонив кочергу к камину, он выпрямил спину, на редкость легкими шагами прошел через комнату и уселся за столом.

Гюндюз, положив пальто на колени, сидел в мягком кресле. Банки дяди Фаттаха сделали свое дело: весь вид следователя по особо важным делам вновь говорил о его здоровье и молодости.

Старший инспектор уголовного розыска капитан Джаббаров, высокий, худой человек, пристроился возле приставного стола, образующего вместе с письменным столом прокурора черную букву «т», и просматривал бумаги в лежащей перед ним папке. Затем он повернулся к Гюндюзу и сказал:

— Шесть лет я работаю в этом районе. Мне казалось, это самый мирный уголок в мире. Воровство случалось, драки были, спекуляция, естественно, тоже, но убийство? Крохотный район, все друг друга знают, люди приветливые. И вдруг ни с того ни с сего такое безобразное ограбление.

Гюндюз, встав, бросил пальто на кресло.

— Все это я уже слышал! — сказал он и, подойдя к окну, остановился.

На улице опять тихо падал снег, и несколько ребятишек, не обращая на это внимания, играли в футбол, утопая в воде и грязи.

Не отрывая глаз от играющих в футбол пареньков, Гюндюз Керимбейли сказал:

— Но это непохоже на ограбление...

Наступила тишина. Капитан Джаббаров, захлопнув папку с бумагами, посмотрел на прокурора, а прокурор Дадашлы, облокотившись на письменный стол, уперся в обе ладони мясистым подбородком и исподлобья уставился на следователя по особо важным делам.

Проехавшая по улице грузовая машина окатила грязью отскочивших к тротуару ребят. Шумно ругая шофера, они стайкой бросились вдогонку за автомобилем, а потом снова столпились на середине улицы и начали играть. Гюндюз, отвернувшись от окна, сел напротив капитана Джаббарова:

— Я не собираюсь полностью отрицать, что убийство Махмуда Гемерлинского было совершено с целью ограбления. Все может быть... Но одно обстоятельство меня весьма беспокоит. Зачем этот несчастный, даже не передохнув, вышел из дому? Почему именно один? С сердцем стало плохо? Предположим, что так. Но отчего не посидеть во дворе? Почему он не прогулялся рядом с домом? Что его потянуло по той же самой дороге, какой он шел от вокзала? Вы утверждаете, что Махмуд Гемерлинский захотел прогуляться. Не могу в это поверить. Между домом учителя Фазиля и местом происшествия довольно большое расстояние. Идти ему пришлось по грязи, среди луж. Между тем недалеко от дома учителя Фазиля, прямо по дороге, ваш районный парк. Почему там не прогуляться ему? Чисто, никакой слякоти. На вокзал, что ли, он пошел? Зачем? Решил вернуться в Баку?

Капитан Джаббаров заметил:

— Ночью здесь ни одного поезда на Баку нет.

Гюндюз согласно кивнул:

— Правильно, я это тоже проверил. Во-вторых, должна же быть какая-то причина, чтоб так быстро вернуться в Баку. Что могло случиться? Поругался с внуком? Так сразу? Может, учитель Фазиль говорит нам неправду?

Прокурор Дадашлы собрался что-то возразить, но Гюндюз Керимбейли остановил его.

— Все это россказни, товарищ прокурор. Если учитель Фазиль говорит неправду, разве он не сумел бы соврать более логично? Вполне мог. А ведь учитель Фазиль вряд ли напоминает тупицу. Сейчас, по-моему, главный вопрос для нас вот в чем: почему Гемерлинский

так поспешно вышел из дому, зачем он сразу же направился на вокзал, то есть зачем ему понадобилось вернуться на ту же дорогу, по которой он только что шел?

Прокурор Дадашлы выдвинул средний ящик письменного стола, вытащил сигареты и предложил Гюндюзу.

— Большое спасибо, — поблагодарил Гюндюз. — Не курю.

Прокурор положил сигареты на письменный стол.

— Я тоже не курю, — сказал он и, поднявшись из-за стола, подошел к печке, помешал кочергой угли и, выпрямившись, посмотрел на следователя по особо важным делам.

— Значит, Гемерлинского убили с другой целью? И, чтобы запутать следствие, из карманов у него вытащили часы и портмоне?

Наступило молчание. Чтобы ощутить издевку в словах прокурора Дадашлы, вовсе не надо было быть семи пядей во лбу. Молчание нарушил сам Дадашлы:

— Но это же штамп из коллекции дилетантов, сочиняющих детективы, товарищ следователь по особо важным делам...

Взглянув на опухшее лицо прокурора, Гюндюз улыбнулся:

— Но что такое штамп? Штамп, стандарт, шаблон, трафарет — это все то, что мы ежедневно видим, с чем мы сталкиваемся постоянно, разве не так?

Прокурор Дадашлы ответил на вопрос следователя по особо важным делам не сразу.

— Конечно, — произнес он, — от ваших вопросов так просто не отмахнешься. Они выглядят справедливыми. На пути к истине миновать их нельзя. Но ведь можно задать и совсем иные вопросы, совсем иные «зачем»? Если вор Имаш не замешан в этом деле, зачем ему скрывать, что он был на вокзале? Должна же у него быть хоть какая-то причина, чтоб скрывать это.

Прокурор Дадашлы подошел к письменному столу и, облокотив на него обе руки, нагнулся к следователю по особо важным делам.

— Я-то людей знаю, — обиженно сказал он, — таких, как Имаш, я хорошо знаю. Насквозь их вижу, всех этих сукиных детей! Простите, но голодного волка к деревне тянет. Засел на вокзале, видит, человек из Баку приехал. На руке золотые часы, откуда ему знать, что

приезжий живет на пенсию, а в кошельке у него всего тридцать рублей. Вот он и ограбил его, и представьте себе, даже не подозревая, что сейчас же он его и убьет — нет, всего лишь завладеет имуществом, ну а остальное уже, так сказать, по привычке... У старика дома сердце схватило. Тут ваш вопрос начинается. Так или иначе, Гемерлинский вышел из дому. А вор-то от холода дрожит, в кармане у него ни шиша, и вдруг такая везуха — счастье само прет навстречу. Может, даже остановил старика, о мировых проблемах с ним заговорил. А потом и прикончил! Могло же все так произойти, клянусь честью, могло! Я их насквозь вижу, всех этих... — Прокурор Дадашлы чуть было не произнес какое-то откровенно смачное слово, но проглотил его и спросил: — Или не могло?

Следователь по особо важным делам Гюндюз Керимбейли улыбнулся.

— Все это россказни, — повторил он. — И то, что вы описали, и мои собственные предположения... — Затем, поднявшись, подошел к телефонному аппарату. — Можно отсюда по автомату позвонить в Баку?

— Нет, — ответил следователь Джаббаров. — Баку нужно заказать. Нас быстро соединяют.

Прокурор Дадашлы, пытаясь пошутить, спросил:

— Опять конспирация?

— Нет никакой конспирации. С домом хочу поговорить, с детьми.

И Гюндюз взял телефонную трубку.

9

Гюльдаста разожгла в пристройке очаг.

Дядя Фаттах, раскуривая трубку, выговаривал гонявшемуся во дворе за большим петухом Муршуду:

— Даже такое простое творение аллаха поймать не можешь.

Гюльдаста, ставя на огонь наполненный водой медный казан, сказала:

— Это не петух, сотворенный аллахом, а сам гнев аллаха. Разве с ним справиться ребенку?

Маленькая девочка с привязанной левой рукой подошла к дяде Фаттаху:

— Открой руку. Я поймаю.

Дядя Фаттах, погладив ребенка по голове, сказал:

— Ну и хитра, и в кого ты такая пошла?

Гюльдаста засмеялась:

— В кого же, как не в тебя, муж? Тебе ли не знать?

Малышка сказала:

— Я похожа на джыртана *.

Дядя Фаттах взял девочку на руки:

— Нет, ты непохожа на джыртана, ты самый джыртан и есть!

Муршуд, кувыркнувшись, схватил петуха за хвост, но и на этот раз не смог удержать его в руках. Петух, раскричавшись, вырвался и убежал.

Чаша терпения дяди Фаттаха лопнула:

— Эй ты, недотепа, день проходит, сейчас придет гость!..

Муршуд снова ринулся за петухом.

10

Снег перестал валить, но небо было сплошь серым, и на этом безрадостном фоне с трудом различался дым, идущий из разбросанных по деревянным крышам труб. Едва поднявшись, дым смешивался с тяжелыми тучами, проходящими над райцентром; тучи стелились над самыми дымоходами.

В верхней части городка трубы были закутаны туманом.

И эти мокрые деревянные крыши, и туманные горы, и все, что виднелось сейчас вокруг, — все мечтало о солнце.

Имаш, сидя на корточках в нижней части своего двора, обстругивал края только что поставленных дверей и не сразу увидел стоявшего возле забора, перед которым росли кусты ежевики, Гюндюза Керимбейли.

— Успеха трудам праведным! — обратился Гюндюз к не обращающему на него никакого внимания хозяину.

Имаш не ответил, еще усерднее занимаясь своим делом.

Тогда Гюндюз Керимбейли подошел к калитке и приоткрыл ее:

— Войти можно?

---

* Джыртан — чертенок, персонаж азербайджанских народных сказок.

Имаш, оглянувшись, посмотрел на навязчивого гостя и кивнул головой.

— Салям алейкум, — поздоровался следователь по особо важным делам.

Имаш молча кивнул.

Гюндюз сначала взглянул на Имаша, придерживающего коленями новую дверь, затем осмотрел аккуратный дворик, где все было на своем месте.

— Если сегодня вы не расположены разговаривать, я пойду, — сказал он.

Продолжая строгать, Имаш высказался:

— Сегодня уйдешь, завтра вернешься, начальник!

— Вернусь вряд ли, а вот вызову, это точно! — улыбнулся своей особенной улыбкой Гюндюз Керимбейли. — Как вы узнали, что я начальник?

— Много ваших встречал, — сказал Имаш. — Как увижу, сразу усекаю. Овчарки, начальник, нюхом след берут, а я тоже: раз дыхну и с ходу вас чую.

Видимо, и следователь по особо важным делам хорошо знал людей вроде Имаша и умел с ними разговаривать. Засунув руку в нагрудный карман пальто, он извлек оттуда удостоверение и, подержав его перед глазами Имаша, сразу приступил к делу:

— Где вы были двадцать пятого ночью?

Имаш все еще не оставлял своей работы.

— Двадцать пятого? Откуда мне знать, начальник, я человек не рабочий, кто его помнит, где меня носило.

— Вот вы и вспомните.

— А в чем дело, начальник? Что, опять у кого-то украли козу или корову?

Гюндюз, пропустив мимо ушей откровенную издевку Имаша, с еще большей настойчивостью повторил:

— Где были вы в ночь на двадцать пятое число, когда был убит дед учителя Фазиля Гемерлинского?

Рука Имаша бросила дверь, и на его худой жилистой шее заходил кадык.

— Ты что это хочешь сказать, начальник?

Следователь по особо важным делам резко повысил голос:

— А то и хочу сказать, что к незнакомому человеку на «ты» вам бы лучше не обращаться! Мы что, друзья большие были?

Имаш не отвечал.

— Я вас спрашиваю, друзьями мы были? Отвечайте!

Имаш и сам не заметил, как приподнялся на ноги и произнес:

— Нет.

— Вот и потрудитесь тогда говорить на «вы»!

Имаш, отряхивая коленки брюк, сказал:

— Извините.

— Так где вы находились двадцать пятого числа ночью?

Вытащив сигарету из кармана, Имаш чиркнул спичкой и, затянувшись, немного пришел в себя:

— В тот вечер... двадцать пятого, я был дома... спал...

— Дома у вас могут подтвердить это?

Имаш молчал.

— А сестра как? Она это подтвердит?

Имаш со злостью шмякнул о землю только что зажженной сигаретой.

— Ее вы не трогайте! — вскричал он. — Она мне не чета! Чистый человек...

Гюндюз Керимбейли направился к воротам.

— До свидания. Мы еще, должно быть, увидимся. — Потом, приостановившись на мгновение, добавил: — Больше всего в мире я не люблю ложь. Запомните это.

Имаш поплелся за ним.

— Как только вскочит у человека на глазу бельмо,— заныл он, — так он и пропал...

Гюндюз повернулся в его сторону:

— Почему вы нигде не работаете?

Чувствуя, что не выдерживает больше взгляда этого молодого начальника, Имаш отвел глаза в сторону.

— В нашем районе лучше человеку подохнуть, чем потерять доброе имя. Человека ославили вором. Кто теперь здесь даст работу вору Имашу? Кто захочет работать вместе с вором Имашем? Эх... — Имаш махнул рукой и, опять вытащив из кармана сигарету, закурил.— Я вот вам говорю о том, что снаружи горит, а о том, что внутри, молчу... — Он вдруг рассердился на самого себя, видимо, за то, что так разоткровенничался. — Знаю я, это все проделки учителя! Он и послал вас ко мне! Но ничего из этого у вас не выйдет! — Имаш немного повысил голос. — Я уже говорил! — Нагнувшись, он поднял валявшийся на земле рядом с ямой большой заржавленный нож и с размаху метнул его в дверь. Нож вонзился в дверь, и заржавленная, грязная рукоятка пронзительно задрожала. — Я ему уже говорил, что...

Следователь по особо важным делам оборвал его.

— Сколько вам лет?

Имаш, замолчав, захлопал глазами. Наверное, он соображал, что за хитрость таится за этим вопросом. Потом ответил:

— Уже больше пятидесяти...

Выходя из дворовой калитки, Гюндюз Керимбейли сказал:

— И когда вы о себе подумаете? Пора ведь уже.

И, не попрощавшись, удалился.

Стоя у забора, Имаш некоторое время смотрел ему вслед, потом повернулся, подошел к яме и, вытащив сигарету изо рта, со злостью швырнул ее в грязь.

Из двери торчала рукоятка воткнутого ножа.

11

Войдя с холода в жарко натопленный кабинет прокурора Дадашлы, Гюндюз Керимбейли прежде всего невольно взглянул на весело потрескивающую печь. Конечно, это не осталось не замеченным прокурором Дадашлы, и он гордо вскричал:

— Да, хорошо горит, — а затем указал на молодого человека, сидевшего за длинным столом напротив инспектора уголовного розыска Джаббарова. — Эксперт ждет вас.

Гюндюз Керимбейли, снимая пальто, пожал руку молодому человеку. Тот представился:

— Судебно-медицинский эксперт Кязимов.

Следователь по особо важным делам решил не терять времени.

— Товарищ прокурор, если вам не трудно, покажите мне дело, открытое в связи с убийством Гемерлинского.

Прокурор Дадашлы протянул лежащую перед ним папку Гюндюзу.

— Вот, пожалуйста. Мы здесь тоже ворон в небе не считаем. Делом занимаемся.

Гюндюз Керимбейли слегка улыбнулся и, взяв папку, сел рядом с Кязимовым. Из папки он вынул заключение судебно-медицинской экспертизы:

— По вашему заключению, Гемерлинский был убит ножом, по форме своей напоминающим финку?

— Да, это так.

— Острая сторона ножа при ударе оказалась вверху?

— Так точно.

Гюндюз повернулся к прокурору Дадашлы:

— Нож вошел глубоко. Вы поэтому считаете, что убийца человек высокого роста?

Прокурор Дадашлы сказал:

— Конечно. Вряд ли Гемерлинский присел под дождем на улице, мол, не удобнее ли вам так будет — садануть меня ножом сверху вниз.

— Но дело как раз в том, что Гемерлинского вовсе не ударили ножом. Нож был брошен! — Поднявшись, Гюндюз Керимбейли вытащил из кармана лежащего на диване пальто большой охотничий нож. — Вот что я купил сегодня в вашем универмаге. Их там полно, — с ножом в руке он приблизился к судебно-медицинскому эксперту. — Примерно таким ножом и убили, не так ли? Видите? Одна сторона острая, другая — тупая.

Эксперт Кязимов в замешательстве оглядел охотничий нож.

— Да, — согласился он. — Убили именно таким ножом.

Следователь по особо важным делам посмотрел на растерявшегося вконец прокурора.

— Ни один убийца не наносит удар так, чтобы тупая сторона была обращена вниз. — Он взялся за рукоятку и поднял нож вверх. — Вот как его приходится держать... Иначе никак невозможно.

Ни слова не сказав, прокурор Дадашлы вытащил из папки фотографии и, будто впервые их увидев, по одной просмотрел. Затем поднялся, взял нож, протянутый ему следователем по особо важным делам, ухватился мясистыми пальцами за рукоятку и, как только что показывал Гюндюз, поднял нож вверх. На мгновение с лица его исчезла привычная ласковая улыбка, будто он действительно хотел кого-то ударить, и он сказал:

— Спорить здесь не приходится. Все правильно. Метнул, сукин сын, а когда увидал, что старик готов, вытащил.

Прокурор Дадашлы произнес эти слова так, будто за игрой в шахматы подставил своего ферзя прямо под пешку, бей, мол, а теперь, заметив свою оплошность, растерялся.

Поднявшись из-за стола, он направился к печке, вы-

шагивая легко и изящно, будто и не владел телом в сто тридцать килограммов.

Гюндюз улыбнулся:

— Так кто же в вашем районе так бросает ножи?

Прокурор Дадашлы, орудуя возле печки кочергой, ответил:

— Любителей таких забав не знаю, но Фазиль Гемерлинский организовал в школе секцию стрельбы из лука.

Следователь по особо важным делам Гюндюз Керимбейли тоже подошел к печке и, наблюдая, как прокурор, пригнувшись, помешивает кочергой угли, спросил:

— Кстати, вы знаете? Гемерлинский раньше работал в милиции.

Прокурор Дадашлы оторвал свой взгляд от огня и снизу вверх посмотрел на следователя по особо важным делам, как бы интересуясь, а что, собственно, стоит за этой новостью.

Гюндюз обратился к Джаббарову:

— Вам необходимо сегодня же отправиться в Баку. В архиве Министерства внутренних дел познакомитесь с документами Гемерлинского. Сейчас мы с вами все подробно обсудим.

12

У самых ворот дома стояла самодельная скамья — длинная доска, прибитая к двум коротким топчанам. Это было место постоянных встреч городских кумушек.

Три-четыре старухи, воспользовавшись прояснившейся погодой, собрались здесь. Фатьма не торопилась высказаться:

— Бандита, что убил здесь дедушку учителя, найдут не сегодня-завтра! Из Баку большой начальник приехал. Говорят, раз взглянет человеку в глаза и уже знает, что ты за человек! Из какого гнезда птичка вылетела! Эх дела... Человека убили, а внук его с сестрой ворюги любовь крутит! С утра до вечера вдоль по бережку ручка к ручке...

Одна старуха спросила:

— Откуда знаешь, Фатьма, что так говоришь?

Другая заметила:

— Чего Фатьма не знает, курица склюет.

Фатьма не унималась:

— Вот этими самыми глазами видела. Своими глазами видела: бессовестные обнимаются у реки.

Тетя Айна не поверила:

— В такую-то погоду?

— Их кровь греет, что им погода, — сказала Фатьма. — Какая там погода, если обнимается сестра ворюги Имаша?

— Значит, ты хочешь сказать, что эта учительница Саадет даже хуже Зибы? — снова спросила тетя Айна.

Фатьма аж подскочила от злобы, будто слова раскаленным углем прижгли ее рану.

— Послушай-ка, женщина! Клянусь аллахом, я так тебя сейчас клюну, что все материнское молоко, которое ты сто лет назад высосала, польется из твоего носу. Какое мне дело до Зибы! Кто она мне такая, что ты меня ею попрекаешь, а?!

Если б у ворот не притормозил грузовик Джеби, наверное, женщины б перессорились.

Джеби выпрыгнул из кабины, не поздоровавшись, вошел во двор, и Фатьма, сразу же засеменив вслед за сыном, поднялась по деревянной лестнице на второй этаж.

Джеби снял с себя шоферскую куртку, кинул ее на тахту, стоящую на веранде, и расстегнул ворот рубашки. Нагнувшись над умывальником, сполоснул себе лицо.

Фатьма подала на четырехугольный стол зелень, хлеб, соль, перец и похвалилась:

— Хороший пити я приготовила. Мясник Абыш сегодня зарезал сладкого барана, я взяла грудинку. Сейчас принесу.

Джеби, ничего не ответив, сел за стол, взял пучок зелени, сложил его пополам и, обмакнув в соль, начал есть.

Фатьма принесла миску с дымящимся пити, поставила ее перед сыном, а сама села на подушечку, лежащую на деревянной табуретке.

Джеби, зачерпнув ложкой пити, откусил хлеба и, прожевывая, сказал:

— Вижу, тебе есть что рассказать.

Фатьма, вытирая высохшими, почерневшими от времени и забот пальцами цветную клеенку на столе, спросила:

— Почему не в настроении сегодня?

— Говори, говори...

— Так... — сказала Фатьма. — Что мне рассказывать-то? Только что опять мать Шамистана Гуту раскудахталась. И эта толстуха Айна тоже вот...

— Что она?

— Так... Что ей сказать? Опять Зибой меня попрекала.

Джеби, едва поднеся ложку ко рту, с отвращением швырнул ее в миску.

— Еще что-нибудь можешь рассказать?

Джеби не сказал ничего больше, но Фатьма поняла, что, если еще раз упомянуть имя Зибы, наверняка начнется скандал.

Сын снова принялся за пити.

Фатьма спросила:

— Почему хлеба не накрошишь?

Джеби не отвечал.

Поерзав на табуретке, Фатьма снова подала голос:

— Дочку Сальбиназ обручили с сыном Аббасели. Говорят, недотепа он, жалко такую девушку!.. Хорошая девушка, я видела в бане...

Джеби хлебал суп. Наступило молчание, и это молчание вновь нарушила сама же Фатьма:

— По делу убитого на нашем углу из Баку большой человек приехал. Говорят, не сегодня-завтра найдет, кто убийца.

На этот раз Джеби так грянул ложкой о миску, что пити брызнул во все стороны. Ничего не сказав, он встал, взял с тахты кожаную куртку и, быстрыми шагами выйдя с веранды, спустился во двор.

Фатьма необыкновенно поразилась действиям сына. Джеби, ловко вскочив в кабину, завел мотор: машина рванулась с места.

13

В Баку был солнечный день. Даже не представлялось, как это после такого мокрого снега, холода, грязищи где-то действительно могло взойти солнце.

Едва только красный свет светофора приостановил мечущиеся во все стороны автомобили, инспектор уго-

ловного розыска Джаббаров, перейдя улицу, быстрыми шагами поднялся по ступенькам Министерства внутренних дел.

14

Уже смеркалось... С пеной несущаяся сейчас река засверкает и заблестит в наступившей кругом темноте. Слышались только шелест реки да доносящиеся порой из леса вскрики кукушки — ни шума машин, ни звуков радио, ни городской суеты. Даже шаги здесь тонули в тиши — растущий повсюду мох скрадывал их шуршание. Следователь по особо важным делам Гюндюз Керимбейли шел вдоль реки, мимо голых, унылых деревьев. Ничто не тревожило покоя, чистоты, цельной умиротворенности дремлющего мира. Оказавшись наедине с природой, человек не в силах был в эту пору вторгнуться в ее сон.

Засунув руки в карманы пальто, Гюндюз осторожно шагал по засыпанной прелыми листьями тропинке. Он смотрел на реку, на деревья, на кусты ежевики и дикого крыжовника. Казалось, он всем своим существом находился сейчас в объятиях этой тихой, чистой и непорочной природы. По-видимому, и мысли его тоже остановились здесь, хотя, может быть, он и вспоминал о другом. Действительно, отчего, когда царят вокруг такая тишина, мир и целомудренность, человек убивает человека? Почему один человек становится кровавой бедой для другого?

Учителя Фазиля и Саадет он увидел первым. Они тихо брели навстречу Гюндюзу. Даже издали по их походке было заметно, что они будто отгородились своей близостью от всей вселенной, так они погрузились друг в друга. Когда учитель Фазиль и Саадет заметили Гюндюза, они о чем-то перемолвились: о чем именно, было, разумеется, не понять, зато нельзя было не догадаться, что неожиданной встрече со следователем по особо важным делам среди безлюдной тиши влюбленные не порадовались...

Когда они подошли к следователю и, конечно же, поздоровались, Гюндюз, улыбаясь, сказал:

— Прошу мне поверить, встреча наша чистая случайность.

Ни учитель Фазиль, ни Саадет не нашли в себе

сил улыбнуться ему в ответ. Учитель Фазиль проговорил:

— Все в мире начинается именно со случайности...

— Да, от случая зависит многое, — согласился Гюндюз Керимбейли.

Учительница Саадет сочла необходимым попрощаться:

— До свидания. Мне надо идти.

Следователь по особо важным делам не мог не почувствовать себя неловко:

— Я просто прогуливался. Мне б не хотелось вам мешать...

— Все равно здесь мы обычно расстаемся друг с другом, — сообщил ему Фазиль. — Когда нас вместе видят в райцентре, от сплетен несдобровать.

Учительница Саадет попрощалась еще раз и покинула их.

Учитель Фазиль продолжал стоять возле Гюндюза. Некоторое время никто из них не проронил ни слова. Затем Гюндюз, нагнувшись, поднял с земли палку и, глядя на реку, медленно зашагал дальше. Учитель Фазиль двинулся рядом с ним.

Гюндюз спросил его:

— Вы что-то хотите мне сказать?

— Да нет, у меня... у меня ничего такого для вас нет. А у вас, наверное, опять ко мне дело... Завтра, наверное, из-за меня и в школу пришли бы...

Гюндюз Керимбейли опять улыбнулся ему своей доброй улыбкой.

— Не обижайтесь, — сказал он. — Сегодняшний мой разговор с учительницей Саадет был крайне полезен.

— Узнали что-нибудь новое? — в голосе учителя Фазиля зазвучала откровенная ирония.

— Конечно, узнал.

— А что, например?

— Ну, например, узнал, — Гюндюз внимательно посмотрел на учителя Фазиля, — что она вас очень любит.

Теперь учитель Фазиль уже ничего не сказал. Видимо, он уже уловил главное: когда говоришь с таким человеком, иронию свою лучше попрятать — это тебе не директор школы и не инспектор районного отдела образования. Наконец он выдавил из себя:

— Большое спасибо за информацию.

Пожалуй, такой разговор был не по душе Гюндюзу Керимбейли. Терпение у него лопнуло.

— Послушайте, молодой человек! — остановившись, Гюндюз взглянул прямо в глаза учителю. — Или вы полагаете, что мне доставляет удовольствие вмешиваться в дела посторонних людей? Пытать, кто кого любит, а кто кого нет? И что за человек чей-то брат?

Учитель Фазиль не отвечал.

Продолжая вышагивать ровными шагами, Гюндюз Керимбейли уже доверительно продолжал:

— Но мне действительно нужно вам кое-что сказать... Надо вас спросить об одной вещи, точнее, снова спросить.

Он замолчал и, поигрывая палкой, некоторое время не произносил ни слова, продолжая идти вперед.

Постепенно темнело.

— Вспомните-ка хорошенько. От сказанного вами зависит многое. После того как ваш дед сошел с поезда, — Гюндюз выговорил эти слова с особым ударением, — и вплоть до момента, когда вы вошли в комнату, с кем-нибудь вы встретились? Кого-нибудь видели? Постарайтесь, пожалуйста, вспомнить все подробности этой ночи, все подробности. Не торопитесь.

Они шли рядом, и учитель Фазиль, опустив лицо в землю, ничего не говорил. Наконец он сказал:

— Нет, мы ни с кем не встречались...

— И никого не видели?

Фазиль снова некоторое время помолчал:

— Нет!

— Но ведь не может же быть, чтоб вы никого не видели?

— Зимой погода плохая, к тому же была ночь... В райцентре в такое время никого уж нет. То есть на улице никого нет, вне домов, я имею в виду...

— На вокзале никого не было?

— Нет...

— А служащие вокзала?

— Служащие, наверное, там были...

— Вот видите...

— Этих людей я не знаю, может, они даже и были совсем рядом с нами, не обратил внимания...

— А на улице? Когда шли домой?

Строгие и быстрые вопросы следователя по особо важным делам заставили учителя Фазиля призадумать-

ся. Теперь он пытался представить себе все подробности зловещей ночи.

— Дядю Фаттаха, сторожа, видели около книжного магазина, даже поздоровались с ним.

— Видите, по одному и вспоминаются. Еще кого-нибудь видели? Вот из таких пропущенных вами людей?

Фазиль опять немного помолчал:

— Тетю Айну. Тоже поздоровались и поднялись наверх. Потом тетя Айна принесла нам чай и, увидев, что дедушка вышел из дому, удивилась, куда это он, мол, в такую погоду?..

— Ну вот, двое уже... Еще?

Учитель Фазиль остановился и внезапно сказал:

— А я знаю, что вы хотите услышать!

Гюндюз тоже остановился и улыбнулся:

— Интересно. Вы уже знаете, а я все еще никак не могу разобраться в своих мыслях...

Учитель Фазиль, наверное, посчитав слова Гюндюза коварной ловушкой, огорчился:

— Не считайте меня наивненьким простачком. Моя жизнь никакого отношения к убийству моего деда не имеет.

— Ну это еще как сказать, — заметил Гюндюз.

Учитель Фазиль, как бы не веря своим ушам, посмотрел на следователя и хотел что-то ему возразить, но Гюндюз не дал ему возможности договорить:

— Это еще как сказать, есть ли связь между вашей жизнью и нашим сегодняшним разговором.

Учитель Фазиль уставился в сторону реки, уже начинавшей блестеть с наступлением темноты, и вымолвил:

— Имаш на вокзале был.

— Так! Теперь трое...

Учитель Фазиль вновь изумленно повернулся к следователю по особо важным делам Гюндюзу Керимбейли. Конечно, он никак уж не ожидал, что только что произнесенные им слова, его последнее сообщение будут восприняты столь спокойно.

Гюндюз уточнил:

— Отчего вы это скрывали?

— Не хотел, чтобы в эту историю впутали Саадет. Не хочу, чтоб ее именем забавлялись в нашем райцентре.

— А что Имаш делал на вокзале?

— Стоял у кассы и смотрел на нас.
— Он в открытую рассматривал вас?
— Да.
— А потом?
— Потом он ушел.
— Больше его не видели?
— Нет, — поколебавшись, учитель Фазиль с видимым усилием добавил: — Но он никакого отношения к убийству не имеет... Он очень любит Саадет. И такое не сделает... Дедушку ограбили.
— Кружок стрельбы из лука в школе организовали вы?
Фазиль Гемерлинский опять удивленно посмотрел на следователя по особо важным делам.
— Да. А что?
Гюндюз Керимбейли собирался еще о чем-то спросить, но в этот момент сзади послышался голос Муршуда:
— Дядя Гюндюз! Дядя Гюндюз!
Муршуд, запыхавшись, подбежал к ним и выдохнул:
— Наш прокурор ищет вас. Человека домой посылал. И машина его по улицам вас ищет.

15

Когда Гюндюз Керимбейли вошел в кабинет, прокурор Дадашлы посмотрел на него со своего места снизу вверх, хитро улыбнулся, и, естественно, как и мы, следователь по особо важным делам не мог не догадаться: есть какая-то новость, причем хорошая новость. Весь мясистый лик прокурора Дадашлы сейчас откровенно провозглашал: пре-крас-на-я но-вость.
Дадашлы кивнул на сидящего перед ним младшего лейтенанта Гасан-заде.
— Чтоб ни дня не прожить без милиции! — сказал он и, натужась, попытался как можно глубже втянуть в себя живот, чтобы вытащить ящик письменного стола. — Вас ожидает сюрприз.
Увидев Гюндюза, младший лейтенант встал и продолжал стоять по стойке «смирно».
Подойдя к столу, следователь спросил:
— Часы?
Дадашлы, оторвав взгляд от ящика, посмотрел на

этого выглядевшего намного моложе своих лет бакинца и, в свою очередь, спросил:

— Это как называется? Телепатия?

Гюндюз улыбнулся:

— Интуиция.

Прокурор Дадашлы обменялся взглядами с младшим лейтенантом и покачал головой: вот-де, мол, товарищ младший лейтенант, какие чудеса происходят на свете. Затем он вытащил из ящика золотые наручные часы и положил их на стол.

Гюндюз взял часы и взглянул на них с таким интересом, будто эти золотые часы сейчас и поведают ему все, что с ними произошло, по порядку.

Поднявшись, Дадашлы засунул руки в карманы брюк, обойдя стол, подошел к Гюндюзу и воззрился через голову следователя по особо важным делам на часы так, будто узрел их впервые. Потом он вынул правую руку из кармана и положил ее на плечо младшего лейтенанта.

— Садись, — разрешил прокурор. — Ты читал «Принца и нищего», Гасан-заде?

— Читал, товарищ прокурор, — четко отрапортовал милиционер.

— Майлса в этой книге помнишь?

Гасан-заде несколько смутился:

— Я, товарищ прокурор, ее давно читал.

— Этому Майлсу было дано дозволение в любое время сидеть в присутствии королей Англии. — Прокурору Дадашлы так понравились собственные слова, что он громко засмеялся. Находка золотых часов его явно обрадовала, он снова погрузил руку в карман и продолжал любоваться часами. — Наш младший лейтенант товарищ Гасан-заде обладает таким подходом к людям, что никогда не ожидаешь, с каким он уловом вернется. Вот и Зибу он взял тоже совсем неожиданно.

Положив часы на стол, Гюндюз повернулся к младшему лейтенанту:

— Слушаю вас.

Его деловитость не очень-то повлияла на Дадашлы. Прокурор решил отвечать сам вместо младшего лейтенанта:

— У нас в райцентре есть некая Зиба, на вокзале пирожки продает. Так она на вокзале и хотела эти часы сплавить кому-то из проезжающих. — Дадашлы вновь

взглянул на младшего лейтенанта. — Попробовала, да наш смелый Майлс, как горный орел, пал на ее голову!

Гюндюз Керимбейли по-прежнему безо всякой улыбки спросил:

— Она какое-нибудь объяснение дала?

На сей раз серьезность в его голосе повлияла и на прокурора Дадашлы, и он, пройдя за стол и рассаживаясь в кресле, сказал:

— Утверждает, будто она их нашла.

Младший лейтенант, наклонившись, достал из портфеля, поставленного им у ног, листок бумаги и протянул его следователю по особо важным делам.

— Пожалуйста, — доложил он. — Вот ее показания.

— Не нужно, — сказал Гюндюз. — Где она живет, эта Зиба?

Гасан-заде поднял с пола портфель.

— Если позволите, я провожу вас.

16

Потихоньку погода снова начинала хмуриться, и хмурость эта отчетливо проступала на фоне загорающихся электричеством окон, она будто предвещала: еще немного — и липкий снег опять загонит жителей городка в их дома.

Младший лейтенант Гасан-заде, шагая рядом с Гюндюзом, спросил:

— В столице вы тоже не пользуетесь автомобилем, товарищ Керимбейли?

— Когда надо, сажусь, конечно. В Баку обойтись без машины задача невыполнимая. Но я не люблю ни машин, ни троллейбусов, ни автобусов.

Младший лейтенант буквально впивался в каждое слово прибывшего из Баку известного криминалиста и, несомненно, из каждой его реплики извлекал для себя поучение и мораль. Несколько смущаясь, он произнес:

— Знаете, наш райцентр хороший город. Есть где в нем погулять. И люди здесь хорошие...

Гюндюз, окинув взглядом младшего лейтенанта, улыбнулся и сказал:

— Иначе я и не думаю.

Гасан-заде все еще стеснялся.

— Знаете, — сказал он, — чувствуешь себя как-то

непривычно... Первый раз вы сюда приехали. Впервые видите эти места, этих людей... А ищете среди них убийцу...

— Такая уж у нас работа, лейтенант. — Гюндюз, конечно, сознательно опустил слово «младший». — И у вас, и у меня, и у всех нас... Вам сколько лет?

— Двадцать четыре.

— Еще все впереди, лейтенант. Много еще людей увидите, со многими делами столкнетесь, и сердце у вас частенько еще будет прихватывать горечью, но одного у вас не должно быть — неудовлетворенности. Не надо себя жалеть, как же это так, что я, мол, всю жизнь посвятил такому занятию, а люди выращивают цветы, пишут книги, дают концерты... Я же денно и нощно караулю воров, поджидаю убийцу и в мыслях своих подозреваю чуть ли не каждого, а потом выясняется, что и правонарушитель-то вовсе не тот человек, которого я подозревал, а совсем другой. Необходимо когда-нибудь обо всем об этом передумать. И никогда уже себя не жалеть. А знаете, что для этого нужно?

Младший лейтенант, ничего не ответив, посмотрел на следователя по особо важным делам.

Опять улыбнувшись, Гюндюз продолжал:

— Для этого нужно очень любить людей. И вот эту серую хмарь любить, и те горы любить... Пожалуй, мои слова несколько похожи на менторское наставление, да? Но ведь я и на юридическом факультете долгое время преподавал.

Младший лейтенант сказал:

— Знаю. Вы ведь один раз даже к нам в школу приезжали. Я же учился в Мардакянах в школе милиции. Наш начальник пригласил вас прочесть нам лекцию. Тогда вы раскрыли дело валютчиков.

Гюндюз Керимбейли не поддержал разговора и посмотрел в сторону гор, чернеющих над деревянными крышами. После слов, сказанных им младшему лейтенанту, и эти горы, и деревянные крыши, и светящиеся во мгле окна, и будто отторгнутые неярким оконным светом сумерки стали для него еще роднее. Очевидно, в натуре следователя по особо важным делам наряду с педагогическими наклонностями многое оставалось еще и от студенчества.

Младший лейтенант, показав на железные ворота двухэтажного дома, сказал:

— Пришли. Это дом Зибы.

Первый этаж этого дома служил гаражом, из окна второго этажа падал свет.

— Что ж, у нее и машина есть?

— Нет, это не ее, это Джеби «Москвич», старенький.

— Кто это Джеби?

Младший лейтенант засмущался:

— Так, шофер. Работает в колхозе на грузовике.

— Тот самый Джеби, что сын Фатьмы?

Младший лейтенант удивленно воззрился на Гюндюза:

— Да.

— А зачем же он здесь свою машину держит?

Младший лейтенант не ответил и, когда они подошли к воротам, открыл калитку, заглянул во двор и позвал:

— Зиба! Эй, Зиба!

Очевидно, Зиба тотчас же узнала младшего лейтенанта по голосу. С руганью она выскочила на лестничную площадку.

— Ну чего? Чего ты от меня еще хочешь? — крикнула она. — Что я тебе, деньги, что ли, должна? Мало тебе, что с грязью меня смешал?

Заметив вместе с младшим лейтенантом незнакомого человека, она явно насторожилась и, попритихнув, оглядывала их.

Гасан-заде выступил вперед:

— Товарищ Керимбейли прокурор, приехал из Баку. Сам с тобой желает поговорить.

— Пусть желает, да...

Гюндюз Керимбейли, прищурившись, посмотрел на Зибу и уверенно попросил:

— Можно к вам подняться наверх?

— Можно, конечно, почему нельзя...

Поднявшись наверх, они вошли в комнату.

Зиба крепко перетянула себе лоб полотенцем, а изо всех ее причитаний и воплей было ясно — болит у нее голова. Но вот странно: голова у этой женщины, может, и правда сильно болела, но неистощимые ее ахи и охи убеждали только в одном: притворяется, причем притворяется нагло и развязно.

Гюндюз сказал:

— Мы не собираемся отнимать у вас много времени.

Мне что-то кажется, будто вы не совсем хорошо себя чувствуете?

Зиба окинула Гасан-заде взглядом, преисполненным ненависти.

— А как же мне еще себя чувствовать? — Она жестом указала на младшего лейтенанта. — Уже и в своей каморке никакого мне покоя от него нет.

Замолчав, она демонстративно обратилась к одному Гюндюзу Керимбейли:

— Садитесь же, что вы стоите?

Гюндюз притянул к себе один из стульев, придвинутых под круглый стол, и уселся на него.

— Большое спасибо, — поблагодарил он. — А вы почему не садитесь?

Зиба, сжимая себе рукой лоб, объяснила:

— Я-то с утра до вечера сижу, — однако, несмотря на то, что с утра до вечера ей приходилось заниматься этим делом, она все ж устроилась напротив Гюндюза.

Младший лейтенант продолжал стоять, облокотившись на подоконник.

Энергично растирая себе лоб, Зиба, будто рассуждая сама с собой, запричитала:

— Ох, взгляни на мои дела, аллах, посмотри на мои силы! Народ празднует, гуляет, а в мой дом прокурор приходит...

Младшему лейтенанту стало неловко за Гюндюза Керимбейли.

— Нехорошие слова говоришь, Зиба.

Зиба, вновь окатив младшего лейтенанта с головы до ног ненавидящим взглядом, бросила:

— А ты заткнись! Только и знаешь, как кот подкрасться да кинуться на шею. Ну погоди еще!

Сравнение Зибы вывело из терпения младшего лейтенанта:

— Что, Джеби скажешь?

Зиба от его слов совсем потеряла голову:

— Ты бы лучше подумал о беде сестрицы своей Гюльяз, чей муж развлекается в городе с девочками!

Гюндюз Керимбейли посмотрел на младшего лейтенанта, и под его взглядом Гасан-заде вынужден был замолчать.

Его отступление Зиба объяснила по-своему.

— Ну чего тебе надо? Что я такого плохого надела-

ла? Часы нашла, а потом захотела продать? Что я, в чужой карман залезла?

Гюндюз подчеркнуто спокойно ее спросил:

— А где вы их нашли?

Зиба пальцем показала на младшего лейтенанта.

— Все выложила ему, — подтвердила она. — Все по порядку написала. Даже подписаться заставил. Что, образования не хватило, плохо написал?

Гюндюз так же спокойно предложил:

— И мне тоже расскажите.

Его спокойствие и скрытая в этом спокойствии уверенность подействовали и на Зибу. Женщина перестала вопить и объяснила:

— Сегодня нашла. Нашла и там же хотела продать. Тут этот... — Зиба взглянула на младшего лейтенанта и с трудом удержалась от смачного словца, — этот... повис надо мной...

— А коробочку куда дели?

— Какую коробочку?

— От часов. Из кожи, маленькая такая, должна была быть коробочка.

— Ах, коробочку... Коробочку я выбросила. Я же не ребенок, чтобы играть с коробочкой от часов!..

— Куда выбросили?

— Откуда мне знать, куда я ее выбросила? Разве на вокзале человек знает, куда что выбрасывает?

Поднявшись, Гюндюз Керимбейли с неожиданной не только для Зибы, но даже и для младшего лейтенанта резкостью сказал:

— Здесь у нас с вами беседа не получается, Зиба-ханум! Продолжим наш разговор в прокуратуре.

Глаза у Зибы полезли на лоб:

— За что же меня брать-то? Что я такого сделала? Человека ограбила?

Наступила недолгая тишина, и эту тишину нарушил голос следователя по особо важным делам:

— Человек, чьи часы вы хотели продать, убит. Я не знаю, вы-то слышали об этом или нет? Но вы говорите неправду. А в таком деле говорить неправду уже тяжелое преступление.

Вновь наступило молчание. Глаза Зибы от беспредельного, невыразимого страха полезли из орбит. Гюндюз внимательно глядел на нее.

Зиба, стащив полотенце со лба, проглотила слюну.

— Я вас не обманываю, — прохрипела она.

— Обманываете! Куда вы выбросили коробочку от часов на вокзале, вы ведь сами не знаете, да? — Следователь по особо важным делам независимо от своей воли повысил голос.

— Да...

— Какого цвета была коробочка?

— Она была в грязи... Грязная была, вот я и не обратила внимания на цвет... Льет в городе, который день льет...

— Пока это единственное правдивое слово, сказанное вами. Действительно, который день льет. Но у этих часов никакой коробочки не было!

— Как это не было?.. Вы же сами сказали, да... — И только теперь Зиба поняла, в чем тут дело, а вместе с пониманием происходящего она поднесла к глазам скинутое ранее со лба полотенце. — Зачем вы пришли сюда? Он что, человека убил, что ли? От меня больше ни одного слова не вырвете!..

Следователь по особо важным делам вышел из комнаты, младший лейтенант Гасан-заде — следом за ним. Пока они сходили с лестницы во двор и направлялись к улице, сверху доносился плач Зибы.

Некоторое время шагали молча.

Опять, как и предполагалось, начал мести снег.

Гюндюз Керимбейли, подняв воротник, сунул в карманы руки. Спустя пару кварталов Гасан-заде не выдержал:

— Зиба неправду говорит, товарищ Керимбейли.

Гюндюз, не отрывая глаз от туфель, спросил:

— Какую неправду?

— Муж моей сестры... Он учится в Москве в аспирантуре...

Гюндюз внимательно посмотрел на младшего лейтенанта.

Гасан-заде добавил:

— К тому же воспитанный парень...

17

Все окна районной прокуратуры, кроме одного, уже погасли. В ярко освещенной комнате друг против друга сидели два человека — следователь по особо важным

делам Гюндюз Керимбейли и старший инспектор уголовного розыска Джаббаров.

Гюндюз брал документы из лежащей перед ним папки и внимательно их проглядывал один за другим. Сейчас он был больше похож на молодого ученого, сидящего в библиотеке и собирающего материал для своей диссертации, чем на следователя по особо важным делам.

Капитан Джаббаров не сводил глаз с Гюндюза Керимбейли и, должно быть, был крайне рад, что такого известного следователя столь заинтересовали собранные им и привезенные из Баку документы.

Наконец следователь по особо важным делам сложил все бумаги в папку, некоторое время молча смотрел на капитана Джаббарова и спросил:

— Какая погода в Баку?

Конечно, старший инспектор уголовного розыска ждал от Гюндюза Керимбейли куда более важных вопросов...

— Хорошая, — ответил Джаббаров.

18

Дядя Фаттах, подложив под себя одну ногу, сидел в кресле и, попыхивая трубкой, говорил:

— У меня была бабушка, старуха Набат, как называли ее и старые и малые. Самого Надир-шаха застала на троне, давно уж ей за сто лет было. В зимнюю пору ненастной погодой по вечерам мы собирались вокруг нее. Не знаю, чем была душа этой женщины. До полуночи рассказывала сказки. Начиная с Мелик-Мамеда, охотника Назара и до того, как шах Аббас ткал ковер. Все рассказывала и рассказывала!..

Гюндюз, сидя напротив дяди Фаттаха, пил чай. И Муршуд, пристроившись на деревянной табуретке, уставился глазами в рот отцу. Наверное, рассказы дяди Фаттаха были для него чем-то вроде сказки о Мелик-Мамеде.

— И очень пугливая была женщина. Ночью боялась спускаться одна во двор. Проходила зима; весенними, летними вечерами собирались вокруг нее: расскажи, мол, сказку. Но, странно, весной и летом не любила она сказки рассказывать. Мы говорили: «Не расскажешь, не будем по ночам с тобой во двор выходить». Ей ниче-

го не оставалось делать, начинала рассказывать... Теперь думаю, зачем это пугали мы бедную старушку... — Дядя Фаттах улыбнулся: — Говорят, у невесты под языком должен быть сахар, а у жены, благо свекровь есть, под языком должна быть хитрость... Так уж устроен мир.

— Эти сказки и я знаю, — сказал Муршуд.

— Конечно, ты знаешь, что тебе делать еще остается... Теперь, куда ни глянь, слава аллаху, сказки в книгах имеются! Еще до того, как в школу пойдете, учитесь читать. А если б нам старуха моя Набат не рассказывала, откуда б вы сказки узнали?

— Я тоже был большим любителем сказок в детстве, — заметил Гюндюз. — Иногда до самого утра их читал. Отец ругается, заглянет, погасит свет в комнате, чтобы спал, а я зажгу ручной фонарик и под одеялом читаю...

Дядя Фаттах вздохнул:

— Эх... Пройдет жизнь, и ничего тебе не останется, как говорят, — затем спросил: — А твой отец жив, сынок?

Гюндюз отвечал:

— Да, жив.

— Такой же старик, как и я? А он кто по специальности?

— Композитор.

И дядя Фаттах, и Муршуд с удивлением посмотрели на Гюндюза, будто отец приехавшего из Баку гостя никак уж не мог быть композитором.

Дядя Фаттах, прижав пожелтевшим от табака большим пальцем горящее отверстие трубки, спросил:

— То есть песни пишет, да?

— Песни, оперы, балет, что хотите! — Следователь по особо важным делам улыбнулся.

Вдруг Муршуд припомнил отца своего гостя:

— Фезли Керимбейли?

— Он и есть. — Доказательство столь великой популярности отца откровенно польстило Гюндюзу.

Дядя Фаттах покачал головой и, не сумев сдержаться, сказал:

— Сынок, а ты-то с какой стати выбрал себе такую специальность?

— Ты же сам говоришь, что так уж устроен мир, дя-

дя Фаттах. Десять лет проучился в музыкальной школе, но музыка дается не зубрежкой — призванием.

— А эта твоя работа далась призванием?

Гюндюз Керимбейли пожал плечами:

— Трудный вопрос задаешь, дядя Фаттах.

— Трудами врагов преодолеешь. В чем затруднение?

— Преступление — такое дело, дядя Фаттах, всегда ищет случая, чтобы открыться, потому что, опять как ты говоришь, так уж устроен мир. Природе преступление чуждо. Человек же составная часть всей природы...

Дядя Фаттах, покуривая трубку, некоторое время молчал, затем указал на окно, в которое лупил мокрый снег.

— Этот наш райцентр, сынок, маленькое местечко. Здесь что-нибудь скрыть невозможно. Теперь все только о тебе говорят. А у слова, знаешь, сынок, есть жила, потянешь — вытянется. Так когда ты подведешь итог этой болтовне, дай бог?

Следователь по особо важным делам, поднеся руку ко рту, зевнул:

— Посмотрим, дядя Фаттах...

— Хорошо б, если б попозже, — сказал засыпающий Муршуд.

Дядя Фаттах с недоумением посмотрел на сына.

Гюндюз спросил:

— Почему?

— Потому что и вы тогда подольше останетесь здесь.

Гюндюз громко засмеялся и, поднявшись, потрепал Муршуда по кудрявой голове.

Дядя Фаттах, тоже вставая, вздохнул.

— Очень общительный он у меня паренек, — сказал дядя Фаттах. — Так и льнет к людям. Я тоже таким в детстве был. — Потом подтолкнул сына. — Вставай, вставай, пора уже, скоро полночь будет.

Муршуд поднялся:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, товарищ Муршуд.

Выходя в дверь, дядя Фаттах сказал:

— Ложись! Сегодня ты совсем не кашлял, поправляешься вроде.

Гюндюз отвечал:

— У тебя золотые руки, дядя Фаттах.

— Эх, чем золото, лучше чарыки *, сынок. Потому что наденешь золотые чарыки, так и видят все, что чарыки, а не золото. Спокойной ночи.

— Будь здоров, дядя Фаттах.

Дядя Фаттах, выйдя из комнаты, закрыл за собой дверь.

Гюндюз, подойдя к окну, посмотрел на улицу.

Свет в райцентре совсем погас.

19

Из ворот дома Зибы вышел какой-то человек и зашагал под глухо падающим мокрым снегом.

В темноте его невозможно было узнать. Вскоре он на ходу вытащил сигарету из кармана пальто, прикрыл ее в кулаке, чтоб она не намокла, и, приостановившись на мгновение, зажег сигарету спичкой. Вспыхнув, спичка осветила лицо Джеби.

20

Наконец-то впервые за долгие дни над городком выглянуло солнце. Казалось, вместе с ним снизошла радость и на деревянные крыши домов, и на улицы. Даже безжизненные деревья, озаренные юными лучами, будто повеселели.

И нависшие над райцентром высокие горы тоже впервые за много дней проглядывались на фоне заголубевшего неба, а снег, лежащий на их вершинах, сверкал теперь как серебро.

Споласкивая тряпку в наполненном водой ведре, пожилой водитель протирал ею кузов большой грузовой автомашины.

— Вот и солнце появилось. Хорошая погода, — сказал он.

Наводящий лоск на стекла своего автомобиля Джеби, не отвлекаясь от дела, отвечал:

— Погода что человек: надеяться на нее не приходится.

— Значит, вы думаете, что людям доверять нельзя? — спросил, невесть откуда взявшись, остановивший-

---

* Туфли.

ся возле машины Джеби следователь по особо важным делам.

Джеби посмотрел на него и наверняка сразу догадался, в чем тут дело. Оглядев Гюндюза с головы до ног, будто намереваясь мгновенно понять, что он за человек, Джеби вытер руки тряпкой и спросил:

— У вас ко мне дело?

Гюндюз достал удостоверение из нагрудного кармана пальто, протянул его Джеби. Тот и глазом не повел на удостоверение.

— Не надо, — сказал шофер. — Я знаю, вы следователь, приехавший из Баку. Я вас сразу узнал. Ждал... — Понятно, что его обо всем предупредила Зиба.

— Не торопитесь?

Джеби бросил взгляд на часы:

— Тороплюсь. Мне надо успеть съездить в село и вернуться обратно.

— Возьмите меня с собой. В такую погоду часок покататься — прекрасная штука.

Джеби совершенно растерялся и пожал плечами:

— Как знаете...

Следователь по особо важным делам, не дожидаясь особого приглашения, поднялся и сел в кабину. И Джеби уселся за баранкой и, протирая стекло с внутренней стороны кабины, повторил:

— На старой мельнице у меня на пять минут дело есть...

— Ничего, я подожду.

— Прямо на дороге... — Джеби казался обеспокоенным. Мотор завелся, и машина выехала из гаража.

Гюндюз, глядя сквозь ветровое стекло на улицу, улыбнулся:

— А вы не ответили на мой вопрос.

Джеби удивленно посмотрел на своего спутника:

— На какой ваш вопрос?

— Насчет недоверия к людям.

Теперь улыбнулся и Джеби:

— Да... Бывает. Ты иногда человека, как аллаха, чтишь, пророком его почитаешь, а потом выяснится: обыкновенный шакал...

— Одного человека, может быть, но не всех же. Как вы считаете?

— Один человек — тоже человек.

Машина ехала по улицам райцентра, и Гюндюз Керимбейли, глядя в окно, отвлеченно молчал. Такое молчание, видимо, было не по душе Джеби, выводило его из себя. Наконец он заговорил сам.

— Я все знаю, — сказал он. — Вы решили со мной проехаться из-за тех часов, что нашлись у Зибы.

Гюндюз только улыбнулся:

— Как говорится, сочетаю приятное с полезным.

Джеби же больше было не до улыбок.

— Ну не она нашла часы, а я их нашел и дал ей. Не может так быть?

— Почему же не может? Если это и вправду так, разумеется, может.

— А если не вправду, что так, тогда как? Тогда я стану грабителем? Убийцей стану?

Следователь по особо важным делам не ответил: видимо, он хорошо знал Джеби. Тот сам расскажет, что считает нужным, остальное ж потом.

Машина покинула райцентр и поехала по еще не просохшему асфальтовому шоссе.

На проводах, тянущихся вдоль шоссе, по одной, иногда по две расселись вороны. Сейчас казалось, будто эти вороны думают, греясь на солнце, о судьбах мира.

Джеби заерзал за рулем, словно хотел устроиться поудобнее, и сказал:

— Ладно, любил я погулять и вообще плевал на все. Люблю поесть, выпить, порой в речах несу что попало, да мало ли что может случиться, но никогда не смогу никого ограбить, а тем более кого-нибудь убить.

Следователь по особо важным делам промолчал.

— Вижу, думаете сейчас, что Джеби не все говорит, что знает.

Машина, оставив за собой поднявшийся над рекой мост, остановилась перед голой ивой.

Показав на стоящую в ста метрах от дороги старую мельницу, Джеби сказал:

— Я сейчас вернусь. У меня там пятиминутное дело, — потом многозначительно улыбнулся. — Джеби — человек честный.

Выключив мотор, он спрыгнул на землю и пошел к мельнице вдоль кустов, растущих по дороге.

Следователь по особо важным делам тоже покинул машину и, пройдя к мосту, облокотился обеими руками на деревянные перила и посмотрел на реку.

Река пенилась, ныряя и исчезая в лесу среди обнаженных деревьев и кустов. Прикорнувшие над лесом подножия гор тихо серели вдали, будто с удовольствием впитывая в себя солнечное тепло.

Снег же, лежавший на вершинах гор, сверкал серебром со своей холодной, величавой высоты. Расположившись на тянущихся вдоль дороги и нависших над рекой электрических проводах, вороны замерли в неподвижности, нежась под внезапным обилием солнечных лучей.

Гюндюз Керимбейли повернулся от моста и, приблизившись к машине, прищурился и посмотрел на солнце. Затем, словно предвкушая наслаждение от представившейся возможности хорошо отдохнуть, широко раскинул руки, блаженно потянулся и взглянул в сторону старой мельницы, куда побрел Джеби. Мельница, будто скорбя о собственной старости и отсталости от жизни, печально-одиноко стояла посреди равнины и смиренно ожидала своего конца.

В этот миг позади мельницы словно мелькнула чья-то тень и пропала в лесу. Она не ускользнула от внимания следователя, и Гюндюз с еще большим напряжением всматривался в сторону мельницы.

Гюндюз откровенно насторожился. Так же внимательно глядя в сторону старой мельницы, он поднял руку, открыл дверцу кабины, и сначала короткий, а спустя некоторое время продолжительный сигнал машины, заглушив шелест реки, отозвался в лесу и в горах. На старой мельнице никто не появился, ни один звук не раздался в ответ.

Гюндюз Керимбейли сначала медленно, а затем все более ускоряя шаг, пошел сквозь кусты к старой мельнице и, остановившись у двери, позвал:

— Джеби!

На мельнице не отозвались. Следователь по особо важным делам толкнул ногой дверь. Дверь заскрипела, и в ее скрипе звучал ужас. Гюндюз прошел во внутреннее помещение мельницы и тут же выхватил из-за пояса пистолет.

Джеби, упав, лежал на деревянных ступеньках лестницы. Вонзившаяся под левую лопатку рукоятка ножа блестела в неровном свете, падающем из крохотного оконца.

Глаза Джеби, словно подивившись своей земной судьбе, были широко раскрыты и так изумленными и

остались. Рот тоже был открыт, и хлынувшая из него кровь окрасила в яркий цвет края его одежды и деревянную лестницу.

Мгновенно оглядев пустое помещение мельницы, Гюндюз бросился на лестницу, подбежал к окну: оно было настолько узким, что ни войти, ни выйти через него было нельзя.

Гюндюз выскочил во двор и, обойдя здание, вновь подошел к окну. Внимательно осмотрелся: со всех четырех сторон виднелись только одни голые деревья. На мельнице явно никого не было. Немного постояв в нерешительности, так и не зная, что предпринять, он быстро побежал в сторону машины, бросился в кабину и включил мотор.

Развернувшись, машина помчалась в сторону райцентра.

С небывалой скоростью машина неслась по улицам города. Дети, играющие возле своих домов, прохожие удивленно смотрели ей вслед, не иначе как поражаясь, что ж это такое могло произойти, что вместо Джеби за рулем его машины сидит другой человек да еще и гонит ее так, будто спасается от шайтана.

Младший лейтенант Гасан-заде, направлявшийся, размахивая портфелем, на службу, тоже обескураженно проводил взглядом автомобиль и ускорил шаги.

Гюндюз, остановив машину перед воротами дома Имаша, спрыгнул на землю и, толкнув дверь, вошел во двор.

Имаш окапывал во дворе лопатой корни граната. Разогнувшись, он посмотрел на столь внезапно возникшего следователя по особо важным делам, увидел машину, виднеющуюся из-за забора, и не удержался, чтобы не сострить.

— А где же Зиба? — сказал он с улыбкой. — Джеби в машине нет, так хотя бы Зиба была.

Конечно, сразу было видно, что следователь по особо важным делам вряд ли сейчас рассчитывал, что застанет Имаша за работой в саду.

Вроде бы все стало ему ясным.

Ничего не сказав, Гюндюз повернулся, вновь прыгнул в кабину и тронул машину с места.

Так и не сумев ничего понять, Имаш продолжил свое занятие.

Когда машина резко остановилась перед вокзалом,

вылезать из нее необходимости не было — возле пирожкового лотка Зибы не суетилось ни души, а из печки не поднимался горячий пар.

Машина снова рванулась с места и, еще раз проехав по улицам городка, теперь уже остановилась перед домом Зибы. Гюндюз Керимбейли спрыгнул вниз и, толкнув ворота, хотел открыть их, ворота были закрыты. Гюндюз, запрокинув голову, посмотрел на окна, затем несколько раз постучал по воротам железным молотком.

Прохожие, останавливаясь, смотрели то на машину Джеби, то на незнакомого им человека, по нетерпеливому поведению угадывая, что у него какое-то срочное дело.

Следователь по особо важным делам продолжал настойчиво стучать молотком.

Пожилая женщина с полной корзиной в руках, должно быть, возвращающаяся с базара, сказала ему:

— Нет Зибы дома! Только что видела ее по дороге к реке.

Гюндюз посмотрел на женщину, произнесшую эти слова, словно не понял сначала смысла сказанных ею слов. Еще более заспешив, он прыгнул в кабину и рванул машину с места.

Выехав из райцентра, Гюндюз помчался грунтовой дорогой в сторону реки и остановился у опушки леса.

Здесь некогда следователь по особо важным делам встретился с учителем Фазилем и Саадет.

Выпрыгнув из машины, он зашагал среди голых деревьев вдоль реки. Если кто-нибудь посмотрел бы сейчас на Гюндюза Керимбейли, то ничуть бы не усомнился: даже птице, чуть только она шевельнись, было бы не укрыться от его глаз.

Наконец он увидел стоящую под большим дубом Зибу. Зиба со странной грустью смотрела на снежные вершины гор. Обогретые солнечными лучами, заснеженные горы, казалось, сочувствуют печали, томящейся в глазах этой женщины.

Следователь по особо важным делам, стремительно продираясь сквозь кустарник, вдруг что-то увидел за сухими ветвями и громко крикнул:

— Зиба!

Отведя взгляд от гор, Зиба повернулась в сторону заставившего ее вздрогнуть крика, и тут же большой

нож вонзился в толстый ствол дуба. Обернись Зиба на мгновение позже, и все было бы кончено.

Женщина не могла оторвать взгляда от все еще дрожащей рукоятки ножа, всаженной в ствол дерева.

Бросившись в гущу кустов и деревьев, Гюндюз Керимбейли несся за бросившим нож человеком.

Меж деревьев иногда показывалась то спина, то голова убегавшего.

Гюндюз Керимбейли крикнул:

— Стой! Стой, тебе говорю!

В правой руке он держал пистолет, а левой прокладывал себе дорогу, стремясь, чтобы сухие ветки не попали в глаза.

— Стой!

Гюндюз дважды выстрелил поверх головы бегущего человека и, прибавив шагу, начал нагонять убийцу.

Скорость преступника постепенно падала. По тому, как учащенно он дышал задыхаясь, чувствовалось, что силы его на исходе. Вдруг он внезапно остановился, ловко нагнувшись, выхватил из давно прогоревшего костра увесистую головешку, обернулся назад и запустил головешкой в Гюндюза.

Вот теперь-то и нельзя было его не узнать.

Человек этот был... дядя Фаттах.

Головешка больно ударила в правую руку Гюндюза Керимбейли и выбила из нее пистолет куда-то между сплетенных по земле корней деревьев. К Фаттаху словно вернулась прежняя сила. Одним прыжком он с необыкновенным для старика проворством бросился на Гюндюза.

— Задушу тебя, сукин сын! — орал он. — Как собаку, тебя разорву!

И он, действительно двумя руками вцепившись в горло следователю по особо важным делам, всей своей тяжестью обрушился на него. Гюндюз упал спиной на землю, жилы на его шее напряглись, глаза, покраснев, налились кровью.

Во взгляде Фаттаха кипели огонь, пламя, злость, ненависть. Будто годами тайно копившаяся в его сердце, иссушающая жажда убийства вдруг прорвалась наружу. Лицо его сияло исступленным, торжествующим сладострастием.

Собрав последние силы, Гюндюз ударом ноги сумел перебросить Фаттаха через себя. Теперь уже Фаттах

навзничь упал на землю, но Гюндюзу не удалось навалиться на него. Ловко вывернувшись, Фаттах вскочил на ноги и, соединив обе руки будто для рубки дров, со всего размаху ударил Гюндюза по шее.

— Сукин сын! — сказал Фаттах и снова нанес ему удар по шее.

Гюндюз рухнул на колени. Фаттах нацелился ударить его в третий раз, но тут заметил упавший поодаль пистолет, валявшийся под дубом. На мгновение заколебавшись, он кинулся к оружию, однако следователь по особо важным делам в быстром прыжке подставил ему ногу. Потеряв равновесие, Фаттах растянулся на земле. С той же гибкостью Гюндюз упал на злодея, локтем правой руки, будто душил змею, придавил ему шею и, поймав левой рукой ботинок Фаттаха, вывернул его в сторону.

Где-то рядом один за другим прозвучали три выстрела. Они будто влили в Фаттаха свежие силы. Ловко вывернувшись из рук Гюндюза, он рванулся вперед, прополз несколько шагов прямо по грязи, вскочил на ноги и бросился бежать.

Гюндюз Керимбейли и не заметил, как оказались здесь все еще задыхающийся прокурор Дадашлы, следователь Джаббаров и младший лейтенант Гасан-заде. Он смотрел на них так, как смотрят, вероятно, на пришельцев из другого мира.

Прокурор Дадашлы отпустил ворот Фаттаха, тот грузно шлепнулся в грязь.

Вытирая с лица кровь, Гюндюз Керимбейли приподнялся и сел напротив Фаттаха, глядя то на прокурора Дадашлы, то на Джаббарова, то на Гасан-заде.

— Ваше прибытие напоминает мне марш-бросок Блюхера под Ватерлоо, когда он спас англичан, — сказал следователь, посмотрел на Фаттаха и потер пальцы правой руки, ноющие от удара. — Ну и силищи ж в нем!

И Фаттах тоже двумя руками, будто салават верша при молитве, вытер лицо и глухо сказал:

— Следовало еще ночью отрезать тебе голову! Как отрезают ее баранам! — И так проникновенно он произнес эти слова, что и сомнения ни у кого не возникло в искренности его неосуществленного желания.

Стоявшая в стороне возле лиственницы и глядевшая на них Зиба именно так тогда и подумала.

Следователь по особо важным делам Гюндюз Ке-

римбейли улыбнулся. По выражению его лица было отчетливо видно, как сильно он устал за эти несколько дней. А может, месяцев или лет — кто знает, но, стараясь удержать улыбку, следователь сказал:

— От тебя всего можно ожидать!.. — И тут же, как говорится, не сумел подавить в себе желание съязвить: — А все ж ты меня неплохо подлечил своими банками!

— Все по моей глупости! Каждый человек ошибается, — сказал Фаттах. — Ошибку допустил!

— А говорил, что миллионы фаттахов приходили в этот мир и ушли. Но такие, как ты, появляются крайне редко, Волк Джебраил!

Фаттах, сузив глаза, внимательно посмотрел на следователя по особо важным делам и сказал:

— Ты мне сразу же не понравился!.. Если человек выглядит моложе своих лет, он никогда мне не нравился... Но ты еще должен доказать, что я Волк Джебраил!

— Докажем, докажем! Прямо с отпечатков пальцев и начнем, все, что только пожелаешь, положим перед тобой. И очную ставку тебе устроим с детьми и женами тех, кому ты поотрезал головы...

Наступила тишина. Все еще ничего не понимающий в том, что произошло, прокурор Дадашлы растерянно переводил взгляд со следователя по особо важным делам на Фаттаха.

Гюндюз же, взглянув на не перестающего удивляться Гасан-заде, улыбнулся:

— Это вы привели всех за собой, да? Я вас тогда приметил на улице. Вот какая у нас работа, товарищ лейтенант, моя, ваша, нас всех. Видите, с кем иногда приходится сталкиваться. Это бандит периода военных лет, зовут его Джебраил, отсюда и кличка Волк Джебраил. Весь Карабах исстрадался из-за него. Затем он бежал и обосновался здесь. Прославился в свое время тем, что отлично умел метать нож. Много крови пролил. Однажды уже таким вот образом ранил сзади Махмуда Гемерлинского. На этот раз произошла вторая попытка. Такие дела, лейтенант! Вышел Махмуд Гемерлинский на пенсию, а погиб, словно находился в строю...

Некоторое время Гюндюз молчал, вновь растирая себе пальцы правой руки. Видимо, головешка, запущенная Фаттахом, крепко помяла ему руку. Потом, глядя в глаза Фаттаху, Гюндюз заговорил:

— Из документов, позаимствованных в министер-

ском архиве, я понял: убийство — дело рук Волка Джебраила. Так бросить нож мог только он. Служебную записку, написанную после ранения Махмудом Гемерлинским, тоже прочел. Но я еще не знал, кто же именно есть Волк Джебраил. — Этот или... — Гюндюз, не договорив, обратился к прокурору Дадашлы: — Кстати, почему вы не поможете с трудоустройством Имашу, товарищ Дадашлы?

Прокурор Дадашлы словно очнулся:

— Подам заявление на пенсию и уйду... Теперь мне остается только читать книги, а не быть прокурором! Возраст по конституции и так уже подходит...

Следователь по особо важным делам будто не расслышал его слов:

— Ответ же на ваш вопрос «почему?» крайне прост. Имаш так же, как и учитель Фазиль, не хотел, чтобы имя Саадет стало предметом для сплетен. Поэтому он и помалкивал о том, что побывал на вокзале. К тому же... К тому же, как говорят, ловцы змей не выносят красного цвета. Так говорят, Волк Джебраил?

Фаттах внимательно посмотрел на него и прохрипел:

— Говорят.

Гюндюз продолжал:

— Имаш знал, что у учителя Фазиля в Баку есть невеста. Он боялся, что Фазиль обманет его сестру. Знал, что дед учителя едет сюда, чтобы во всем разобраться. На вокзале он хотел самолично убедиться в том, чего стоят слова Фазиля.

Гюндюз снова посмотрел на младшего лейтенанта Гасан-заде:

— Хотите узнать, как все это произошло, лейтенант? Как Волк Джебраил убил Махмуда Гемерлинского, того самого Махмуда Гемерлинского, который в свое время уничтожил банду Волка Джебраила, хотите узнать?

Фаттах, точнее, Волк Джебраил, снова посмотрел на следователя по особо важным делам. Сейчас он совершенно не сомневался, что тот и вправду все знает. Тут произошло непредвиденное событие. Фаттах, поднеся ко рту руку, вытащил зубные протезы, и все увидели: да, это старый шакал.

— Значит, дело было так, лейтенант, слушайте... — сказал Гюндюз. Оба они, и следователь, и внешне едва внимавший его словам Фаттах, будто вернулись к той

ночной встрече, которой суждено было случиться несколько дней раньше.

...Мокрый снег валил не переставая. Подняв воротник пальто и надвинув на глаза шляпу, Махмуд Гемерлинский шел, о чем-то говоря трусившему рядом Фазилю.

Улицы райцентра были темны и безлюдны. Когда дед и внук приблизились к книжному магазину, Фаттах, покуривая трубку, сидел на деревянной лестнице в сенях, ведущих в магазин.

Он грел себе руки над раскрасневшейся спиралью электроплитки. Удивившись, что в такую холодную ночь кому-то понадобилось бродить возле дверей магазина, он высунулся наружу и, когда Фазиль со своим дедом поравнялись с ним, сказал:

— Здравствуй, учитель! В ночное время гулять к добру ли?

Фазиль ответил:

— Здравствуй, дядя Фаттах. Дед приехал из Баку.

— Добро пожаловать, — приветствовал Фаттах и посмотрел на Махмуда Гемерлинского.

— Большое спасибо, — поблагодарил приезжий, при слабом свете электрической плитки с трудом различая черты лица Фаттаха.

Их взгляды скрестились лишь на мгновение, затем Фаттах втянул голову в помещение, а старик с внуком продолжали свой путь. И за все это время он задал учителю только один вопрос:

— Как, ты сказал, зовут этого человека?

— Дядя Фаттах. Сторож книжного магазина. Его сын у нас учится.

Затем они, войдя через открытые тетей Айной ворота, поднялись по лестнице на второй этаж в комнату учителя Фазиля.

Махмуду Гемерлинскому было явно не по себе. Подойдя к окну, он отрешенно смотрел в темноту улицы. Затем, расстегнув пальто, старик просунул руку за борт пиджака себе на грудь и помассажировал сердце. Повернулся к внуку и что-то сказал. Фазиль возражал, и тогда Гемерлинский вновь поднял воротник пальто, которое он с себя так и не снял, спустился во двор и вышел на улицу.

Он медленно, размеренным шагом шел по замерзшим, безлюдным улицам к книжному магазину.

Фаттах стоял перед входом, дымил трубкой, будто дожидаясь свидания с Гемерлинским.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом Гемерлинский заговорил:

— А я все думаю, может, и не ты это, может, мне показалось.

— Видишь, я выжил. Остался жив.

Гемерлинский произнес эти слова, и их последняя встреча, случившаяся так много лет назад, возникла перед глазами. Десятки лет отделяли их от этой встречи.

...Волк Джебраил скакал среди отвесных скал к вершине горы и, часто оборачиваясь, смотрел назад: его преследовал Махмуд Гемерлинский. Да, Махмуд Гемерлинский гнал Волка Джебраила, и из-под копыт его лошади рассыпались по сторонам искры.

Волк Джебраил, проскочив мимо большой скалы, туго натянул поводья. Конь, ошалев от неожиданности, судорожно выгнул шею и бешено взвился на дыбы. Волк Джебраил осадил его и, прижавшись к скале, замер.

Едва только Махмуд пролетел возле скалы, Волк Джебраил, занеся правой рукой большой нож, бросил его в Махмуда. Нож вонзился в спину Гемерлинского, и он в то же мгновение упал с лошади на землю.

Затем он, с усилием приподняв голову, взглянул покрасневшими, широко распахнутыми глазами на объявившегося из-за скалы Волка Джебраила. Опираясь дрожащими руками о землю, Махмуд привстал на колени. Жилы на его шее вспухли от напряжения.

— Сзади бьешь, Волк! Мужчина сзади не бьет! — едва шевеля губами, сказал Махмуд.

И, ничего больше не слыша, упал лицом в землю.

Волк Джебраил огрел плетью коня, рванулся с места и вскоре исчез за скалами.

...— А я жив остался, — сказал Махмуд Гемерлинский, — но я полагал, тебя давно уже нет, а ты тоже живой... — И старик, повернувшись, тем же размеренным шагом двинулся обратно.

Фаттах, раздумчиво постояв перед дверью книжного магазина, вышел на улицу и быстро пошел следом за Гемерлинским. Не доходя до него нескольких шагов, он с силой, как старый мастер своего дела, метнул нож, который всегда носил при себе.

Гемерлинский, вздрогнув, замер на месте. Повернув

голову, он посмотрел на Фаттаха и хотел ему что-то сказать, но его желанию не суждено было осуществиться. Ничком старик растянулся на тротуаре: рукоятка вонзившегося в тело ножа засверкала в темноте.

Фаттах торопливо подбежал к нему, наклонился и посмотрел на убитого. Сначала он и не представлял, что еще сделать. Затем, увидев на руке Гемерлинского золотые часы, поспешил снять их, запустил пальцы в нагрудный карман пальто и вытащил портмоне.

Вдруг сквозь шум густо валившего снега послышалось пьяное бормотание Джеби:

Когда цветут цветы — вольготствует весна, пах-пах-пах,
Тобой, моя любовь, душа моя полна, пах-пах-пах,
Скорей ко мне приди; оставь свою игру, пах-пах-пах,
Как я тебя люблю, сама поймешь к утру, ох, эх, пах!

Обогнув угол дома, Джеби наткнулся на застывшего, как сжавшаяся пружина, Фаттаха, увидел распростертое в темноте тело и, едва удерживаясь на ногах, сказал:

— Это еще что, дядя Фаттах? Пьяным помогаешь протрезвиться?

Фаттах, приблизившись к нему, пробурчал:

— Ступай, ступай себе домой. Здесь тебе нечего делать!

— Дай-ка я взгляну, кто этот нечестивец, что до сих пор не научился пить молоко джейрана.

— Ступай домой, говорю тебе!

— Нет, дядя Фаттах, клянусь твоим здоровьем, я обязан взглянуть на этого идиота.

— Говорю же, ступай домой... — Фаттах схватил Джеби за руку и потащил его к воротам. Вырвавшись, Джеби заупрямился:

— Клянусь аллахом, я обязан взглянуть, кто это!

Фаттах сунул ему в руки золотые часы.

— Возьми это! — сказал он. — Золотые часы, я нашел. Пусть твои будут.

— Что? Золотые часы? И ты мне отдаешь их, дядя Фаттах? Да этого же хватит, чтобы целых два дня неплохо поразвлекаться в шашлычной Мирпаши!

— Ну, отдаю, отдаю! Пошел, ступай себе домой! — Фаттах потянул Джеби за руку и втолкнул его через ворота во двор. Джеби, рассматривая зажатые в ладони часы, теперь не слишком упорно сопротивлялся. Вновь

послышалось его пьяное бормотание. Джеби пересек двор и поднимался по лестнице на второй этаж:

Как сладостно поет над садом соловей, чих-чих-чих,
А запахи весны все ярче и нежней, пах-пах-пах,
На мир влюбленный ночь накинула чадру, чих-чих-чих,
Скорей ко мне приди, ты все поймешь к утру, ух, ых, пах!

...Следователь по особо важным делам Гюндюз Керимбейли спросил счищавшего грязь со своей одежды Фаттаха:

— На следующий день ты подкараулил Джеби? Спрячь часы, шепнул ты ему, да? Теперь-де это опасно, я их нашел, тебе подарил, но парень-то был мертв, не пьян, а мертв, тот свалившийся на землю, а часы-то вроде бы его, да? Припугнул ты его хорошенько? Умел это делать.

Прокурор Дадашлы, держа руки в карманах пальто, заметил:

— И еще у меня в кабинете умел хорошо разжигать печку.

О Фаттахе все говорили в прошедшем времени. Следователь по особо важным делам продолжал:

— Джеби взял часы и отнес их Зибе. Ей не хватило выдержки, она решила на часах поднажиться.

Волк Джебраил брезгливо, с головы до ног оглядел Зибу, как какую-то ничтожную вещь.

— А у тебя даже куриных мозгов нет, шлюха, дочь шлюхи! — усмехнулся он. — Вся эта заваруха из-за твоей тупости!

Гюндюз Керимбейли продолжал:

— Часы оказались у нас. И ты, разузнав об этом, ринулся к Джеби вне себя от страха. Заманив Джеби на старую мельницу, чтоб заставить его замолчать, ты из окна саданул в него нож. — Гюндюз Керимбейли обратился к прокурору Дадашлы: — Труп Джеби на старой мельнице.

Зиба, услыхав эти слова, чуть не лишилась рассудка:

— Что? Джеби? Ты убил Джеби, дрянной старикашка?

Она обессиленно упала на колени и в ужасе зашептала:

— Каким же горем покарал ты меня, аллах? — Зиба плюнула в Фаттаха. — Тьфу на тебя, старик! Чтоб

ты в гробу перевернулся, вонючий старикашка! И по моей крови соскучился? Ну кому я теперь нужна, ай, аллах!

Следователь по особо важным делам прошел мимо Зибы и направился к городу.

Прокурор Дадашлы посмотрел на Фаттаха:

— Вставай, красавец, вставай, нам пора.

Фаттах, засунув в рот свои зубные протезы, которые держал в руке, вытащил из кармана трубку, с трудом поднялся и, волоча ноги, зашагал за Гюндюзом Керимбейли. За десять минут Фаттах превратился в сгорбленного старика.

Прокурор Дадашлы шел за ним. Джаббаров с Гасан-заде тоже наконец-то тронулись с места.

Когда Фаттах проходил мимо Зибы, женщина, вскочив на ноги, смачно плюнула Фаттаху в лицо. Вытерев лицо рукавом, Фаттах и не посмотрел в сторону Зибы. И не сказал ничего, будто ничто в этом мире его уже не касалось. Но вытащил из кармана спички, зажег трубку и закурил.

Нагнувшись, Гюндюз Керимбейли поднял с земли пистолет. Фаттах, окинув оружие взглядом, издевательски улыбнулся.

Не отрывающий от него глаз младший лейтенант Гасан-заде прошептал:

— Дьявол! Сущий дьявол!

Следователь по особо важным делам, обернувшись, посмотрел на младшего лейтенанта:

— Обыкновенное преступление, лейтенант! — Гюндюз улыбнулся. — Если преступление можно назвать обыкновенным... — Потом взял с земли палку и, расчищая ею с тропинки прошлогоднюю листву, дошел до берега реки.

Пенясь, река несла свои воды.

Тяжелые тучи успели уже закрыть солнце: скоро опять начнет валить мокрый снег.

21

Медленно наступали сумерки. Гюндюз Керимбейли с портфелем в руке, выходя из ворот дома для приезжих, лицом к лицу столкнулся с Муршудом.

Остановившись, Муршуд смотрел на гостя.

Следователь по особо важным делам задержался перед мальчиком. Некоторое время они молчали.

Гюндюз наконец заговорил.

— До свидания, Муршуд?

Муршуд не ответил.

Они вновь посмотрели друг на друга.

— Спичечные этикетки я тебе пришлю, — сказал Гюндюз.

Глаза Муршуда наполнились слезами, и дрогнувшими губами он попросил:

— Отпусти отца!

Следователь по особо важным делам не отвел от Муршуда глаз. Его взгляд откровенно говорил: «Ты-то чем виноват, и сестры твои, и брат, разве они виноваты, что расти им теперь без отца? Что же прикажешь думать о вашем отце?»

Подняв руку, Гюндюз потрепал курчавые волосы Муршуда и сказал:

— Когда вырастешь, многое поймешь! И то, что я сделал, тоже поймешь.

Потом медленно удалился...

...А еще позднее прошел поезд, вновь растревожив спокойствие спящего в снегу леса.

Перевод с азербайджанского Вадима Суханова

Минель ЛЕВИН

Тень на дороге

Глава 1

В УЩЕЛЬЕ КАЛЛАКАНД

Усман Болтаев, чабан колхоза «Дружба», накинув на плечи толстый гиждуванский халат, выглянул на улицу.

Тучи шли низко, сплошным фронтом. Рассвет задерживался. В загоне блеяли овцы. Толстомордые среднеазиатские овчарки с подрубленными хвостами, почуяв хозяина, бросились к нему с радостным лаем.

Усман запустил пальцы в густую черную бороду и запрокинул голову. В разрывах туч он пытался разглядеть участки чистого неба. Если увидит их, отару можно выводить в горы...

Он вернулся в кибитку и разбудил помощника. Пока тот протирал глаза, на столе появились куски вареного мяса и сдобные лепешки-ширмола, приготовленные на молоке и масле.

Помощник у Болтаева не вышел ростом. Угловатый. Застенчивый. Усман любил над ним подтрунивать. И сейчас не удержался:

— Ты что, Холбек, рузу * держишь?

Холбек еще не проснулся и ел вяло. Усман же на аппетит не жаловался. Он не жаловался ни на что, кроме... своей бороды.

Если б не борода! Отрастил, чтобы она защищала лицо от ветра и солнца. Сбрей Усман бороду, и все бы увидели, что ему лет тридцать, не больше. И что ему еще не поздно жениться. Он, конечно, об этом думал. На примете была одна из сестер Холбека. Скоро она станет ветеринаром. Приедет в родной кишлак и поселится у него, Усмана. Обязательно! Иначе он всю жизнь будет ходить с бородой.

---

* Мусульманский пост.

Усман покосился на Холбека, будто проверяя, не подслушал ли тот его мысли. И засмеялся. На душе было хорошо.

Усман даже не мог себе представить, какими волнениями закончится этот удачно начатый день.

Март смешал краски зимы и лета. Солнце подпалило снега на вершинах гор. Заржавел суглинок.

Подоткнув полы халата за пояс, Усман бодро вышагивал впереди отары, напевая привязавшийся бейт * Хайяма:

Аллахом нам в раю обещано вино,
А стало быть, и здесь дозволено оно!

Смешно, право. Из хмельного он любил разве что свежий горный воздух.

Холбек шел позади отары. Слева и справа, не давая овцам разбрестись, старательно несли свою службу овчарки.

Наконец выбрались на шоссе. Это был трудный участок пути. Отара мешала движению. Чабанам приходилось то и дело расчищать коридор для транспорта.

В полдень свернули в ущелье Қаллаканд. Глубокая узкая расселина терялась среди скальных пород.

Усман присел на отполированный ветрами камень. Он был длинный, плоский и походил на могильную плиту.

Овцы разбрелись по отлогим склонам холма. Наблюдая за ними, Усман достал из кармана широких, скроенных из карбоса ** штанов тыквочку величиной с грушу — самодельную табакерку. В ней были растертые табачные листья, перемешанные с известью и золой. Получился первосортный жевательный табак — нас. Усман заложил щепотку под язык и прищелкнул от удовольствия.

Много лет назад Усман открыл для себя это ущелье. Каждый год в марте он приводил сюда отару. И начинал восхождение на летовку *** вслед за травой, которая, забираясь все выше, будто указывала путь.

— Эгей, Усман!

---

* Двустишие *(тадж.)*.
** Хлопчатобумажная ткань кустарного производства.
*** Летнее пастбище.

Старший чабан не сразу различил своего помощника в густых зарослях фисташки. Кричит, будто наступил на гюрзу.

— Я что-то нашел!

Полез за хворостом для костра. Что он мог там найти?

Усман соскочил с камня и, неловко споткнувшись, вспорол носком сапога раскисшую от дождей землю. Обнажилось что-то ослепительно белое... Кости! Ножом и руками Усман стал разгребать землю и вскоре откопал человеческий череп.

Холбек, не дождавшись его, сбежал вниз.

— Вот! — протянул плащ с порезами на спине.

Двойная находка.

— Холбек, в милицию!

Усман остался один.

Холбек выбежал на шоссе. Остановил грузовик.

— Тебе куда? — спросил водитель.

— В Зангор.

— А деньги есть?

— Мне в милицию.

— Не шути, парень.

— Я серьезно.

— Ну в милицию и без меня доберешься, — усмехнулся водитель, отъезжая.

Холбек побежал на ферму. Там ему сразу оседлали коня. Англизированный текинец. Вороной. В белых чулках. Гордость колхоза. Быстрый как ветер.

— Отдышись! — приказал дежурный по Зангорскому райотделу внутренних дел. Он ничего не мог понять. Вот уже несколько минут мальчишка пытался что-то объяснить.

Начальник отдела майор Чиляев вскинул кустистые брови.

— Давай сначала. Твоя фамилия Турдыев. Холбек Турдыев. Чабан колхоза «Дружба». Так?

Холбек кое-как успокоился и стал рассказывать.

— Но почему вы решили, что это кости человека? — спросил майор.

— А череп? — напомнил Холбек.

— Так ему, может, сто лет, — хмуро согласился Чиляев.

Холбек наконец вспомнил про плащ.

— Что же ты его не захватил?

Холбек чуть не заплакал с досады. Он, должно быть, оставил его на животноводческой ферме.

— Ладно, — сказал Чиляев. — Сейчас разберемся, — и отдал какие-то распоряжения.

Холбек никогда еще не ездил в милицейском «газике». На переднем сиденье склонил голову набок майор Чиляев. Холбек уставился в его широкую, как у грузчика, спину.

На мосту через речку майор обернулся к своим спутникам:

— Канителятся ремонтники с этим чертовым мостом.

Высокий смуглый лейтенант промолчал. Сидевший рядом с ним мужчина в черном костюме ответил, что на исполкоме решили принять меры.

— Я это давно слышу, — недовольно пробурчал Чиляев.

«Газик» уже проскочил мост. Холбек стал думать, чем этот мост не понравился майору. Мост как мост. Даже крепче других. И вдруг вспомнил, как однажды ночью, проезжая здесь, чуть не сорвался в поток. Конь, испугавшись встречной машины, шарахнулся в сторону. Холбек подобрал ногу, чтобы не прижало к перилам. А их-то и не было.

Плащ произвел впечатление. Лейтенант определил: женский, темно-синего цвета. Пробит острорежущим предметом.

Овчарки с яростным лаем набросились на «газик». Одна из них чуть не угодила под колеса. Усман палкой отогнал собак. Он ничего не добавил к рассказу подпаска.

Лейтенант защелкал фотоаппаратом. Затем Холбек вызвался показать ему, где нашел плащ, и они исчезли в зарослях фисташки.

Майор Чиляев руководил действиями тех, кто остался внизу. Водитель достал из кузова лопаты. Работа закипела.

В небольших углублениях, образовавшихся от стока дождевых вод, откопали части скелета.

Нашлись обрывки капрона, истлевшая комбинация, остатки черного платья из джерси. Точнее определить его цвет было трудно. На платье и комбинации порезы.

Лейтенант присоединил к вещественным доказательствам хорошо сохранившуюся шляпку с козырьком и пояс от плаща болоньи.

Чиляев вспомнил загадочное исчезновение учительницы Симбирцевой осенью прошлого года.

— Что вы на это скажете, товарищ прокурор?

— Симбирцева, — задумчиво произнес человек в костюме. — Что же, вполне возможно.

Глава 2
ПОЛГОДА НАЗАД

Длинная узкая комната с забранными решеткой окнами действовала угнетающе. Переступив ее порог, женщины остановились, нерешительно глядя на дежурного офицера.

Сейчас он скажет, что они зря отнимают у него время. Пусть он это скажет, и они заберут заявление. В самом деле: разве бывает так, чтобы человек пропал среди бела дня на виду у всех? Чепуха. Мистика.

Но дежурный сказал, что дело серьезное.

Заявительниц принял майор Чиляев. Вот что он услышал.

Тамара Владимировна Симбирцева, преподаватель русского языка и литературы средней школы имени Рудаки, в субботу решила навестить в Даврон подругу по институту — в прошлом году та вышла замуж за главного инженера строительно-монтажного управления Каратаева и переехала в этот городок.

Симбирцева собиралась переночевать у Каратаевых, а в воскресенье снова быть дома, в Ленинабаде. Но она не вернулась и в понедельник.

Позвонили Каратаевым. Те удивились. Тамара выехала из Даврона в воскресенье около шести часов вечера. Инженер довез ее на своем «Москвиче» до автобусной остановки. В конце маршрута ей предстояло пересесть в другой автобус, курсирующий между городком Энергетиков и Зангорским районом. В Зангоре она успевала на рейсовый автобус до Ленинабада.

Подруги Симбирцевой рассказали, что живут с ней в одной квартире. Обратили внимание: все вещи целы. Записку им не оставила.

Они сообщили также, что отец Тамары живет на Кольском полуострове в Кандалакше, брат — в Хабаровске. Других родственников нет.

Вот уже второй год Симбирцева дружит с журнали-

стом из Душанбе. Часто приезжает в командировки. Вроде бы хороший, дельный парень. Любит ее. Последний раз был здесь на прошлой неделе.

— А журналисту ничего не известно?

Подруги уже звонили в Душанбе. Молодой человек встревожен. Просил немедленно сообщить ему, если что-нибудь прояснится.

Учительницы пытались все разузнать сами. Поехали в Даврон. Вместе с инженером разыскали автобус, в который садилась Симбирцева. Водитель запомнил: бойкая такая, в очках. Но вот где сошла — не заметил.

Майору Чиляеву доложили: дорожные происшествия не зарегистрированы. Справились в больницах. Безрезультатно. Связались с соседними районами. Нигде ничего.

Надо было все начинать сначала. Оперативная группа выехала в Даврон. Сотрудники местной милиции уже навели кое-какие справки. Инженер Каратаев — человек увлекающийся. Пользуется успехом у женщин. Охотно подвозит их на своем «Москвиче».

Мог ли Каратаев быть причастен к исчезновению Симбирцевой? Но ведь он посадил ее в автобус.

Еще раз допросили водителя. Разложили перед ним фотографии различных женщин в очках. Безошибочно указал на Симбирцеву. Подкатила на «Москвиче» без номерных знаков.

Нетрудно было выяснить, что за несколько дней до этого Каратаева лишили водительских прав. Поэтому он и довез ее только до автобусной остановки.

Водитель автобуса пришел еще раз с пожилой женщиной, своей знакомой. В тот день она ехала к сыну в том же автобусе, что и учительница. Разговорились и познакомились. Захотела учительницу пригласить в гости. Но когда сошли на автостанции, оказалось, что ее поджидал мужчина. При опознании сразу показала на Каратаева.

— Что это значит? — спросил инженер.

Ему задали встречный вопрос:

— Где расстались с Симбирцевой?

Он повторил.

— А как раньше ее оказались на автостанции?

Она забыла у него в машине тетради с сочинениями по литературе. Он заметил это не сразу. А потом решил ехать к автостанции ближней дорогой.

Звучало убедительно.

— Больше она не садилась в вашу машину?

— Нет.

— Чем можете доказать?

— На обратном пути прихватил соседа. Затем поставил машину в гараж.

Сосед Каратаева подтвердил: да, инженер посадил его в машину на автостанции около семи часов вечера в воскресенье. Да, он видел, как инженер поставил свой «Москвич» в гараж.

Снова Каратаева вызвали к следователю:

— Зачем вы разыгрывали комедию, помогая подругам Симбирцевой найти водителя автобуса, прекрасно зная, где она высадилась?

— Я не думал, что все так серьезно.

Инженер был уверен, что Симбирцева встретилась с журналистом. А над подругами посмеялся: какие из них пинкертоны?

— Она его любит, — утверждал он. — Хотя нервничала, волновалась и о чем-то долго шепталась с моей женой.

Каратаева дала следующие показания.

Симбирцева действительно очень любит журналиста. Он относился к ней предупредительно. Но главного сказать не решался. И на этот раз показалось, что ничего не изменится. Она устала от неопределенности отношений. Они должны были встретиться в ленинабадской гостинице. Но она передала для него письмо, а сама уехала в Даврон.

В гостинице «Ходжент» было установлено, что Расул Пирмухамедов — журналист из Душанбе — утром в воскресенье (девятого) рассчитался и вызвал такси.

Письмо на имя журналиста оставила у дежурного администратора невысокая молодая женщина в очках. Русоволосая. В плаще болонье. Журналисту передали запечатанный конверт во время радиотрансляции литературной передачи из Душанбе. Стало быть, около восемнадцати часов. В руках у него были свертки и бутылка вина. Эта бутылка осталась нераспечатанной в номере.

Журналист несколько раз спускался в фойе. Сверял часы и выходил на улицу. Но так никого и не дождался.

В городке Энергетиков кассир автостанции вспомнила, разглядывая фотографию:

— Она была в темно-синем плаще и шляпке с козырьком. Я еще спросила: «Где покупали?» Взяла билет до Зангора на семичасовой экспресс.

Водитель экспресса:

— Сидела за кабиной. Я все время видел ее в зеркале. Сошла в Зангоре вместе с другими пассажирами.

Экспресс остановился в Зангоре в 19 часов 40 минут. Десятью минутами раньше от автовокзала отошел последний рейсовый автобус в Ленинабад.

Возможно, Симбирцева уехала на попутной машине? А что, если журналист вместо аэропорта направился ей навстречу?..

Он прилетел в Душанбе в воскресенье. Показал письмо Симбирцевой: «Я не приду сегодня, как обещала. Трудно объяснить почему. Какая-то волна протеста поднимается во мне. Я ничего не требую от тебя и никогда не потребую. Но я даже не знаю, как будет дальше. Чувствую только, что мы должны прийти к чему-то определенному. Должны что-то решить. А как и что, не знаю. Это я оставляю на твое усмотрение. Вот и все... Знаю, что ничего не сказано. Но, как выразить словами то, что думаю, чувствую, не знаю тоже. Твоя Т.».

В ответ на запрос из Кандалакши пришла телеграмма отца пропавшей женщины:

«Последнее письмо дочери получил три недели назад тчк Очень встревожен Симбирцев».

Ответ из Хабаровска также ничего не разъяснил:

«Сестра всегда была скрытной где сейчас не знаю Симбирцев».

В школе о Тамаре Владимировне Симбирцевой отозвались положительно. Хорошо знает предмет. Любит детей. Поведения строгого. О дружбе с журналистом знали все. Она это не скрывала.

В комнате Симбирцевой обнаружили толстую тетрадь с записями личного характера. Вроде дневника. Первая такая запись была сделана полтора года назад, 10 мая, вероятно, вскоре после знакомства с Пирмухамедовым. Судя по всему, он произвел на нее сильное впечатление.

В следующий раз к тетради обратилась спустя два месяца.

«**18 июля.** Почему на свете существуют разные города? Ну почему бы им не слиться в один, пусть очень большой, но все-таки один город. Пусть из одного конца

этого города в другой ходили бы самые медленные трамваи. Но они все-таки ходили бы и довозили нас друг до друга».

Затем шли недатированные записи, сделанные разными чернилами:

«Я не обидела тебя своим письмом? Только скажи честно. И вообще давай, чтобы между нами все было честно. Даже когда вдруг кто-то из нас не захочет больше этой дружбы. Пусть он скажет это прямо в лицо, без всяких увертюк».

«Что ты опять со мной сделал? Ведь я была уверена, что больше ничто не тронет мое сердце. А теперь каждая мысль — ты. Каждое слово — ты!.. Есть примета: с кем встретишь Новый год, с тем обязательно будешь вместе. У тебя удивительная способность появляться неожиданно».

И еще записи:

«**23 июня.** Вчера прилетела из Хабаровска. У брата гостил друг. Подарил мне «записную книжку офицера». Ознакомьтесь, говорит, с правилами пользования. «Пункт 2: все приказания, исходящие от вышестоящих начальников, должны быть занесены в книжку». И на первой страничке написал: «Будьте моей женой». Меня это не устраивает, потому что я люблю тебя. Но бесконечные разлуки с тобой меня тоже не устраивают».

«**15 июля.** Видела твоего приятеля. Грязный он какой-то. Идет, окруженный лохматыми типами. И что у тебя может быть с ними общего?»

«**10 августа.** Хорошо, что ты позвонил. Но я, признаться, растеряна. «Половина и притом прекраснейшая половина жизни остается скрытой для человека, не любившего со страстью», — процитировал ты Стендаля. Но зачем ты это сказал?.. Мы должны быть вместе. Ты не очень стремишься, чтобы мы были вместе. Я тебе так и сказала. «Разлука усиливает власть тех, кого мы любим», — ответил ты словами Роллана. Но разлука не может быть бесконечной».

«**1 октября.** Еще три дня! С ума сойти!.. Ах, если бы знать, какой она будет, эта встреча?»

«**3 октября.** Неужели завтра? «Когда любишь, то такое богатство открываешь в себе, столько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить». Замечательный человек это сказал».

Из писем на имя Симбирцевой, обнаруженных в ее комнате:

«Прошел месяц, как ты была у нас. Мне искренне жаль, что тебе снова приходится мучиться в такую жару. Приезжай опять.

Зина».

На конверте не было обратного адреса. Но, судя по штемпелю, письмо прибыло из Новосибирска. Датировано 26 августа.

«Не насилуй себя, а пиши, когда захочется мне что-нибудь сообщить или чем-нибудь поделиться. Сейчас у тебя все хорошо. Для меня это самое главное» (из письма отца. 16 сентября).

«А Василий до сих пор тебя вспоминает. Отслужил в армии и опять ушел в море матросом на траулере.

Галя».

Письмо без конверта. Дата не проставлена.

Еще одно письмо от отца, написанное, видимо, раньше:

«Сомневаюсь, чтобы все обошлось без разочарований. Впрочем, у тебя, безусловно, уже имеется порядочный жизненный опыт, и ты сама знаешь, как себя вести».

Извещение почтового отделения от 26 сентября:

«На ваше имя прибыла телеграмма из Владивостока. Просим зайти или сообщить по телефону, когда можно ее доставить».

Подруги Симбирцевой пытались помочь расследованию.

Про моряка-дальневосточника она, конечно, рассказывала. Только все это несерьезно...

Зина. Общая подруга. Училась с ними в институте. Муж — научный сотрудник Сибирского отделения Академии наук. Возвращаясь из Хабаровска, Тамара гостила у них в Академгородке в Новосибирске.

Галина — школьная подруга Симбирцевой. Живет где-то на Севере. Фамилию не знают. О Василии слышат впервые.

Телеграмма из Владивостока получена Симбирцевой 28 сентября в 13 часов московского времени. Копия текста:

«Завтра уходим в море тчк Раскройте записную книжку тире приказ остается силе тчк Буду спешить на берег тчк Мои старики ждут вас хоть сегодня Рублев».

Служебная милицейская депеша из Новосибирска:

«Тамара Владимировна Симбирцева в городе не значится».

Срочная телеграмма из Хабаровска:

«Звонил Владивосток тчк Тамары нет и не могло быть тире знают точно Симбирцев».

Сотрудниками мурманской милиции установлена фамилия школьной подруги Симбирцевой. Ее брат дружил с Тамарой в детстве. Женат. Имеет троих детей. Характеризуется положительно.

Сообщение управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Таджикской ССР:

«После 9 октября на территории республики несчастные случаи не зарегистрированы».

— Ну что же, — сказал майор Чиляев. — Будем продолжать розыск.

Все это было полгода назад...

Глава 3
ПОЛКОВНИК ДИАНИНОВ И ДРУГИЕ

Свидетели приходили в прокуратуру. Предъявляли повестки.

— К товарищу Музаффар-заде. Прямо по коридору. Последняя дверь налево.

Табличка предупреждала: «Старший следователь по особо важным делам».

Он был не один. Нервно подергивал щекой седой мужчина, по-видимому, страдавший астмой. Рядом стояла женщина средних лет в зеленом шерстяном платье.

— Это понятые, — представлял их Музаффар-заде и объяснял свидетелям, что от них требуется.

На диване лежали плащи болоньи, всевозможные дамские шляпки. Из-под небрежно разбросанных платьев выглядывала бордовая юбка из джерси, только что доставленная из химчистки.

К темно-синему плащу и шляпке с козырьком, словно магнитом, потянуло всех свидетелей.

Кассирша автостанции в городке Энергетиков припомнила:

— Ну конечно, это та самая шляпка. С черными пуговками и выпуклым козырьком.

Учительницы опознали платье.

Музаффар-заде вложил в папку с материалами об исчезновении Симбирцевой протоколы опознания вещей, обнаруженных в ущелье Каллаканд.

Оперативную группу возглавил полковник Владимир Сергеевич Дианинов.

— Срочно вылетаем в Ленинабад, — предупредил он офицеров своего отдела. — На сборы тридцать минут.

«Итак, Симбирцева исчезла вечером 9 октября». Полковник Дианинов занес эту дату в свой блокнот.

С тех пор прошло почти полгода. Одно дело идти по горячим следам. И совсем другое теперь. Нужно было еще раз проверить всех, на кого падало подозрение.

В 18.00 9 октября инженер Каратаев подвез Симбирцеву на своем «Москвиче» до автобусной остановки и затем встретился с ней в городке Энергетиков... Мог ли он завезти ее в ущелье Каллаканд? Мог! Но от Даврона это слишком далеко, а с машины были сняты номера. Кроме того, сосед Каратаева подтвердил, что инженер примерно в 19 часов поставил машину в гараж.

Дневник и переписку Симбирцевой Дианинов изучил особенно тщательно. Можно было предположить, что эта женщина была эмоциональной, легковозбудимой. Несомненно, она любила журналиста и глубоко страдала от разлуки с ним.

Дневник давал пищу для размышлений. Вначале откровения учительницы заставили полковника симпатизировать журналисту. Но вот запись: «Видела твоего приятеля. Грязный он какой-то. Идет, окруженный лохматыми типами».

«Что это еще за приятель?» — нахмурился полковник.

Теперь личность Пирмухамедова раздвоилась. В самом деле, какую жизнь он вел в Душанбе? Почему, если любил, не сделал Симбирцевой предложение? Он журналист и, конечно, должен хотя бы мало-мальски уметь разбираться в людях. Так неужели он не видел, что она страдает?

И еще одна любопытная фраза из дневника: «У тебя удивительная способность появляться неожиданно».

Так, может быть, он в д р у г появился в Зангоре?..

Но журналист в понедельник (это было подтверждено) находился на республиканском совещании рационализаторов.

Отец писал Симбирцевой: «Сомневаюсь, чтобы все обошлось без разочарований». Не связано ли это с ее обращением к журналисту: «Давай, чтобы между нами все было честно. Даже когда вдруг кто-то из нас не захочет больше этой дружбы»?

Полковник перелистал дневник:

«Когда любишь, то такое богатство открываешь в себе, столько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить».

Эти чеховские слова как нельзя лучше выражали ее чувства. И она занесла их в свой дневник 3 октября, накануне последней встречи с журналистом. А затем дневник обрывался.

Дианинов записал в блокнот: «Пирмухамедов». И ниже: «Его приятель».

Подполковник Саидов составил список лиц, на которых падало его подозрение. И в нем первой стояла фамилия — Пирмухамедов. За ним водитель экспресса Баранов. Последний, кто видел Симбирцеву.

— Разве не странно, что он всю дорогу наблюдал за ней в зеркало? Чем она могла его так привлечь?

— Просто она сидела за кабиной, — уточнил полковник.

— А почему экспресс опоздал? Свидетели утверждают, что Симбирцева успевала на рейсовый автобус до Ленинабада.

— Это надо проверить, — согласился Дианинов. — Кстати, не исключено, что Симбирцева убита в другом месте, а в ущелье доставили уже ее труп. Имейте в виду и это.

На следующее утро майор Чиляев повез офицеров уголовного розыска в прокуратуру. Следователь Музаффар-заде познакомил их с заключением судебно-медицинской экспертизы.

Скелет принадлежал женщине в возрасте 30 лет. На костях следы ударов колюще-режущим предметом. Из черепа извлечен осколок металла длиной в 5 миллиметров, шириной 4,5 миллиметра, толщиной 0,8 миллиметра. По-видимому, обломок острия клинка.

«Это уже улика!» — отметил про себя полковник.

— Я назначил комплексную экспертизу, — сказал Музаффар-заде. — Вопросов, как вы сами понимаете, хоть отбавляй.

Саидов обратил внимание: на плаще двенадцать порезов!

— Такая изощренная жестокость встречается редко, — подтвердил Музаффар-заде.

Дианинова смущали результаты осмотра места обнаружения трупа. Куда, например, делись туфли?

Чиляев беспокойно задвигал кустистыми бровями.

— Мы все обыскали в радиусе тридцати-сорока метров.

— А если пройти триста-четыреста? — спросил Дианинов.

Чиляев стал прикидывать, сколько потребуется людей. Но полковнику уже и этого показалось мало:

— Давайте разработаем план для осмотра всего ущелья.

Чиляев связался с председателем Коргарского сельпо:

— Выручайте, Ульфатов. Нужны машины для перевозки людей.

— Всегда пожалуйста.

— Вот вы две-три и подошлите...

— Мирзоалиев, — представился майору шофер, половину лица которого скрывали синие очки. — Мы от Ульфатова.

— Спасибо, — сказал Чиляев. — Сейчас поедем.

Грузовики сверкали свежей краской. В кузовах были установлены скамейки.

Спустя некоторое время из Зангора двинулась необычная колонна. За милицейским «газиком» цепочкой вытянулись сельповские машины с дружинниками и учащимися ремесленного училища. Замыкала колонну пожарная машина с полным боевым расчетом.

Миновав мост с недостроенными перилами, колонна потянулась в горы.

В ущелье Каллаканд распоряжался майор Чиляев. Дианинов и следователь прокуратуры наблюдали, как он с офицерами своего отдела разбивал ущелье на квадраты и расставлял людей.

Мирзоалиев и другие шоферы сосредоточенно следи-

ли за работой пожарных, которые откачивали воду на затопленных участках.

Первыми отличились ремесленники. Метрах в пятидесяти от того самого, похожего на могильную плиту камня они обнаружили женскую туфлю с оторванным каблуком. Другая туфля была найдена дружинниками после того, как на помощь к ним пришли помпы.

— Убили? — спросил Мирзоалиев.

— А вы что побледнели? — заметил Чиляев.

— Да я тут паренька одного не взял, — смешался водитель. — В милицию торопился, а я не поверил.

Щупальца металлоискателей выловили колпачок от автомобильного баллона, металлическую оправу от очков, пробки от пивных бутылок.

В глубине ущелья неожиданно обнаружили затерявшийся среди кустов обрывок газеты. Судя по сгибам, он служил чехлом для ножа.

Специальное задание выполнял Саидов. Окапывая стоки дождевых вод, метрах в полутора от захоронения трупа, на глубине 20—25 сантиметров он вдруг обнаружил слежавшиеся бурые комья.

— Немедленно отправьте на экспертизу! — приказал Дианинов.

В гостинице полковника ждала телеграмма. Он читал и радостно улыбался.

— Что случилось? — спросил Саидов.

— Да вот, понимаете, звание присвоили.

— Поздравляю. Какое?

— Дед!

— Прекрасное звание. Надо отметить.

— Я не против, — сказал Дианинов.

Поздно вечером позвонил майор Колчин:

— Товарищ полковник, у вас нет желания еще раз поужинать?

— А что произошло?

— Могу познакомить с Пирмухамедовым. Он только что прибыл в Зангор. Остановился в нашей гостинице.

— Хорошо, — сказал Дианинов. — Я сейчас спущусь.

В ресторане были свободные места, и они облюбовали столик рядом с журналистом. Он сидел один. Без аппетита ел шашлык. На вид лет тридцать. Одет в коричневый однобортный костюм. Серая рубашка без гал-

стука. Открытое выразительное лицо. Но его портило красное пятно величиной с ладонь. Оно захватывало щеку и часть шеи.

К столу, за который сели офицеры, подошла официантка.

— Что закажете?

Полковник сделал знак Колчину, и тот заглянул в меню.

— Щи зеленые... Суп-лапша с курицей...

— Первых блюд нет, — предупредила официантка.

— Тогда чай с лимоном.

— И это все?

— Пока все, — подтвердил Колчин.

Пирмухамедов бегло взглянул на своих соседей и подозвал официантку:

— Рассчитайте...

Колчин присел на скамью рядом с фонтаном. Отсюда хорошо просматривался вход в гостиницу.

В ресторане погасили свет.

Мимо прошли две женщины. В одной из них Колчин узнал официантку. В другой раз он будет читать меню с конца. Это ей больше понравится. Коньяк пять звездочек не лапша с курицей.

Усмехнулся, вспоминая, как впервые с рекомендацией райкома партии пришел в уголовный розыск. Дианинов придвинул тогда к нему тощую папку с заявлением:

— Для начала разберитесь с этим.

«У меня стали пропадать куры, — прочел Колчин. — Вчера опять недосчиталась несушки».

«Смеется!» — подумал он, скосившись на Дианинова. Он приготовился к схватке с матерыми преступниками, а тут...

— Что думаете по этому поводу? — спросил полковник.

Колчин молчал, все еще уверенный, что его разыгрывают.

— Так где же куры?

— В супе, наверное, — решил он пошутить.

— Очень возможно, — сказал Дианинов. — Доложите, в чьем...

Был и другой «суп». Похлестче. Дианинов включил Колчина в свою группу по ликвидации лжеартели «Ударник». В течение нескольких месяцев преступники

готовили крупную валютную операцию. Дианинов блестяще вышел на след. При обыске он обратил внимание на огромную кастрюлю с супом. Из кастрюли выудили марлевый пояс с вшитыми в него монетами иностранной чеканки. Пять килограммов золота!..

Воспоминания как цепная реакция.

Когда Колчин впервые пришел к паспортистке райотдела Петровой, та смущенно призналась, что угостить его нечем. Разве что супом.

— Так это же мое любимое блюдо! — сказал Колчин.

— А я терпеть не могу! — сообщила с вызовом ее дочь Татьяна.

Потом они стали жить под одной крышей. Колчин делал все, чтобы расположить девочку к себе, но она оказалась с характером. Когда родился Мишка, отношения с Татьяной еще больше осложнились.

...Утром Колчин доложил полковнику: журналист из гостиницы не отлучался.

На оперативном совещании Дианинов сказал:

— Или Симбирцеву завезли в горы обманным путем, или она кому-то доверилась. Но в любом случае без машины не обошлось. В этом я уверен, товарищи. Стало быть, в первую очередь мы должны проверить всех водителей. И не только в Зангоре. Выявить по путевым листам, кто из шоферов работал на линии 9 октября. Понимаю, какое это сложное и кропотливое занятие, но иначе мы ничего не добьемся. Нужно установить и проверить всех шоферов легковых автомобилей и всех владельцев личных машин. Обратить особое внимание на водителей, уволившихся после 10 октября.

Далее, — сказал полковник, — необходимо выявить лиц, ранее судимых за аналогичные преступления или склонных к их совершению. Принять меры к розыску исчезнувших у Симбирцевой вещей: сумки, часов. Они могли быть похищены преступником. Возможно, у нее были кольца. Дать ориентировку. Размножить фотографии Симбирцевой для всех оперативных работников, участковых инспекторов, нештатных сотрудников милиции, дружинников, домкомов, комендантов. Подключить ГАИ. Вот у меня все, пожалуй. Кто хочет добавить, товарищи?

— Разрешите?

Все посмотрели на майора Чиляева.

— Я беседовал с чабанами, — сказал он. — Весной и летом в ущелье Каллаканд часто приезжают отдыхающие. Красные тюльпаны. Желтая купальница. Привлекает... Мне кажется, что преступник хорошо ориентировался на местности. Возможно, его следует искать среди тех, кто чувствует себя в ущелье как дома.

— Правильно, — согласился Дианинов. — Вот вы этим и займитесь. Используйте капитана Рахимбаева. В Зангоре его не знают, а это очень важно.

Высказал свои соображения и Саидов:

— Хочу обратить внимание на такую деталь. Если Симбирцева оборонялась, то она могла нанести преступнику телесные повреждения. Надо проверить, не обращался ли кто в больницы или травмпункты 9 и 10 октября.

— Еще несколько замечаний, — сказал Дианинов. — В автохозяйствах обратите внимание на следы крови в кузовах. Возможно, их тщательно мыли, чистили, меняли чехлы, обивку сидений. Но всего предусмотреть невозможно. Поэтому больше инициативы.

Глава 4
ПОЧЕМУ ОПОЗДАЛ ЭКСПРЕСС

В Зангоре один-единственный травматологический пункт, поэтому вскоре перед майором Колчиным лежали все регистрационные карты за октябрь. Карты, аккуратно разложенные по алфавиту. Но Колчин не знал фамилии убийцы, и теперь этот порядок создавал дополнительные трудности. Колчин должен был перебрать все карты и отложить датированные 9 и 10 октября. Когда он это сделал, оказалось, что внимания заслуживают 28 карт.

С помощью дежурного врача он быстро разобрался в том, что травмы бывают производственные, бытовые, транспортные, уличные, спортивные. Впрочем, он это знал и раньше. Важнее было другое: определение травм условное — записывались со слов больного.

Он стал внимательно изучать отобранные карты. Фамилия, возраст, место работы пострадавшего. И вдруг не поверил своим глазам: Баранов, автобаза номер три.

Колчин прочел диагноз: «Ушиб тыла правой кисти. Плоскостная ссадина ниже трети правого предплечья». И еще не менее важное: «Линейные ссадины на левой щеке».

Он читал дальше: «При пальпации отмечается боль в тыле правой кисти. Незначительная подкожная гематома. На контрольной РГ костных патологических изменений не обнаружено. Наложена давящая повязка на правую кисть. Введена ПСС».

Ну это уже медицинские тонкости.

Спустя полчаса Колчин был в отделе кадров автобазы. Начальник отдела уже в годах. Приветлив. О розыске убийцы знает.

Колчин попросил личное дело Баранова. Задержал взгляд на фотографии. Широкоплечий парень с лицом, располагающим к доверию. Стал перелистывать страницы. Благодарность. Еще благодарность.

— Он ведь у нас чемпион, — заметил начальник отдела кадров. — И общественный тренер по боксу.

«Отсюда и травма, — решил Колчин, досадуя, что зря тратит время. — Ну а царапины откуда взялись?»

Баранов оказался в рейсе.

Чтобы все было ясным, Колчин решил выяснить, какие соревнования проводились в воскресенье 9 октября. У местного физрука и память была хорошая, и документация в порядке. Соревнования в тот день не проводились...

Что же могло случиться девятого с Барановым, посетившим медпункт в тот день в 23.40, как указано в травматологической карте?

После работы Баранов передал автобус сменщику, и Колчин впервые увидел его. Коренастый. С прямой осанкой. Походка пружинистая. На такого сразу обратишь внимание.

Колчин пригласил его для беседы. Баранов не был похож на преступника. Майор напомнил об исчезнувшей пассажирке и сказал, что она убита.

— Как же так? — спросил Баранов подавленно.

— Пока я не могу ответить на этот вопрос.

— А чем я могу помочь?

— Припомните, — сказал Колчин, — чем вы занимались в тот вечер, 9 октября?

— В тот вечер? — Баранов пожал плечами. — Не знаю.

— Я помогу, — сказал Колчин. — Вас доставили в травматологический пункт.

— Верно! — обрадовался Колчин. — Я ведь дружинник. Ну как же. Мы в тот вечер патрулировали. Вы это можете проверить. Пришлось усмирять хулигана.

— И он стал царапаться?

— Ну царапался-то, положим, не он. Мы заступились за женщину, к которой он приставал, а досталось мне...

Полковнику позвонил дежурный по отделу:

— К вам корреспондент из Душанбе.

— Пусть войдет.

Пирмухамедов протянул удостоверение личности.

— Прошу садиться, — сказал Дианинов.

— А мы уже виделись, — сказал журналист, приглядываясь к нему. — Вчера вечером в ресторане.

Полковник отметил про себя, что журналист — человек наблюдательный.

— Вы расследуете дело по убийству Симбирцевой. Я понимаю, что если бы я вам понадобился... Но вы уж меня извините. Не выдержал. Возможно, я могу чем-то помочь?

— Конечно, — согласился полковник, продолжая его изучать. — Ваше мнение о Симбирцевой? Для нас это очень важно.

— В тот раз поезд прибывал рано утром. Я просил не встречать, но она не послушалась... Одним словом, я хочу внести ясность. Если бы мы были вместе, она бы не ездила в Даврон. И ничего бы не случилось. Но в том-то и дело, что мы тогда не могли быть вместе... А в декабре я похоронил мать.

Определенно он умел владеть собой.

— Вы спросите: какая связь? А связь есть. Я был единственным сыном. Мать вырастила меня без отца. Он погиб в горах. Она хотела, чтобы я женился на таджичке, и приглядела мне невесту. Но я любил Тамару. Я знал, что мать уже ничто не спасет. Рак. Но и Тамаре не рассказывал о своих сложностях. Я знал, что между нами все будет кончено, если она узнает настроение моей матери. В тот вечер, когда Тамара оставила письмо в гостинице, я думал, что она все-таки придет.

Теперь многие вопросы, еще недавно занимавшие полковника, потеряли свой смысл. Одно лишь ему было неясно, и он спросил:

— Что за приятель у вас в Ленинабаде?

— Приятель? — Пирмухамедов не сразу понял, о ком речь.

— Не вызывает симпатию, — помог Дианинов. — И окружение странное. — Он в точности повторил запись из дневника Симбирцевой.

— Ах, вы вот о ком, — догадался Пирмухамедов. — С Тошматовым вместе учились в школе. — Он пристально посмотрел на полковника.

— В нашей работе приходится все проверять, — уклончиво ответил Дианинов.

Отвечая на вопросы полковника, Пирмухамедов сообщил, что у Симбирцевой была сумка темно-коричневая, с двумя отделениями, на длинном ремне. Застежки из желтого металла. Часы «Мечта» в золотом корпусе. Кольцо золотое в оправе, с сапфиром.

Экспертиза установила: земля бурого цвета, доставленная из ущелья Каллаканд, пропитана кровью той же группы, что и кровь Симбирцевой.

— Что вы на это скажете? — спросил Дианинов. Вопрос относился к Саидову.

— Она очень долго лежала на земле, истекая кровью.

— Предположим.

— Лежала до тех пор, пока убийца не вырыл могилу. У него не было лопаты, и он копал монтировкой или ножом.

— А если все-таки лопатой?

— Имея лопату, — сказал Саидов, — убийца постарался бы лучше скрыть следы преступления.

— Что ж, логично, — согласился полковник. — Пожалуй, теперь мы точно знаем место убийства.

— Душанбе заказывали? — спросила телефонистка.

— Да, — подтвердил Дианинов и услышал голос жены. Она сразу стала говорить о внучке.

— А как Машенька? — спросил полковник.

— Все в порядке.

Дед... Ничего в нем не изменилось вроде, а стал он между тем в каком-то новом качестве. И вдруг очень сильно потянуло в Душанбе. Но он и сам не знал, когда попадет домой.

Он чувствовал себя виноватым перед дочерью. Даже цветы не прислал ей в такой день. Цветы еще не продают в городе. Но он бы достал. Она любит цветы и, безусловно, ждала их от него...

— Душанбе заказывали?

— Это вас, — сказал Дианинов Саидову.

— Фирюза, салом!.. Алло, алло!.. Ну как ты там?

Жена была настроена агрессивно:

— Ты всегда уезжаешь не вовремя.

Саидов пытался успокоить:

— Защита пройдет успешно, вот увидишь.

Она перебила:

— Но ты же знаешь, диссертация вызывает споры. И потом банкет, — сказала она беспомощно. — Что я буду одна делать?

Он решил отшутиться:

— Презумпция невиновности имеет отношение не только к твоей диссертации, но в данном случае и ко мне.

Она вдруг повесила трубку...

— Душанбе заказывали?

— Твоя очередь, — сказал Саидов, передавая трубку Колчину.

— Соня? — спросил майор.

— Я не Соня.

— Танечка?

— Сейчас позову маму.

— Здравствуй, Максим. Скоро домой?

— Скоро, скоро. Как Мишка?

— Спит.

— А Таня?

— Хорошо.

— Дай ей трубку.

— Танечка, тебя.

— Алло! — дал знать о себе Колчин.

— Она говорит, что вы уже поговорили.

Настроение испортилось.

А капитан Рахимбаев думал в это время о преимуществах холостяцкой жизни.

Итак, водитель экспресса вне подозрений. Но почему экспресс опоздал?

Семичасовым он назывался не совсем точно. Автобус отправлялся из городка Энергетиков в 18.45. В райцентре ему положено быть в 19.25.

В 19.30 9 октября точно по расписанию отправился автобус в Ленинабад. Симбирцева не успела на него. Документально подтверждено: экспресс из городка Энергетиков прибыл в 19.40. Пятнадцать минут опоздания на таком коротком маршруте?

Снова понадобился Баранов. Водитель ответил сразу:

— Мое единственное опоздание, и я его хорошо помню. На двадцать втором километре стояло такси. Водитель «загорал». На другого бы не обратил внимания. Но Ильясов был новичком, и ему следовало помочь.

Нагнать несколько минут было легко. Но Баранов позже обычного подъехал к железнодорожному переезду и был вынужден затормозить у шлагбаума. Приближался товарняк. Он шел медленно, состав был длинным. Вот так все и получилось.

В Зангоре рядом с автобусной станцией стояли такси. И это Баранов хорошо помнит. Он еще погрозил им кулаком, думая об оставшемся без их помощи Ильясове, и повел машину в гараж.

— Стоп! — вдруг оборвал он себя. — А ведь та женщина, которая вас интересует, сойдя с автобуса, направилась к ним.

Это была важная новость.

С помощью Баранова установили водителей такси. Двое не вызывали подозрений. Третий был дважды судим. Фамилия Натрусный. Двадцать шесть лет. Холост. Нелюдим. Скрытен.

— Одна морока с ним, — пожаловался начальник отдела кадров. — Нет у меня к нему доверия.

Председатель Коргарского сельпо Ульфатов сидел в кабинете майора Чиляева с обиженным видом.

— Я всегда помогал милиции, но, видно, из доверия вышел.

— С чего вы это взяли?

— А чем тогда объяснить, что старший инспектор Негматов «прописался» в нашем хозяйстве?

— Мы не только вас проверяем.
— Но это нервирует людей. У меня план горит.
— Хорошо. Я разберусь, — сказал Чиляев.

Подполковник Саидов, одетый в гражданский костюм, сел в такси к Натрусному у гостиницы и попросил отвезти на фабрику «Красный ткач».

Натрусный молча включил счетчик. Собеседником он оказался неинтересным.

Саидов взглянул на счетчик. Семьдесят три копейки. Он протянул водителю рубль. Натрусный спрятал деньги в карман и сразу отъехал.

С планом у него в этот день было неважно. Как обычно в таких случаях, подрулил к фирменному магазину «Лола».

На зеленый огонек сразу клюнула влюбленная парочка. Мужчина с каменным выражением лица оставил в залог свою спутницу и довольно долго пропадал в магазине.

Натрусный стал проявлять нетерпение. Потом он по просьбе своих пассажиров свернул к мосту и выжал газ...

В 20.30 к автовокзалу подъехал андижанский экспресс. Худощавый мужчина в запыленном костюме сошел с автобуса и на стоянке такси облюбовал машину Натрусного.

— В «Дружбу» отвезете? — спросил он.
— Куда? — переспросил водитель.
— В колхоз «Дружба».

Натрусный окликнул водителя стоящего рядом такси:

— Ильясов, возьмешь пассажира в «Дружбу»?
— Давай, — согласился тот.

Мужчина поблагодарил и сел к Ильясову...

— Колчин задерживается, — сказал полковник. — Но все-таки подведем итоги дня.

Саидов поделился своими впечатлениями о Натрусном:

— Такой себя не обидит.

Капитан Рахимбаев доложил:

— Он оставил нас у поворота в ущелье Каллаканд. Сворачивать в ущелье отказался, сославшись на плохую дорогу.

— А как вела себя ваша спутница? — спросил полковник.

— Замечаний нет, — сухо ответил капитан.

— Ну ладно, — улыбнулся полковник. — Завтра «перевоплощайтесь» и засядете в этом ущелье. Правда, в менее приятном обществе.

Колчин задерживался.

Полковник достал из чемодана толстую папку с рукописью.

— Дайте почитать, — попросил Саидов.

Дианинов протянул ему рукопись. На первом листе прямые и строгие буквы, как солдаты в строю: «ТАК БЫЛО».

Саидов перевернул страницу.

«Эта книга о тех, кто создавал таджикскую милицию и посвятил жизнь обеспечению революционной законности, социалистического правопорядка».

Эпизоды, эпизоды... Саидов увлекся:

«В начале 30-х годов за счет уголовных элементов в Гиссарской и Вахшской долинах активизировались грабительские шайки. Чуть ли не каждый день разбойные нападения на кишлаки, поджоги, убийства, угон скота.

Связисты, тянувшие линию из Курган-Тюбе в Дангару, отказались работать. Бандиты грозили расправой. И тогда созрел смелый план. Место связистов в бричке заняли переодетые в гражданскую одежду сотрудники уголовного розыска. Вскоре их окружили бандиты. Не дав преступникам опомниться, милиционеры бросились на них, обезоружили, доставили в Курган-Тюбе».

— Интересно! — не выдержал Саидов. — Честное слово. Только почему вы не называете фамилии милиционеров?

Дианинов вдруг смутился:

— А дело в том, что одним из этих милиционеров был я.

...Колчин пришел в первом часу ночи. Усталый и злой.

— До центральной усадьбы колхоза докатил, да не с тем.

Майор рассказал, как Натрусный спровадил его к Ильясову. Возвращаться в Зангор на том же такси не стал. От Ильясова узнал: порядки на автобазе строгие. Особенно не развернешься.

Глава 5
ПОИСКИ

Суммируя данные, полученные из районов, сотрудники уголовного розыска установили, что 9 октября на линии работало 3780 автомобилей различных марок. В том числе 250 зангорских. 1326 машин, судя по путевым листам, пересекали границы Зангорского района или приближались к ним.

Теми водителями, которые имели безупречный послужной список или вернулись в гараж не позже 19 часов, решили не заниматься. Осталось 117 человек. Их нужно было проверить в первую очередь. Да еще довольно внушительное количество владельцев личных автомобилей.

Дианинов и Саидов засели в районном отделе внутренних дел, сопоставляя списки, присланные с автобаз, с оперативным учетом и данными паспортного стола.

В это время майор Чиляев говорил капитану Рахимбаеву:

— Помощники у вас будут хорошие. Усман Болтаев дружинник. Холбек тоже смышленый паренек. Вы его каждый вечер или каждое утро, смотря по обстоятельствам, посылайте на ферму с номерами машин. Ну а дальше не ваша забота.

— Ясно! — сказал Рахимбаев.

Халат у нового чабана был пропитан знакомыми запахами, и овчарки, ткнувшись в него мордами, равнодушно отошли в сторону.

Овцы словно прилипли к холмам, прошитым нежно-зеленой стежкой первой травы. Красными островками врезались в нее тюльпаны.

Усман достал табакерку, протянул новому чабану. Им вместе предстояло провести в этом ущелье неизвестно сколько времени. Впрочем, он знал, что никакой это не чабан, а капитан милиции Рахимбаев.

Весь день капитан изучал ущелье и наконец решил, что может пройти его с закрытыми глазами. Вечером он помог чабанам загнать овец в кошару. Это дело было ему знакомым.

Холбек бодрился и даже в некоторой степени чув-

ствовал себя героем. Особенно ему пришлась по душе роль связного. Скорее бы начать действовать.

Усман старался не думать о разыгравшейся здесь трагедии. Хайям. Вот кто ему поможет. Но, как назло, вспоминались газели, от которых не становилось легче.

Разумно ль смерти мне страшиться? Только раз
Я ей взгляну в лицо, когда придет мой час.

Усман бы увел отару из этого проклятого ущелья. Но майор Чиляев просил его задержаться, и, значит, вопрос решен.

Где-то за холмами бежали по шоссе запоздалые автомобили. Ветер доносил их надрывное дыхание.

Ни одна машина в эту ночь не свернула в ущелье.

В новом микрорайоне на левом берегу Сырдарьи дома похожи друг на друга как близнецы. Но Саидов без особого труда разыскал тот, который был ему нужен, — дом художника Тошматова, приятеля Пирмухамедова, представился хозяину:

— Подполковник милиции Саидов. У меня к вам несколько вопросов.

Тошматов достал папиросы.

— Если не возражаете.

— Курите, — сказал Саидов. — Вы здесь хозяин.

— Я слушаю. — Художник жадно затянулся.

— Знаете ли вы журналиста Пирмухамедова?

— Еще бы!

— Известны его отношения с Симбирцевой?

— Конечно.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— На прошлой неделе.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

— Припомните, пожалуйста, где.

— В автобусе. Или нет... На улице.

— Неделю назад, — сказал Саидов, — вы не могли ее видеть.

— Почему?

— Да потому, что она убита в конце прошлого года.

Тошматов поперхнулся дымом. Только теперь он понял, что привело сюда офицера милиции.

— Я в самом деле давно не видел Симбирцеву, —

забормотал он, и грива черных волос закрыла его лицо. — Неделю тому назад я, вероятно, встретил просто похожую на нее женщину... А вот с Тамарой мы виделись в октябре. В Зангоре.

— Что вы там делали?

— Оформляли Дворец культуры в колхозе «Дружба». Домой решили ехать на такси. Кажется, мы взяли его на автобусной станции. И тут подошла Симбирцева. Она тоже собиралась в Ленинабад. Но ехать с нами отказалась.

— С кем вы были?

— С художниками Обидовым и Рязановым.

— Что еще можете добавить?

— На шоссе снова видели Симбирцеву. Кажется, она садилась в грузовик.

— Как она раньше вас оказалась на шоссе?

— Теперь я это уже не помню.

— Где найти Рязанова и Обидова?

— Я могу вас проводить...

Рязанов пригласил Саидова в небольшую светлую комнату с мольбертом посередине. На холсте угадывалась осень: серое небо с закрученными тучами, редкие желтые листья. Но картина еще не вобрала в себя всю палитру художника и казалась безликой.

Рязанов усадил Саидова на единственный стул, а сам стал напротив и, склонив голову набок, пощипывал бороду. Борода у него была рыжая. Лицо в оспинах. Глаза добрые, бесхитростные. Саидову Рязанов понравился.

— В самом деле, — сказал художник, когда речь зашла о Симбирцевой. — Это было в октябре. Где-то в начале месяца. С нами рассчитались в пятницу. В субботу мы гуляли в Зангоре. А в Ленинабад вернулись в воскресенье.

— Вы пригласили Симбирцеву в такси?

— Ну конечно.

— Почему же она не поехала?

— Кто ее знает... В общем-то мы были крепко навеселе.

— И больше не видели Симбирцеву?

— Кажется, нет.

— А Тошматов говорит, что потом она вам встретилась на шоссе.

— В самом деле. Теперь я это вспомнил.

— Как она раньше вас очутилась на шоссе?

— Я не знаю... Только она садилась в кабину. Это был ГАЗ-51. Вижу как сейчас...

Обидов предложил Саидову выпить.

— Коньяк, водка?

— Я не пью.

— Жаль.

Обидов выпил один. Старательно вытер салфеткой окладистую бородку, которая придавала ему внушительный, несколько загадочный вид.

— Теперь я к вашим услугам.

Саидов объяснил, что его интересует.

— Почему Тамара раньше нас оказалась на шоссе? — переспросил Обидов. — Ну это совсем просто. Мы заезжали в гостиницу за чемоданами. — Он был доволен. — А садилась она в ЗИЛ-150.

— Рязанов утверждает, что это был ГАЗ-51.

— Вечно он путает. ГАЗ-51 стоял рядом.

Возвращаясь в Зангор, Саидов сделал остановку в колхозе «Дружба». В бухгалтерии ему документально подтвердили, что с художниками рассчитались в пятницу, 7 октября.

Нужно было допросить водителей такси, о которых рассказал Баранов.

В девять часов утра к районному отделу внутренних дел подъехал Натрусный. Его принял Чиляев.

— Вызывали? — глухо спросил Натрусный. В его угловатой фигуре чувствовалась напряженность.

После общих вопросов и предупреждений об ответственности за отказ или отклонение от дачи показаний, а также за дачу ложных показаний Натрусного попросили вспомнить, чем он занимался в воскресенье 9 октября.

— А черт его знает... Работал.

Чиляев предъявил путевой лист за 9 октября.

— Наездили триста восемнадцать километров.

— Ну и что?

— Значит, был дальний рейс.

— Разве упомнишь?

— А вы постарайтесь.

— С моей-то памятью? — отмахнулся он.

— В таком случае мы вам поможем, — сказал Чиляев, раскладывая на столе фотографии. — Кто из них садился в вашу машину?

— А черт их знает, — сказал Натрусный, вглядываясь в снимки. — Вроде бы и тот садился, и этот... И тот бородач знакомый. — Он показал на Обидова. — Или вот этот... — Взял со стола фотографию Рязанова. — А черт их знает, — повторил он. — Может, вез тоже. А может, просто видел... Ишь бородищи-то отрастили.

Пригляделся к фотографии Тошматова. Пожал плечами.

Больше от него ничего не добились.

Дианинову предъявил повестку шофер первого класса Лутфиев. Он держался спокойно, как человек, которому нечего скрывать.

— Что было 9 октября? — пожал плечами. — Кого возил?.. Трудный вопрос.

Но при опознании сразу выделил художников. Отвез в Ленинабад. Возможно, что и девятого. Всю неделю работал за сменщика. В воскресенье навестил его в больнице. Потерял время, искал дальних пассажиров. Тут как раз эти подвернулись.

Дианинов задал наводящий вопрос:

— Их было трое. Что же не взяли еще пассажира?

— Так ведь у них компания, — ответил водитель. — А может, и не было других пассажиров.

— Не просилась ли до Ленинабада женщина?

— Все это было слишком давно. Разве вспомнить?

Перед Лутфиевым разложили фотографии женщин.

— Не знаю.

Показали на фото Симбирцевой. Никаких воспоминаний оно у него не вызвало.

Вечером Дианинову доложили: сменщик Лутфиева в самом деле поступил в больницу с острым приступом аппендицита 4 октября. Выписался двенадцатого.

— Значит, девятое подтверждается, — заметил Дианинов. — Другого воскресенья за этот промежуток времени не было.

— Итак, у художников алиби, — сказал Саидов.

— Если она села в грузовик, — задумчиво произнес полковник, — то круг наших поисков сужается.

Глава 6
КОСВЕННЫЕ УЛИКИ

В понедельник Дианинов провел оперативное совещание:

— Прошу высказаться, товарищи.

Начальник Зафарабадского РОВД:

— Привлек внимание водитель бензовоза. Имеет просечки в талоне за незаконный провоз пассажиров. 9 октября работал на самосвале. В путевом листе отмечен Даврон. Вернулся в гараж десятого в семь часов утра. 12 октября уволился.

Начальник Ленинабадского городского отдела внутренних дел:

— В таксомоторном парке «выжимают» план. Машины возвращаются в гараж позже, чем отмечено в путевых листах. Многие автомобили размещаются в ведомственных гаражах. Уточнить время работы водителей невозможно.

Начальник Матчинского РОВД:

— На сиденье «Москвича», принадлежащего бригадиру колхоза «Рохи Ленин», обнаружены пятна крови в виде капельных следов большой давности. Экспертиза установила: кровь этих пятен имеет одинаковую группу с кровью Симбирцевой и отличается по группе от крови бригадира. Происхождение пятен бригадир объяснить не мог. Ведется расследование.

Начальник Зангорского РОВД майор Чиляев:

— Странное беспокойство проявляет директор Коргарского сельпо Ульфатов. Обеспокоен проверкой. Старший инспектор Негматов докладывает: Коргарское сельпо одно из крупнейших в республике. Годовой план товарооборота восемь миллионов рублей: 57 торговых предприятий, 9 столовых общепита, 12 лепешечных, 5 мясных ларьков в колхозах. Излишествующие в сельмагах товары вывозятся для продажи в соседние районы и даже за пределы республики. 31 грузовая машина, в том числе 4 автолавки. Единственным лицом, контролирующим их возвращение в гараж после 18 часов, является сторож.

Начальник Ходжентского РОВД:

— Шофер Шакиров из межколхозной транспортной автобазы принял бортовой ЗИЛ-150. В Гулистоне был

остановлен неизвестным, который пригрозил расправиться с ним за то, что он якобы увез на этой машине его знакомую и совершил над ней насилие. Шакирова мы хорошо знаем. Но преступление могло быть совершено водителем однотипного грузовика.

Итак, поиски велись по всем направлениям. Полковник Дианинов с удовлетворением отметил это и по каждой версии высказал свои соображения.

— В самом деле косвенные улики могут оказаться решающими, — сказал он в заключение. — Очень важным я считаю заявление Шакирова. Нужно проверить факт насилия.

Он выдержал паузу:

— Некоторые свидетели утверждают, будто Симбирцева девятого садилась в грузовик. Это надо учесть...

Спектральный анализ показал, что осколок, извлеченный из черепа Симбирцевой, по составу металла соответствует типу ножа с искривленным клинком.

Криминалистическая экспертиза подтвердила, что обнаруженный в ущелье Каллаканд обрывок газеты действительно служил чехлом для ножа такого же типа, и определила его размеры.

— Найденные в плаще Симбирцевой автобусные билеты мало что дали, — добавил он. — Но вот газета, в которую был завернут нож, оказалась нашей. «Тоджикистони Совети» от 5 октября.

Майор Колчин занялся Шакировым.

— Вы запомнили мужчину, который остановил вашу машину в Гулистоне?

— Еще бы.

— Какой он из себя?

— Высокий, худой. Лет тридцати пяти.

— Во что был одет?

— Короткое пальто серого цвета. И красный шарф... Без головного убора.

— Помогите нам найти его.

— Попробую, — согласился Шакиров.

Колчин попросил уточнить, где и в какое время неизвестный остановил грузовик.

— Около восьми часов утра у переезда через железнодорожные пути, — ответил Шакиров.

— Возможно, он шел на работу, — предположил

Колчин. — Завтра поедем к переезду в это же время. Не возражаете?

— Если надо...

Пригревшись на солнце, капитан Рахимбаев заснул после очередной бессонной ночи. Он выбрал укромное местечко за кошарой и видел сладкие сны.

Но он проснулся сразу, едва Холбек склонился над ним. Юноша прижал палец к губам и показал вниз. У похожего на могильную плиту камня стояла полуторка.

Капитан давно наметил путь, по которому в случае надобности можно незамеченным подкрасться к этому камню. Он пополз, прижимаясь к земле, вниз по склону, и фисташковые заросли скрыли его.

Он спешил, раздирая руки о камни и не обращая внимания на впивающиеся в ладони колючки. Вскоре он уже был на том месте, где Холбек обнаружил плащ Симбирцевой.

Еще немного — и вот он, грузовик...

Шофер свернулся калачиком на сиденье. Он был один. Полтора часа он спал. Затем не торопясь завел машину и покинул ущелье.

Вечером счастливый Холбек отправился выполнять поручение капитана. В руке у него была зажата записка с номером машины, свернувшей в ущелье.

Шакиров подъехал к переезду на десять минут раньше, чем в прошлый раз, и, свернув к обочине дороги, остановил машину.

Колчин наблюдал за ним из будки путевого обходчика. Обзор был хорошим. Место бойкое: рядом консервный завод и ремонтные мастерские. За ближайшим поворотом — депо. Чуть ближе — базар.

Людская волна выплеснулась на улицу. В это время Гулистон, где едва насчитывалось десять тысяч жителей, вправе был сравнить себя с настоящим городом.

Но вскоре поток схлынул, оставив после себя горький запах пыли, медленно оседавшей на тротуары и мостовую.

Никто к Шакирову не подходил. Он напрасно всматривался в лица прохожих, выискивая в толпе серое пальто и красный шарф.

Весь день он проторчал у переезда: менял скаты, копался в карбюраторе. Весь день майор Колчин не выходил из будки путевого обходчика.

Вечером опять нахлынул людской поток. И вновь к Шакирову никто не подошел. И вновь он, как ни всматривался, не увидел человека, который предъявил ему столь серьезное обвинение.

За день Дианинов и Саидов так находились, что ноги гудели. Но они были довольны. На всех объектах их слушали внимательно:

— Разыскивается опасный преступник, товарищи!..

Они знали — еще тысячи глаз будут следить теперь за дорогами. Еще кто-то поможет найти свидетелей, которые обязательно выведут на след.

Опять Шакиров и Колчин напрасно простояли у переезда. Правда, они несколько изменили тактику. У переезда стояли в часы «пик». А в остальное время колесили по Гулистону.

Человек в сером пальто с красным шарфом словно в воду канул. Колчин понимал, что он мог снять пальто. А Шакирова привлекало именно это пальто. Между тем дни стали теплые, и люди ходили в костюмах.

Из донесения старшего инспектора уголовного розыска Негматова:

«Председатель сельпо Ульфатов выписывает газету «Тоджикистони Совети».

— Какой из себя тот мужчина? — в который раз спрашивал Колчин.

— Высокий.

— Просто высокий или очень высокий?

Шакирова пробирал пот.

— Высокий.

— А лицо?.. Какое у него было лицо?

— Прыщеватое.

— Круглое, овальное, прямоугольное, треугольное? — допытывался Колчин.

— И такое бывает? — недоверчиво спросил Шакиров.

— Бывает.

— Правда! — вдруг озарило его. — Треугольное! Широкий лоб. Щеки скошены. Узкий подбородок. Теперь обязательно узнаю.

Полковнику Дианинову доложили:

— Машина, свернувшая в ущелье Каллаканд, принадлежит министерству мелиорации и водного хозяйства республики. Шофер вне подозрений.

Все личные дела в ремонтных мастерских они уже просмотрели и, наскоро пообедав, засели в отделе кадров консервного завода.

— Вот! — вдруг сказал Шакиров, вглядываясь в фотокарточку инженера Болдырева. Обрадовался, словно разыскал давно пропавшего родственника.

Вместе с инспектором по кадрам прошли в цех.

— Он! — подтвердил Шакиров.

— Иван Григорьевич! — окликнул Болдырева инспектор по кадрам. — Зайдите к нам на минутку.

В отделе кадров инженер увидел незнакомых людей и поздоровался. Колчин представился.

— Вы знаете этого человека? — спросил он, показывая на Шакирова.

Инженер неопределенно пожал плечами.

— Он шофер, — подсказал Колчин.

— А... а! — простонал Болдырев и сжал кулаки.

3 февраля к нему приехала студентка ленинабадского пединститута Валентина Папуш. Давно знакомы. Но ей надо кончать учебу. В ту пятницу она переночевала у него. Возвращалась в город на попутном грузовике. Вечером. В субботу. Стало быть, четвертого. Грузовик подобрал ее у переезда. Номера были заляпаны грязью. Да он и не старался их запомнить. Водителя не разглядел. Прикуривал у встречного прохожего. В это время она остановила грузовик. Все произошло мгновенно. Она села в кабину. Грузовик сразу рванулся с места.

Во вторник он вызвал ее на переговоры. Они слегка

повздорили накануне. Она не явилась на переговорный пункт. В среду он вновь попытался с ней связаться. Безуспешно. Он знал, какая она отходчивая, и встревожился. В четверг последним рейсовым автобусом выехал в Ленинабад. Она не захотела его видеть. Но он все-таки прорвался к ней в общежитие. И поразился: так она изменилась за эти несколько дней.

Подруги ничего не могли от нее добиться. Но ему она рассказала все. Шофер, когда проезжали горы, вдруг свернул с дороги в ущелье.

— Я тебя люблю, — сказала она Болдыреву с неприсущей ей решимостью. — Но теперь мы больше никогда не сможем быть вместе.

Он все понял и не знал, как быть. Заявить в милицию?

— Чтобы о моем позоре узнали все? — побледнела она.

Рахимбаев потерял счет дням и удивился, когда в ущелье вдруг нагрянули машины. Они начали атаку с утра. Ущелье тут же капитулировало, внеся контрибуцию тюльпанами.

Вечером, провожая Холбека в колхоз с очередной депешей, капитан сообразил, что сегодня навруз — праздник весны. В этот день не обойтись без цветов.

— Он все выдумал! — сказала Папуш майору Колчину.

Она оказалась маленькой, щуплой женщиной с бледным, словно просвечивающим лицом.

Колчин стал объяснять, как важны ее показания, чтобы предотвратить новые преступления на дорогах.

— Я ничего не знаю! — упорствовала она.

Он рассказал о Симбирцевой. Папуш замкнулась окончательно:

— Уходите!

— Во-первых, побрейтесь, — сказал Дианинов Колчину. — А во-вторых, мы не так уж мало узнали. ЗИЛ-150. Бортовой. Темно-зеленый. Дата известна. Время тоже. Гулистон. Найдем и без ее помощи. Зачем же расстраиваться?

Зазвонил телефон.

— Ваш номер в Душанбе не отвечает.

А полковнику так хотелось услышать о внучке!

— Повторите через некоторое время, — попросил он и передал трубку Колчину. — Вас соединяют.

— Танечка! — обрадовался майор. — Я тебя сразу узнал. Ну как ты там?.. Зачем маму... Я хочу с тобой... Конкурс юных математиков, говоришь?.. Вторая премия?.. Вот молодец! — И усталость прошла. — А я-то при чем? — плохо скрыл удовольствие. — Ну что там я тебе помогал... Ладно, теперь давай маму.

— Ты не забыл? — спросила жена.

— Что?.. Туфельки Мишке?.. Не туфельки. Тогда что?.. Ах да. Ну помню, конечно... Что она говорит?.. Что?!

Дианинов сразу заметил, что Колчин расстроился. Оказывается, послезавтра у Татьяны день рождения, и она хочет, чтобы он приехал. Впервые она обратилась к нему с такой просьбой, но у Колчина нет возможности выполнить ее.

Из донесения старшего лейтенанта милиции Негматова:

«Водитель Мирзоалиев Исрафил в течение года дважды перекрашивал борта. Сейчас у него ЗИЛ-150 желтый. Какого цвета была машина 4 февраля, никто точно не помнит. Возможно, что и зеленого. В путевом листе указан Гулистон. Командировочное удостоверение подписано председателем Коргарского сельпо Ульфатовым, с которым Мирзоалиев находится в родственных отношениях».

Глава 7
ЕЩЕ КОСВЕННЫЕ УЛИКИ

Эта машина появилась в ущелье в 20 часов 47 минут. Уже стемнело, и Рахимбаев следил за ней по движению фар.

Машина приближалась к похожему на могильную плиту камню, за которым капитан устроил засаду. Рядом с ним лежал Холбек. Он прижался к земле и старался не дышать.

Вскоре они уже могли различить, что это грузовик ЗИЛ-150. Как нарочно, машина остановилась перед камнем. В кабине сидели двое. Шофер выключил фары. Потом открылась дверца кабины, и он спрыгнул на землю.

— Выходи! — приказал он кому-то. В кабине замешкались. Тогда он повторил резче: — Что, я тебя должен ждать? — В голосе прозвучала угроза.

Рахимбаев увидел женщину. Одним прыжком он оказался перед шофером. Ослепил лучом карманного фонаря.

Шофер был рослым. Едва уловимым движением выхватил из-за голенища нож. Капитан выбил нож и рванул его руку на себя. Шофер вскрикнул от боли.

Холбек пронзительно свистнул, подзывая Усмана. Старший чабан вскоре появился со сворой собак. Шофера связали. Он лежал в кузове, пытаясь сбросить веревки.

— Не дури! — приказал Усман. На всякий случай он захватил с собой овчарку. Она щерилась, показывая клыки.

Капитан Рахимбаев сел за руль. До Зангора было сорок минут езды...

— Итак, ваша фамилия Жосанов? — спросил полковник.

— Жосанов, Жосанов, — охотно согласился шофер. — Только в чем я виноват, гражданин начальник?

— Во-первых, вы оказали сопротивление работнику милиции.

— Так ведь кто его разберет? В чупане был.

Нож лежал на столе. С искривленным клинком. Не тот ли?

— Еще вы обвиняетесь в попытке изнасилования.

Жосанов побагровел.

— Да я эту гниду... Да я... — Он не находил слов.

— Вы завезли ее в ущелье, — сказал полковник. — Это вы не будете отрицать?

Жосанов в бессильной злобе сжал кулаки.

— Никого я не завозил! Она сама говорит: свернем в ущелье. — Вид у него стал жалкий. — Завязал я, гражданин начальник. А тут эта гнида. Сама, понимаете?..

— Вот так встреча! — удивился Саидов. — Маркина?

— Здравствуйте, здравствуйте, — закивала женщина, которую завезли в ущелье Каллаканд.

Ей было лет двадцать пять. Широкобедрая, пышногрудая. Густо намалеванные глаза с поволокой.

Саидов хорошо знал ее историю. Связалась с перекупщиками. Занималась махинациями. Транжирила молодость. В последний раз отбыла срок в исправительно-трудовой колонии и тут же закружила голову инженеру из Омска. Познакомились в кинотеатре. У нее оказался лишний билет. Потом инженер прибежал в милицию: помогите, ограбили. Узнали по почерку — Маркина. Инженер увидел ее в отделении и... все простил. Стал уверять, что ничего она у него не взяла...

— Пишите заявление, — сказал Саидов. — Так, мол, и так. Шофер такой-то насильно завез меня в ущелье.

— Нет уж, — сказала Маркина. — Не буду я писать такое.

— Но ведь он завез вас в ущелье?

— Завез.

— Это вы ему показали ущелье или он сам свернул?

— Вот еще... показала. Что у меня, стыда нет?

— Значит, все-таки он завез вас в это ущелье?

— Ну да.

У Маркиной оказалась приметная сумка. Темно-коричневая с двумя отделениями. На длинном ремне. Не Симбирцевой ли?

— Откуда у вас эта сумка? — спросил Саидов.

— Купила в Ташкенте.

— Точнее.

— В ЦУМе...

Утром пригласили для опознания Каратаева. Инженер сказал не раздумывая:

— Это сумка Симбирцевой! Одна застежка не запиралась. Она положила в сумку тетради, а застежка не запиралась.

Но застежки запирались.

Дианинов вспомнил про журналиста. Пирмухамедов еще был в районе. Пригласили в отдел.

— Ее сумка! — выбрал из десятка других, разложенных на столе.

— Чем можете доказать?

Он не приближался к столу, словно боялся дотронуться до сумки.

— Ремень был надорван. Сшит черными нитками.

Ремень оказался целым.

— Может быть, в самом деле купила она эту сумку? — засомневался Саидов.

— Запросите Ташкент, — сказал Дианинов.

Экспертиза признала: нож, изъятый у шофера Жосанова, не имеет зазубрин. Стало быть, это не тот нож, каким была убита Симбирцева.

На очной ставке Жосанов сказал твердо:

— Ты мне показала это ущелье!

— Ну я, — вдруг согласилась Маркина. — Что тут такого?

— Откуда вам известно это ущелье? — спросил Дианинов.

— Ниоткуда. Просто увидела ущелье и говорю: свернем.

— Завязал я, гражданин начальник! — уверял Жосанов.

— Ладно, — вдруг сказал Дианинов. — На этот раз вы свободны.

— Вот спасибо!

— Жосанов! — вернул его от дверей полковник. — Нож забыли.

— Да ну его к черту! — стал открещиваться Жосанов...

— Темнишь, Маркина, — сказал Саидов, показывая телеграмму из Ташкента. — Не было в ЦУМе таких сумок.

— Дайте закурить.

— Ну? — спросил Саидов, подвигая к ней портсигар.

— Ладно, — согласилась она. — Все равно вы меня так запрячете, что он не достанет. В конце февраля, — сказала Маркина, — была я в Зангоре. Крохотный городок. Не развернешься. Вышла на шоссе. Проголосовала. Подобрал грузовик (в марках не разбираюсь). Шоферу на вид лет сорок. Костлявый. В тюбетейке. Синих очках. «Сколько возьмешь?» — спрашиваю. «Не обеднеешь». Посадил он меня в кабину, а чемодан закинул под брезент в кузов.

Вначале он все молчал. Въехали мы в горы, и тут он вдруг свернул с дороги. «Это еще куда?» — «Мусульманин я». — «Ну и что?» — «Молиться, — говорит, — время». Остановил он машину в таком месте, где, кроме нас, никого не было. Вышел из кабины. Расстелил вроде бы коврик — и на колени. «Иншалла, иншалла...»

Смешно мне. Кончил молиться. Зовет. «Гляди, как хорошо тут». Подхожу к нему. «Иншалла — это что?» — спрашиваю. «Если, — говорит, — аллах пожелает!» — и меня на коврик. Ну вот, думаю, рассчитались... Потом он пиво из-под сиденья достал. Меня угощает, а сам не пьет. Обходительный. Жениться обещал. У мусульман, говорит, по закону четыре жены положено.

Стемнело, когда мы к Садбаргу подъехали. Ссадил он меня на окраине. Гляжу, перекосило всего. Нож вытащил. «Адат знаешь?» — «Откуда мне знать?» — «Сейчас разъясню». Я чуть живая от страха. «Хоть слово кому — и конец! — Нож приставил. — Машалла. — Объяснил: — Так бог пожелал!»

Из кабины вылезать не стал. Я сама свой чемодан из кузова сбросила. Да сумку эту прихватила. У него там были ящики с товарами...

Дианинов приказал:

— Дать ориентировку. Машина бортовая. В конце февраля была загружена промышленными товарами, в том числе сумками такими-то. И еще: шофер совершает религиозные обряды.

Музаффар-заде вызвал Маркину в прокуратуру. Уточнить кое-какие детали.

— Он угощал вас пивом, — напомнил следователь. — Чем откупоривал бутылки?

— Зубами. У него это ловко получалось.

Музаффар-заде направил выловленные металлоискателями пробки от пивных бутылок на стоматологическую экспертизу.

Глава 8
ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ

Саидов нарезал любительскую колбасу и принялся за хлеб. Ломтики получились тоненькие. Он пожалел, что рядом нет жены. Она бы его обязательно похвалила.

И сразу стал думать о диссертации, которую она должна защитить на этой неделе. О банкете, с которым ей без него не справиться. Вздохнул.

Колчин раздобыл кипяток и заварку.

Пришел Дианинов. На столе колбаса, масло.

— Богато живете, — сказал он.

В дверь постучала дежурная по этажу:

— Вот давеча вы беседовали с нами...

Случай, о котором хочет рассказать, произошел в августе прошлого года.

— Часов в семь утра пришла к нам в гостиницу женщина, а на самой лица нет. Поселилась в отдельном номере. Слышу, плачет. Я толкнула дверь. Заперта. Постучалась. «Кто там?» — «Дежурная». — «Что надо?» — «Может, помочь чем?» — «Нет». А потом сама позвала. Добиралась на попутном грузовике. Но шофер проколесил с ней всю ночь и напоследок ограбил. Заняла она у меня тридцать рублей. А вскоре прислала перевод. Очень просила об этой истории никому не говорить. Я и не говорила. Вам первым. Вдруг пригодится.

— Спасибо, — сказал Дианинов. — А как фамилия той женщины?

— Замонова Биби-ханум. Приезжала по каким-то делам в командировку.

— Уж не выйдем ли на преступника? — спросил Саидов, когда дежурная ушла.

— Будем проверять все версии — обязательно выйдем. — Дианинов налил в стакан остывший чай и, сделав глоток, поморщился.

Потом он разговаривал с женой. И с Машенькой. Она уже была дома. Бросить бы все сейчас — и к ним. Повод имеется. Кому-то надо лететь в Душанбе. К женщине, про которую рассказала дежурная по гостинице. Вот он и полетит.

— Закажите билет на самолет.

— На чье имя? — спросил Саидов.

— На ваше, — улыбнулся полковник. — Вы думаете, я забыл про диссертацию?

— Пусть летит Колчин, — возразил Саидов.

«Завтра у Татьяны день рождения!» — вспомнил полковник. Колчина бы он тоже отправил в Душанбе. Но лететь мог только один.

Майор стал возражать:

— У Татьяны каприз...

Саидов перебил:

— Если я не приеду, жена поймет, что не смог. А Татьянка твоя... Из нее человека лепить надо!

— Собирайтесь, Колчин, — решил полковник.

Замонова Биби-ханум. Место работы — проектный институт. Домашний адрес. Телефоны: служебный, домашний.

Все это Колчин уже знал, садясь в самолет. Он летел и думал, что даст ему эта поездка. Конечно, Замонова может замкнуться, как Валентина Папуш. Полгода хранит свою тайну. Нетрудно догадаться почему.

Взяв в аэропорту такси, Колчин поехал в институт. Но он все-таки опоздал. В институте сказали, что она ушла перед самым его приходом. Возможно, он даже встретился с ней в вестибюле. Одета в синий костюм. В руках плащ.

Колчин быстро вышел на улицу и увидел ее в тот момент, когда она переходила улицу. Рядом вышагивал мужчина с портфелем. Колчин понимал, какой деликатный предстоит разговор, и начинать его при посторонних не имел права.

Холодный ветер, поднявшийся вдруг, напомнил, что лето еще не пришло.

Защищаясь от ветра, Замонова повернула голову. У нее был красивый профиль. Строгое, смуглое лицо, пожалуй, с чересчур правильными линиями. Выразительные миндалевидные глаза. Зябко поеживаясь, она развернула плащ, и мужчина с портфелем помог ей надеть его.

Колчин достал пачку БТ. В ней оказалась последняя сигарета. Он увидел табачный киоск, но побоялся потерять Замонову из виду. И правильно сделал. Замонова вдруг распрощалась с мужчиной и свернула к гастроному.

Колчин догнал ее.

— Товарищ Замонова!

Она остановилась.

— Я из милиции.

Брови у нее дрогнули.

— Летом прошлого года вы были в командировке...

Она сухо перебила:

— Я часто бываю в командировках.

— Меня интересует только одна. Август. Зангор.

— Не помню.

— Совершено преступление. В горах обнаружен труп женщины.

Она, почувствовав слабость, прислонилась к холодной стене дома. На них стали обращать внимание.

— Пойдемте отсюда, — сказал Колчин.

— Хорошо, — согласилась она, пересиливая себя.

Они вернулись в институт. Она проводила его в свой кабинет.

— Я знала: это нельзя скрыть совсем, но все же на что-то надеялась. — Полезла в сумочку за платком. — Так вы говорите, убита женщина?.. Где?

Колчин стал подробно описывать место, где были обнаружены останки учительницы Симбирцевой.

— Там еще неподалеку есть мост.

— Деревянный, без перил, — сказала она бледнея.

— Вы помните этот мост? — спросил он, напрягаясь.

У нее вдруг пропал голос. Она силилась что-то сказать, но только глотала воздух.

Она родилась в Самарканде. Дед был искусным гончаром. Она считалась его любимой внучкой. И это он дал ей имя Биби-ханум. Когда она была еще совсем маленькой, он сажал ее на колени, перебирал своими шершавыми, холодными от глины пальцами все сорок ее косичек и рассказывал о красавице Биби-ханум — любимой жене могучего Тимурленга.

Однажды в отсутствие своего грозного повелителя она решила построить мечеть, какой еще не знал мир. Созвала лучших мастеров. Выложила перед ними все свои неисчислимые сокровища. И вот уже все восемь куполов поднялись к звездам. Осталось возвести лишь портальную арку. Но тут пришла весть, что скоро вернется Тимурленг. Тогда она попросила молодого зодчего ускорить строительство. Он, плененный ее красотой, обещал все сделать, если она позволит поцеловать ее. Царица согласилась. Поцелуй его был так горяч, что на щеке красавицы осталось пятно. Потом это пятно увидел Тимурленг и приказал казнить зодчего.

Знала Биби-ханум, что это легенда. Но мечтала встретить человека с таким же горячим сердцем, как у несчастного строителя.

— Иншалла, — улыбался дед.

Все было красиво в ее жизни. Отец любил музыку и виртуозно играл на рубобе *. В их доме часто собирались гости. Среди них были известные гафизы **. За-

---

* Струнный щипковый инструмент.

** Певцы.

таив дыхание она слушала их песни. А потом оказалось, что у нее тоже хороший голос.

Она училась в университете и там познакомилась со своим будущим мужем. Когда он в первый раз поцеловал ее, она долго смотрелась в зеркало, искала пятнышко на щеке. И совсем развеселилась, когда подруги сказали, что у нее горят щеки.

С мужем у нее были самые нежные, самые добрые отношения.

Все это Замонова могла рассказать майору Колчину. Но она сообщила лишь то, что сочла нужным.

...Она вылетела из Душанбе 8 августа. День провела в Ленинабаде. Десятого была в Матче. Там предполагала заночевать, но решила выгадать день и выехала в Садбарг. Он, как известно, расположен на развилке дорог, километрах в пятидесяти от Зангора.

В Садбарге была около семи часов вечера. Сразу пошла к чайхане, где останавливались машины на Зангор. Заказала лагман *. Весь день была занята, не успела поесть.

Она допивала чай, когда подъехал грузовик. Водитель, пожилой, внушающий доверие человек, стал искать свободное место. Она обрадовалась, узнав, что он едет в Зангор.

— Возьмете меня?

Он согласился и тоже заказал лагман.

— А сколько времени будем в пути?

— Часа два.

Солнце садилось поздно, и она подумала, что успеют приехать засветло. Хотела расплатиться за двоих, но шофер вдруг забеспокоился. Сказал, что передумал. Бросил деньги на стол и заспешил к машине.

Она не сразу поняла, в чем дело. А потом увидела мотоцикл с коляской и автоинспектора.

Некоторое время сидела в чайхане и ждала, что инспектор вот-вот уедет. Чайханщик шепнул ей, что машину надо искать не здесь, а за теми вот чинарами. Она поблагодарила за совет.

До чинар было дальше, чем ей показалось вначале. Она добиралась до них минут пятнадцать. Чем дальше она отходила от чайханы, тем настойчивей стучала

---

* Лапша с рубленым мясом, заправленная зеленью.

мысль: остановись, что ты придумала, подожди до утра! Но ей очень хотелось выиграть день, чтобы в субботу быть дома. А еще лучше в пятницу.

Так рассуждая, она наконец подошла к чинарам и сразу увидела опершегося на посох старика в стеганом халате, с аккуратно накрученной чалмой.

Она произнесла традиционное приветствие. Он ответил и, запустив руку в густую белую бороду, напомнил ей деда. Сразу стало спокойней. Да еще старик был не один, а с черноглазым внучонком, который держал бечевку, обмотанную вокруг шеи резвого тонконогого козленка. Им надо было в колхоз «Дружба», а это по дороге в Зангор.

Вначале не везло. Машины проезжали груженые или не в том направлении. Но вот показался грузовик. Шофер в синих очках, наполовину скрывавших его лицо, притормозил. Он согласился взять всех, а о цене сказал: «Сколько дадите — и ладно».

Старик полез в кузов. Принял от внука козленка. Потом мальчик тоже полез в кузов.

Она в это время села в кабину. Сразу отвернулась от шофера. Стала смотреть в окно. Позднее при всем желании не могла вспомнить, как он выглядит.

Шофер попался молчаливый. Она была рада, что не придется разговаривать. Он вел машину осторожно, медленно, и она решила, что будут ехать не меньше трех часов. На какое-то мгновение она снова пожалела, что отправилась в путь. Однако теперь уже ничего нельзя было изменить.

На центральной усадьбе колхоза «Дружба» старик с внучонком сошли. Старик полез под халат за деньгами, но она сказала, что рассчитается за них.

— Спасибо, дочка, — он поклонился.

Уже стемнело. Водитель включил фары. Несильный полусвет мягко лег на гудрон. Показалось, что машина пошла быстрее.

Вскоре остались позади хлопковые поля. От самого Садбарга они доверчиво прижимались к дороге. Теперь их сменили горы.

Ей стало тревожно. Она повернулась к шоферу. В полумраке показалось, что у него скошено лицо. И вновь она различила очки. Почему он их не снимает? Ей захотелось услышать его голос.

— Мы скоро приедем?

— Иншалла, — ответил он.

«Если бог пожелает...»

Когда это говорил дед, ей становилось весело.

Из-за поворота вырвался бензовоз. Грузовик резко вильнул. Ее ослепило, швырнуло на водителя. И снова они остались вдвоем.

Холмы стали круче. В мертвенно-желтом свете фар ей почудилось, что они дышат.

Прямо в расщелине вспыхнул светильник. Она понимала, что никакой это не светильник, а звездочка. Но почему-то убеждала себя, что светильник.

— Скоро приедем?

— Иншалла! — повторил он.

Что-то зловещее показалось ей в его голосе, и всю ее охватила холодная волна страха.

Они въехали в горы. Темнота сгустилась. Застрявшее между скалами небо походило на страшный зев зверя. В мерцании звезд ей померещилось что-то вроде собаки Баскервилей.

«Остановите машину!»

Он не мог это услышать. Она только подумала, что просит остановиться. Сойти было еще страшнее.

Неожиданно грузовик свернул с шоссе и, накренившись, покатил вниз. Шофер объяснил, что должен совершить вечерний намаз.

Машина стояла в глухом ущелье с выключенными фарами. Водитель постелил на землю молитвенный коврик и встал на колени.

— О великий аллах, помилуй нас, грешных, укрепи веру...

Она сидела в кабине не шевелясь. Одну за другой он читал суры корана. Прошла целая вечность, прежде чем он произнес аминь.

— Теперь ты молись.

— Я не верю в бога.

— Молись! — повторил он с угрозой.

А может быть, это сон? Самый страшный из всех снов, какие она только видела...

Вздрогнула от прикосновения чужих, грубых пальцев. Нет, это был не сон. Одна в безучастной, холодной тьме.

Он стал вытаскивать ее из кабины. Она вцепилась в рулевое управление. Он зажал ей рот и отпустил уже полузадохнувшуюся, обессиленную.

Он не торопился ехать. Достал из-под сиденья бутылку пива, сорвал пробку зубами.

— Пей! — протянул ей бутылку.

Она оставалась безучастной. Он стал разжимать ей зубы.

— Да гласит четвертая сура корана: «Тех, кто опасны по своему упрямству, вразумляйте». — Достал нож. — Я пущу тебе кровь и выпью из этой бутылки!

Глоток пива привел ее в чувство.

— Меня будут искать!

— Дура, — сказал он. — Я так запрячу...

— Но старик запомнил твою машину!

— Ему-то какое дело?

— Он мой родной дед! — Она отчаянно ухватилась за свою выдумку.

— Врешь! — злобно произнес он.

— Ты можешь это легко проверить. Колхоз «Дружба». Саидходжа. — Назвала имя своего деда. — Его все знают.

— Врешь! — Он приставил нож к венам ее руки. Острое лезвие царапнуло кожу. Еще мгновение — и все будет кончено.

— А если не дед, — сказала она, плохо следя за своими мыслями, — так козленок-то уж обязательно запомнил!

— Сын, что ли?

— Сын! — опять отчаянно подхватила она. — Ну, конечно, сын!

Как знать, может быть, это ее и спасло.

Потом провал в памяти. Очнулась на мосту. Она не знает, как добралась сюда и сколько прошло времени. Еще пылали звезды, но теперь они были ей безразличны. Она шла по мосту. Грузовик с погашенными фарами, будто конвоируя, прижимал ее к самой кромке.

Возможно, она даже не понимала, что мост без перил и один шаг отделял ее от гибели. Она просто шла. Когда мост остался позади, свернула к стремительному горному потоку.

Она не помнит, сколько просидела на берегу. Куда делась сумка. Паспорт и командировочное удостоверение оказались при ней. В паспорте лежало пять рублей.

Глава 9
ПОСЛЕДНЯЯ УЛИКА

На другой день Колчин вновь встретился с Замоновой.

— Я вспомнила, — сказала она. — Нож у него был большой и кривой. — Оголила руку. — Видите?

Он ничего не видел.

— Да вот же! — настаивала она. Но в том месте, на которое она показывала, была гладкая кожа. Вероятно, она на всю жизнь запомнила прикосновение ножа. Но он лишь чуть задел кожу, и царапина давно исчезла.

— В гостинице на стене моего номера должны быть цифры, — сказала она. — С борта грузовика. То ли две первые, то ли последние. Врезались в мозг. Я нацарапала их шпильками от волос.

Он весь напрягся:

— Где?

— Под батареей водяного отопления.

Из донесения старшего лейтенанта Негматова:

«Шофер машины 34-52 Мирзоалиев Исрафил. 28 февраля выдан путевой лист № 155. Время выезда из гаража 7 часов 20 минут. Время возвращения — 22 часа.

Загрузился в складе сельпо согласно счета-фактуры разными товарами, в том числе сумками молодежными с двумя отделениями, на длинном ремне, с застежками из желтого и белого металла. Пункты назначения: Зангор, Садбарг, Матча.

Совершает намаз».

Установить, в каком номере остановилась Замонова, помогла дежурная по гостинице.

В присутствии понятых работники милиции вошли в небольшой чистый номер. Слева деревянная кровать. Справа шкаф и столик с графином. А вот и батарея.

— Что под ней? — нетерпеливо спросил Дианинов.

— Сейчас, товарищ полковник.

Вот они, цифры 52.

С какой силищей, однако, врезала она их в кирпич!

Эксперт защелкал фотоаппаратом.

...Девочку звали Зебо *. Она и в самом деле была красивой. Но с некоторых пор ей стали внушать, что она дурнушка и никогда не выйдет замуж. В тринадцать лет это мало печалит. Она училась в шестом классе и вовсе не думала о замужестве.

После смерти родителей она жила у брата Исрафила. Жена у него рожала девочек. Он все грозился ее прогнать. Зебо жалела ее, старалась помогать по хозяйству и в ответ получала скупую ласку. А брата она боялась: нрава он был крутого.

Потом стала захаживать сваха. Вот тогда и стали внушать девочке, что она дурнушка. А потом вдруг объявили, что добрый человек хочет взять ее в жены.

— Иди, — уговаривала сваха, — попадешь в рай.

Брат тоже настаивал:

— Третьей жене пророка Мухаммеда было девять лет.

Так ее увезли в другой кишлак, будто бы к родственникам. Не выдержала эту пытку Зебо, сбежала к брату. Но он получил калым и вернул ее в ненавистный дом, избив до полусмерти. За это отбывал наказание в колонии усиленного режима Исрафил Мирзоалиев.

Судили его вместе с незадачливым «мужем» — бывшим хатибом, муллой соборной мечети, и срок они отбывали вместе. Но хатиб на третьем году скончался. Стар был и слаб. Сбежал из лазарета и прямо на тюремном дворе отдал богу душу. Однако успел за два с лишним года, что провел на одних нарах с Мирзоалиевым, внушить ему волю аллаха: мстить за свою неудавшуюся жизнь.

Мирзоалиев остался один. Копил злобу.

Хозяином в доме Мирзоалиева после его ареста стал свояк — председатель Коргарского сельпо Ульфатов. Это не без его участия совершилась сделка с муллой. Тогда он изрядно передрожал. Но сообщники его не выдали. Когда Мирзоалиев отбыл срок, Ульфатов устроил его шофером в сельпо.

А Мирзоалиев все копил и копил злобу. Однажды он пытался излить ее на человеке. Но тот оказался сильнее его, и домой Мирзоалиев вернулся избитый. Всю ночь он ворочался и стонал. Думал, как теперь быть. Забыл-

---

* Красивая, прекрасная (*тадж.*).

ся под утро. Ему приснился хатиб: «Женщину бей топором... топором... топором!»

Вскочил в холодном поту. Женщину — топором?! Вспомнил адат: «Женщину бей. Если не умрет она от побоев, то убивай тупым топором». И сразу: не женщина ли причина всех его бед?!

Знамение бога!.. Теперь он знал, что надо делать.

«Машалла — машалла!» — так бог пожелал...

Он калечил жизни и пьянел от своей лютой мести. Потом на его пути повстречалась Симбирцева. Он тщательно скрыл следы преступления. Так, по крайней мере, ему казалось еще недавно. И вдруг все рухнуло. Труп учительницы обнаружен. Мирзоалиев успокаивал себя тем, что мертвые не говорят. Но страх уже овладел им, не отпускал.

В это утро Мирзоалиев выехал из гаража, испытывая неприятную слабость. За поворотом был пост ГАИ. Мирзоалиев сбавил скорость.

Автоинспектор поднял жезл. Мирзоалиев включил правый поворот и, приняв в сторону, остановил грузовик.

Автоинспектор подошел к нему.

— Здравствуйте, товарищ лейтенант. — Мирзоалиев протянул руку. У него было нездоровое лицо с мешками под глазами. Раздвоенный подбородок. Приметные уши — оттопыренные, с прилипшими к щекам мочками.

— Прошу предъявить документы, — сказал лейтенант.

Мирзоалиев охотно полез в карман: документы были в порядке.

— У вас не работают сигналы поворота, — сказал лейтенант, пряча его документы в планшет.

Мирзоалиев торопливо вылез из кабины, чтобы самому убедиться в неисправности. И тут к нему подошли двое.

При обыске у Мирзоалиева был изъят нож с искривленным клинком.

Прямо по коридору. Последняя дверь налево.

Старик осторожно толкнул дверь.

— Вы ко мне? — отрываясь от бумаг, спросил Музаффар-заде.

Старик подтвердил. Следователь прокуратуры предложил ему стул.

— Охранник я. — Старик пожевал губами. — В Коргаре работаю. В сельпо.

Его уже допрашивал старший лейтенант Негматов. Но вот вспомнился еще один случай, и послал его товарищ Негматов сюда.

— Вернулся Мирзоалиев из рейса, — сказал старик, — а одежда в крови. Замыл он ее, да я сразу заметил. «Откуда кровь?» — «Барана резал». Тогда я это в расчет не взял. А тут сомнение. Места себе не нахожу. Что, если не резал он никакого барана?

— Когда это было? — спросил Музаффар-заде.

Старик передернул плечами.

— Ну вспомните, во что он был одет?

— В ватнике он был!.. Стало быть, ближе к зиме. А забыл я потому, что никогда больше этого ватника на нем не видел.

Музаффар-заде пригласил Дианинова и Саидова к себе.

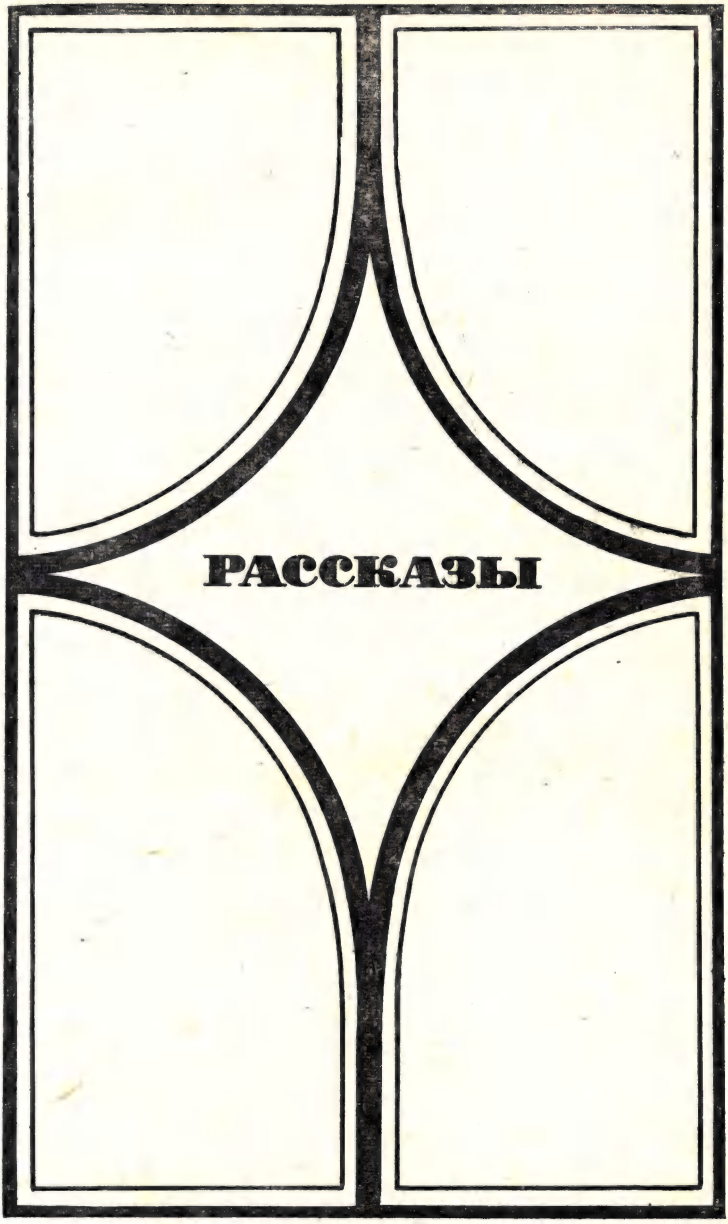
— Экспертиза изобличает Мирзоалиева: на пивных пробках следы его зубов. Но главное, спектральный анализ. Тот самый обломок ножа... Одним словом, спасибо, дорогие товарищи.

Заваривая крепкий зеленый чай, сообщил о заявлении охранника.

— Найдите мне этот ватник!

— Легко сказать.

— А если это кровь Симбирцевой? — загорелся следователь. — Тогда мы будем иметь последнюю улику. — И он стал выписывать ордер на обыск.

РАССКАЗЫ

Евгений ВОЛКОВ

Пиковая масть

Мерзкий выдался день. Дождь, мелкий, холодный, совсем не летний, а скорей сентябрьский, моросил с самого утра. Серая пелена окутала дома, улицы. Прохожие, прикрывшись зонтиками, запахнувшись в плащи, спешили по мокрому асфальту к теплу и крыше. В такой ненастный день, особенно в разгар лета, вольно или невольно начинает портиться настроение, все вокруг кажется унылым, безрадостным. Особенно если что-то не клеится на работе.

А у них, в розыске, тогда действительно не клеилось. Шла волна квартирных краж. Вроде бы все меры были приняты, все ходы и выходы перекрыты. И никаких результатов. Словно действовали невидимки. Наваждение какое-то, мистика. Грабежи совершались в основном в центре Москвы, в больших домах, где тебе и лифтеры, и дворники, и сотни других глаз. Начальство нервничало, оперативники сбивались с ног. Кражи между тем продолжались.

В тот ненастный день произошло еще одно неприятное событие. В пятом часу дня в квартире известной народной артистки раздался звонок. Домработница приоткрыла дверь ровно настолько, сколько позволяла крепкая предохранительная цепочка. В проеме она увидела высокого, хорошо одетого мужчину с интеллигентным лицом, в пенсне. В руках он держал какую-то большую папку.

Мужчина вежливо поздоровался, показал домработнице папку и сказал:

— Это ноты. От товарища... — и он назвал фамилию известного композитора. Домработница знала композитора, он бывал у них. Через узкое отверстие папку было брать неудобно. И она открыла цепочку.

Дальше женщина смутно что помнила. Она увидела около своего горла бритву и тут же лишилась сознания. А актриса между тем сидела у себя в кабинете, читала книгу и ничего не слышала. Но вот в кабинет отвори-

лась дверь, и она увидела двух незнакомых мужчин. Острое чувство тревоги охватило актрису. Они подошли к ней, схватили за руки, завернули их за спину кресла, обвязали каким-то шнуром.

Актриса была уже очень пожилой и не особенно здоровой. Но она не потеряла самообладания. Она даже заставила себя презрительно улыбнуться:

— Наверное, только в старых романах грабители были чуть-чуть джентльмены.

— Где деньги? — зло спросил «интеллигент».

— Я не держу их дома. Там, в шкафу, только мелочь.

Второй грабитель кинулся к шкафу и стал рыться в нем, заталкивая в карман деньги, часы, какие-то цепочки.

«Интеллигент» продолжал стоять рядом с креслом, оглядывая кабинет, и тут взгляд его упал на ожерелье на шее у актрисы. Он протянул руку:

— А это что?

— Это? Бутафория, стекляшки, — спокойно сказала женщина. — Через два часа у меня спектакль. Я выхожу с этими погремушками на сцену. Впрочем, можете взять.

«Интеллигент» секунду подумал и опустил руку. Хозяйка незаметно вздохнула с облегчением.

Ожерелье ей подарили, и стоило оно немалых денег. Она хорошо сыграла эту, пожалуй, самую необычную в своей жизни роль.

Трудно сказать, как бы события развивались дальше, если бы в этот момент в прихожей не раздался звонок (как потом оказалось, приехал шофер, чтобы отвезти актрису в театр). Грабители бросились из кабинета. Ушли они через черный ход.

Очнувшись от обморока, домработница добралась до двери. И уже вместе с шофером они стали звонить в милицию.

О случившемся Смирнов узнал где-то в седьмом часу вечера. На месте происшествия побывала оперативная группа. Доложили начальству. Кто-то из сыщиков невесело пошутил: «Барометр показывает бурю». Настроение у всех было подавленное. Честно говоря, было задето и чисто профессиональное самолюбие.

Конечно, ни у кого не было сомнений: рано или поздно ловушка захлопнется. Однако шайка пока действо-

вала. Десятки людей получали моральный и материальный урон. Плюс ко всему, как обычно бывает в таких случаях, ползли слухи и небылицы. Словом, всякое промедление больше недопустимо.

Смирнов в тот день так и не выбрался домой. Остался ночевать в управлении. Впрочем, какой там сон. Прикорнул на пару часов на казенном диване — и то хорошо. Но зато к утру их оперативная группа имела на руках кое-какие выкладки и предположения.

У старых сыщиков бытовало такое выражение: «построить пирамиду», или «слепить пирамиду».

В понятной форме это вот что: берется чистый лист бумаги и сверху вниз пишется, к примеру: «блондин, возраст от тридцати до тридцати пяти лет, одет так-то, возможно, проживает в таком-то районе».

Вроде ничего еще нет конкретного: ни точного портрета, ни других данных. Лишь маленькие наметки. Дальше заносятся версии: «может быть», «предположим», «вероятно». И тоже все вроде на песке. Рисуется такая абстрактная схема, а затем начинается кропотливая изнурительная работа. Проверить каждое слово, каждый пункт, каждую версию.

У них на верху «пирамиды» значилось: «высокий мужчина с интеллигентным лицом, лет 50—55, волосы черные, на висках седина, глаза большие черные, нос прямой, одет в костюм светло-серого цвета, галстук в крупный розовый горошек...» Они его так и обозначили на «пирамиде» — «интеллигент».

Второго грабителя женщины запомнили хуже. Он был в больших темных очках, закрывавших чуть ли не половину лица. Как утверждала актриса, второй тоже немолод. Она заметила морщины на лице, да и фигура раздавшаяся, мешковатая.

Второму они дали условную кличку «коротышка» и отставили его пока в сторону. Все внимание на «интеллигенте». Конечно, он мог перекрасить волосы, сменить одежду, навести камуфляж. И все-таки его лицо запомнили. И еще бросалась в глаза деталь: грабители хорошо изучили дом, где жила актриса, и даже знали, что в квартире есть черный ход.

Слова «черный ход» подчеркнули жирной чертой, ибо тут прослеживалась следующая вещь. Почти все предыдущие квартирные кражи совершались через черные ходы. Грабители ловко вскрывали заколоченные двери,

используя различные «фомки», ломики, ножницы для железа. Быть может, «интеллигент» и его компаньон именно те люди, которых они давно ищут?

Правда, остальные кражи совершались, когда хозяев не было дома. А здесь грабители пошли на большой риск. Они заведомо знали, что квартира не пуста, и придумали ноты композитора. Зачем? А вдруг у актрисы был еще кто-то, например, ее друзья из театра и тем более мужчины? Нет, они действовали наверняка. Они точно знали, что не встретят сопротивления. И опять вопрос. Почему знали? Кто-то их навел. Навел тот, кто каким-то образом был вхож в квартиру актрисы. И совсем не случайно прозвучала фамилия композитора, который дружил с хозяйкой.

Описанный портрет «интеллигента» проверили по фотокартотекам. Бесполезно! Ничего похожего не обнаружилось. Но ведь не новичок действовал, не дилетант, а опытный, матерый вор.

И вдруг кого-то осенило. Стоп! А почему мы отставили в сторону «коротышку»? А если все наоборот? «Коротышка» — главный исполнитель, а «интеллигент» взят для «ширмы»? И для помощи. «Коротышка» прятал свое лицо, и одет он был стандартно, без броскости. И вот уже «коротышка» перемещается на верх «пирамиды». Рядом с «интеллигентом». Кто из них королева, а кто пешка?

И вдруг всплывает еще одна вещь. С месяц назад была ограблена квартира профессора Н. Ограблена кощунственным образом. Профессор скончался, и в те часы, когда его хоронили, квартиру обворовали. Лифтерша видела двоих мужчин с тюками, спускавшихся по лестнице. Но тревоги не подняла, так как один из мужчин якобы сказал: «Мы с эпидемстанции, относим вещи покойного». Мужчин она в лицо не запомнила. Но заметила, что один был выше, другой ниже. И оба пожилые.

Сестра профессорши вспомнила, что среди тех, кто заходил в квартиру выразить соболезнование, были и незнакомые им. Профессор имел большую известность. И, естественно, люди шли самые разные. Среди них были и двое пожилых мужчин в черных костюмах. Один высокий, другой пониже. Почему они бросились в глаза? У того, что пониже, были большие темные очки.

Итак, вроде все совпадало: рост, возраст, темные очки.

Вроде... Но кто может дать гарантию полной достоверности их гипотезы? Гипотеза есть гипотеза. А в розыске надо оперировать фактами и только фактами. Причем неопровержимыми.

Смирнов не единожды вспомнил слова своего первого учителя Слепнева. «Учти, Борис, — говорил он, — у нас за каждой маленькой ошибкой стоит чья-то человеческая судьба».

Штаб по розыску преступной группы возглавил Иван Васильевич Парфентьев *, человек с поразительным чутьем и железной выдержкой. Смирнов — на правах заместителя и куратора от Главного управления.

В это время работники милиции взяли под контроль все комиссионные магазины и скупки города. Конечно, опытные воры не понесут украденные вещи сразу же в комиссионку. Будут выжидать. Но, с другой стороны, сбывать им вещь все равно придется. Они могут использовать для этой цели перекупщиков, спекулянтов. Наконец, попытаются увезти награбленное в другие города. И все-таки теплится надежда — какие-то вещи попадут на прилавок.

Оперативная работа шла по многим направлениям. Например, заинтересовала их одна газета. Газета эта издавалась в Казахстане, а нашли ее в одной из ограбленных квартир. Потерпевшие выписывали только московские газеты. Кто обронил ее? И почему казахстанская газета вдруг очутилась в московском переулке? Число, которое стояло на газете, было недавним. Наверху первой страницы карандашом написана цифра 23. Так обычно метят на почте перед отправкой адресату. Вполне возможно, кто-то из москвичей интересуется казахстанским изданием. Взял и выписал!

Газета не давала покоя Смирнову, просто жгла руки. Почему-то ему казалось, что они сейчас держат тоненькую ниточку, которая может вывести их на след. Он не мог ничего объяснить ни себе, ни товарищам, но предчувствие редко обманывало его.

Дали команду проверить на выборку несколько отделений связи в том районе, где больше всего совершилось краж, чем черт не шутит? Дня не прошло, как сообщение: «Есть человек!» Вот это удача! Прямо в яблочко? Кто же он? Оказывается, крупный инженер-

---

* В пятидесятых годах — начальник МУРа.

горняк. Долго работал в Казахстане. По старой памяти выписывает газету на московский адрес. И как раз газету за то число он почему-то не получил. Даже на почту звонил. Но ему сказали: «Отправили. Может, сами куда задевали». Поинтересовались: «А кто у вас разносит почту?»

— Девушка одна, Валей зовут. Очень расторопная и аккуратная. Всегда корреспонденцию приносит вовремя.

На почте о Вале тоже самые лучшие отзывы.

— Нельзя ли ее увидеть?

— К сожалению, нельзя, она в отпуске. Уехала куда-то отдыхать.

Вот так. Выстрел в яблочко оказался холостым. Надо ждать Валю! А это опять время. Об «интеллигенте» и «коротышке» тоже ничего нового нет. Проверили все сомнительные адреса, просмотрели кучу старых уголовных дел, опросили добрую сотню людей. Все вхолостую.

Парфентьев нервничал, но вида старался не подавать. Людей не подгонял, разноса никому не устраивал, наоборот, подбадривал: «Ничего, ребята, не будем гневить судьбу. Куда они от нас денутся, голубчики?»

...Смирнов только что вернулся в свой кабинет с обеда, как зазвонил телефон. Взял трубку и услышал голос полковника Данилова:

— Смирнов? Ну с вас, как говорится, причитается. Мои ребята вам с Парфентьевым подарок сделали. Сейчас пришлю.

Да, это был действительно подарок. На столе лежал пиджак, сшитый по последней моде, с блестящими металлическими пуговицами и иностранной наклейкой. И только если присмотреться внимательно, можно было заметить: на плечах у пиджака были вставлены клинья. Видно, пиджак хозяину стал мал, и портной расширил плечи с помощью двух кусков такой же материи, только чуть поновее.

Именно такой пиджак был похищен из квартиры профессора Н. Хозяйка сразу же узнала его. Правда, сказала, пуговицы были другие, перламутровые. Пуговицы — ерунда, их могли специально заменить. Но не ошибается ли хозяйка? Сын хозяйки подтвердил то же: пиджак его. Кроме того, куплен он был за границей. Такие у нас в продажу не поступали.

А вот фамилия человека, сдавшего его в комиссионный, — Мотонин Виктор Петрович. Проживает на Хорошевском шоссе...

И тут Смирнова словно током ударило. Ведь у почтальонши была фамилия тоже Мотонина *. Неужели теперь они вышли на верный след?

В большом мрачноватом доме на шестом этаже (самом верхнем) живет семья Мотониных. Вроде семья как семья. Мать, крепкая еще, молодящаяся женщина, и двое детей — брат и сестра. Правда, соседи Мотониных не особенно жалуют. Виктор Мотонин — нагловатый парень, кого угодно оскорбит, обидит. И мамаша, Мария Георгиевна, тоже женщина грубая, злая. К Вале мужчины какие-то приходят часто, пьяные. И сами Мотонины пьют крепко. Денег на горячительные напитки не жалеют.

Утром в квартиру Мотониных постучали. Открыл Виктор, увидел троих мужчин и изменился в лице.

— Вам кого?

— Здравствуйте, мы из милиции. Есть к вам разговор. Позвольте пройти?

Виктор опустился на краешек тахты, глухо выдавил:

— По какому вопросу?

Один из пришедших развернул сверток, достал пиджак, положил его рядом с Виктором на тахту.

— Это вы сдавали в комиссионный магазин?

Парень скользнул глазами по пиджаку.

— Ну, допустим, я.

— А точнее?

— Чего точнее? Сдавал. Разве запрещено?

— Пиджак ваш?

— Мой.

— Где купили или сшили на заказ?

— Купил.

— У кого, позвольте узнать?

Мотонин молчит, уставившись в пол. Достает сигарету, роется по карманам, находит коробок. Спичка ломается. Видно, руки у него сейчас нетвердые.

— У кого же купили?

— Приходил тут один мужик, говорил — деньги нужны позарез. Продал по дешевке, я и взял.

— Точно приходил. Пьяница, наверное. Мы и купи-

---

* Некоторые фамилии изменены.

ли. Думали, все равно пропьет. — Это уже Мотонина идет на выручку сыну. — А Витеньке он не поглянулся. Мы и сдали в комиссионку.

— Когда приходил мужчина, кто из вас был дома?

— Да мы все были: и я, и Витя, и Валюша. Все были... — И тут Мотонина осекается, и на лбу у нее бисеринки пота. Видно, она опытная женщина. Очень опытная. Поняла сразу: сказала не то.

— Мария Георгиевна, будьте любезны на два слова в другую комнату, — приглашает ее один из сотрудников. Мотонина тяжело двинулась к двери, бросив тревожный взгляд на сына.

Так они и думали — получилось полное расхождение портретов «неизвестного мужчины». Мать: «Худой, лысый, лет сорока». Сын: «Белобрысый, молодой, лет двадцати восьми».

— Выходит, не успели договориться, граждане Мотонины?

Молчат.

— А где дочь?

— Уехала отдыхать на юг.

— Так кто же передал вам пиджак?

— Один знакомый Валентины.

Смирнову доложили: Мотонины запутались окончательно, выкручиваются, врут.

— Ничего, пусть пока врут. Запросите в прокуратуре санкцию на обыск и арест. Приготовьте понятых.

Такси притормозило у большого дома. Из машины вышли двое мужчин с хозяйственными сумками в руках. Один высокий, другой приземистый, полноватый. Пересекли двор, скрылись в подъезде. Старый скрипучий лифт поднял их на 6-й этаж. Направились к 35-й квартире. Высокий нажал кнопку звонка. Им открыли. Зашли в прихожую и увидели направленное дуло пистолета.

— Стоять на месте и руки вверх!

...Первое желание отоспаться — скажем, часиков восемь культурного сна в чистой постели под хрустящей от крахмала простыней. Нет, восемь пока не получится. А уж пять точно — так подумал Смирнов, когда машина везла его домой.

Но и пять не получилось. Дома он пробыл ровно

столько, чтобы побриться, выпить чаю и перебросится с сыном парой слов. Срочно вызывал Парфентьев.

— Дела, значит, такие, Борис Всеволодович, — сразу же начал Парфентьев, как только Смирнов переступил порог кабинета. — «Интеллигент» и «коротышка» заявили, что они психобольные. Один поет арии, другой пытается пить чернила.

Смирнов улыбнулся.

— Сколько мы с вами, Иван Алексеевич, в этих стенах перевидали «сумасшедших»!

— Ты займись ими. Да, задержали и Валентину Мотонину, скоро доставят.

Не успел он начать допрос, как один из сотрудников положил ему на стол бумагу.

— Прочтите, очень любопытно.

Борис Всеволодович просто впился в строчки. Вон оно что, оказывается, «коротышка» — вор-профессионал Дубок, имел двенадцать судимостей.

Он сразу же начал петь. Потом упал на пол и театрально зарыдал. Смирнов даже не посмотрел в его сторону, делал себе какие-то пометки в блокноте. Дубок рычал, ругался, бил себя по голове кулаком. Борис Всеволодович продолжал свои записи. Наконец «сумасшедший» сел на стул и опять запел.

— Кончай, Дубок, играть. Ты же в розыске, а не в театре, зрителей нет. Давай лучше говорить по делу, — спокойно сказал Смирнов.

Дубок замолчал. Усмехнулся, провел ладонью по морщинистой щеке.

— Что, начальник, предлагаешь жесткий, бесплацкартный и без пересадки в места родные?

— Ну вот, Дубок, теперь с тобой приятно говорить, а то арии, слезы... Перейдем к делу.

Начался первый допрос. Потом их будет много. Перед Смирновым пройдет целая галерея людей алчных, опустившихся и коварных. Он будет допрашивать портного с Арбата, который за солидный куш перешивал и перекраивал краденые вещи. Он будет допрашивать почтальоншу. Это она наводила грабителей на адреса. У нее Дубок взял газету что-то завернуть и опрометчиво оставил ее в обворованной квартире. Перед ним будет сидеть медсестра, тоже наводчица. Бывая у больных по вызову, она внимательно запоминала расположение комнат, систему замков. Медсестра несколько раз при-

езжала к актрисе делать ей уколы и попутно, по приказу Дубка, разведывала обстановку.

Самым мерзким в группе был Фомичев, он же «интеллигент». Обуреваемый жаждой наживы, Фомичев ради денег мог пойти на любой самый подлый шаг. Вся его жизнь была соткана из подлостей, мелких махинаций, афер. А потом его заприметил Дубок, и Фомичев, уже доживший до седых волос, стал грабителем.

Пройдет несколько лет, и Борис Всеволодович обнаружит у себя в письменном столе старый блокнот, тот самый блокнот, в котором он делал пометки, когда конвоиры привели Дубка. На первой странице он увидел запись «Пиковая масть» из крапленой колоды». А ведь, пожалуй, точно написано.

Когда Борис Всеволодович закончил свой рассказ, он вдруг улыбнулся.

— Что-то вспомнили веселое? — поинтересовался я.

— Вспомнил. Только, как говорится, не для печати. За поимку группы Дубка нам выдали денежные премии. Я подумал: вот обрадую жену. Но в этот же день по старой привычке заглянул в радиомагазин и на прилавке увидел магнитофоны. Тогда они только входили в моду, были громоздкими, тяжелыми. В общем, никакого сравнения с сегодняшними. Но тогда магнитофон считался шиком. Я застыл у прилавка, как мальчишка, увидевший интересную игрушку. Ах, как мне захотелось его купить! К тому же он мог помогать мне в работе. Я колебался. Премии хватило точно на магнитофон. Рубль в рубль.

Борис РЯХОВСКИЙ

Долгая дорога к родным кочевьям

1

Осенью 1929 года Нурмолды Утегенова, маляра железнодорожных мастерских, вызвали в окружком партии. Там комсомольцам объявили, что после подготовки их пошлют налаживать ликбез в глухих волостях уезда.

Подготовка ликбезовцев была проста. Врач рассказывал о гигиене, предлагал поглядеть в стеклянный зрачок микроскопа. Учитель по арифметике и казахскому языку давал методические советы. Человек в брезентовых сапогах «подковывал» ликбезовцев политически, говорил о «текущем моменте». Обличая мировой капитализм, он гневно тыкал в карту указкой. В районе Британских островов и Западной Европы было несколько дыр.

Нурмолды толком не слышал человека в брезентовых сапогах — он разглядывал карту. Это была физико-географическая карта, выпущенная для младших классов гимназий. Ах, что за карта!.. Возле сахарно-белых айсбергов плавали толстолобые киты. Их водяные фонтаны стояли как белые деревья. Коричневые, в красных набедренных повязках люди сидели в остроносой лодке-пироге. Побережье изгибалось, как дуга лука, пирога неслась в сини океана выпущенной стрелой. В африканской саванне чернокожие охотники гнались за антилопой, из травы на них глядел рыжий зверь с косматой гривой и голым, как у верблюда, задом.

В конце дня в зал окружкома, где шла учеба, вошел уполномоченный и позвал:

— Утегенов! Ты ведь, помнится, адаевец...

— Да, я из рода адай, — отозвался Нурмолды.

— Для тебя особая инструкция, иди со мной.

Уполномоченный усадил Нурмолды напротив себя и сказал:

— Бегеи — ответвление рода адай, так?.. Так вот, мы посылали ликбезовца, вернулся он. Избил его Жусуп

Кенжетаев и пригрозил убить. У Жусупа не засохнет... Волость невелика, пятнадцать административных аулов, шесть тысяч человек. Но как оставить их без грамоты... Поедешь?

— Поеду.

— Завтра в Темир отправляется оказия из кооперации, повезут товары, будут закупать скот. С ними отправишься.

— Давай лошадь, сам поеду, — сказал Нурмолды.

— Ты что! Где лошадей набраться — рассылаем ликбезовцев десятками. Поедешь на телеге.

— На телеге нельзя, адаи идут на Устюрт, на зимние кочевки. Лошадь давай.

— Если ушли, как ты их догонишь?.. Дорогу надо знать.

— Знаю дорогу, мальчик был, кочевал.

Уполномоченный сходил к начальству, выпросил бумагу, в которой предписывалось выдать лошадь Нурмолды, сказал: «Пиши расписку: обязуюсь вернуть коня после возвращения из командировки». Привел Нурмолды на склад, нагрузил его учебниками, тетрадями, пачками лакированных карандашей.

— Будь здоров, Нурмолды!.. Ждем тебя весной с докладом.

— Мне карту надо, — сказал Нурмолды. — Карту не дашь, как поеду? Как учить буду?..

Уполномоченный вздохнул: вот, говоришь с ним как с бойцом революции, а он вроде малого ребенка.

— Нельзя, карта у нас одна в окружкоме, — сказал он.

— Как учить буду?.. — повторил Нурмолды.

Уполномоченный открыл шкаф, достал из него рулон обоев. По белому фону среди голубеньких цветочков летали ангелы с розовыми попками и трубили в золотые рожки. Уполномоченный вздохнул в другой раз, положил перед Нурмолды три кисточки и три овальные картонки с разноцветными пуговками акварели.

— Бери... Нынче это целое богатство.

— Карту давай, — сказал Нурмолды.

Уполномоченный оглядел его, вздохнул опять:

— Как тебе откажешь! К Жусупу едешь...

Он подклеил карту, сунул ее в матерчатый чехол. Проводил Нурмолды до ворот, подал руку: «Как это по-вашему — счастливого пути?.. Жолым-болсын!»

Казах без коня не казах!..

Саврасый конек бежал на юг. Маячили на краю степи отроги Мугоджар. Обгоняли всадника ветры, проносили над головой дымчатые тучи.

— О Кулагер! Твой отец — жеребец и соколица — мать! Восемь архаров, еще сосунков, ты сумел обогнать... — пел Нурмолды песню о знаменитом буланом Кулагере, погибшем на скачках.

Сети уютных стай накрывали алые плесы. Малиновые завесы закатов пробивали журавлиные крылья. Волнами набегали гряды холмов...

Минуло так три дня. Бежала степь под ноги саврасому, оглядывался Нурмолды, вспоминал название трав: селесу, изен, жербуршак, кияк, жусан, терескен. Гадал: отчего аулы его родной волости раньше времени покинули осенние пастбища, богатые питательными травами? Рано придут на зимние безводные пастбища, где воду заменяет снег, — а в октябре снегу еще мало...

К вечеру он был возле мазара — мавзолея ишана, святого. На башенке мазара бегал удод, тряс хохлом.

Нурмолды вошел в саманушку рядом с мазаром. Она была застлана старыми кошмами, в нише стояли несколько пиалушек, чайник, два тугих мешочка с крупой. Фарфоровый чайник, чугунок с остатками каши и еще одна пиалушка стояли в углу саманушки на тряпице. Нурмолды расседлал коня, со своим брезентовым ведром в руке отправился к колодцу и нашел рядом с колодцем ведро, сшитое из конской кожи, с кованой крестовиной для тяжести. Оно было сыро, и часу не прошло, как черпали им.

Нурмолды взял двумя руками, как ружье, обтянутую чехлом трубку карты. Обогнул куб мазара, шагнул в пыльную глубину портала. Скомандовал: «Выходи!»

В темноте, там, где лежали останки ишака, треснула под ногами сухая глина. Появился старик в стеганом халате, стянутом на поясе ветхой тряпкой. Он был низкорослый, тщедушный и походил на мальчика.

Он упал перед Нурмолды на колени, задергал головенкой:

— Пощадите, начальник...

Нурмолды узнал азанши, младшего муллу, призывающего на молитву, ездившего в пору его детства собирать по аулам зянет.

За чаем Нурмолды рассказал, кто он и куда направ-

ляется. И спросил, почему аулы волостей Берей рано ушли на зимние кочевья. Может быть, адаи откочевали на пастбища табынов?

— Пришел слух, — ответил азанши, — что по новому закону отнимут у аулов скот, половину его угонят в город, а вторую половину заставят пасти близ поселков русских. Закон этот называется «совхыз».

— Совхоз, — поправил Нурмолды. — Вас запугивают вздорными слухами.

— Аксакалы послушались Жусупа и повели аулы на Устюрт.

— Но разве там хватит колодцев всем аулам? До снега далеко!

— Жусуп сказал, что он прогонит туркменов-иомулов с колодцев. Ему поверили. У Жусупа много винтовок. Он угоняет скот у туркменов. Его боятся аксакалы, боятся туркмены. Все боятся Жусупа!

Нурмолды заночевал в саманушке возле мазара. Утром азанши с поклоном подал Нурмолды два мешочка с сушеным творогом, униженно стал просить прощения за столь ничтожный подарок и попросил разрешения поехать к брату в Челкар, с тем чтобы провести у него остатки своей ничтожной жизни.

Нурмолды отставил мешочки с творогом, вышел. Азанши выскочил за ним, кланялся вслед.

Скрылся за увалом мазар, когда вскинулся саврасый, задрал морду, пробороздил копытами — стал над ямой, чуть прикрытой сухими стеблями. На дне ее чернел ком тряпья, из него торчала белая тонкая рука.

Нурмолды спустился в яму по вырубленным ступенькам, поднял человека на руки. Пришлось возвращаться к мазару, нести туда больного. А там азанши уже накрутил на голову чалму, поил лошадь; под стеной мазанки лежал дорогой кожаный баул с блестящими металлическими замками.

— Ты не знаешь, кто это? — обратился Нурмолды к азанши, опуская человека на землю.

— Товарищ начальник, это дуана... безумец. Узбек, курильщик опиума.

Дрогнуло иссохшее лицо узбека, открылись запухшие, истерзанные трахомой глаза.

Он подтянул под себя голые ноги, сунул ладони в прорехи халата. Дул холодный ветер.

— Кто ты?

— Хаким мое имя... Жил в Намангане... Котлы отливал... для плова. Сюда брат привез... Сеяли мак. Надрезали коробочку, собирали сок, — лепетал больной.

— Где брат?

— Уехал...

— Брат тебя бросил? Родной брат?

— Трубка с опиумом для него брат... — Хаким пошарил в лохмотьях. Достал трубочку и высушенную крохотную тыкву со скрученной из шерсти затычкой. Насыпал из тыквы в трубочку серого порошка. — Здесь родится жирный мак. Никто не знает дороги сюда, кроме каракалпака — хозяина. — Злобно блеснули жуткие, в кровавых прожилках глаза Хакима: — Я бы убил их... Брата — первым! Я надрезал головки. Я собирал сок, у хозяина было много лепешек... сушились вот здесь, черные снаружи, розовые внутри, — все увезли, проклятые. Как самый ничтожный из курильщиков, я курю пепел из своей трубки!..

С каждой затяжкой Хаким расслаблялся. Улыбка омолодила его лицо, стало видно, что он не старик.

— Ата, здесь, на Джашантай-Пак, до весны мы последние путники... — сказал Нурмолды азанши. — Разве что волки пробегут. Взять его с собой я не могу... не знаю, кто меня будет кормить. Отвезите его в Челкар, ата, в больницу. И отдайте ему свои кебисы.

— Ваши слова закон, начальник. Я съезжу к табынам *, стребую должок, а на обратном пути заберу дуана. — Старикашка снял кебисы — кожаные калоши с задниками, окованными медными пластинками, — потопал своими хромовыми сапожками, будто радуясь их легкости. Бросил кебисы Хакиму, и когда тот натянул их на свои черные разбитые ноги, заговорил о справке, — нынче, дескать, справка заменяет тумар **.

Нурмолды вырвал из тетради листок и написал по-русски и по-казахски по образцу своего удостоверения. «Податель сего Копирбай Макажанов направляется в Челкар для новой жизни. Всем лицам рекомендуется оказывать ему содействие. Уполномоченный по ликбезу Бегеевской области товарищ Нурмолды Утегенов».

Старик уехал счастливый.

...Казалось, Хаким ничего не видел, не слышал; по-

---

* Казахский род.

** Клочок бумаги с молитвой, носится в мешочке на шее.

качивался, хихикал. Нурмолды натянул кебисы на его ноги, черные, разбитые, и тут терьякеш стал совать ему трубку: «Кури!»

Треснутая фарфоровая чашечка со спекшейся массой. Мундштуком служила прокаленная камышинка.

— Кури! — повторил он, засмеялся. — Кто не курил, тот не жил. Жусуп поджидает тебя.

— Откуда ему знать про меня?

— Старик азанши скажет. На чинке застава Жусупа. — Хаким указал в ту сторону, где в складках степи скрылся Копирбай. — Он вроде привратника у Жусупа. Одних посылает сразу к Жусупу, других к его сотникам... вчера проехали двое парней на одной лошади... пика перевязана веревкой. Худо тебе будет.

«Э, вон что!.. Не зря он тут сидел, паучок, — подумал Нурмолды о Копирбае, — отсюда путь на Устюрт, на Мангышлак; к Челкару и Аральску — через земли родов табын и жохаим».

Выходит, старикашка глядит вперед, выжидает, как повернется дело у Жусупа: если бандита Советская власть побьет, то справка, хоть и без печати, азанши очень пригодится.

Посадив Хакима перед собой на седельную подушку, Нурмолды зажимал между рук невесомое тело, погонял саврасого.

...Очнувшись, Хаким глядел вдаль, там поднималась из равнин стена.

То не была крепостная, из сырцового кирпича, стена древнего городища, то надвигалась громада чинка — краевого обрыва Устюрта. Плитой с рваными краями лежало гигантское плато между Каспием и Аралом.

По мере приближения разбегались края стены, уходили в бесконечность равнины. В закатном солнце охрой горели выступы, как отверстие пещер чернели промоины.

Нурмолды нашел глазами налитую сумраком трещину в основании чинка: там, на сходе, ждет застава жусуповцев.

У подножия схода Нурмолды перетянул тюки. Помог сесть Хакиму, затем взял саврасого под уздцы. Будь что будет, а ехать надо.

Час за часом они поднимались на плато. Сход спер-

ва шел как пандус, а затем круто, винтом уходил в толщу чинка.

Сузился сход, Нурмолды шепнул Хакиму: «Делай как уговорились». Хлопнул саврасого по холке, а сам отстал. Шел, прижимаясь к шершавой сухой стене. Блеснул наверху огонь — свет его проходил сквозь заросли сарсазана, как сквозь оконную узорную решетку из ганча.

Стих стук копыт на сухой глине: Хакима остановили. Голоса — и среди них голос Копирбая:

— Где ликбез?

— Я его съел! — закричал Хаким и захохотал. Топот, крики «держи!». Выстрел.

Нурмолды проскользнул узкую горловину схода, побежал. Присел за кучей камней и прислушался. Жусуповцы сбились на краю черной дыры, то был вход в пещеру, вымытую водой в мягком известняке. Доносились голоса:

— Бабушкины сказки! Змей, людей ест!..

— Сунься, так узнаешь!.. Конца у пещеры нет.

— Что вы все сбежались!.. Даулет, Мерике, живо к сходу!

По днищу долины Нурмолды осторожно приблизился к черной дыре, — ему стали слышны голоса жусуповцев. Он добрался до широкой расщелины, начал спускаться в темень. Перед ним был широкий ход, пол которого шел сначала ровно и прямо, а затем стал извиваться и вел то вверх, то под наклоном, то ступенями. Все было покрыто густым мучнистым слоем распавшихся горных пород.

Лет четырнадцати Нурмолды верил, что в этой пещере живет огромный змей. Рассказывали: в старое время в пещеру сложили сокровища бухарские караванщики, — они поднялись на плато и попали в бурю. Из глубин земли явился змей, проглотил одних, другие разбежались. С тех пор змей сторожит сокровища и глотает всякого, кто спускается в пещеру. Нурмолды и его отец были первыми из казахов, что спустились в пещеру: отец тогда нанимался проводником к ученому немцу, говорившему по-казахски. Тогда же они нашли эту расщелину — второй выход из пещеры.

Наконец сверху в пещеру проник слабый свет луны; Нурмолды увидел, что уходящая вверх и в сторону круто, как дымоход, расщелина пересекается высокой

продольной трещиной и таким образом соединяется с внешним миром. Эта трещина, объяснил немец, и порождала пугающие адаевцев рассказы о змее — через нее ветер проникал в подземелье и вырывался затем со свистом и ревом.

Нурмолды окликнул Хакима, тот отозвался: он стоял под выступом, свисавшим над входом в пещеру, невидимый сверху с края провала.

— Не ушли?

— Толкуют о каком-то змее... А один все горячится: я сразу, дескать, понял, что он не дуан, а шайтан.

Нурмолды завязал тряпицей глаза саврасому. Они двинулись путем, каким он, бывало, и раньше добирался сюда. Нурмолды шел с вытянутыми вверх руками, мелкими шажками, пробуя дорогу выставленной вперед ногой.

Над ними послышался шум. Нурмолды подбодрил спутника, объяснив, что это отдается от стен узких ходов шум крыльев и крики птиц, посмеялся: «А бандиты наверху думают, что это змей тебя доедает...»

Саврасый шел по степи, красной от закатного солнца.

2

Второй день путники пересекали плато. Нурмолды выбросил трубку Хакима, и Хакима теперь мутило.

— Убей меня, — хрипел он.

— Скоро колодец, отдых!

— Моя мука... сильней жажды.

Они миновали солончак и спустились в урочище Кос-Кудук.

В зарослях истегека хрустнуло под копытом. Нурмолды взглянул вниз — человеческий скелет. Один, другой, третий — много. Ринулся саврасый. Провалилась передняя нога в грудную клетку, как в капкан, в испуге рванулся конь, стряхнул ее, костяным шаром отлетел, покатился череп. Взлетел, как гнездо, и повис на кусте овчинный ком казацкой шапки.

Саврасый обошел полевую пушку. Она лежала со снятыми колесами, в вырезах ее лафета торчали кусты полыни. Нурмолды остановил коня, огляделся. Понял, что не память виновата: замаскирован колодец. Слез с коня, покружил, отыскал знакомую низинку. Разбросал слежавшиеся пласты перекати-поля — открылась низ-

кая каменная головка колодца. Нурмолды напоил коня, наполнил чайник, сказал Хакиму:

— Я за топливом.

В низинке возле свежей ямы темнел холмик. Нурмолды отбросил ногой запорошенные сухой глиной тряпки и бараньи шкуры, разворошил его. Здесь были части конской амуниции, маузеры в кобурах, шинельные и поясные ремни, патронные сумки, запасные части к пулеметам и винтовкам, патронташи, жестянки со смазкой, брикеты пороха, шашки с бронзовыми рукоятями. Нурмолды зажал ножны между коленей, потянул за рукоять обеими руками, вытащил шашку. Она была в свое время обильно смазана, ржавчина окрасила лишь режущую кромку лезвия и густо запеклась возле рукоятки.

Нурмолды свалил оружие в яму, кое-как забросал землей. Оставил себе одну шашку.

Он наломал саксаула на костер и уже возвращался к колодцу, когда услышал крики.

Возле колодца стояли лошади. Крепкий сутулый человек бил ногами Хакима. Второй, длинный, в колпаке, топтался рядом.

— Туркменский выродок! — кричал сутулый. — Выследил? За нашим оружием приехал? Мы зароем тебя в ту яму!

— Не трогайте! — подскочил Нурмолды.

Длинный отпрянул, испуганный блеском шашки. Сутулый богатырь ударом ноги сбил Нурмолды. Нурмолды упал на спину, выронил шашку и ветки.

— Ну, туркменский пес, — проговорил сутулый, отогнул полу бешмета, достал маузер. — Мы тебя сюда не звали.

— Я адаевец, — быстро сказал Нурмолды.

Второй, в колпаке, отвел руку богатыря.

— Я адаевец, мой отец Утеген из родового ответвления Бегей. Я еду из города! Я ликбез! — выкрикнул Нурмолды.

— Утеген? Ха! — усмехнулся сутулый. — Наши имена знает!

Нурмолды назвал имена деда, прадеда, братьев деда.

Адаевцы переглянулись.

— Это ты сбросил оружие в яму? Присвоить хотел, спрятать? — хмуро спросил сутулый.

— А вы, выходит, его закопали? — ответил Нурмолды, поднимаясь.

— Закопали! Чтоб паршивые щенки, отщепенцы вроде тебя, не собрали этих винтовок и не отдали нашим врагам.

— Это каким же врагам?

— Счастья у адаев нет, а врагов много... — примиряюще отозвался человек в войлочном колпаке. — Мы не пустим к себе русских, не дадим ни одной овцы. Мы накажем туркмен, отбросим их в пески. Мы заставим каракалпаков и хивинцев бояться нас. Скелеты остаются от тех, кто является в адаевские пустыни без нашего согласия! Мы завалим колодцы... Да что завалим, мы их просто прикроем кустарником — и будем как в крепости.

— Я отыскал колодец в здешнем урочище, — сказал Нурмолды. — Отыщу в соседнем. Я везу адаям учебники...

Длинный шикнул, оглянулся, повертел головой:

— Слава аллаху, Кежек не слышал тебя... Что везешь? Книги? А эта палка? Карта называется? Что ж, будь здоров, сынок, да будет дорога твоя благополучной.

Длинный, так и не назвавшись, надел свой колпак и отправился к своему спутнику, стал ему помогать упаковывать казацкое снаряжение.

3

Нурмолды не спешил в дорогу — Хаким спал, и надо было отдохнуть саврасому. Хоть и весит Хаким не больше подростка, а все конь двоих везет... Нурмолды положил под голову седло, закрыл глаза. Услышал шорох травы под ногами. Голос сутулого Кежека произнес: «А ну вставай!»

Нурмолды открыл глаза. Сутулый Кежек стоял над ним с пеньковой веревкой, купленной Нурмолды на базаре в городе вместе с брезентовым ведром. Нурмолды поднялся недоумевая. Кежек растянул веревку в своих огромных ручищах, петлей набросил ее на Нурмолды, притянул руки к бокам. Толкнул его, спеленатого. Нурмолды упал, ударился о землю лицом.

Караван тронулся. Нурмолды катался по земле, кричал:

— Верните лошадь! Хаким больной!

Крики его разбудили Хакима. Он поднял лохматую голову, вскочил, кинулся за караваном, настиг его. Увернулся от плетки Кежека, прыгнул, вцепился в длинного, стянул с седла. Нурмолды попытался встать на ноги, но опрокинулся на спину. Он не видел, как Кежек соскочил с коня, как выдернул маузер из-под пояса. Услышал хлопок выстрела.

...Когда ему наконец удалось высвободиться, караван исчез за увалом. Могилу Нурмолды вырыл ножом. Забросал тело Хакима сухими гипсовыми комками.

Понял Нурмолды: не случайно Хаким кинулся на длинного — главным был он. Утром стянул веревкой тюк с учебным имуществом, взвалил на плечи...

В синих вечерних холмах Нурмолды увидел двугорбого верблюда — бактриана. Он сбросил было тюк и побежал, но в страхе потерять свою поклажу (зачем он здесь, на Устюрте, без азбуки, тетрадей?) вернулся, а когда взвалил тюк на себя и огляделся, верблюд исчез.

Утром Нурмолды потащил свой тюк дальше. Спустился с бугра — услышал шлепанье подошв. Поднял голову: путь ему пересекал бактриан!

Но верблюд не подпускал к себе близко. Нурмолды отчаялся, бредя за ним. Содержимое тюка перемешалось, книги вываливались, он клал их за пазуху, втискивал за пояс... Пришлось пойти на хитрость.

Схваченная веревкой за ногу, верблюдица — а это оказалась верблюдица — смирилась. В носу у нее было проделано отверстие, в котором торчала деревяшка с кожаной петлей. Нурмолды просунул в петлю конец веревки, заставил верблюдицу лечь. Погрузил на нее свою поклажу, сел, поправил за спиной трубку карты. Скомандовал: «Кх! Кх!»

Качнулась верблюдица, выпрямляя задние, а затем передние ноги, вскинула маленькую голову на длинной шее — подняла Нурмолды над равниной пустыни.

4

На колодце Ушкудук он увидел первый аул адаевцев, аул входил в родовое ответвление али-монал.

На сухом пригорке сидели несколько стариков, с ними богатырь в утепленном бешмете и надетой поверх него меховой безрукавке.

— Ассолоум магалейкум, аксакалы и карасакалы! — приветствовал Нурмолды общество и попросил разрешения сесть.

— Аллейкум уссалам, сынок!

Стали спрашивать, куда направляется, кто родители, есть ли невеста. Все признали в пойманной им верблюдице самку, принадлежащую Абу, богатырю в меховой безрукавке. Шутили: «Силы у тебя, учитель, видать, больше, чем у Абу: он с верблюдицей не справлялся. Не он ездил на ней, а она на нем».

Нурмолды сказал, что не учитель он, а культармеец и по профессии маляр, красил в депо после ремонта паровозы и вагоны.

Абу пригласил Нурмолды к себе в юрту. До появления Нурмолды Абу был единственным аульным грамотеем. Узнав от Нурмолды о реформе письменности, он почувствовал себя ограбленным. Вернуть себе сознание собственной исключительности и уважение родственников он мог только одним путем — и Абу принялся уговаривать Нурмолды погостить у него и тем временем обучить его новому алфавиту.

Нурмолды извинялся — ему поручили ликбез в волости Бегей, в этот аул приедет свой ликбез, потерпите...

В юрте завершали ужин, когда появился мужичонка с рябым от оспы лицом.

— Это зять нашего уважаемого Жусупа, — представил рябого Абу.

Рябой с напускной рассеянностью принял из рук Абу пиалу. Выпил первую пиалу, вторую, третью, прислушиваясь к разговору, и после шестой, когда сахар кончился, заговорил.

— Правильно, отправляйтесь дальше, — многозначительно сказал он. — Приедет Жусуп, неизвестно, как он на вас поглядит.

— А что, Жусуп вскоре должен быть здесь? — спросил Нурмолды. — Если он появится, передайте ему, что представитель Советской власти приглашает его на беседу.

Рябой по-детски шмыгнул носом, заморгал. Но у дверей он вернул своему лицу и движениям значительность.

— Через три дня Жусуп будет здесь! — выкрикнул он. — Ты будешь ползать у него в ногах!..

И выскочил из юрты.

Абу вздохнул:

— Этого суслика собственные бараны не боятся... А он прибежал тебя стращать. А самого баба лупит... Он терпит: как же, сестра Жусупа. Жусуп пошел грабить аулы туркмен...

Нурмолды рассказал о встрече в урочище, о захороненном оружии, о гибели Хакима.

— Тот длинный был Жусуп? — спросил он.

— Он самый... А сутулый Кежек — его телохранитель.

— Был какой-то Кежек, знаменитый силач, — припомнил Нурмолды. — Я слышал о нем в детстве.

Хозяева переглянулись. Абу буркнул, что жусуповский телохранитель и есть тот самый Кежек.

Нурмолды сказал:

— Я тороплюсь в аулы волости Бегей. Но я задержусь в вашем ауле. Жусупа подожду...

Абу незаметно для старика поманил Нурмолды. Они вышли из юрты, поглядели, как жена Абу доит кобылу. Абу отогнал жеребенка, велел отойти жене. Подлез под кобылу, легко выпрямился, поднял. Произнес свободно, без видимого напряжения:

— Слышал о борце Танатаре? Он был мой отец. Сутулый Кежек в схватке смял ему внутренности. Отец после того прожил недолго. Я выпрямлю Кежеку его кривую спину...

...На другой день аульные энтузиасты во главе с Абу поставили на сухом пригорке шестистворчатую юрту для Нурмолды.

Первый урок Нурмолды дал ребятишкам. На второй урок собрал женщин.

Мужчин Нурмолды собрал вечером — они просили не унижать их, не сажать на занятии вместе с женщинами.

Он достал из чехла свое богатство — гимназическую карту мира. Аудитория была поражена словами Нурмолды. Перед ней вселенная, перенесенная на бумагу!

— Айбаяй, вселенная как монета! Но если мы на верхней стороне, то как же люди не падают в бездну с той, с нижней стороны? И вода не выливается?

— Но где же мы? Где Ходжейли? Где Хива, где Кетыке? *

Водили пальцами по узорам горных хребтов, дивились остромордым белым медведям в россыпи голубых, колких, как рафинад, льдов, радовались верблюду, сайгакам, тушканчикам, рассматривали место на западном берегу Арала, где Нурмолды поставил карандашом девять треугольничков — юрт, — изобразил их аул.

5

В середине ночи Нурмолды разбудил крик. Нурмолды спал одетым, он выскочил наружу одним из первых.

Возле крайней юрты стоял большеголовый человек с винтовкой за плечами и шашкой, в ногах у него комом тряпок чернела женщина. Нурмолды склонился над ней, увидел, что она обнимает лежащего на земле парня.

— Мой единственный! — кричала женщина. — Почему они не убили меня?!

Большеголовый человек пробасил:

— Чего воешь? Толкую тебе, жив он. Только без памяти... Вторые сутки как ранило. Стал бы я мертвеца тащить.

Нурмолды поднял голову — Кежек, убийца Хакима!

Вскоре в ауле спешилась группа всадников человек в шесть. К Жусупу кинулся его зять, захлебывался словами, указывал на Нурмолды.

Жусуп вытер коню холку пучком травы, затем подошел к старикам, на ходу разминая руками затекшие ноги, поздоровался. Старики ответили.

Нурмолды, не дав им произнести вежливые вопросы о дороге, сказал:

— Жусуп, ты ведешь за собой погоню. Ты хочешь спрятаться за стариков и детей? Уходи своей дорогой, Жусуп.

Молчали старики, молчал Жусуп. На ближней юрте под ветром хлопала кошма загнутым углом.

— Кто нас приютит? — сказал наконец Жусуп. — Молчите? Я пристыжу вас — я приму приглашение этого безродного, — он ткнул пальцем в Нурмолды.

Кежек сказал как скомандовал: «Барана зарежьте пожирней!» — и, когда мужчины аула вошли в юрту, тычком вогнал следом Нурмолды.

---

* Форт Александровский.

Юркий зять Жусупа принес новый войлочный ковер — текемет, подушки, два заправленных салом светильника.

При всеобщей тишине вошел Жусуп. Повесил лисью шубу, колпак и громоздкий бинокль на деревянную подпорку-вешалку, остался в вельветовом пиджаке.

— Ты не внял моему предупреждению и не повернул обратно? — с улыбкой спросил он Нурмолды. — Все это ты сделал, разумеется, не подумавши?

— Я подумал, Жусуп.

— Туркменский пес! — взвизгнул рябой. Он сидел за плечом Жусупа, воображая себя визирем.

Кежек встал на колени, одной рукой оперся о землю, другую протянул с намерением ухватить Нурмолды. Но руку его перехватил Абу, прижал к кошме, сказал:

— Жусуп, учитель наш гость, так же как вы...

Кежек выкрутил руку, сел на место — не дело было затевать возню при стариках.

— Я не гость! Я ваш нукер, да буду я за вас жертвой, адаи. Не пожалею ни себя, ни коней, ни джигитов, я буду жить в седле, но вырежу всех предателей... — сказал Жусуп спокойно. — Почему гуркмены встретили нас пулями? Откуда, от кого они узнали о нашем походе? Их ведет предатель. Вот почему они в нашей степи как у себя дома!

Вот оно, подумал Нурмолды, вот оно, к чему вел Жусуп! Его поход — начало новой истории адаевских племен, и он не мог окончиться в этом нищем ауле! Жусупу нужна была вера джигитов, послушание аулов, ему нужен был успех! Ох бандит!

Своим тихим голосом заговорил Ахык:

— Успокойся, Жусуп. Учитель не хотел тебя обидеть. Не бросай шубу в огонь, рассердившись на вшей. Сейчас подадут мясо, поговорим о приятном.

— Спасибо, аксакалы, заступаетесь за меня, — сказал Нурмолды. — Но не закончен наш разговор... Жусуп, не вернутся в наши степи старые времена, когда адаи гнали отсюда калмыков, а русские генералы натравливали адаев на туркмен. Нынче не нужен нукер в наших степях.

— Не может быть мира в степи, — устало сказал Жусуп. — Летовки сокращаются, земли захватывают пахари, застраивают. Аулы ссорятся из-за пастбищ.

Нурмолды развернул карту.

— Взгляните: вот здесь страна, называется Украина. Не больше земли, чем у казахов, но в сто раз больше людей умещается на ней. Потому что украинцы живут оседло, косят сено, сеют хлеб. Под Верным Советская власть строит казахам дома, дала плуги...

Поднялся Кежек, вырвал карту из рук Нурмолды. Карту, смятую в ком, бросил в костер, на котором похлюпывал, плескался котел с мясом.

Нурмолды бросился к костру, схватил огненный комок, — в руке у него остался клочок бумаги.

По слову Кежека привели саврасого, дали Нурмолды повод в руки. Кежек указал в темноту:

— Наше мясо еще в котле, у тебя есть время убраться. Если я застану тебя после нашей трапезы, я велю привязать тебя к хвосту лежащей лошади и хлестну ее...

Нурмолды погладил саврасого по морде — тот узнал его, приветливо всхрапнул.

В степи громыхнул выстрел. Заголосили аульные псы, заметались женщины, будили детей, вытаскивали их из юрт. Дети плакали.

На меловом от луны склоне холма чернела группа всадников.

— Туркмены, Жусуп, туркмены! Ты навлек на нас беду. Жусуп, защищай нас!

Жусуп, он был уже в седле, ответил негромко:

— Нас лишь семеро...

Жусуп и его бандиты скользнули в темноту лощины.

Нурмолды вскочил на саврасого, поехал навстречу всадникам. Аул со страхом глядел ему вслед.

Старший группы подал руку Нурмолды.

— Ты Советская власть? Салам, меня зовут Чары. Я тоже Советская власть, только бумаги с печатью нет.

— Я ликбез, яшули... *

— Жусуп здесь? — спросил, выезжая вперед, милиционер. Когда Нурмолды ответил ему по-русски, что бандиты кинулись на Кара-Бутак, что лошади у них не отдохнули, подал руку: — Кочетков.

Отряд сорвался с места.

...На белой полосе гипса возникли черные фигуры

* Уважительное обращение (*туркм.*).

бандитов. Гортанно взвыла погоня, криками взвинчивая коней.

Налетели, сшиблись, завертелся страшный вихрь...

Свесившись с коня, Нурмолды вгляделся в связанных бандитов, не нашел среди них ни Кежека, ни Жусупа.

Погоня оставила двух людей возле связанных бандитов, разделилась, унеслась по бело-синей равнине.

Подъезжая к аулу, Нурмолды догнал всадника, окликнул его. То был один из подростков, в начале ночи посланных Кежеком высматривать в степи туркмен.

— Тебя Кежек послал в аул? — спросил Нурмолды.

Парнишка растерялся и молчал.

— Что им понадобилось в ауле?

— Зять Жусупа должен привезти им побольше пищи и то, что было оставлено ему раньше, — прошептал парнишка. — Так сказал Жусуп.

Нурмолды остановил саврасого:

— Они спрятались в овраге?

— Там...

— Вернемся, покажешь мне овраг. — Нурмолды поймал за узду коня парнишки, развернул.

Они проехали солончак, попетляли в хаосе невысоких холмов, огибая мелкие ответвления оврага, выехали к черному провалу, и здесь парнишка зашептал:

— Дальше не надо, учитель!

Они не успели развернуться, как сбоку из-за холма появился всадник. Нурмолды узнал Кежека. Силач налетел — и Нурмолды не успел испугаться, как был вышиблен из седла.

...Очнувшись, он услышал над собой голос Жусупа:

— Клещ проклятый...

— Он был один, — сказал Кежек. — Пристрели его.

Жусуп слез с коня, с маху ударил Нурмолды ногой в бок. Боль как разорвала Нурмолды, он вновь опрокинулся в темень...

Его пытались поднять. Он встал на четвереньки, повизгивая от боли, — видно, ему сломали ребро. Над ним стоял парнишка.

— Вы живы, учитель? Кежек хотел вас застрелить, а Жусуп говорит, что вы и так дохлый, а выстрелы

туркмены услышат... Я сказал им, что в ауле нет чужих, они поехали в аул...

Жусуп и Кежек стояли возле юрты жусуповского зятя с пиалами айрана в руках.

Нурмолды встал, его пошатывало и тошнило, боль в боку не давала свободно вздохнуть.

Кежек выругался.

— Я говорил, надо было его пристрелить!..

Черные полосы теней легли справа и слева. Нурмолды оглянулся: позади его стояли Абу, дед Ахык, подросток. Подходила мать Абу.

Кежек отдал пиалу Жусупу, пошел на Нурмолды и уже протянул к нему руку. Абу перехватил ее, крутанул и бросил Кежека оземь.

Нурмолды поднял выпавший у Кежека маузер, направил на Жусупа: не шевелись!

В храпе, ругани катались по земле Абу и бандит...

Жусуп попятился.

— Стой, выстрелю! — прохрипел Нурмолды. — Стой!

Голос ли выдал его, выдала ли нелепо вытянутая дрожащая рука, но понял Жусуп, что не выстрелит он, что, может, впервые держит оружие. Повернулся бежать — и вдруг рухнул плашмя. Все увидели стоявшего на четвереньках жусуповского зятя. Вмиг он стянул руки Жусупа арканом.

Жена бросилась на него с криком: «Спятил!»

Он остановил ее тычком в грудь, властно сказал:

— Молчи, женщина, не лезь в дела мужчин.

6

В школьной юрте доедали барана, что варился для Жусупа.

— Такой другой карты нет, их делали до революции... — Нурмолды разгладил на колене синий обрывок карты. — Как же я теперь буду рассказывать в аулах бегеев про другие страны?

— Ты сделаешь такую же карту, — сказал Абу, — ведь ты маляр.

— Я простой бояуши, красильщик... и я не помню всех частей карты.

— Я запомнил то место, где водятся лошади без хвостов и пятнистые ослы с длинными шеями и рожками, — сказал аксакал Ахык.

— А я запомнил горы, их узор подобен узору моего войлочного ковра, — сказал другой старик, Чары.

Нурмолды достал остатки богатства — две коробки цветных карандашей, две овальные картонки с пуговками акварели на них и рулон обоев, выданный уполномоченным вместе с тетрадями.

— Начинай, — сказал Чары. — Изображай колодец Клыч, моих овец, кибитку, меня.

— Я думаю, уважаемый Чары, в середине следует поместить колодец Ушкудук, где мы находимся сейчас, — возразил Абу.

Нурмолды примирил спорщиков:

— Я нарисую колодцы так, что тот и другой окажутся в середине вселенной.

Он изобразил колодцы, овец — мохнатые страшилища, изобразил юрты и возле них лошадей.

Нарисовали дорогу Кокжол, соединявшую Хиву с Красноводском, и дорогу, соединявшую Хиву и Форт Александровский, кружками отметили Мары, Ашхабад, Мешхед, Аральское море и Каспийское — последнее сделали размером меньше первого, потому что площадь листа заполнялась на глазок.

Чары обмакнул кисточку в краску и, вдавливая ее в бумагу, продолжил ряд мохнатых чудовищ и при том шептал счет (Чары имел двадцать три барана).

Его пристыдили, и работа продолжалась. Европе была отпущена площадь в ладошку, и ту заполнила картина города, где по улицам плавали на лодках. О таком городе Нурмолды слышал от моториста портового катера. Америка тоже не получила достойного места — бумага кончилась.

Карта была завершена. Она напоминала собой плохо выкрашенный забор. Удивительная карта.

Нурмолды пересчитал части света. Одной недоставало. Возле пятна, намалеванного Чары в правом углу, Нурмолды написал: «Австралия».

— Бегеи будут довольны картой, — сказал Абу. — Но ты выполнишь свое обещание, учитель?

Ахык сказал, что учителю надо помедлить с дорогой, пусть срастется у него ребро.

— Конечно, Абу, прежде чем я отправлюсь дальше, научу тебя читать и писать по-новому, — ответил Нурмолды. — Ведь здесь ликбез будешь ты, Абу...

Геннадий СЕМАР

Не послужишь — не узнаешь!

1

...Слушает музыку генерал. Стоит, прислонившись к стволу. У него всегда на душе праздник, когда слышит он марш. Волшебник-марш! Марш-товарищ! Марш-командир! В этой громкой музыке и нежная грусть, и бодрый, зовущий ритм, способный поднять за собой солдат. Нет ничего прекрасней марша! Он вливает силы, уверенность, смелость...

Ходит по плацу оркестр, блестят празднично трубы, бодрит барабан, стараются флейты, кларнеты, рассыпают искры звуков тарелки. Впереди офицер-дирижер, в первом ряду трубачи, во втором — кларнетисты и флейтисты, в третьем — ударные, в четвертом — альтушки, в пятом — саксофоны, тромбоны, закают басы. «Раз, раз, раз-два!.. Горе — не беда...»

Офицер-дирижер взмахнул рукой, и оркестр остановился, повернулся налево, замер.

— На сегодня все, — говорит офицер. — Завтра репетиция в гарнизонном Доме офицеров с хором и солистами. Разойдись!..

— Генерал идет! — вскинулся один из музыкантов.

— Отставить! Смирно! Равнение на средину! — скомандовал офицер.

— Вольно, — махнул рукой генерал. Он шел по плацу неторопливо, щурясь на солнце. За ним на почтительном расстоянии держались дежурный по части и незнакомый прапорщик.

— Здравствуйте, молодцы!

— Здравия желаем, товарищ генерал! — нестройно ответили музыканты и задвигались, благо была команда «вольно».

Генерал снял фуражку, вытер платком сначала лоб, потом прокладку фуражки.

— Как говорится, не в службу, а в дружбу... — С прищуром, хитровато смотрит на музыкантов. — Сыг-

райте мне марш. Вот запамятовал, как он называется. Слова там есть... «Не послужишь — не узнаешь!»

— Есть, товарищ генерал! — улыбается дирижер. За ним улыбаются и музыканты; обстановка разрядилась, хотя кое-кто смекает, что неспроста пришел генерал, не только марш его интересует.

— Товарищ генерал, только солистов нет... — замялся дирижер.

— А может, кто-нибудь все-таки споет? — обратился генерал к музыкантам. — Ну, смелее...

— Я бы попробовал... — несмело говорит молоденький оркестрант в очках, с альтушкой в руках.

Строй слегка зашумел.

— Ну-ну, — одобрил генерал. — Как фамилия?

— Простите, не расслышал? — переспросил музыкант совсем уж неуставным языком. Солдаты не выдержали, засмеялись.

— Смелее, солдат, — подбодрил его генерал. — Фамилия?

— Рядовой Коноплев-Зайцев, — чеканит солдат.

— Хорошо, пойте!

Коноплев снял очки, вышел из строя. Лицо у него в веснушках, чуть растерянное, неловкость спрятал за улыбкой.

Грянул оркестр. Марш веселый, с юморком. Поет солдат, старается, голос слабенький, но приятный. К концу и оттенки в голосе появились, понимает, о чем поет!.. Хоть и не успел он как следует хлебнуть из солдатского котелка, хоть еще только понаслышке знает о солдатских буднях, но ведь не боги горшки обжигают, гидростанции строят, в космос летают, стоят на страже земли своей... Генерал доволен, чуть заметно улыбается, искорки в глазах. Слушают и незнакомый прапорщик, и офицер, дежурный по части; вслед за генералом улыбаются.

— Благодарю за песню! — говорит генерал, когда оркестр смолкает. — Точно сказано: не послужишь — не узнаешь! Хорошая песня! А хорошая песня удваивает, утраивает армию... Кажется, Суворов сказал: «С распростертыми знаменами и громогласной музыкой взял я Измаил». Но только настоящему солдату песня помогает, а если солдат так себе, ему никакая песня не поможет. Судя по тому, как вы здороваетесь, понятно, что солдаты вы еще сырые, строевая подготовка у

вас хромает, если не на обе ноги, то на одну точно. Да и стрелять-то небось не все умеют?..

— Так точно, товарищ генерал! — с готовностью выкрикнул один из музыкантов. — Лично я в последний раз из рогатки стрелял!

— То-то, — удовлетворен генерал. — Приказываю: завтра согласно плану оркестру, хору, солистам, танцевальной группе отправиться в летний лагерь, где все пройдут строевую и физическую подготовку, тактику.

Гул прокатывается по рядам оркестрантов.

— Вашим строевым командиром, — продолжил генерал, — назначается прапорщик Тропкин... Действуйте! — сказал он прапорщику, повернулся и медленно, устало пошел по плацу.

— Смирно! — скомандовал прапорщик Тропкин. — Вольно...

— Прощай, девчонка...

— Не было печали!

— Не послужишь — не узнаешь! — зашумели музыканты.

2

Есть такие места в среднерусской полосе, до которых вроде бы рукой подать, да дорогу туда, как говорится, черт мерял. Лесом да полем, лесом да полем петляет дорога, то теряется в болотистой низине, то стелется меж колосящихся хлебов, то уводит в дремучую чащу.

По одной из таких дорог ведет к месту назначения своих музыкантов прапорщик Тропкин, подтянутый, суховатый, строгий. Они в голове колонны. Шагают. У них, кроме инструментов, противогазы, скатки. Следом за оркестром зеленый квадрат — хор. Этим легче: они без инструментов. За ними строй, в котором танцоры и солисты. Устали все, шагают нестройно, робы в темных пятнах пота. Особенно тяжело старослужащим — их несколько в подразделении, в хоре и в оркестре: устало шагает флейтист Солоха, полный и от этого кажущийся неуклюжим. Рядом с ним Геворкян, кларнетист, молодой, франтоватый; даже нелегкая дорога не утомила его: фуражка сидит щеголевато, нос кверху, будто и не шагал полдня. За ними Коноплев-

Зайцев, кроме альтушки, несет скрипку — свою слабость и мечту.

Неожиданно звучит команда:

— Песню!

Оживились зеленые квадраты подразделений. Инструменты взяты на изготовку, все подтянулись, нога шагает четче, и пошла-поехала... Начали нестройно, как-то неестественно зазвучала над полем мелодия. Потом выровнялись, повел запевала, вступил хор, и полетела над синим цветущим ковром льна песня, бодрая, солдатская.

Ну-ка, соколы, споем,
как мы в армии живем,
как мы, если будет надо,
в бой за Родину пойдем.

У родного рубежа
не задремлют сторожа.
Прибывает сила наша
не по дням, а по часам.
Если враг заварит кашу —
пусть расхлебывает сам! *

Вспугнула песня сороку, издалека сопровождавшую строй, ринулась та в глубь леса, в свою очередь всполошив коров на поляне.

С возвышенности завиднелась впереди деревня, а за ней речка блеснула. Коноплев высказался вслух:

— Может, в этой деревне остановимся?

— Ясное дело, здесь, — невозмутимо ответил ему Геворкян. — Смотри, для тебя перину взбивают!

А в деревне переполох!

Распахиваются окна изб, словно впуская музыку, девчата-копнильщицы побросали грабли, вилы, прихорашиваются и бегут через поле навстречу солдатам...

— Догони вас холера! — орет им вслед бригадир.

Спешно раскрывает ставни продавщица сельповского магазина. Три старушки, испокон веков недвижно сидящие на лавочке, и те завертели головами...

— Должно, солдаты идуть? — встревожилась одна бабуся.

— Ась? — переспросила другая.

— Женихи идут, глухая тетеря! — выкрикнула третья.

---

* В тексте использованы стихи советских поэтов.

Все ближе солдаты, все громче музыка. Орут курыдуры, летят из-под солдатских сапог. Браво шагают музыканты, играют, а шеи тянут, заглядывая через палисадники. Девушки бросают в них цветами, ребята забегают вперед, совсем ошалели... Что-то заклинило у Коноплева: все поворачивают вдоль улицы направо, а он так и шагал прямо, прямо на продавщицу сельповского магазина, которая, подбоченясь, стоит и призывно смотрит на проходящих солдат.

Бедный Коноплев, он же Зайцев! Как на него глянул прапорщик — словно два наряда вне очереди влепил!

Уходят солдаты, стихает музыка. Девушки идут за околицу к своим копнам. Продавщица недовольно закрывает ставни магазина. Три старушки, поджав губы, смиренно сидят на лавочке.

Колонна выходит за околицу по ту сторону деревни. Шалая собачонка звонким лаем провожает солдат, тявкает все реже...

3

— Подразделение... стой! — командует прапорщик Тропкин. — Налеву!.. Кто в лес, а кто по дрова. Равняйсь! Смирно! Вольно!.. Распорядок дня на сегодня: ученье... Вечером — кино. Отбой сегодня и ежедневно в двадцать три ноль-ноль. Вопросы?

— Есть вопрос... Как называется фильм?

— «Чапаев»... Василий Иванович. Ясно?

— Так точно! — не моргнув глазом, отвечает Геворкян.

— Душевная картина, — вздыхает Солоха. — Я ее раз пятьсот смотрел и еще пойду...

— Разойдись!

Не торопятся расходиться солдаты, оглядывают стройные ряды палаток, окружающий лес, широкую поляну-плац, мерить которую им придется не раз вдоль и поперек.

— Красиво здесь, — восхищенно говорит Коноплев. Он щурит на солнце свои беспомощные глаза.

— Ты неисправимый оптимист, Коноплев-Зайцев, — говорит ему Геворкян. — Вот походишь по этой полянке день-другой, небо с овчинку покажется.

— Я природу люблю, но дождя боюсь, — как бы размышляя вслух, сказал Коноплев.

— Ты же не сахарный...

— Я не о себе, я за скрипку боюсь.

— В каптерке держи... Кстати, давно хочу спросить: что ты к ней привязался?

— Видите ли... Альтушка у меня как бы временно, пока служу. А скрипка для души. После армии поступлю в консерваторию.

— Большим музыкантом будешь, — вздыхает Солоха. — Научил бы играть моих детишек. У меня сыновей двое — и оба как бы ни в дудочку, ни в сопелочку. Учатся плохо, матери не слушаются, стремлений никаких. Ну вот как у Геворкяна...

— Это у меня стремлений нет?! — вскочил Геворкян. — Зачем так говоришь? Уволюсь в запас, на Севан поеду, в лучшем ресторане играть буду. Разве плохо, скажи, дорогой? Музыка! Девушки красивые! Понимаешь?

Не успел ему ответить Солоха, призывно и громко прозвучала команда:

— Выходи строиться!

4

— Подразделение!.. Песню! — командует прапорщик.

Солдаты идут лесной дорогой, идут на учения. Через несколько минут они должны будут представить перед собой коварного врага, должны будут отразить его атаку и сами атаковать и победить... Нелегко это представить себе, когда вокруг такая красота: солнечные поляны, птицы поют, синее небо, словно гобелен, вышитый кронами берез и сосен... Но приказ есть приказ!

— Подразделение! Отставить песню... Стой! Направу! Вольно! Приступим к занятиям. Тема: мотострелковое подразделение в наступлении. Рисую обстановку. Перед вами речка, за ней поля в копнах сена, справа шоссе... Коноплев, ты же Зайцев, разрешаю тебе съесть чего-нибудь кисленького. Или горького...

— Простите, не понял... Зачем?

Прапорщик доволен: удался его, видимо, излюбленный прием.

— Чтобы согнать с лица вашего благостное выражение.

Весь строй хохочет.

— Красиво вокруг... Вот я...

— Зайцев, выйти из строя!.. Ставлю вам задачу: ваш взвод на бронемашинах движется по шоссе. Впереди шоссе залито горящим напалмом. Ваши действия?

Бедный Коноплев-Зайцев! Какие там «действия»? Лицо у него мученическое, глаза растерянно бегают. Музыка — вот что видится и слышится ему... Он поправляет очки, мнется, краснеет. Кто-то острит: «Он из обоза!»

— Отставить разговоры! — командует прапорщик Тропкин. — Ну, смелее, Зайцев... Коноплев! Кто поможет? Солоха!

— Необходимо найти кратчайший объезд и продолжать выполнять поставленную боевую задачу, — уверенно отвечает старый солдат.

— Правильно. Встаньте в строй... Эх, Коноплев, ты же Зайцев, неужели не выйдет из тебя солдата? А может быть, все-таки получится, а? Ведь строевая подготовка не так уж плохо. И физическая... Руки у тебя крепкие — от скрипки, должно быть, — и выносливость есть!.. Ставлю новую задачу. Ну, соберись, поразмысли!.. Подразделение должно занять рубеж обороны. Позывные: комроты — «Ястреб», командир взвода — «Сокол», вы — «Дрозды»...

Через силу слышит солдат, а в голове у него какие-то стихи:

Вы слыхали, как поют дрозды?
Нет, не те дрозды, не полевые...

«Нет, Коноплев, ты же Зайцев, не можешь собраться», — вздыхает прапорщик.

— Ну что, Коноплев, скучно? — сердится Тропкин.

— А... Так точно!

— Два наряда вне очереди!

5

— Равняйсь! Смирно! Вольно!.. — скомандовал прапорщик. — Сейчас я буду говорить долго и непонятно. Так что слушайте внимательно... Рядовой Солоха, у вас уже есть вопросы? Нет? В таком случае я продолжаю... В программу летних лагерных сборов включена, кроме тактики, строевой и огневой подготовки, еще одна солдатская выучка... Рядовой Геворкян, слушайте меня особенно внимательно!.. Итак, наше подразделение — все:

хор, оркестр, танцевальная группа, солисты — отдельными командами отправится в двухдневный поход. Цель похода: мероприятия по сохранению боеспособности в сложных условиях... Рядовой Зайцев, вам понятно? Нет! Я так и знал!.. Объясняю. Сегодня, прямо сейчас, вы отдельными командами отправитесь в поход — каждая группа по определенному маршруту. В походе будете самостоятельно ориентироваться на местности, питаться и лечиться, как говорится, подножными средствами... Для чего это нужно? Объясняю. Представьте себе, что в боевой обстановке вы оторвались от своей части — раненый, без продовольствия, на незнакомой местности. Ваша задача: выжить и продолжать уничтожать врага. Кому неясно? Всем ясно? Очень хорошо. Командиры групп, отправляйте команды на маршруты! С самым отсталым отделением пойду я сам... Рядовой Зайцев, возражения есть? Нет? Отлично...

— Не было печали, черти накачали...

— И пошли они, солнцем палимы... — шутливо пропел Геворкян.

— Рядовой Геворкян, у вас вопрос?

— Так точно!.. Несколько вопросов...

— В таком случае приберегите их до первого привала... Подразделение, напра-ву! Покомандно на маршруты шагом марш!

...Несколько дней живут музыканты в лагере. Такого сложного и трудного задания, как сегодня, еще не выполняли. С автоматами, скатками, противогазами идут солдаты. Впереди прапорщик Тропкин, за ним Солоха, потом Зайцев, Геворкян и другие. Цепочкой растянулись по лесной тропе. Идут все молча, у каждого масса вопросов: сколько идти, где ночевать, чем питаться?.. Даже видавший виды Солоха несколько озадачен. О такой службе он слыхом не слыхал за свою долгую солдатскую жизнь. Но где-то в глубине души он шел и радовался: может быть, удастся малость похудеть... Да и салажатам следует маленько узнать, почем фунт лиха!

Улеглось первое волнение. На поляне собрались солдаты.

— Товарищ командир, — неожиданно спросил Коноплев, — скажите, хлеб мы взяли или будем печь сами? — Его очки ярко блеснули под лучом солнца.

Отделение дружно засмеялось. Кто-то сострил:

— Зайдем в булочную!

— Разговорчики! — окинул всех взором Тропкин. — Не беспокойтесь, Зайцев, самое необходимое мы взяли...

— Остальное добудешь в бою, дорогой! — сострил Геворкян.

— Живы будем — не помрем, — подытожил Солоха.

— Отделение! — командует прапорщик. — Внимательно смотреть по сторонам, собирать ягоды, грибы, орехи!

— Какие сейчас орехи, командир? — откликается Солоха. — Сморчки если...

— А раненым кто будет? — снова спрашивает Коноплев.

— Мне бы не хотелось, — жалобно говорит Солоха.

— Отставить галдеж! Собирайте грибы молча.

Который час идет отделение по лесу. Многим уже есть захотелось. В обычной обстановке и не вспомнили бы о еде, а тут — на тебе! — только и разговоров.

Жарко. Вороты распахнуты, пилотки за ремнями.

— Идем-идем, и ни одной столовой, — вздыхает Геворкян.

— Хотя бы ресторанчик завалящий попался, — откликается кто-то сзади.

— Перекурить бы, — еле слышно просит Коноплев.

— Ты же не куришь? — спрашивает Солоха.

— Я, понимаете ли, в том смысле, что очень хочется пить...

— Это бы не мешало, — подтверждает Солоха, стряхивая пот со лба. — Как, товарищ командир?..

— Отделение! Привал! — командует Тропкин. — Сидоров, Закиров, за водой!.. Остальным — отдыхать.

Солдаты валятся в траву как подкошенные. Еле сгибая ноги, садится под деревом Коноплев. У пенька пристраивается Солоха, достает бумагу, шариковую ручку и начинает писать очередное письмо.

— Здесь же почтовых ящиков нет, дорогая Солоха, — язвит Геворкян.

— А я сороке отдам — она донесет, — отшучивается старый солдат.

— Отделение, ко мне поближе, — снова командует Тропкин. Он достает из-за голенища сапога брошюру и торжественно оглядывает всех. — Прошу ушки топориком! Сейчас будем изучать наставление... по..

— ...подножному корму, — подсказывает Геворкян.

— Догадливым стал? — добродушно шутит прапорщик. — «Советы туристам». Еще древние греки, воины Спарты, знали целебные свойства растений и применяли их для залечивания ран. Древнеримский ученый Плиний, например, советовал своим ученикам носить венки из мяты, считая, что ее запах освежает и возбуждает работу мозга...

С котелками и флягами пришли Сидоров и Закиров.

— Водичка — высший сорт! — говорит Закиров. — Пейте на здоровье...

— Ключевая, — подтверждает Сидоров.

— Прошу внимания! — говорит Тропкин. — Продолжаю...

Солоха, задремав, уронил голову на грудь. Зайцев задумчиво поглаживает свою скрипку. Геворкян глотает слюну.

— Командир, можно покороче? — просит он.

Тропкин кашляет, тоже незаметно глотает слюну и упрямо продолжает:

— Сейчас весна, остро чувствуется недостаток витаминов, вспомним о крапиве...

Геворкян тайком подползает к командирскому вещмешку, где лежит буханка хлеба, гладит его и подмигивает товарищам.

— Листья крапивы богаты углеводами, белками, — читает Тропкин. — Их даже больше, чем в петрушке или сельдерее... А по количеству железа крапива занимает одно из первых мест. Обычно в пищу идут молодые листья и верхушки стебля... Салат, крапиву нужно хорошенько промыть, мелко нарезать, посыпать солью.

Солдаты начинают оглядываться, ища глазами крапиву. Геворкян тянется за кустом крапивы, обжигается, недовольно говорит:

— У нас в Армении нет такой злой крапивы...

— Геворкян, читайте дальше! — приказывает Тропкин.

— Не могу я... Есть хочу...

— Разговорчики! — останавливает его Тропкин. — Скоро контрольный пункт, что-нибудь придумаем... Подъем! Перед КП у нас должен быть раненый... Самый легкий Зайцев. Ясно? Вперед! — Тропкин вынул компас, сверил направление и снова повел свою группу.

— Хоть бы деревенька плохонькая попалась, — острит кто-то сзади. — Хуторочек какой-нибудь...

— Солохе письмо некуда бросить, — замечает Геворкян.

— Раненый Зайцев-Коноплев — в носилки! — командует Тропкин. — Сидоров, Закиров, Егоров, Геворкян, две слеги и плащ-палатку!

— Везет же худосочным... — вздыхает Геворкян.

Коноплев в обнимку с автоматом ложится на носилки, их подхватывают сильными руками.

Тропкин подает «раненому» брошюру:

— На почитай что-нибудь для аппетита про травы.

— А в середине шашлык с луком, а! — как припев, добавляет Геворкян.

— Слушай, не могу больше... — взмолился Закиров, — разговорами о еде аппетит раздражается...

Долго идет отделение музыкантов. Но командного пункта нет и нет. Видно, сбились с маршрута.

— Мы же с голоду умрем! — кричит Геворкян.

— Отставить разговоры! — приказывает Тропкин.

— У меня нога подвернулась, — не унимается Геворкян. — Не могу нести носилки...

— Везет же некоторым, — говорит Солоха, когда вместо Зайцева на носилки ложится Геворкян.

— Что-то нет КП, — вслух размышляет Тропкин.

— Выходит, заблудились? — спрашивает Солоха.

— Разберемся... — отвечает Тропкин. — Стой! Привал!

И опять все ложатся под деревьями.

Солоха помогает Геворкяну снять сапог, осматривает ногу, забинтовывает ее и подвешивает к суку. Невдалеке колода сушняка. Рядом на расстеленной плащ-палатке красуются две буханки хлеба и соль в банке. Геворкян мечтательно смотрит в небо, на неподвижные облака.

— Ну дайте больному хоть корочку хлеба, — просит он.

Рука Геворкяна тянется к буханке, и пальцы отламывают кусочек... потом еще...

— Геворкян!

От неожиданности бинт, на котором подвешена нога Геворкяна, обрывается, он вскакивает.

— Виноват... Товарищ прапорщик!

— Виноват... Считайте, Геворкян, что свою пайку

хлеба вы съели! И вообще... Хватит разлагаться: отделение выходит из окружения, а вы... Егоров — за водой! Река рядом. Закиров — костер! А вы, Геворкян... Зайцев и Солоха, вся троица, без рыбы не возвращайтесь! Старший — рядовой Солоха.

— Есть не возвращаться без рыбы! — повторяет Геворкян.

— Простите, товарищ прапорщик... А где взять удочки? — беспомощно спрашивает Коноплев-Зайцев.

— Вы не на даче... Зайцев! Тут не в бирюльки играют... Что вы извиняетесь? Проявите смекалку! Оружие оставьте, разрешаю.

— Есть проявить смекалку! — чеканит за товарища Геворкян.

Последний всплеск солнца скрылся за лесом, по ту сторону реки. Тишина. Лишь крик кулика нарушает покой. Только звуки шагов на тропе. Впереди Геворкян, за ним Солоха, а следом Коноплев.

— Ищи камыши, — советует Солоха, — там кого-нибудь словим.

— На что словим? — мучается Геворкян.

— Придумаем что-нибудь, — успокаивает его Солоха. — Мы же в особых условиях, соображать надо... Лодочку бы где...

— У меня есть комплект запасных струн к скрипке, — говорит Коноплев.

— Ну молодец ты, Коноплев-Зайцев... — останавливается Солоха. — Не ожидал!

— Молодец, Коноплев, — оживляется Геворкян. — Медаль тебе откую... А у меня... запасной клапан к кларнету — чем не блесна!

— В таком разе в порядке... На такую блесну мы и бегемота поймаем, — острит Солоха.

Быстро темнеет. На светлом фоне воды силуэты солдат едва заметны. Бледная луна появилась за рекой и высветила темный камышиный клин. На воде то там, то здесь расплываются круги...

— Смотрите... Лодка! — говорит Солоха.

— Без весел...

— Красиво как! Только есть хочется... Помнится, в детстве мы липовые листья ели... — оглядывает берег Коноплев.

— Что листья! — не выдерживает Солоха. — Я ско-

ро траву начну щипать... Это Геворкян у нас сытый — полбуханки сжевал.

— Всего один кусочек... — Геворкян прицепил клапан к струне, засунул все в карман. — Вы располагайтесь на берегу, а я в лодке... Я на Севане форель ловил. Так что...

Он влезает в чуть притопленную лодку, Солоха отпихивает ее, и она, зашуршав по камышам, отплывает от берега, останавливается в густых камышах. Геворкян устроился на носу. Конец струны он намотал на палец, но, подумав, привязывает струну к носу лодки.

— Щука плещется, — с надеждой в голосе сказал Солоха, вслушиваясь в тишину. — Утречком рубашкой, как бреденьком, пройдемся... Сейчас и утонуть недолго.

Солоха и Коноплев сложили скатки, удобно уселись. Солоха закурил. Огонек сигареты слабо, загадочным светлячком засветился в темноте.

— Ну как там? — негромко спросил он Геворкяна.

— Рыбка еще присматривается, — ответил тот.

— Угу... На одном конце червяк, на другом... — бубнит Солоха. — Слышь, Коноплев, а ты уху когда-нибудь варил?.. Эхма! Я тебя научу уху в мешочках варить. Век меня помнить будешь! Берешь мелкую рыбешку — и в тряпочку, вываривaешь, потом еще... Ты спишь?

— Нет еще...

— Вот я и думаю, — продолжал в темноте Солоха. — Блуданули мы. Прапорщику теперь... эхма!.. А может, нам такой приказ — заблудиться... Хорошо, что не зимой.

Громкое посапывание заставило Солоху замолчать.

— Ну спи, спи, я подежурю...

6

...Как искрится вода! Как переливается! Грачик Геворкян делает ладони ковшиком, черпает воду и пьет, пьет... Потом он выпрямляется, запрокидывает голову и смеется, радуясь солнцу, искристой севанской воде, горам... Грачик читает наизусть:

Скажи, Севан,
Коль это не секрет,
Откуда взял ты столько яркой сини?
Быть может, ты —

Хранящий этот цвет
Осколок неба,
Спящего в долине?

Грачик никак не может поймать форель: она скользит меж руками, точно играет с ним. А он уже отчаялся, капли пота блестят на лице. Нет, никак он не может поймать форель! А раньше ловил ее?! И Солоха ловит, и Коноплев... Нет, ничего не получается!

Светает. Пелена тумана стелется над рекой. Деревья стоят словно забинтованные у комля. На берегу спят солдаты: сжался от утреннего холода Коноплев, спит прямо в очках; богатырски разметался Солоха. Геворкян спит сидя, приткнувшись на носу лодки. Леска-струна натянулась, как на скрипке... Большая щука ходит-дергает так, что лодка качается. В воде видна ее темно-пятнистая спина. Качнулась лодка и медленно поплыла по течению, потом все быстрее и быстрее, должно быть, сильная попалась щука.

А солнце уже пускает свои лучи на землю, на лес, на реку, золотит кроны деревьев, разгоняет туман...

— Коноплев! Вставай, Коноплев! — встревоженно говорит Солоха.

— А? Что? — никак не может проснуться Коноплев.

— Геворкян уплыл!

— Как уплыл? Куда?

— Лодку, видать, снесло. Бывает это. Собирайся, быстро! Пошли.

7

Лодка плывет, развернувшись поперек течения. Геворкян мирно спит на носу, не ведая о том, что с ним произошло.

Все ближе и ближе поворот реки. Лодку стало сносить влево на отмель. Она неожиданно зацепила кормой за камень, и от толчка Геворкян комом свалился в воду... Мокрый, он поднялся, не понимая, в чем дело. В этом месте вода доходила ему лишь до коленей. Он вышел на берег, разделся, затем вытащил на песок лодку и только тут заметил, что на блесну попалась огромная щука. Измученная столь трудным путешествием, щука не оказала достойного сопротивления и спокойно дала себя положить на траву рядом с сохнущей одеждой.

Что делать солдату? Далеко ли его отнесло?.. Но для паники нет оснований: ориентир есть — река. Значит, надо идти вверх по течению... Только есть очень хочется... Щуке ребята обрадуются!

Схватив свою одежду, он наскоро обувает сапоги, перекидывает через плечо «улов» и бодро шагает вдоль берега. «Живы будем — не помрем!» — вспомнил он присказку Солохи, продвигаясь высоким берегом мимо березок и сосен.

Остановился солдат у дикого малинника, тянется за ягодами, исцарапался весь. Вдруг слышит, кто-то идет, торопливо, спешно, так, что трещат сухие сучья под ногами. Присел, выглядывает из-за кустов... Смотрит. А это спешат к нему навстречу Солоха и Коноплев. Дай, думает, напугаю...

— Стой! Кто идет? — кричит он.

Старый воин Солоха — и откуда реакция такая — в момент за деревом растворился. А тут из-за кустов Геворкян выходит, улыбается, как ясное солнышко. И в руках у него щука, которой отделение можно накормить.

— Ура! — не выдержал Коноплев.

— Живы будем — не умрем! Так, дорогая Солоха, — улыбался Геворкян. А Солоха от усталости и от волнения аж присел на пенек, слова сказать не может. Этим салажатам все равно, а он-то понимает, что ликовать рановато — ведь, должно быть, их ищут уже.

— Поди, ищут ведь нас, — беспокоится Солоха. — Пойдем побыстрее...

— Пошли порадуем Тропкина... Только малинки поклюем, а? Как, Коноплев?..

— Ой, сколько ее! — восхищается Коноплев.

«Совсем салажата», — думает Солоха, но и сам потянулся к малине: голод не тетка, пирогами не накормит.

Лучи солнца, точно струны, протянулись между деревьями. Три солдата с огромной рыбой идут по лесу, перебирая ногами эти струны...

— Стоп, дорогой! — останавливается Геворкян. — Не туда идем...

— Как не туда? — поправляет очки Коноплев. — По-моему, правильно идем...

— Но поворот реки мы должны были уже срезать, —

говорит Геворкян. — Надо сориентироваться. Где север?

— А зачем тебе север? — спрашивает Солоха.

— Тоже старый солдат! Всегда сначала север находят, а потом все остальное, — поучает Геворкян.

— Где мхи и лишайники — там север, — подсказывает Коноплев.

— Нет, надо по солнцу, — предлагает Геворкян. — Где солнце вставало? На востоке, да?

— В самую точку попал, — подтрунивает Солоха. — Зря от реки ушли...

— Падажди, дорогой... Где солнце вставало?

— За рекой, — неуверенно говорит Коноплев.

— За рекой оно садилось, когда мы рыбачить начали, — поправляет его Солоха.

— Так... Меня вчера несли — солнце светило в глаза, — вслух соображает Геворкян. — Значит, надо двигаться в противоположную сторону. Момент... — Он ложится на землю лицом к солнцу, переворачивается и указывает в чащу леса. Коноплев крутится на месте, изображая из себя компас.

— Так не пойдет, — устало говорит Солоха. — Надо спокойно.

Все трое удивленно оглядывают лес вокруг себя, точно видят его впервые. А он словно смеется, радуется чему-то, стоит светлый, улыбчивый, листья светятся, полянки в цветах, птицы расхваливают его на разные голоса...

Геворкян, словно спохватившись, затягивает потуже ремень.

— Все... последняя дырочка, — грустно говорит он. — Надо бы рыбу съесть... пока не испортилась. А?

— Ладно, разводите костер, — соглашается Солоха, беря рыбу, — я тут, недалеко, глину поищу.

8

Тропкин с КП по рации докладывает:

— Волга, Волга! Я — Ока! Докладываю... Нахожусь у первого КП. Трое отстали: рядовые Солоха, Геворкян, Коноплев-Зайцев. Как поняли? Прием!

Прапорщик вытирает пот со лба.

— Волга! Я — Ока... Повторяю: трое!.. Нет, у солдата двойная фамилия. Коноплев-Зайцев... Прием!

Он переключает тумблер и в сердцах говорит:

— Ну, Зайцев, погоди! — Он знает, что сейчас с аэродрома в воздух поднимается патрульный вертолет, делает круг над лесом...

В это время в лесу уже прогорел костер. К нему подходит Солоха. В его руках рыба, обмазанная глиной. Он кладет ее на угли, а сам садится в сторонке под деревом и устало закрывает глаза.

В ожидании, пока рыба испечется, Геворкян достает из-за голенища «наставление», мокрое, истертое, перевертывает слипшиеся страницы:

«Радующие глаз обитатели тихих речных заводей белые лилии и желтые кувшинки, содержащие в своих корневищах крахмал, белок и сахар, можно употреблять в пищу в вареном и жареном виде, а из высушенных и размельченных корневищ можно получить муку для лепешек...»

Но Геворкяна никто не слушает: Солоха спит, а Зайцев ходит где-то за деревьями.

— Вставай, дорогой, кушать подано! — будит товарища Геворкян.

— Я есть хочу! Где эта щука-жеребец? — пробуждается Солоха.

Тонкий дымок струится от костра. Все трое поочередно отщипывают от рыбы куски. И вот уже на остывших углях покоятся останки щуки.

— Душевная была рыбка, — облизывает пальцы Геворкян.

— Только костлявая, — добавляет Солоха.

— И несоленая, — качает головой Коноплев.

Все трое как по команде встают.

— Закусили, а теперь бы пообедать, — смеется Геворкян.

Над деревьями с грохотом проносится вертолет, делая разворот, возвращается к реке.

— Не нас ли ищут? — говорит Солоха. — Надо выйти на открытое место...

— Тихо! — вдруг командует Коноплев. — Труба... Точно — труба! Играет «сбор»... Слышите? Это где-то близко!

— Э, брат. — Солоха подходит к Коноплеву и прикладывает руку к его лбу. — Простыл, видно...

— Нет, точно! Труба! — говорит Геворкян.

Солоха слушает, потом подозрительно глядит на своих товарищей.

— Вперед! — командует Геворкян.

— Куда?

— Туда!

— Нет, туда!

Над ними снова с грохотом пролетает вертолет. Солдаты почти бегут. Они знают, что их потеряли, что их ищут. Все отчетливее слышны звуки сигнала «сбор». Как тут не торопиться!

Увидев прапорщика Тропкина, Солоха останавливается и вскидывает руку к пилотке.

— Товарищ прапорщик! Группа из трех солдат в расположение прибыла. Поставленная боевая задача была выполнена... поймана щука...

— И съедена ввиду голода... — добавляет Коноплев-Зайцев.

Сияет поручик Тропкин: нашлись его солдаты, да еще и проявили смекалку.

— Эх, музыканты! — смеется он. — Не послужишь — не узнаешь... Два наряда вне очереди...

Эдуард ХЛЫСТАЛОВ

Обыск

Вечером парк преображается. От главного входа по аллеям растекаются толпы беззаботно гуляющих людей, наполняя парк громкими голосами. У аттракционов очереди: люди толкаются, с трудом пробираются к кассам, получают из крохотного окошечка листочки билетов, держа их в руке над головой, спиной вылезают из толпы. На фоне вращающихся каруселей, «чертова колеса», мигающих разноцветных огней помещение кафе со стеклянными стенами, притаившееся в кустах распустившейся персидской сирени, светится огромным отполированным куском прозрачного янтаря. Скрытые в потолке электрические светильники заманчиво освещают зал тусклым золотистым светом. В зале полумрак, но кое-кого он манит... Левая часть душного и прокуренного зала заполнена посетителями, сидящими за легкими алюминиевыми столами. Справа от входа, отделенная от людей полукруглой высокой стойкой, словно для отражения многочасовой осады, в окружении нескольких рядов бутылок, в накрахмаленном фартучке и кружевном кокошнике буфетчица Ольга Шустова.

Из многих гуляющих всегда находятся те, кому хочется заглянуть в кафе. Завсегдатаи Лельку любят. Красивая, стройная, всегда прибранная, грубого слова зря не скажет, а если и выразится крепко, то к месту, по делу. А обслуживает как!

Наливает вино ли, коньяк ли — точно, как в аптеке. Сперва посмотрит на покупателя добрыми выразительными глазами, предложит вина подешевле, а то даже заметит: «Молод еще...» А тому, кто попроще, скажет: «И зачем дорогой коньяк-то пьете? Сходили б в магазин, купили б чего без наценки...» Голос ее звучит повелительно и добродушно.

Не все сейчас такие добрые и честные. Другие для выполнения плана торговли навязывают свой товар. Лелька — нет.

А когда наливает — загляденье. Поднимет стакан-мензурку до уровня глаз, льет и внимательно следит,

чтобы отмерить строго по уровню. Если чуть не долила, сразу добавляет. Другие буфетчицы ливанут — не заметишь сколько, или наклоняют мензурку от себя, вот и кажется, налито по уровню, а фактически обдуривают посетителей. Лелька не такая, работает честно.

Она аккуратно достает из ящика очередную бутылку, тщательно протирает ее чистой тряпкой и, сверкающую, ставит на стойку. Затем левой рукой накрепко прижимает бутылку к груди, а правой берет согнутую отвертку и ловко поддевает полиэтиленовую пробку. Открывать бутылки нужно уметь. Без навыка не сразу откроешь. Иногда от нажима пробка высоко отлетает в сторону, попадает на поднос с бутербродами или отскакивает далеко в зал и закатывается под стойку. Когда бутылка попадается трудная — пробка не поддается, отвертка срывается, приходится поддевать второй и третий раз. Тогда Лелька не выдерживает и ругается. Мужчины ее понимают: попробуй постой тут среди пьяных.

Около буфетной стойки стоял мужчина в темном поношенном костюме с галстуком-бабочкой, он прятал за спину книгу, терпеливо дожидался, пока пройдут люди, и когда рядом никого не стало, который раз, стесняясь, тихо попросил:

— Лелечка! Будьте любезны, выручите... Ей-богу, деньги отдам. Получу гонорар и сразу... с процентами. Не верите? Могу в залог книгу оставить... Конан-Дойль! Из подписного издания... Знаете, сколько сейчас книга стоит? Целых три бутылки...

Шустова резким движением руки прервала его, после чего понял — просить бесполезно.

— Поди продай книгу, а потом угощайся. Ах жалко? Тогда не предлагай. Зачем мне твой Дойль? Все интересное по телику посмотрю... Тебе налью, другому, а вдруг проверка, недостачу обнаружат?! По статье уволят... Где деньги возьму, чтобы недостачу погасить? Что, я ворую или мне из деревни помогают? Не мешай, видишь, гости пришли...

А желающие действительно подходили. Одни беззаботно доставали из карманов деньги, выбирали одну-две купюры, небрежно бросали Лельке на стойку. Такие обычно заняты своими разговорами, на буфетчицу не смотрят, им, как ни наливай, как мензурку ни наклоняй, безразлично. Другие наоборот. Подойдут к витрине, посмотрят на ценник — и назад. У выхода одумаются,

постоят и снова к ценнику, себя проверить. Тихо между собой выяснят, у кого сколько денег, и со вздохом лезут в карманы. Эти расплачиваются рублями и мелочью, таким попробуй не долей.

— Сколько стоит капля коньяка? — спросил буфетчицу глуховатым голосом верзила с золотым массивным перстнем на пальце.

— Бесплатно, — равнодушно покосилась Шустова.

— Накапай двести грамм! — радостно захохотал остряк.

— Я тебе сейчас по шее накапаю. Тоже мне грамотей, — вспыхнула Лелька. — Сколько наливать-то?

В зале толстый гражданин с портфелем на коленях сидел за столиком и громко доказывал приятелю:

— Если женщина сама хорошая — и муж у нее хороший!.. И я говорю: настоящая жена на работу мужа жаловаться не пойдет...

— Рассказывают, в Канаде сухой закон, — подымал палец высоко над лысой головой старик, — спиртные напитки не продаются...

— А как же, ежели свадьба иль после получки? — заинтересовался собеседник со ссадиной на лбу. — Разве обходятся без этого?..

За крайним столиком веселый мужчина задавал своим коллегам вопросы и сам же на них отвечал:

— Если собака нападет на льва, что случится? Ага, не знаете! Ха-ха! Лев разорвет собаку!

— За здоровье нашей любимой Аллочки! Ура! — выкрикнул кто-то из угла.

— Эх, раньше я свою годовую программу выполнял к ноябрю, а теперь в вытрезвителе дважды побывал...

— Что раньше? — размахивал рукой пожилой мужчина. — У меня была жена, и я был всегда трезвый. Без жены сейчас пью.

И отвернул лицо в сторону.

За столиком двое молодых ребят с покупками.

— Федь, — обратился к товарищу парень в цветастой рубахе, — выпей хоть пятьдесят...

— Не-е, у меня свидание, — мотнул головой тот. — Коньяк с ресторанной наценкой, да и запах какой-то подозрительный.

— Сам ты подозрительный! Нюх тебе нужно нати-

рать. Трезвенник, а о коньяке судишь. Аромат зависит от выдержки...

— Может, его чем разбавляют или подмешивают...

— Я бы в это поверил, если бы его наливали из графинов, а тут вон... — Он кивнул в сторону буфетной стойки.

В это время Шустова с трудом откупоривала новую бутылку с коньяком. Пробка не поддавалась.

— А может, спросим насчет аромата?

— Ну ты, дегустатор объявился! Буфетчица честная, а ты непьющий!..

К стойке подошел молодой мужчина и положил перед буфетчицей денежную купюру.

— Сто грамм с прицепом, — попросил он Шустову.

— А прицеп какой?

— Шоколадная конфетка.

Он взял стакан с коньяком, выбрал свободный столик, сел за него. Неторопливо достал сигареты, закурил, стал смотреть по сторонам. Прошло несколько минут, но выпивать коньяк он не торопился. Подвинул стакан поближе к себе, раздавил сигарету в пепельнице, а затем, незаметно для окружающих, осторожно поставил стакан с налитым коньяком во внутренний карман пиджака и вышел на улицу.

— Ну как? — встретил его в полутемной аллее давно ожидавший человек.

— Все в порядке, — придерживая рукой внутренний карман пиджака, ответил подошедший. — Не спеши, иди потише, а то расплескается.

* * *

Наскоро позавтракав, Андреев выскочил на улицу раньше обычного. Автобуса ждать не стал и, радуясь «грибному» летнему дождю, быстрым широким шагом пошел на работу. Ходить для него пешком — удовольствие. Ходьба успокаивает, настраивает на размышления. Сегодня он очень хотел поговорить с начальником до начала работы, с глазу на глаз.

— Струмилин у себя? — спросил ответственного дежурного, поприветствовав его поднятой рукой.

— Будто не знаешь... Нет еще. Струмилин раньше чем за час не приходит, спортом занимается...

Дежурный заканчивал суточную смену, готовил к передаче документацию, журналы, сводки и поэтому

спешил. В углу тяжело застучал телетайп, отбивая на длинной бумажной ленте строчки о последних происшествиях в городе.

Сведения, которые у Андреева сейчас в папке, не давали покоя в выходные дни. Хотел даже Струмилину звонить домой. Но дождался понедельника. Обдумывая предстоящий разговор, он чутко прислушивался к шагам в коридоре. Время тянулось долго. Вот громко застучали каблучки — это машинистка Рита. Ей разрешили приходить на службу на час раньше, чтобы вечером не опаздывать на занятия в юридическом институте. Студентка мечтает стать следователем. «Интересно, какой из нее получится следователь? Краснеет по каждому пустяку...» И вдруг он себя поймал на мысли, что так рассуждать не имеет права: сам еще года не работает.

В тиши коридора послышались четкие шаги — так ходит только начальник ОБХСС полковник милиции Струмилин. Подумал с невольной завистью: «За пятьдесят, а какой подтянутый, не зря кроссы по утрам бегает». Снова заглянул в исписанные листки, заволновался. Минуту подождал, сложил документы в папку. «А почему я должен волноваться?» — спросил он себя. Решительно достал из ящика стола красный фломастер и написал на обложке: «Дело на работников кафе».

— Разрешите? — спросил Андреев.

— А, доброе утро! Заходи, Владимир Павлович. Что-то сегодня рановато? Смотрю, ключа от вашей комнаты на доске нет, думаю, кто из них сегодня так рано, Андреев или Панченко? Как отдохнул в воскресенье? — И показал инспектору рукой на стул.

— Виктор Николаевич, есть подозрение, что в буфете парка культуры продают разбавленный коньяк. Данные заслуживают внимания...

— Что же это за данные? — добродушно улыбнулся полковник.

— В мое отсутствие звонил какой-то посетитель буфета, жаловался на качество коньяка. Наш сотрудник Панченко выезжал в парк, брал дегустатора с собой. Они установили: крепость коньяка соответствует стандарту.

— Они установили? Ну и хорошо.

— Хорошо, но дегустатор утверждает: букет у коньяка не тот...

— Хм, не тот... А что Панченко?

— Он-то ничего... А мне кажется, что коньяк следует послать на химическое исследование. Я хочу сегодня с понятыми пойти в буфет, взять контрольную закупку и послать на экспертизу.

— Панченко уже проверял, а теперь опять контрольная закупка, экспертиза... Обижаем честных людей.

Лицо Струмилина напряглось, резко обозначились морщины, он закурил сигарету, выпустив дым в сторону открытого окна. Задумался. Молчал и Андреев.

— Я как узнал от Панченко о проверке в буфете — в субботу туда. Уговорил жену зайти, коньяк попробовать и посмотреть, как там работают... Купил сто граммов, попробовал: крепкий, но вроде запах не тот...

— Ага, значит, и ты уже проверял! Не много ли проверок?

Струмилин замолчал, достал новую сигарету, долго разминал ее над корзиной. Теперь он вспомнил точно: в этом кафе бывать не приходилось, а ведь туда перешла из «Ласточки» директором Гамбалевская Софья Михайловна, третий год работает. Он посмотрел справочник предприятий общественного питания. Так и есть! Вслед за Гамбалевской в кафе перешли бухгалтер и заведующий складом.

— Что же ты собрал? — кивнул полковник на папку. — Что у тебя там?

— Розлив коньяка производится на нашем винозаводе. Поступает на склад кафе в закупоренных бутылках. Заведующий складом Половинкина раньше работала в кафе «Ласточка». Бухгалтером кафе Сара Качко, также пришла из «Ласточки». Бутылки после поступления на склад отмечаются специальным штампом кафе. Бутылки буфетчицы открывают непосредственно перед покупателями, разливают на глазах. Если остается немного в бутылке, ее ставят на виду. Я внимательно смотрел, на бутылках штамп бухгалтерии, значит, товар оприходован, получен со склада и продается с наценкой правильно. За стойкой находится Ольга Шустова, наливает правильно, не обманывает. Ее напарница Клавдия Портнова за стойкой бывает мало, все с товаром, в подсобном помещении. Что она там делает, посмотреть не удалось, дверь запирается изнутри.

— Выходит, ничего подозрительного не заметил. — Полковник встал из-за стола и прошелся по кабинету. — Может, бросим спасательный круг?

Сказанная как-то на совещании сотрудников ОБХСС полковником Струмилиным образная фраза о «спасательном круге», который нужно бросать людям, случайно вставшим на путь злоупотреблений, но не причинившим большого вреда, в отделе прижилась, стала всем понятной и долго повторялась в служебных разговорах.

Зазвонил телефон. Струмилин, наклонясь над столом, взял трубку.

— А кто спрашивает? Так, а результаты? Сколько, сколько? Нет, результаты исследования немедленно ко мне...

Он не спеша положил трубку, повернулся к Андрееву, сердито посмотрел, потом покачал головой, улыбнулся.

— Мне только что сообщили результаты исследования коньяка, взятого в ресторане... Напиток состоит из одной части коньяка, трех частей водки «Старка» и воды. Но это ресторан, а не твой буфет. Ну так что? Оставим пока «Ласточку»?

— Нет, надо проверять, — упрямо сказал Андреев.

— Кого подозреваешь?

— Прежде всего работников винозавода, а также обеих женщин — и буфетчицу Ольгу Шустову, и помощницу ее Клавдию Портнову.

Начальник ОБХСС задумался.

— У меня есть предложение... Вот смотри...

Андреев наклонился над столом. Струмилин на большом чистом листе бумаги начертил круг, в середине которого написал: «Работники винозавода». Затем от круга провел стрелку. Потом на бумаге появились другие окружности, соединенные стрелками. Полковник чертил схему возможного захвата преступников с поличным.

Государственный банк находился в старинном здании, построенном до революции. На окнах толстые железные решетки. У входа милиционер. Посторонним вход строго воспрещен. Массивная металлическая дверь закрывает вход в хранилище денег. Двое посетителей, один в милицейской форме, другой в штатской одежде, позвонили. Открылось маленькое окошечко. Они предъявили служебные удостоверения. Щелкнули тяжелые щеколды, их впустили в первое помещение. Вышла директор банка — стройная пожилая женщина с мальчи-

шечьей стрижкой седых волос. Строго осмотрела пришедших, внимательно проверила документы.

— Значит, хотите проверить правильность сдачи денег предприятиями района? — спросила она, возвращая документы. — Дело очень нужное. Только без навыка вам деньги до утра не пересчитать. Без наших кассиров вы не обойдетесь.

Она оказалась жизнерадостным и остроумным человеком.

— У нас все надежно, как в Государственном банке. Ну, пойдемте изучать ваши подозрения...

Она проснулась поздно. Хотела полежать, понежиться, да в одиннадцать на работу нужно. Она еще ходила по квартире, мыла посуду, убиралась, расставляя все на свои места, а к ней незаметно, исподтишка, подкралось смутное чувство нарастающего беспокойства и раздражения. Ударила стулом о ножку стола, чертыхнулась, уронив в серванте рюмку. Стала одеваться — рука застряла в рукаве: со злостью вывернутую наизнанку кофточку бросила на диван. Хотела надеть другую, да остановилась вовремя — нельзя, новая и дорогая. Она брала из шкафа вещи, пробовала надеть, снимала, с раздражением бросала обратно. Тревожное беспокойство усилилось, когда взяла в руки приготовленную с вечера сумочку...

Ей вспомнилось, как легко и просто собиралась она на работу раньше, когда работала на кирпичном заводе. В какую рань вставала! На ходу одевалась, чай пила — и на смену. Бывало, намотается за день, натаскается, руки болят, а на душе спокойно. Примет душ — и домой шагает человеком. И на заработок не жаловалась, хотя денег лишних не было. А что сейчас? Подошла к зеркалу и поразилась происшедшей в ней перемене. На нее глядело усталое, как будто чужое, лицо. Под глазами синие овалы, губы тонкие, с фиолетовым оттенком. Обозлилась на себя: денег на питание не жалеет, продукты лучшие берет, а все не впрок, посмотреть не на что. За один летний сезон купила пять платьев. А душа-то неспокойная.

Сегодня почему-то волновалась больше обычного. Мучило ее какое-то непонятное предчувствие. «Может, не брать?» От этой мысли она вздрогнула и в нереши-

тельности остановилась посреди комнаты. От неприятной слабости закружилась голова, часто-часто забилось сердце. Чтобы как-то успокоиться, отпила прямо из носика заварного чайника несколько больших глотков, вытерла полотенцем неожиданно вспотевшие ладони, глубоко выдохнула. «Ну что зря психуешь?! — успокаивала она себя. — Все нормально, не раз ходила...»

Перед выходом снова подошла к трюмо. Тщательно себя осмотрела, поворачиваясь перед зеркалом, перекладывала сумочку из одной руки в другую, вешала на согнутую, пробовала держать на вытянутой, — кажется, все в порядке. Сумочка была легкой, а понеси по улице — тяжелеет с каждым шагом, к концу пути как камни несешь...

Стало душно. Посмотрела в окно, вроде во дворе подозрительных нет. На цыпочках подошла к двери. Прислушалась: по лестнице удалялись шаркающие шаги. Откинула цепочку и тихо заскользила по ступенькам вниз.

«Сидят или нет? Так и есть — сидят!» — со злостью подумала она.

Во дворе за столиком, около детской площадки, сидело пять старух. Они как по команде повернули головы в сторону хлопнувшей двери подъезда и с интересом рассматривали, кто идет. Вот от безделья сейчас начнут судачить. Все-то они видят, обо всем догадываются. Мимо них нельзя проскочить на улицу незамеченной. Глуховатую тетку Фросю клюшкой толкнула бабка из третьего подъезда — мол, смотри. Та закрутила головой... Они замечают, как одета, какая походка...

«Два года живем, — разозлилась она, — а все не успокоятся, все оговаривают. Пусть не красавица, но не дурна. Достаток в доме их интересует. А я на кирпичном заводе заработала! Муж молодой? А вам какое дело? Эка беда: на четыре года старше, бывает и на десять».

По улице пошла быстро, напряженно всматриваясь в лица встречных мужчин. Опасалась, кто-нибудь следит за нею. Сколько за последние два месяца дум передумала, сколько раз во сне пряталась, бежала от них! Ноги часто не слушались, ее догоняли, хватали за руки, и от всего этого ужаса она в страхе просыпалась, тихо, чтобы не разбудить Витюху, плакала. А Витюхе с ней хорошо. Она не допекает его за каждую копейку.

Иногда она представляла, как на улице кто-нибудь

подойдет к ней и спросит: «Что у вас, гражданочка, в сумочке?» А потом ехидно улыбнется. «Нет, вам меня не поймать! — думала она. — Кто вы такой, чтоб по сумкам шарить?» И пойдет дальше своей дорогой. Не имеют права обыскивать. И она торопливо шагала, шагала, будто за ней гнались.

От главного входа парка до кафе можно пройти двумя путями. Первый — от входа налево, мимо фонтанов, домика рабочих, аттракционов, дирекции парка... Там три года назад с Витюхой познакомились. Как сейчас помнит: около «молота» собралось много здоровенных мужчин, брали огромный деревянный молот и пробовали добить до тысячи. Редко кому удавалось. Вышел тогда из толпы парень с засученными выше локтей рукавами, смерил взглядом размеченную планку, поплевал на ладони, отклонился назад, да как ахнет! Выше тысячи! Один в спортивном костюме воскликнул тогда: «Тебе, парень, в бокс, чемпионов молотить!» Ей он сразу понравился. В парке сама его разыскала. Пригласила на лодке покататься... Витюха — он добрый, но последний год выпивать стал. Деньги ее не жалеет, свои не копит. С вечерней смены придет, разбудит... А потом раздражающе храпит. Она уж уснуть не может, все мысли, мысли... Молодой муж, чем его удержишь, если не деньгами?..

Путь по парку не любила, хоть он и короче. Знакомых можно встретить. Остановят, расспрашивать начнут, как и что, разглядывают: что надела? Где купила? В прошлый раз Юлька-дворничиха встала на дороге, не пройдешь. «Гдей-то сумку такую отхватила? Уж больно красива! И где только люди деньги берут?» И улыбнулась, змея, показав все свои белые зубы. Ядовитая баба, хоть и молодая!

Страшнее всего начальству на глаза попасть. Сразу про план, какая выручка, как товарооборот, отделайся от них! А не дай бог в контору заведут, сумку попросят показать...

Дорога эта не устраивала еще и потому, что проходила рядом с аттракционом, а там люди группами стоят, ходят по двое, а таких она боялась больше всего. Подойдут неожиданно, окружат, схватят — не вывернешься. Нет, здесь что ни шаг, то опасность.

На длинной скамье двое мужчин в светлых рубашках смотрели, как она приближалась к ним. «Не дай

бог эти?» Захотелось повернуть в боковую аллею, но усилием воли заставила себя идти вперед, не показывать вида, что боится. Когда поравнялась с ними, один улыбнулся. «Нет, это не они! Когда человек улыбается — зла не сделает».

За двадцать минут ходьбы от дома до кафе она была измотана мыслями о возможном задержании. А как вошла в дверь, так сразу успокоилась. «Нет, нужно все бросить, так больше продолжаться не может!» — думала она, принимаясь за дела. Она вспомнила, что в прошлом году тоже баловалась с коньяком, страху натерпелась, слово давала — к кафе близко не подходить. А время прошло, вроде все позабылось. С Витюхой хотела поговорить, да какой он советчик! А весной директор позвонила и попросила лето поработать в кафе.

А тут еще напарница про Глашку Носову рассказала. Приехала та в деревню — и давай важничать. Снег до колен, тропинка в деревне не асфальт в городе, а она в новых туфельках, в шубе каракулевой с воротником голубой норки. Все деревня глазела. Бабка Дуня-колдунья хоть и стара, а тоже из дома вылезла. Она возьми и скажи: «Глашка, хворь, чай, так можно ухватить!» Будет Глашка ее слушать, рукой махнула и пошла. Сами с усами, знаем, что делаем. А слово бабки раньше било прямо в душу, глаз — косой, рот — кривой, молвит что — жди беды. Сына на войне убили, может, из-за того вещуньей сделалась.

С напарницей они из одной деревни, поэтому всех в деревне знают. Напарница рассказала еще, что Глашкину шубу приходил смотреть из соседней деревни местный скорняк Василий Иванович, все не верил, что шуба стоит дороже любого деревенского дома. А муж Глашки, очкарик, сказал: «Хватит Глафире в недостатках жить, пусть походит в каракуле, в жизни должна быть справедливость!» Ясное дело, достаток у матери Глашки был небольшой, много ли на жалованье почтальона белых булок купишь. Сейчас ей Глашка не чета, институт окончила, мужа вон какого отхватила.

Вспоминая беседу с напарницей, она думала, что одевается лучше ее. А если все пойдет хорошо, то осенью еще шубу купит самую дорогую, может, из норки; хотелось бы и Витюхе машину подарить. Дача ей ни к чему, на даче некогда работать, а вот если бы у Витюхи была машина! Эх, совсем бы стал ручным, пить бы бросил.

Она понимала, что много волнений у нее от частых проверок кафе. Придут, делают вид, что простые покупатели, а потом — контрольная! И давай пересчитывать, перемеривать. А эти последние хороши! Принесли спиртомер, крепость проверяли... Пищал занудистый старикашка: «Букет не тот! Запах! Запах не тот!» — «Какой коньяк поступает с винозавода, таким и торгуем!»

...Вечером Ольга и Клава разошлись из кафе в разные стороны.

...А потом наступило новое утро, она опять шла на работу. Однажды она даже не поняла, что ее окликают. Вздрогнула и ускорила шаги.

— Извините, — повторил человек, появившийся из боковой аллеи, и она почувствовала, как до ее руки дотронулись. Она оглянулась и увидела перед собой милиционера.

«Все!» — пронеслось в голове. Деревья, люди, цветы, сумка, милиционер смешались в одну цветную карусель. «Господи! Хорошо хоть деньги отнесла!» А милиционер что-то говорил, приложив руку к козырьку. Слов не слышала — кровь толчками била в виски, шумела в ушах. Руками она судорожно прижала сумку к груди. Невольная дрожь пробежала по телу, она остановилась полная смутного надвигающегося ужаса. Сколько раз представляла, как ее задержат, как арестуют, как поведут по улице. Позору-то, позору!.. Хотела бежать — ноги не слушались.

— Постовой я, сержант Зимин, — как сквозь сон донеслись до нее слова. — Мы с ног сбились. В отделение пришла гражданочка, заявила о пропаже сумочки, а в ней документы и билет до Харькова, сумка на вашу похожа. Мне поручили поспрашивать людей, может, кто подобрал...

«Что он говорит, какая гражданочка, какая сумка?» И тут она поняла, что милиционер остановил ее случайно, просто сумка похожа. «Леший тебя побери вместе с женщиной-растяпой!» Она хотела проглотить застрявший в горле комок, но слюны не было.

— Моя это сумка. Никаких билетов в ней нет, — произнесла она чужим голосом. Страх прошел, уступив место ярости, страшной и непрощающей. Ходят тут всякие, сумки теряют, людей останавливают! Своими бы руками!..

— Извините, сумочка внутри подписана. Прошу вас

пройти на минуту в отделение, это здесь рядом, посмотрим и отпустим.

«Только не туда, там в беду попадешь!» Она сделала болезненное лицо и пронзительно закричала:

— Никаких подписей в моей сумке нет! — Своей злобы она не скрывала. — Смотри, в сумке никаких билетов нет. Больная я, грелка вот. На работе ставлю! — В сумке лежала наполненная спиртом резиновая медицинская грелка.

И вдруг ей стало жалко себя. Все ее обижают, придираются, осуждают. Слезы выступили на ее глазах.

— Не пойду в отделение! — презрительно крикнула она, резко повернулась и быстро пошла дальше.

— Извините, пожалуйста, — сказал вслед постовой.

Она почти бегом припустила к дому со стеклянными стенами. Подбежала к двери. Вот замок, вот дверная ручка. Сорвала нитку с пломбой. Дрожащими руками кое-как вставила ключ в замочную скважину, заскочила в помещение, захлопнув крепко за собой дверь. «Ух!» Тяжело опустилась на стул. Провела рукой под кофточкой — пот от страха и волнения. Страшное осталось позади, там, на улице, но успокоиться она долго не могла... Заболела голова. «Чтобы все сгорело, прахом пошло!» Опять появились слезы. Не включая свет, подошла к умывальнику, вздрагивающими пальцами нащупала кран, подставила лицо под холодную струю. Стало лучше. «Как человеку мало нужно!»

Принесенную грелку тщательно спрятала между коробками из-под конфет. Стала понемногу приходить в себя, успокаиваться. «Что зря нервничаю? Все так просто, пронесла, а теперь денежки. Мои денежки, кровные! С умом работать — можно большую копейку иметь. Сейчас отдохну и еще раз схожу».

Она понимала, что зашла далеко, но сил прекратить это у нее не было. Легкость, с которой к ней приходили деньги, не давала сил остановиться. Теперь, когда по каким-либо причинам она не разбавляла коньяк и он продавался цельным, ей казалось, что она чужим, неизвестным ей людям безвозвратно отдает свои собственные деньги. «Не все ли равно, что пить этим людям. Крепость одна и та же!» И она стала собираться, чтобы сходить до начала работы еще раз. Она приносила в грелке «Старку», а уносила коньяк, который отдавала знакомой буфетчице в ресторан.

* * *

Приказ полковника Струмилина В. Н., объявленный на совещании сотрудников отдела БХСС:

«...Всем сотрудникам отдела 20 и 21 августа работать по специальному плану, составленному лейтенантом милиции Андреевым. Каждый сотрудник получит от Андреева конкретное задание, которое обязан исполнить в срок. Если во время выполнения задания сотрудник получит новые данные, выходящие за пределы его компетенции, он обязан немедленно доложить о фактах Андрееву или мне лично. При выполнении задания строго соблюдать социалистическую законность...»

* * *

— Товарищ полковник, операция «Коньяк» подходит к концу. Вчера в буфете купили нераспечатанную бутылку коньяка. По заключению эксперта, пробка на бутылке после заводской укупорки открывалась, а потом вновь поставлена на место... Результаты химического анализа те же... Коньяк разбавляется водкой «Старка». Сегодня утром установили: приносят «Старку» в медицинских резиновых грелках, которые помещаются в дамскую сумочку... В грелку входит три бутылки «Старки», что на двадцать рублей. Наши ребята, покупая коньяк, замечали номера купюр. Этих денег в Госбанке не оказалось... «Старку» покупают в магазине недалеко от дома, пустые бутылки сдают в приемный пункт... На бутылке обнаружены отпечатки пальцев. Со склада коньяк поступает в торговые точки качественным. Осталось самое простое — взять виновников с поличным.

Андреев повесил трубку телефона-автомата, глубоко вздохнул и повернулся к инспектору Панченко:

— Полковник дал «добро», приказал начинать с буфета. Санкции на производство обысков прокурором даны... Направляй дружинников в буфет.

Оба инспектора быстро пошли к главному входу парка.

* * *

В прокуренном зале буфета самые шумные и разговорчивые посетители сидели за столиками по углам. К буфетчице Шустовой подошел высокий мужчина.

— Лелечка, сто грамм с прицепом, — заказал он, положив перед ней три рубля.

— А прицеп какой?

— Как всегда, конфета «Мишка».

— Пожалуйста, — защелкала костяшками счет буфетчица. — С вас...

— Закупка контрольная, — тихо произнес покупатель, передавая стакан с налитым коньяком рядом стоящему мужчине.

Шустова вздрогнула, на мгновение застыла, потом лицо ее стало наливаться кумачом возмущения. «Нет, обсчета она не допустила, налив правильный!» — мелькнуло в голове. Теперь, как учила Клава, в наступление. Первое — задержать очередь, не отпускать. Из очереди всегда найдутся заступники. Нашли кого проверять! Им лишь бы перемеривать да пересчитывать! Все, больше она отпускать не будет, завтра подаст заявление об увольнении. Хватит! Сейчас она уйдет от стойки. Она знала, что может заголосить, ругать себя, что согласилась пойти буфетчицей, пусть попробуют другие поработать среди такой публики! А проверяющие будут отбрехиваться от очереди. Неужели Клавка что-нибудь делает не так? Ее надо предупредить! И тут она увидела, как из-за ближайших столиков вышло несколько молодых мужчин. Одни забежали к ней за стойку, другие направились в подсобное помещение. Там — Клава!

Лелька поняла, что на этот раз что-то случилось серьезное. Проверяющие действовали быстро и обдуманно. Во рту пересохло, перестали слушаться руки и ноги, страх парализовывал. К ней обращались с какими-то словами, что-то спрашивали, показывали... Она медленно опустилась на подставленный кем-то стул. А из подсобного помещения слышалось:

— Откройте, я инспектор ОБХСС.

Не дожидаясь ответа, Андреев с силой нажал плечом дверь, отчего внутренний крючок сорвался, и Андреев почти влетел в небольшую комнату. За ним вбежали двое дружинников. Перед напуганной и растерянной Клавдией Портновой стояли откупоренные бутылки с коньяком, в одном горлышке торчала лейка. Мокрые руки, брызги на столе, резкий винный запах...

— Фирму можно закрывать, — рассмеялся Андреев.

Клава наклонила голову, исподлобья глядела, как Панченко вытащил из конфетных коробок три наполнен-

ные медицинские грелки. Он отвернул пробки — жидкость пахла спиртным.

— Попрошу понятых удостовериться... Сообщите полковнику по рации — поймали с поличным.

* * *

Вопреки прогнозу на город обрушился проливной дождь. Струмилин стоял в дверях управления, выбирая момент, чтобы проскочить к машине через широкий тротуар. Дело о коньяке поручили расследовать молодому выпускнику высшей следственной школы Пояркову. Одетый в непромокаемый плащ, он из солидарности стоял с полковником и нетерпеливо постукивал пальцами по портфелю.

— Допрашивал буфетчиц по всем правилам криминалистической науки. Не сознаются. При таком размахе они украли тысяч десять денег... А где деньги, пока неизвестно...

— Найдем! Сейчас звонил инспектор Белов, в квартире Клавдии Портновой обнаружены шесть наполненных «Старкой» грелок.

Дождь на секунду приутих, и они сели в машину. Струмилин опустился на заднее сиденье. Сегодня он очень устал, а тут еще этот обыск. Поярков сидел впереди рядом с водителем. Повернувшись к полковнику, он увлеченно рассказывал о произведенном осмотре буфета. В буфете найдены бутылки с вином, разбавленным фруктовой водой. Его не успели продать, и оно забродило. Пробки из таких бутылок вылетают, как от шампанского. Струмилин молчал. По боковым стеклам машины наискось прокатывались струи дождя.

Остановились у блочного пятиэтажного дома. Следователь сходил в ЖЭК, пригласил начальника конторы. Все поднялись на третий этаж. Поярков громко постучал в дверь.

— Кто там? — недовольно спросил женский голос.

— Открывайте, милиция!

За дверью послышался приглушенный спор, шарканье ног. Ответили не сразу.

— Мы вас не вызывали, открывать не будем!

— К вам с обыском, у нас санкция прокурора. Я начальник ОБХСС, со мною начальник ЖЭКа.

За дверью молчали.

— Пригласите слесарей. Пусть взламывают дверь!

Угроза подействовала. Щелкнул замок, дверь медленно открылась.

Хозяева квартиры, мужчина и женщина, понуро стояли в прихожей. В большой комнате работал телевизор. Первым вошел Поярков.

— Предъявляю постановление о производстве обыска в вашей квартире. Прошу соблюдать спокойствие и порядок. Всем оставаться на местах. До начала производства обыска предлагаю выдать деньги и ценности, нажитые преступным путем...

— Наши деньги честно заработанные, — покачала головой хозяйка квартиры. Она достала из ящика серванта пачку денежных купюр, протянула Пояркову и заплакала.

Струмилин с понятыми, начальником ЖЭКа и слесарями стоял в прихожей, наблюдая за происходящим. В небольшой рации, которую он держал в руках, раздалось характерное попискивание. Он приложил рацию к уху, прислушался.

— Хорошо, сейчас проверим.

Начальник ОБХСС подошел к стеклянной двери балкона, не открывая, осматривал находящиеся там вещи.

— Что же свое имущество не бережете? — строго спросил он хозяев. — На улице дождь, а вы подушку на балконе оставили. Понятых прошу подойти поближе.

Он открыл дверь балкона, нагнулся и поднял небольшую расшитую подушечку. В народе такие называют думками. «Кажется, это то самое, что искали».

На улице их поджидал Андреев. Он сидел в служебной машине. Струмилин передал ему опечатанный сверток.

— Отвези в управление и отправляйся домой, а мы с товарищем Поярковым еще немного прогуляемся.

Молча прошли квартал. После дождя дышалось легко и свободно.

— Не торопись с арестом Шустовой, разберись... — по-товарищески обняв Пояркова за плечи, неожиданно заговорил полковник.

У театра они расстались.

* * *

Следствие по делу подходило к концу.

В комнату с зарешеченными окнами привели бывшую буфетчицу Клаву Портнову. Она кивком головы поздо-

ровалась, шмыгнула носом и со вздохом опустилась на неудобный, привинченный к полу стул. Вытащила из рукава носовой платок, ссутулилась, сложив руки на коленях.

Поярков курил, выпуская дым в открытое окно. Раздавив в легкой пластмассовой пепельнице недокуренную сигарету, открыл стоявший под ногами объемистый портфель, не торопясь достал прошитые грубыми нитками две толстые папки с документами и положил перед собой на стол.

— Сегодня, Клавдия Петровна, встречаемся с вами последний раз. Сейчас ознакомитесь с материалами уголовного дела, а потом будет суд. Родственники пригласили для вашей защиты опытного адвоката, он сейчас придет.

Она всхлипнула, промокнула слезы платком.

— Что я вам плохого сделала? Столько понаписали...

— Старался установить истину.

— Какая же истина на бумаге? Правда — она на людях...

— Сейчас придет защитник, вы с ним прочитаете все дело. По закону вам предоставляется право защищаться всеми возможными средствами, представлять доказательства своей невиновности, требовать допроса свидетелей.

Когда ее арестовали — единственным желанием было умереть, умереть немедленно. Все ушло далеко, далеко... Она не могла ни о чем думать, ни о чем вспоминать. О родных даже забыла. Но о деньгах помнила. На допросах следователь несколько раз спросил о деньгах, сказала — нет денег. Вроде отстал. Ночью, лежа на жесткой койке, вспоминала вопросы следователя. «Может, деньги-то целы? О них знает только сестра...»

Портнова внимательно читала бумаги. Раньше, когда Поярков записывал в них ее показания быстрым почерком, они казались ей простыми линованными листами бумаги. Теперь, подшитые в дело, пронумерованные, официально названные, они казались угрожающими, сулящими ей большую беду. Вот первые показания: «Ничего не знаю, коньяк не смешивала...» «В суде спросят: почему не рассказывала правду? Что ответишь? Говорят, за ложные показания добавляют... Э, пусть! Только бы остались деньги!»

Так, а это что? Рапорт инспектора Андреева. Докладывает: торгуем разбавленным коньяком.

— Чем же разбавленным? Что он пишет?! Градусы одинаковые! — громко завозмущалась Портнова. — Спросите Ольгу! Не обманывали мы пьяниц! А им все равно, что пить!

Поярков молча составлял какие-то бумаги.

«А это что? Протокол допроса директора кафе. Работала неудовлетворительно? Меня предупреждала? Когда это было? Врет! Врет! Ни разу не предупреждала! Если бы предупреждала, я бы, может, не воровала. Ой, вот приказ по комбинату питания: директора кафе Гамбалевскую С. М. уволить как не справившуюся с возложенными обязанностями... Правильно уволили! Туда ей и дорога! А вот протокол допроса Лельки. Нука? Что ты, Олечка, наговорила? Ох, размазня!»

— Владимир Федорович, а как поступите с Шустовой?

— Вы обманывали не только покупателей, но и Шустову, она даже не догадывалась о размахе вашей преступной деятельности. Ее тоже будут судить, но, видимо, суд примет во внимание молодость...

— Ах, она молодая, а меня так и засудить можно! — закричала Клава. — А где у меня деньги? Где?

Следователь не ответил, углубился в бумаги.

Клава внимательно листала документы следствия, водя по строчкам дрожащим пальцем. Когда что-то не понимала, обращалась к Пояркову: тот прочитывал вслух.

«Ой, а это что? Протокол допроса Портнова Виктора Степановича! Витьки! Поди, сдуру что сболтнул! Нет, ничего лишнего. Живем вместе третий год, правильно. Деньгами я его не баловала. Верно. Зарплату отдавал мне. Врет! Разве он водку не покупал? Друзей не угощал? Вот здесь молодец! Не видел, чтобы жена домой грелки приносила? Не видел! Умница! Те, что нашли при обыске со «Старкой», принадлежат жене. Ну, дурак какой! Тоже мне муж, объелся груш! Все перепутал».

Она сразу загрустила. Чем на суде объяснит, что в грелках была «Старка»? Хорошо хоть не знают, кому я коньяк в ресторане отдавала. Стало обидно, что Витюха наденет новый костюм, купленный на ее деньги, и пойдет прогуливаться с какой-нибудь молодой девицей. Клава шмыгнула носом.

«Чем занималась жена? Не знаю, — продолжала читать протокол. — Ох, знал, все знает Витечка. Откуда мы взяли деньги для кооперативной квартиры? На какие шиши купили вещи? Родственники помогали! Правильно! Умница, спасибо, дорогой мой! Дальше следователь спрашивает о деньгах! Нет денег. Витя их не видел. Раз спрашивает — значит, деньги целы». И она облегченно вздохнула.

В следственной камере стало светлей, на душе веселей. Клава украдкой посмотрела на Пояркова. Тот, не поднимая головы, продолжал писать длинную бумагу. Она испытующе рассматривала его: «Молод еще, чтобы поймать меня. Ты вон Ольгу лови! Она простушка-хохотушка».

— Владимир Федорович, а нельзя ли меня на первый раз предупредить, ну оштрафовать? Не хватало мне только тюрьмы да срамоты!

Следователь оторвался от бумаг, не торопясь достал сигарету, прикурил, подумал.

— Ольга Шустова — другой человек. А вы уже прошли школу: сначала конфетка, потом конфетка с ромом, потом ром с конфеткой... — Он замолчал, сделал несколько затяжек сигаретой. — Есть заболевания, которые нужно лечить только решительными действиями. Ваша болезнь опасна для общества. Никакими таблетками-уколами вас не образумишь... Вы обманывали не только посетителей, но и свою подругу Ольгу Шустову.

— Ну что же я плохого сделала? — закричала она, вскочив со стула. — Ольга — хорошая, а я плохая?! Мы же вместе с ней работали!

Следователь посмотрел на нее и промолчал. Клава села, вновь раскрыла дело, но не в том месте, где читала, а на несколько листов вперед.

«А это что? Протокол обыска у Поповой?» Торопливо перевернула страницу и увидела приклеенную фотографию.

«Подушка, думка моя! Деньги, мои тыщи! Ой, кольца, цепочки! Ой, ой, значит, все забрали и от меня скрывали!»

Следственный изолятор огласился истошным криком женщины. Клава бессильно уронила голову на колени, закрыла руками лицо и с отчаянным хрипом заголосила. Так в деревнях России кричали по без времени погибшим. А впереди Клаву Портнову ждал суд.

Необыкновенные судьбы, события, происшествия

Михаил БЕЛОУСОВ

В сводках не сообщалось...

Записки армейского чекиста

В ПЕРВЫЕ ДНИ

Батальонный комиссар Сенько перечитывал докладную. Сомнений быть не могло: и ксендз Фыд и учитель Буцько активно занимаются шпионажем.

Оперативные работники отдела контрразведки обратили внимание на них еще в то время, когда соединения и части механизированного корпуса расквартировались в одной из новых областей Советской Украины. Местные патриоты сообщили нашим контрразведчикам, что Роман Буцько является украинским националистом.

Учитель, демонстративно избегая контактов с нашими командирами и красноармейцами, в разговорах с вездесущими мальчишками-школьниками проявлял повышенный интерес ко всему, что касалось «красного войска», особенно к тем местам, куда «паны солдаты» не подпускают даже детей. С арестом Романа Буцько решили повременить, чтобы выявить его связи.

С ксендзом Иозефом Фыдом дела обстояли сложнее. Тихий, услужливый, если дело касалось властей, по-отечески добрый к прихожанам, он, хотя и вызывал подозрение, в руки, как говорится, не шел.

С тяжелыми думами Сенько закрыл папки с документами и аккуратно уложил их в сейф. На башне бывшей ратуши пробило полночь. До начала войны оставалось около четырех часов.

А в это время по тихим улочкам Дрездена на большой скорости мчались две машины: фургон военного образца и легковой «опель». На заднем сиденье «опеля» дремал в форме советского капитана обер-лейтенант абвера Гейнц Лоссберг. Впереди оживленно болтали между собой шофер из гестапо и одетый в форму лейтенанта Красной Армии Вилли Шмундт.

Сын мелкого торговца из Карлсруэ, Лоссберг в 1935 году поступил на русское отделение Мюнхенского

университета, где всерьез занялся языком. Это, однако, не мешало ему участвовать и в нацистских сборищах, и в арестах коммунистов. Но, сняв коричневую форму, он до рассвета засиживался над учебниками. С педантичностью, присущей немцу, грыз гранит науки.

Практическую пользу своей линии Лоссберг ощутил довольно скоро. Когда с третьего курса студентов стали призывать на военную службу, он без труда получил теплое местечко в иностранном отделе абвера. В Берлине, в уютных кабинетах управления адмирала Канариса, он изучал секретные досье по Советской России и совершенствовался в языке.

Настоящая работа началась в 1939 году в Польше. В боевых группах абвера Лоссберг и заработал офицерский чин. А после создания в Кракове так называемого «Повстанческого штаба украинских националистов» перед начинающим абверовцем открылись широкие перспективы — работа в учебных лагерях для украинцев. Эти диверсионные центры были созданы в ряде городов Польши и Чехословакии. Нет, он, Лоссберг, ни на секунду не преувеличивал своей роли в большой игре. Тем более что в Польше начальник отдела «Абвер-2» заметил его и обещал проследить за его работой, а следовательно — и продвижением.

Обер-лейтенант сладко потянулся и открыл глаза. Вилли Шмундт взахлеб расписывал шоферу богатства России и красоту «руссиш фрейлейн» — он уже бывал в Советском Союзе в качестве переводчика на строительстве тракторного завода на Волге.

Гейнц уселся поудобнее и с брезгливой благосклонностью продолжал слушать болтовню попутчиков.

Сенько запер сейф и, козырнув часовому, вышел на улицу. Сергей Михайлович не заметил, как подошел к дому. Уже достав ключи, вдруг круто развернулся и быстро зашагал к небольшому особняку в конце улицы. Окно на втором его этаже еще светилось — значит, бригадный комиссар Иван Федорович Скобель не спал.

Примерно через час Сенько и начальник политотдела вновь возвратились в штаб корпуса. А минут через двадцать-тридцать сюда были вызваны и другие оперра-

ботники отдела. Ставя перед ними задачу, Сенько уловил недоуменные взгляды: к чему такая спешка?

Но приказ есть приказ. И в два часа ночи, когда на востоке еще не прорезалась первая предрассветная полоска зари, к домам учителя Буцько и ксендза Фыда подошли чекисты.

На аэродроме Гроссенхайн творилось что-то невообразимое. Лоссберг увидел, как из только что подрулившего к стоянке «юнкерса» вылезли летчики и тут же попали в объятия обезумевших техников, а еще через секунду десятки рук подбросили их в воздух. В это время к стоянке подошел начальник отдела «Абвер-2» полковник Лахузен.

— Господа! Солдаты и офицеры! — голос его звенел. — Вы являетесь свидетелями выдающегося исторического события. Час назад фюрер начал войну против большевистской России! Летчики, которых вы сейчас видели, — первые герои рейха! Они уже показали большевикам силу германского духа и оружия.

Обер-лейтенант внимательно слушал полковника Лахузена. Тот перешел уже к делу, ради которого все они собрались сейчас на этом аэродроме. Значит, Вилли Шмундту и его группе надлежало высадиться южнее местечка Яворов Львовской области. Их задача — взорвать железнодорожные мосты на участке Львов — Перемышль, вывести из строя линии связи и сеять панику среди мирного населения. Взвод Вилли составляли эмигранты из Прибалтики, польские уголовники и шесть украинских националистов из организации Степана Бандеры.

«Работу» Шмундта и его группы Лоссберг уже считал обреченной. Гейнц был уверен, что более удобно и полезно действовать в одиночку. Никто тебе не нашептывает об опасности, никто тебя не предаст. Находчивый разведчик всегда может рассчитывать на помощь населения, особенно в сельской местности.

У абверовца все складывалось пока как нельзя лучше. Приземлился он благополучно. Выйдя затем на дорогу Стрый — Дрогобыч, остановил подводу, запряженную парой добрых коней, и попросил возницу подвезти его.

В городе грохотали взрывы, в некоторых местах полыхали пожары. Крики, детский плач неслись отовсюду. Войск почти не было видно — только изредка промчит полуторка с бойцами. Зенитчики вели по самолетам редкий и, как отметил Лоссберг, неприцельный огонь.

На одной из центральных улиц вой пикировщика заставил обер-лейтенанта ничком упасть на мостовую. Взрыв оглушил его. И тут леденящий, как стальное лезвие, ужас пригвоздил абверовца к земле. Не было сил даже отползти куда-нибудь в укрытие. С трудом переждав налет, на подгибающихся от страха ногах, с мыслью, что может погибнуть от своих же бомб, он пошел по нужному адресу.

У Лоссберга не хватило сил оказать сопротивления, когда в доме Фыда вместо знакомого ему по фотографии святого отца ему встретился запыленный, с окровавленной повязкой на голове сотрудник отдела контрразведки корпуса политрук Николаев.

Ксендз Фыд открыл дверь сразу после первого звонка, как будто всю ночь только и ждал визита контрразведчиков. Когда ему предъявили ордер на обыск, он не возражал и только отошел к распятию и начал вполголоса молиться. Обыск не дал результатов, и ксендз открыто злорадствовал. И вдруг внимание Сенько привлек молитвенник, который Фыд не выпускал из рук. Показать книгу пастор категорически отказался.

Святая книга оказалась со шпионскими записями. На ее полях бисерным почерком сообщались данные, характеризующие высший и старший командный состав корпуса, с указанием фамилий, имен, домашних адресов, деловых и политических качеств, наклонностей. В молитвеннике значились наименования всех населенных пунктов и улиц, где располагались штабы соединений и частей корпуса, казармы, места укрытия боевой техники, складов с боеприпасами и горючим, даты поступления новых танков. Обыск продолжался. Ксендз как будто закостенел в кресле. И вдруг он встрепенулся. Мелко задребезжали стекла, потом, все больше ширясь и усиливаясь, комнату заполнил непонятный гул. Еще минута — и ночную тишину на десятки километров окрест нарушили первые разрывы авиабомб.

Буцько и Фыд показания давали обстоятельные. Оба они начали работать на немецкую разведку с первых дней вступления Красной Армии в западные области Украины. Буцько по приказанию руководства организации украинских националистов, а ксендз — после знакомства с майором абвера Линцем. С ним он встретился на рождественские праздники в 1939 году в Кракове, куда думал перебраться навсегда после прихода в его город Советов. Линц убедил святого отца не покидать насиженных мест — большевикам жить осталось недолго. Взвесив все «за» и «против», Фыд возвратился в свой город. За собранными данными к нему и Буцько дважды в год немецкая разведка присылала своего курьера.

Записывая показания Лоссберга, Сенько выделил для себя два момента. Задержанный все время упирал на то, что является сотрудником немецкой разведывательной службы — абвера. Об этой службе Сенько слышал. Но он считал, что абвер занимается только контрразведывательной работой в самих частях вермахта. А чтобы он вел разведывательную и другую подрывную деятельность за пределами Германии, батальонный комиссар осведомлен не был. Поэтому против слова «абвер» он вывел жирный вопросительный знак.

Обер-лейтенант утверждал, что вместе с ним в самолете находилась группа диверсантов, переодетых в форму военнослужащих Красной Армии. Все они из полка специального назначения «Бранденбург». Их задача — организация диверсий в районе, до которого отсюда 20—25 минут лету. Значит, 80 километров. И это лишь одна из многих групп, подготовленных для таких целей абвером (опять абвер!).

А Лоссберг не жалел слов, чтобы убедить чекиста в своей правдивости. Пережив еще одну бомбежку в камере, обер-лейтенант понял, что третьего налета он не выдержит. И на допросе решил рассказать все, чтобы «мелкие сошки» из корпусной контрразведки немедленно отправили его в глубокий тыл.

Это понял батальонный комиссар. Но сделал свой вывод: врет немчура, цену себе набить хочет. Большинство наших периферийных оперработников тогда не знало, что в системе разведывательных и контрразведывательных служб фашистской Германии, ведущих подрывную деятельность против СССР и Красной Армии, абвер

занимает главное место. Поэтому к показаниям Лосс-берга о разведывательно-диверсионной деятельности абвера Сенько отнесся с недоверием.

Поздно вечером, уже на марше, батальонного комиссара разыскал оперуполномоченный отдела контрразведки соседней стрелковой дивизии политрук Прохоров. Он прибыл в отдел корпуса с просьбой своего начальника передать от них в Киев в Отдел контрразведки фронта * сообщение (связи со штабами армии и фронта уже не было) о ликвидации взводом бойцов артиллерийского полка группы немецких диверсантов. В наскоро написанном карандашом сообщении говорилось, что в момент начала войны артиллерийский полк находился на стрельбах в ста километрах от постоянного места расквартирования. Утром командование получило приказ о немедленном возвращении его в дивизию.

К полудню погрузка артиллерии была в разгаре, и в это время к командиру батареи капитану Еремееву подбежала женщина и попросила проводить ее к старшему начальнику. Выяснилось, что вчера вечером у нее пропала корова. Женщина искала ее всю ночь. А минут двадцать назад бродила по камышам в пойме речушки Вишенки и увидела, как группа красноармейцев на железнодорожном мосту почему-то раскручивает рельсы. Вот она и прибежала на станцию, чтобы заявить об этом.

Командир полка распорядился срочно выделить взвод бойцов-артиллеристов и под началом оперработника Константинова направить к мосту. От станции это не более двух километров. Метров за 500—600 от моста красноармейцы-артиллеристы были обстреляны из автоматов. Сомнения быть не могло: на мосту орудует враг. Артиллеристы залегли. Константинов понимал, что с карабинами против автоматов многого не сделаешь. И, послав к командиру полка сержанта Горева с просьбой усилить группу ручными пулеметами, шестерых верховых пустил наперерез бандитам, которые, отстреливаясь, начинали отходить в западном направлении, прикрываясь железнодорожной насыпью. Вскоре пришла подмога. Разгорелся ожесточенный бой. Он продолжал-

* Как только началась война, Киевский особый военный округ был реорганизован в Юго-Западный фронт.

ся около часа. Гитлеровцы сопротивлялись остервенело, и к концу боя в живых остался лишь один.

О разгроме этой группы диверсантов и о результатах проведенной операции — арестах Буцько и Фыда, — в ходе которой был захвачен и кадровый немецкий разведчик, Сенько сообщил в отдел контрразведки Юго-Западного фронта.

По мере того как гигантское колесо войны набирало обороты, дел у сотрудников контрразведки нашего фронта становилось все больше. Абвер уже перестал быть «невидимкой». Но формы и методы его работы, тактика и планы подразделений абвера, действующих против армий фронта, были пока, за небольшим исключением, для наших контрразведчиков загадкой...

Отдел абвер, что в переводе означает «защита», был создан в военном министерстве Германии еще в 1919 году. И возлагались на него сугубо контрразведывательные функции внутри своих войск. Но после того как периферийные звенья этой службы, абверштелле, появились при штабах военных округов, два из них — в Кенигсберге и Бреславле — начали разведывательную деятельность против Советской страны.

После захвата власти фашистами Гитлер всячески содействовал расширению и совершенствованию абвера.

В 1938 году отдел абвер после прихода в него опытного разведчика Вильгельма Канариса был реорганизован в управление разведки и контрразведки «Абвер-заграница». Теперь Канарис подчинялся непосредственно верховному главнокомандованию вооруженных сил (ОКВ) и прежде всего Гитлеру.

Из пяти основных отделов абвера первый специализировался на «чистом» шпионаже, «Абвер-2» занимался организацией диверсий, террористических актов, саботажа и провокацией. В круг обязанностей третьего отдела входили контрразведывательная работа и фабрикация дезинформирующих данных. «Абвер-4», или «Аусланд», изучал внутреннюю и внешнюю политику иностранных государств. И наконец, пятый отдел не только руководил этими четырьмя, но и готовил для них кадры.

Опыт первых дней войны говорил о том, что нам дело приходится иметь с опасным и коварным противником.

ВСЕМ МИРОМ

Сегодня, оглядываясь с высоты прожитых лет на события незабываемого 1941 года, в который раз перебираю в памяти неподвластные времени подробности тех дней и пытаюсь сформулировать для себя, что же тогда произошло. Я хочу напомнить нашей молодежи, что крылатая фраза «считайте меня коммунистом» родилась не в дни нашего победоносного движения на запад, а в дни самых суровых испытаний, и когда только за принадлежность к партии Ленина гитлеровцы расстреливали на месте.

И сейчас, вспоминая основные операции, которые проводил в то время Особый отдел фронта, я не могу вспомнить ни одной, где бы чекисты действовали обособленно. Всегда и везде у нас были десятки, сотни добровольных помощников.

К ноябрю 1941 года положение на нашем Юго-Западном направлении стабилизовалось. Уже ни для кого не было секретом, что стратегия «блицкрига» лопнула и гитлеровской верхушке приходится переходить на расчет затяжной войны.

Верховное главнокомандование вермахта требовало от абвера точной и всеобъемлющей информации. Кроме того, абвер ни на минуту не должен был прекращать своей «идеологической» работы — распространения провокационных слухов и пораженческой агитации в наших войсках.

Чтобы представить масштабы тайной войны только в полосе нашего Юго-Западного направления, коротко расскажу об основных службах и подразделениях немецкой разведки, действовавших тогда здесь.

В канун нападения на нашу страну по инициативе Канариса в местечке Сулеювек (под Варшавой) был создан оперативный штаб абвера под кодовым названием «Валли». Возглавил его один из ближайших помощников Канариса, полковник Гейнц Шмальшлегер. «Валли» аналогично управлению «Абвер-заграница» имел три отдела: первый — разведка, второй — диверсия и террор и третий — контрразведка. На «Валли» возлагалось непосредственное руководство полевыми органами абвера — абверкомандами при группах войск «Север», «Центр» и «Юг» и абвергруппами при армиях вторжения.

В первые же дни войны штаб «Валли» создал свою так называемую «варшавскую разведшколу», где готовилась агентура, завербованная в лагерях для советских военнопленных, главным образом из командного состава.

При группе армий «Юг», действовавшей против наших Южного и Юго-Западного фронтов, штаб «Валли» имел две абверкоманды — «101» и «101-А», подчиненные его первому — разведывательному — отделу, и по две абверкоманды, подчиненные его второму и третьему отделам. Непосредственно при штабах полевых и танковых армий каждая из упоминаемых абверкоманд содержала свои абвергруппы.

Таким образом, в ноябре 1941 года только абверовских разведывательно-диверсионных и контрразведывательных органов действовало против наших двух фронтов более двадцати.

Кроме того, в штабе каждого немецкого соединения, начиная от бригады и выше, был еще свой, войсковой разведывательный орган — «отдел-1-Ц». И при командовании групп армий, и при некоторых армиях имелись специальные полевые отделения гестапо, осуществлявшие в контакте с абвером контрразведывательные и карательные функции в прифронтовой полосе.

В начале 1942 года «Валли» еще более расширяет сферу своей контрразведывательной деятельности. В связи с огромным размахом партизанской борьбы в немецком тылу при штабе создается специальный контрразведывательный орган «зондерштаб-Р». Здесь готовились провокаторы для антифашистского подполья и агентура для внедрения в партизанские отряды.

Все названные органы абвера, находившиеся в непосредственной близости от нашего переднего края, представляли, разумеется, большую для нас опасность. Особенно много черных деяний было на счету зондеркоманды, созданной при одной из абвергрупп в начале ноября 1941 года. Руководил этой командой известный абверовский резидент Фаулидис по кличке Локкерт. Команда Локкерта вела разведывательную и диверсионную работу, распространяла провокационные слухи среди населения в нашей прифронтовой полосе и формировала «добровольческие» соединения из числа националистов и уголовников. Учитывая специфику этой команды, штаб «Валли» разрешил Локкерту самостоя-

тельно готовить агентуру для работы в советском тылу. Учебный пункт его зондеркоманды в конце 1941 года обосновался в городе Волновахе. Здесь по сокращенной программе готовились кадры разведчиков, диверсантов, террористов и провокаторов.

Но необходимо отметить, что уже к концу 1941 года расстановка сил на фронте тайной войны значительно изменилась. У советских контрразведывательных органов появился боевой и оперативный опыт: абвер уже не мог играть с нами втемную — его структура, формы и методы работы, руководящие кадры, расположение и функции основных центров подготовки агентуры, ее многие вербовщики были нам известны. И самое главное, я уже говорил об этом, за нами стоял весь советский народ. Это был решающий фактор.

Ночь на 7 ноября 1941 года была одной из самых тревожных в неспокойной жизни нашего разведчика Ивана Чайки.

Полтора месяца он провел во вражеском тылу, и вот сейчас, когда до линии фронта оставалось рукой подать, угораздило же его остановиться на дневку в этой заброшенной колхозной клуне, к которой нежданно-негаданно подкатил немецкий тягач с дальнобойкой и его обслуга — человек десять-двенадцать. Более неудачное положение трудно себе представить.

Еще в конце сентября Чайку послали в Сенчанский район Полтавской области, где он должен был выяснить судьбу некоторых командиров, находившихся с командующим Юго-Западным фронтом генералом Кирпоносом. Здесь, в урочище Шумейково, они были окружены и дали свой последний бой. И теперь он, старшина-пограничник Иван Чайка, возможно, единственный, кто может сообщить командованию о мужестве и героизме командиров и политработников. И вот на тебе! Иван спрятал гранату за пазуху и принялся терпеливо ждать, пока немцы завалятся спать.

При переходе линии фронта Чайку слегка зацепило осколком в руку, но идти в медсанбат он отказался и потребовал, чтобы его немедленно отправили в Особый отдел фронта.

Докладывая о выполненном задании, старшина со-

общил, что километрах в двух от урочища Шумейково в селе Исковцы-Сенчанские он встретился с раненым красноармейцем, шофером штаба фронта Петром Грищенко, который в свое время возил начальника инженерного управления. Грищенко подобрала на поле боя пожилая колхозница Дарья Федоровна Квитка и с помощью сельского фельдшера спасла от верной смерти.

Грищенко и рассказал Чайке подробности неравного боя. Он назвал несколько имен слабодушных командиров, без сопротивления сдавшихся врагу, среди них — работника штаба фронта, интенданта 3-го ранга Гольдина. При этом Грищенко высказал предположение, что вряд ли выгадал Гольдин, сдавшись в плен, ведь евреев немцы расстреливают без суда и следствия. Делая такое предположение, Петр Грищенко не знал, да и не мог знать одного крайне любопытного обстоятельства. Дело в том, что с 30 сентября интендант 3-го ранга Гольдин работал в штабе фронта на своей же должности. Тогда, после выхода из окружения, в своем объяснении на имя начальника отдела кадров фронта Гольдин писал, что в плену он не был, с немцами не встречался и на нашу сторону вышел 28 сентября вместе с начальником одного из отделов штаба фронта и двумя старшими командирами из 5-й армии.

При создавшейся ситуации могло быть только два вывода: либо Грищенко, находясь после ранения в полуобморочном состоянии, обознался, либо Гольдин действительно был в плену и заслан к нам как агент вражеской разведки.

Старший лейтенант госбезопасности Казанов, которому было поручено вести разбирательство, навестил Чайку в госпитале. Он попросил старшину указать на карте маршрут своего движения от села Исковцы. Через двадцать минут Казанов, поблагодарив разведчика и возвратившись в отдел, занялся разработкой предстоящей операции. Каково же было его удивление, когда, зайдя в кабинет начальника отдела — майора госбезопасности Николаева, он застал там Ивана Чайку.

Чайка после визита Казанова раздобыл свою одежду и ушел из госпиталя. В Особом отделе он доказывал начальнику, что без его личного участия ни о какой новой операции не может быть и речи.

Николаев мысленно проследил маршрут, вычерченный на карте Казанова. Лишь в один конец более двух-

сот километров. Поэтому участие в группе Ивана Чайки — гарантия успеха. А задачу предстояло выполнить очень сложную. В кратчайший срок необходимо добраться до села Исковцы-Сенчанские, разыскать там раненого Грищенко и вывести его на нашу сторону. Если же рана на ноге еще не зажила, показать ему для опознания фотографию Гольдина, составить протокол и доставить его в Особый отдел фронта.

Тяжело было Николаеву посылать старшину-пограничника после полуторамесячных скитаний по вражеским тылам, бледного от потери крови, но выбора не было. И в ночь на 15 ноября Иван Чайка и младший лейтенант госбезопасности Красножегов ушли за линию фронта.

Интендант 3-го ранга Гольдин по своему складу был человеком сугубо штатским. Но, призванный в 1935 году в армию, он стал неплохим службистом и так старательно подражал выправке своих кадровых товарищей, что даже закоренелые строевики с доброжелательной снисходительностью относились к его безуспешным попыткам придать своей мешковатой фигуре бравый командирский вид. Коренной киевлянин, он на работе в штабе зарекомендовал себя знающим инженером. После выхода из окружения работал с утроенной энергией. Вел замкнутый образ жизни, из расположения штаба почти не отлучался и только дважды — 14 и 24 ноября — отпрашивался в город. Причем оба раза проделывал один и тот же маршрут: вымывшись в городской бане, ехал на железнодорожный вокзал и, примостившись на скамейке недалеко от билетных касс, в течение часа читал первый том «Войны и мира». Затем садился на трамвай и возвращался в штаб. Ничего нового не дали и беседы с командирами, выходившими вместе с Гольдиным из окружения. Начальник одного из отделов штаба фронта майор Михалев рассказал, что встретил Гольдина утром 25 сентября в селе Степановка Сумской области. Интендант объяснил ему тогда, что до Степановки от урочища Шумейково он добирался пять суток пешком, чему Михалев не мог не поверить, так как сам пришел в село тремя часами раньше. В Степановке к ним присоединились еще два командира, оба штабные работники 5-й армии. Полковник Семенов был ранен в

голову, и последние километры его буквально приходилось вести под руки. Гольдин, как говорится, был весь на виду.

...Разводя огонь в загнетке, Дарья Федоровна услышала легкий стук в шибку. И через минуту попала в объятия Ивана Чайки.

Наскоро перекусив, разведчики и Петр Грищенко двинулись в обратный путь. Полуголодные, с обмороженными руками — морозы в тот год ударили рано, — пробирались они к линии фронта. У Ивана и Петра вскрылись и нестерпимо болели раны, но они упрямо шли вперед. Из рассказов Грищенко было ясно, что Гольдин — предатель. Доставить эти сведения командованию, изобличить и обезвредить шпиона — в этом Чайка и Красножегов усматривали свой высший долг.

Несчастье произошло в прифронтовом лесочке возле безымянного хутора. Глухой морозной ночью разведчики напоролись на боевое охранение гитлеровцев. Завязался бой. К немцам вскоре подоспело подкрепление. Тогда Алексей Красножегов приказал Чайке и Грищенко пробираться к своим, а сам остался прикрывать их отход. Почти час не смолкал его автомат. Уже будучи дважды раненным, Алексей, собрав последние силы и вырвав зубами чеку, подорвал себя вместе с навалившимися на него гитлеровцами. Это было в ночь на тридцатое ноября 1941 года...

Утром 1 декабря интендант 3-го ранга Гольдин был арестован. На допросе, который вел старший лейтенант госбезопасности Казанов, он категорически отрицал свое пребывание в плену и связь с немецкой разведкой.

Казанов слушал истерические бредни предателя, и его не покидала мысль, что, собственно, Красножегов и Чайка пошли за фронт главным образом не для того, чтобы изобличить Гольдина — рано или поздно шпион попался бы. Чекисты рисковали жизнью, чтобы сохранить доброе имя человека, в виновности которого они сомневались. И вот эта мразь изворачивается, врет, пытается уйти от заслуженной кары, а Алеши больше нет.

Когда Казанов ознакомил Гольдина с показаниями Петра Грищенко, тот заявил, что это очередная «чекистская фальшивка». Причем Гольдин в это искренне ве-

рил. Там, в урочище Шумейково, сидя в кустах, он видел, как рядом с Грищенко разорвалась мина и он упал на землю, исполосованный осколками. Когда же в кабинет Казанова внесли на носилках Петра, под Гольдиным покачнулся пол.

После очной ставки предатель заявил, что скрывал свое пребывание в плену, потому что был завербован немецко-фашистской разведкой, и ему, как ее агенту, под страхом смерти запрещено давать правдивые показания советскому командованию.

Гольдин рассказал, что 20 сентября в бою у урочища Шумейково он участия не принимал из-за того, что плохо видит. После сдачи в плен его доставили в Конотоп в немецкую разведку. Допрашивал Гольдина хорошо владевший русским языком обер-лейтенант. На все поставленные вопросы — о месте нахождения в последние дни командования фронта, армий, входящих в него, состоянии остатков войск фронта, наличии в них боевой техники, о старших офицерах, с которыми он оказался в плену, — дал правдивые ответы. Затем после четырехчасового отдыха его привели к немецкому майору Фурману, руководителю абвергруппы-107 при армии Гудериана. Герр майор одобрил поведение Гольдина в плену и сказал, что все показания соответствуют действительности и это дает основание немецкому командованию считать, что он, Гольдин, сделал первый шаг к своей будущей карьере при «новом строе в России» и что теперь ему надо продолжать «эти шаги» — оказывать помощь немцам. Если он с этим согласен, то его немедленно отпустят из плена и он будет добровольно работать на «великую» Германию по ту сторону фронта.

Гольдин от такого предложения якобы отказался, но Фурман разъяснил ему неразумность и нелогичность его поведения; сдача Гольдина в плен свидетельствует о непрочности его «социалистических» убеждений, о желании любой ценой спасти свою жизнь, а для этого у него есть только один путь — стать агентом абвера и работать на Германию. Иначе Фурман должен будет передать его в гестапо, где Гольдина немедленно расстреляют как еврея. Зачем же было сдаваться в плен? Фурман также польстил интенданту 3-го ранга, сказав, что он имеет высшее техническое образование, гибкий ум, не является членом партии, хорошо знает немецкий язык, а таким лицам неплохо живется в Германии, не

говоря уж об оккупированной России и Украине, примером чему может служить он сам, Фурман, выходец из Одессы.

Всесторонне взвесив предложение Фурмана сотрудничать с абвером, Гольдин согласился, и ему немедленно был предоставлен хороший обед и суточный отдых. Затем его вновь привели к Фурману, который поинтересовался: «Не раздумал ли господин Гольдин быть немецким агентом?» Тот ответил отрицательно, и майор предложил подписать обязательство о сотрудничестве с абвером и после того дал Гольдину задание: перейти линию фронта, определиться на свою старую должность в штабе фронта, учтиво держать себя со всеми старшими, особенно с заместителями командующего фронтом, с которыми по роду службы Гольдин имел и должен иметь контакты, чтобы повседневно быть в курсе всех больших и малых дел командования. Все документы, поступающие из Генерального штаба Наркомата обороны и Ставки, попадающие к нему, он должен был копировать или кратко записывать их содержание. Собранные данные передавать связнику от Фурмана два раза в месяц, каждого 14 и 24 числа, между 10—12 часами дня. Встречи будут происходить у билетных касс железнодорожных вокзалов тех городов, где располагается штаб фронта. На встречу со связником Гольдин должен выходить, имея при себе книгу Л. Толстого «Война и мир», причем держать ее в таком положении, чтобы находящиеся вблизи него люди могли прочесть название. Человек Фурмана обратится к нему со словами: «По-моему, мы встречались на Подоле, в Киеве». Ответ: «Да, я там родился и жил».

Еще сутки ушли на отработку деталей. И когда Фурман убедился, что новоиспеченный агент все хорошо усвоил, Гольдина на легковой автомашине подвезли в лес, что возле села Степановка. По имеющимся у Фурмана сведениям, здесь скрывалась группа советских командиров, выходящих из окружения. Ее решено было не трогать, чтобы обеспечить надежную крышу абверовскому агенту.

Гольдин категорически утверждал, что, возвратившись из плена и получив снова должность в штабе фронта, он ничего не делал для немецкой разведки. Лишь однажды выходил в Воронеже на вокзал для встречи со связником от Фурмана, которому собирался объявить,

что работать на Германию не будет. Но на вокзале к нему никто не подошел.

В ходе следствия Гольдин был полностью изобличен в неправдоподобности своих показаний и признался, что после возвращения из плена свои отношения с абвером он решил строить в зависимости от обстановки на фронте: если она будет складываться в пользу немцев, то работать на них, а если наоборот — то нет. Данными же, представлявшими большой интерес для немецкой разведки, он располагал ежедневно.

Предатель был предан суду военного трибунала по всей строгости советских законов.

Иван Чайка в госпитале долго не залеживался. Очередной его рейд в глубокий вражеский тыл помог контрразведчикам Особого отдела Юго-Западного фронта раскрыть гнусную провокацию абвера, острие которой было направлено против видного советского военачальника.

...10 декабря на фронтовом сборном пункте в селе Пески Воронежской области к младшему лейтенанту госбезопасности Пивоварову обратился сержант Воропаев, оказавшийся в окружении со своей танковой частью при отступлении из Харькова, и сообщил, что хочет сделать заявление большой государственной важности. То, о чем рассказал танкист, действительно выходило за рамки нашей повседневной работы.

В начале войны Воропаев добровольцем ушел на фронт, воевал храбро, отличился в боях за Харьков. Двое его сослуживцев, которых мы разыскали в одной из частей оборонявшейся здесь армии, подтвердили, что, когда кончились горючее и боеприпасы, сержант подорвал свой танк и вместе с ними выходил из окружения. Но по дороге простудился и заболел воспалением легких. В тяжелом состоянии его пришлось оставить в селе Шаповаловка у колхозницы Анны Карповны Франько.

Сам Воропаев честно сознался, что, оправившись после болезни, он проявил малодушие: привязался душой к своей спасительнице. Анна, судя по описаниям, была красивой 35-летней женщиной. Сидеть бы ему и по сей день в уютно оборудованном подполье, но неделю назад произошло событие, заставившее вспомнить о присяге и воинском долге.

Ночью их с Анной разбудил лай собаки. Они услышали шум автомобильного мотора и немецкую речь. Анна пошла открывать, а он юркнул в погреб и затаился. В комнату вошло несколько человек. По голосам определил, что среди них была женщина и русский. Анне приказали накрыть на стол и убираться спать в хлев — распоряжалась женщина по имени Гелена. Оставшись в доме одни и не подозревая о погребе, вырытом здесь же под кухней дома, приезжие продолжали разговор. К одному немцу все обращались уважительно — «герр генерал», а к русскому — «господин полковник». Переводила Гелена. Всего разговора Воропаев по памяти восстановить не мог, но суть его сводилась к следующему. Немецкий генерал хотел, чтобы русский полковник перешел линию фронта и нашел пути для встречи с видным советским генералом для передачи ему письма.

Полковник вначале отказывался. Он боялся, что могут возникнуть осложнения при переходе линии фронта и что советский генерал, получив письмо «герра генерала», прикажет арестовать и расстрелять его. Немец настаивал.

Через линию фронта, говорил он, господина полковника проведут беспрепятственно, а что касается советского генерала, он встретит посланца от немецкого командования с распростертыми объятиями. Он близкий друг многих германских военачальников и, больше того, поклонник фрейлейн Гелены. А в неотразимости чар фрейлейн господин полковник сможет убедиться лично — до утра времени еще вполне достаточно...

Утром немцы с советским полковником уехали в сторону фронта, а он, Воропаев, решил, что не может держать при себе такую страшную тайну, и твердо решил пробираться к своим.

Воропаева доставили в Особый отдел фронта. Нужно ли говорить, как внимательно мы изучали и анализировали его показания. Ведь речь шла не просто о добром имени и чести советского генерала, а и о человеке, занимавшем исключительно ответственный пост.

В показаниях Воропаева была одна очень серьезная натяжка. Сам он немецкого языка не знал, но довольно подробно передал ту часть разговора, где речь шла об интимной связи Гелены с советским военачальником и о том, как немец предложил «господину полковнику»

воспользоваться ее благосклонностью. По Воропаеву выходило, что переводчица говорила о себе в третьем лице. К сожалению, этого было мало, чтобы доказать лживость показаний «окруженца» — он ведь предупредил, что, не помня всех деталей, пересказывает лишь суть разговора, и при случае мог сослаться на то, что к такому выводу он пришел после всего услышанного.

Дело сержанта Воропаева было поручено лейтенанту госбезопасности Любченко. За линию фронта его сопровождал разведчик Иван Чайка. Он накануне выписался из госпиталя.

До Шаповаловки добрались на четвертые сутки без особых приключений, но уже там, на месте, сложности возникали одна за другой. Даже ночью подойти к хате Анны Франько незамеченными не было возможности. Потом неизвестно, как встретит Анна советских разведчиков. Если Воропаев немецкий шпион, не исключено, что его подруга «в курсе». В таком случае не миновать беды — в селе стоял немецкий гарнизон.

Решено было искать встречи с местными партизанами, хотя сроки и поджимали — на всю операцию было отпущено десять дней, — другого выхода не было. Но не прошло и суток, как Иван Чайка привел в небольшую рощицу, где укрывался Любченко, паренька лет шестнадцати, на щуплом теле которого каким-то чудом разместилось столько оружия, что его хватило бы на отделение солдат. Паренек — звали его Филя — оказался человеком обстоятельным. Только окончательно убедившись в полномочиях Любченко, он сказал, что их горю можно помочь. Немного подумав, он предложил план, с которым разведчики согласились.

Филя сбегал в село и, возвратившись через час, сообщил, что их человек еще раньше сговорился с Анной идти на Козье болото за клюквой. Места там глухие, и товарищи без помех смогут допросить и Франько, и обязательно их человека, чтобы Анна, не дай бог, ничего не заподозрила, ведь ее двоюродный брат служит старшим полицаем в соседнем селе Межеречье.

Партизанская связная вывела Анну к условленному месту, когда солнце еще не поднялось над верхушками деревьев. Любченко, у которого к тому времени полностью сложился план проверки, приказал Чайке «допросить» вторую женщину, а сам увел Анну подальше от тропинки.

На все вопросы Франько отвечала многословно, с причитаниями, но в общем толково. О Воропаеве не сказала ничего.

Когда Любченко попросил вспомнить номер немецкой машины, которая находилась у нее во дворе десять дней назад, и по возможности подробно описать ее пассажиров, у женщины от удивления округлились глаза. Но Любченко продолжал настаивать, подчеркивая, что от ее ответа зависит судьба и даже жизнь близкого ей человека. Анна молчала.

Тогда Любченко как бы между прочим спросил, что гражданке Франько известно о судьбе сержанта Петра Ивановича Воропаева. Анна часто-часто заморгала, по щекам ее покатились слезы. Немного успокоившись, Франько поведала, что Петра выдал фашистам родной брат ее мужа — душегуб и христопродавец. Воропаева отправили в райцентр и посадили в тюрьму. Тогда Анна слезами и щедрыми подарками задобрила брата-полицая, упросила его обратиться с ходатайством к немецкому начальству о помиловании Воропаева. Брат пошел на прием к коменданту. Потом потребовал еще тысячу рублей и сообщил, что герр комендант пообещал заменить для ее танкиста расстрел концлагерем.

Анна сама ходила в комендатуру, но в последний раз к ней вышла молодая немка в гестаповской форме и сказала, что нужно подождать, пока ее любовник искупит свою вину перед Германией.

Любченко подробно записал рассказ Франько и, заставив ее расписаться, строго предупредил, чтобы ни одна живая душа не знала об их разговоре.

Вскоре разведчики обедали в партизанской землянке и задушевно беседовали с командиром отряда. Финал этого разговора был несколько неожиданным. Любченко решил пробираться к линии фронта в одиночку. Чайка же на некоторое время должен был оставаться в отряде. Причиной тому была белокурая переводчица Гелена, работавшая от гестапо в одном из подразделений абвера.

В Особом отделе фронта уже имелись некоторые данные на бывшую официантку столовой штаба пограничной армии Гелену Ягодзинскую. Зная всех высших командиров и политработников этой армии, она в первые

месяцы войны разъезжала по лагерям для советских военнопленных, выдавала их гестаповцам и лично принимала участие в казнях. Последнее время следы ее затерялись. И вот теперь она опять объявилась как переводчица зондеркоманды. Командир партизанского отряда сообщил чекистам свежие сведения о похождениях Гелены в Харьковской области.

В середине ноября к партизанам поступили сведения, что в соседних районах появился вооруженный отряд, изымающий у местного населения скот, птицу, продукты, деньги и теплые вещи. При этом мародеры называли себя партизанами. Тогда с помощью двух соседних отрядов партизаны окружили бандитов и предложили им сложить оружие. Завязалась перестрелка. Шестеро головорезов было убито, а остальные сдались в плен.

Во время допросов главарь банды Бурый дал ценные показания. К немцам в услужение он пошел прямо из Острогской тюрьмы, где отбывал срок за националистическую деятельность. Гестаповский офицер решил проверить добровольца и спросил, чем тот сможет доказать свою верность рейху. Бурый попросил офицера выйти с ним во двор комендатуры, где находилось несколько десятков военнопленных, взял у охранника автомат и застрелил двух советских лейтенантов.

С точки зрения гестапо, лучшей характеристики о благонадежности не требовалось, и его взяли на службу в карательный отряд. Здесь он и познакомился с шикарной женщиной, полупольской-полуукраинкой. Несмотря на свою красоту и женственность, она могла заткнуть за пояс любого мужика, и во время проведения карательных акций ей не было равных. Пани Гелена пользовалась у немцев исключительной популярностью и как сотрудник гестапо, и как женщина, понимающая, что каждый защитник рейха вправе получить свою долю женской ласки. Но в последнее время у нее появился постоянный поклонник — обер-лейтенант абвера, которого она официально считает своим мужем, что, правда, не мешает ей время от времени «вспомнить прошлое». В этом Бурый имел возможность убедиться лично, когда формировал в Харькове свою банду. Гелена сказала ему, что в ближайшее время выезжает в Волноваху, туда переводят мужа, и что будет рада встретиться с Бурым и там.

Оставаясь в партизанском отряде, Иван Чайка дол-

жен был уточнить сведения о Гелене и по возможности разведать местонахождение и специализацию зондеркоманды абвера, в которой находился ее «муж».

Любченко перешел линию фронта и доложил руководству Особого отдела о результатах проверки. Когда Воропаева ознакомили с показаниями Анны Франько, он сознался, что был завербован немецкой разведкой. Так рухнули расчеты абвера скомпрометировать в глазах Верховного Главнокомандования советского генерала.

Ивану Чайке с помощью местных партизан удалось выяснить, что Гелена выехала со своим «мужем» зондерфюрером Вальтером Вольфом в Волноваху еще 15 декабря. Чайка установил наблюдение за местным подразделением комендатуры и через несколько дней подстерег на дороге мотоцикл с обер-ефрейтором, который служил там. В партизанском отряде, куда его доставили той же ночью, обер-ефрейтор дал ценные показания.

Гелена Ягодзинская была дочерью управляющего имением пана Залевского. Детство и юность провела она в родительском доме недалеко от Яремчи. Еще в 1936 году, когда Гелене было 19 лет, ею заинтересовался гость пана Залевского, сотрудник одной из секретных служб фашистской Германии. Он сумел оценить поразившие его в молодой и изнеженной паненке душевную черствость, властность и готовность идти на все ради достижения своих личных целей. Кроме того, девица уже обладала солидным опытом — пан Залевский начал оказывать ей усиленное внимание, когда Гелене едва исполнилось шестнадцать лет. Немец решил проверить, не ошибся ли он и подходит ли эта честолюбивая девица для секретной службы. Немецкую разведку интересовали некоторые дела хозяина поместья, крупного польского магната, имеющего обширные связи в правительственных кругах. Гелена превзошла все ожидания своего первого патрона. Очень скоро в ее «сердечной» коллекции оказалось несколько влиятельных приятелей хозяина, а за сведения, которые она у них выудила, разведчик получил солидное денежное вознаграждение и повышение по службе. Так 19 лет от роду Гелена была зачислена в штат СД.

Осенью 1939 года, когда западные области воссоединились с Советской Украиной и семья Ягодзинских со-

бралась переезжать в Краков, Гелена неожиданно получила приказ из Берлина остаться в Советском Союзе, переехать в другой город, устроиться на работу и войти в доверие к властям. Это было для нее ударом. Ведь в мечтах она уже видела себя в лучших салонах Парижа, Берлина, Рима. Но с мечтами пришлось расстаться — за три года работы в службе безопасности Ягодзинская успела хорошо усвоить, что приказы начальства обсуждению не подлежат.

Так в одном из ресторанов Станислава появилась новая официантка. Масштабы, правда, были не те, но постоянный успех у мужчин льстил ее самолюбию. Дело дошло до того, что усмирять неуемную паненку прибыл специальный курьер из Берлина. О чем они говорили, остается тайной, но весной 1940 года Гелена Ягодзинская абсолютно неожиданно для своих многочисленных поклонников бросает ресторан и выходит замуж за старшину-сверхсрочника из армейского полка связи, а затем становится официанткой в столовой для начсостава штаба армии. Круто изменила она и свое поведение — муж, доверчивый и добродушный сибиряк, ни в чем не мог упрекнуть Гелену.

Когда началась война, Ягодзинская на несколько дней исчезла, а с приходом немцев в Станислав снова появилась на его улицах, но уже в форме сотрудницы гестапо. И многие ее бывшие поклонники трусливо прятались в подъездах, увидав эту некогда легкомысленную особу в новом, столь грозном на оккупированной территории обличье.

До возвращения Ивана Чайки мы не знали точно, где находится предательница, не знали, что работает она сейчас под вывеской абвера. Теперь же, когда след ее был найден, в Особом отделе приняли решение захватить Ягодзинскую и доставить на нашу территорию.

Реализация этого плана несколько осложнилась тем, что Волноваха находилась в полосе действия соседнего, Южного фронта. На стыке двух фронтов, примерно в двухстах километрах северо-восточнее Волновахи, в немецком тылу работали два наших товарища — Загоруйко и Юдин. Поэтому, когда в Особом отделе намечался план захвата Ягодзинской, выполнение его решено было поручить Паше Загоруйко.

В Волноваху Загоруйко приехал 28 декабря, но на след Гелены Ягодзинской напал лишь в самый последний день 1941 года. Ему удалось узнать, что со своим любовником Вальтером Вольфом она собирается ехать в Мариуполь для встречи Нового, 1942 года. У Загоруйко появилась возможность провести операцию немедленно.

Подпольный партком Волновахи выделил ему в помощь трех человек. Знакомясь с людьми и ставя перед ними боевую задачу, Павел делал все обстоятельно — от этого зависел успех операции. А ребята были молодые и, судя по всему, необстрелянные. Двое из них, Петр и Сергей, в1941 году окончили среднюю школу, и только Прохор был постарше — до войны уже работал токарем в железнодорожном депо станции Волноваха.

От Волновахи до Мариуполя около 80 километров. Дорога большей частью степная, открытая с обеих сторон. И только в одном месте, километрах в трех от города, у железнодорожного переезда к ней примыкает широкая и довольно густая лесопосадка. Переезд постоянно перекрыт шлагбаумами, и на нем круглосуточно дежурит сторож. Значит, на переезде можно без выстрела остановить машину и бесшумно захватить немецкого офицера и его даму.

Загоруйко строго распределил роли. После полуночи сторож дядя Коля должен был надежно запереть шлагбаум и «спать» беспробудным сном у себя в будке. На автомобильные сигналы у переезда не реагировать до тех пор, пока ему не подадут знак. Сам Загоруйко и партизаны залягут в придорожных кустах. Как только нужная им машина остановится у шлагбаума, все четверо стремительно выскочат из засады и обезоружат Вольфа, Гелену и шофера. Все детали захвата репетировали до тех пор, пока не добились полной слаженности.

И Загоруйко и Прохор ясно отдавали себе отчет, что выбранное ими место имеет не только свои положительные стороны. Лесозащитные полосы были хорошим прикрытием как для засады, так и для отхода группы. На руку им была и инструкция, изданная недавно немецкими властями. По ней нормальное положение железнодорожных шлагбаумов — закрытое. Следовательно, остановка машины не насторожит ее пассажиров. Но, с другой стороны, до ближайшего немецкого поста было

меньше трех километров, и один-единственный выстрел мог вызвать тревогу в городском гарнизоне.

...К полуночи мороз крепчал. Будка дяди Коли гостеприимно подмаргивала желтым глазом крохотного оконца, из трубы белым столбом поднимался дым. Шлагбаумы были опущены. Но вдруг шедший впереди Загоруйко резко остановился и подал знак товарищам. Из будки ясно слышались голоса. Осторожно приблизившись к окну, Павел увидел необычную картину. За небольшим дощатым столиком, касаясь друг друга коленями, над чугунком с кашей склонились дядя Коля и немецкий солдат в шинели, с автоматом на шее.

Покончив с кашей, дядя Коля жестами показал, что ложится спать. Немец сказал «найн» и выразительно показал на автомат.

Нужно было срочно решить: убрать немца или найти способ хоть на несколько минут вызвать из будки дядю Колю. От первого варианта отказались сразу же — смена часовому могла прибыть в любую минуту, и тогда разводящий обязательно поднял бы тревогу. Выход подсказал Прохор. Он предложил направить кого-нибудь из хлопчиков к обходчику Крищенко и попросить, чтобы тот послал к дяде Коле с праздничным ужином дочь Настку. Уходя от дяди Коли, девочка попросит сторожа проводить ее через посадки... Не прошло и получаса, как к переезду подкатил мотоцикл с двумя гитлеровцами. Через несколько минут мотоцикл укатил, увозя с собой немца, который ужинал с дядей Колей...

Настка сыграла свою роль как нельзя лучше, но немец запретил дяде Коле выходить из будки. Медлить же было нельзя — с минуты на минуту могла подойти машина с Геленой.

Выбрав момент, когда немец всецело был занят едой, Загоруйко с силой рванул дверь, вскочил в будку и ударил фашиста по голове прикладом ППШ. У дяди Коли нашелся моток провода, которым гитлеровца спеленали по рукам и ногам. Потом заткнули рот его же перчаткой и оттащили подальше в посадку.

Дядя Коля сказал, что смена прибудет, видимо, не раньше шести часов утра.

Группа снова заняла свои места, и потянулись томительные минуты ожидания. До шести еще оставалось добрых сорок минут, когда километрах в двух от переезда со стороны Мариуполя на дороге появилась мер-

цающая полоска света от автомобильных фар. Загоруйко объявил «готовность номер один». Дядя Коля в последний раз проверил прочность запоров на шлагбаумах, а четверка смельчаков залегла к кюветах метрах в двадцати от переезда — здесь, по их расчетам, должна была остановиться машина.

Но произошло непредвиденное. Не сбавляя скорости, автомобиль проскочил засаду и остановился возле самого шлагбаума. На дорогу выскочил водитель и побежал к будке. В самый последний момент и Загоруйко и Прохор были ослеплены светом и не смогли молниеносно сориентироваться, та ли это машина. Из будки послышались ругань водителя и глухие удары. В это время открылась задняя дверца. Из машины выбрался офицер и не совсем твердой походкой направился к сторожке, вынимая на ходу парабеллум. Загоруйко вскинул автомат и полоснул очередью по офицеру. Тот упал. Тогда Павел послал Прохора на помощь дяде Коле, а сам побежал к машине. В этот момент распахнулась вторая дверца, и на дорогу выскочила женщина в военной форме. Отстреливаясь из автомата, она побежала в сторону Волновахи. Фигура беглянки, ее черный эсэсовский костюм отчетливо выделялась на белом снегу. Загоруйко бросился следом. Когда их разделяло каких-нибудь пятнадцать шагов, он приказал ей остановиться и бросить оружие. В ответ прозвучала очередь. Уже падая, Загоруйко нажал спусковой крючок...

Через минуту товарищи подобрали истекающего кровью чекиста. В нескольких шагах от него лежала мертвая Гелена.

В суматохе боя партизаны не заметили, как к переезду со стороны Мариуполя подкатила еще одна легковая автомашина. Ехавшие на ней немцы открыли огонь. Пересилив боль, Павел приказал ребятам идти на подмогу Прохору: «Я ранен в живот, двигаться не могу. Передайте в подпольный комитет и на ту сторону, что задание выполнено...»

Не успели партизаны отойти и нескольких шагов, как раздался одинокий выстрел. Понимая, что его состояние безнадежно, Загоруйко не захотел быть обузой для товарищей...

Тем временем Прохор пристрелялся по второй машине. Получив отпор, гитлеровцы дали задний ход и убрались восвояси.

Попрощавшись со своим боевым товарищем, отнеся его тело в посадку, ушли с переезда партизаны.

От шофера-гестаповца, которого Прохор оглушил стоявшей у сторожки лопатой, подпольщики узнали, что во второй машине находился начальник Вольфа, которого все называли господин Локкерт. Спасая свою шкуру, пленный гестаповец многое рассказал о «команде Локкерта» и о ее делах.

Получив эти сведения, советское командование решило покончить с осиным гнездом. Во время налета советской авиации на Волноваху штаб зондеркоманды, ее учебный центр и радиостанция были полностью уничтожены.

ОТВЕТНЫЙ УДАР

К концу 1941 года улучшились позиции особого отдела Юго-Западного фронта в тылу противника. Особенно в этом отличались работники подразделения, которым руководил капитан государственной безопасности Борис Всеволодович Дубровин. Поначалу даже в голове не укладывалось, как это в суматохе отступления можно было создать столь разветвленную и хорошо законспирированную сеть разведчиков.

Когда немецкие танковые соединения рвались к Белгороду, Степан Лукич Самойленко внешне никаких признаков беспокойства не проявлял.

У директора школы остался очень неприятный осадок после беседы с учителем немецкого языка. Немногословный Самойленко коротко сообщил ему, что, взвесив все «за» и «против», они с женой решили не эвакуироваться. Детям нужно учиться независимо от того, кто в данный момент будет находиться у власти, а они с супругой учителя и по профессии и по призванию.

Мало кто из соседей и сослуживцев знал, что Самойленко был уроженцем республики немцев Поволжья. Там он вырос, там изучил язык, а в институте лишь отшлифовал свои знания до совершенства.

Пришли немцы, город на некоторое время будто вымер. Один Самойленко не изменил своим привычкам. Утром он уложил тетради в потертый кожаный портфель и неторопливой походкой направился в школу.

В школу в то утро ему попасть не удалось — ее заняла под казарму проходящая эсэсовская часть. И Са-

мойленко под улюлюканье эсэсовцев отправился домой.

Когда учителя вызвали в немецкую комендатуру и предложили сотрудничать с оккупационными властями, он слово в слово повторил гестаповскому офицеру то, что говорил несколько дней назад директору школы. Но штурмфюрер оказался человеком настойчивым.

— Мы дадим вам возможность делом доказать свою лояльность Германии. Мы назначим вас директором школы, где будете учить детей по нашим программам. И время от времени вы, возможно, будете выполнять обязанности переводчика у нас. Мне нравится ваше произношение и... ваша биография. Видимо, ваши заволжские друзья были действительно из очень хороших немецких семей. На сегодня все. Можете идти.

Примерно сутки спустя, ночью, радисты-абверовцы при штабе 29-го армейского корпуса перехватили загадочную радиограмму. «Дон, Дон, я — Хорол, Хорол. Ухожу на Запад по первому варианту. Дорога безопасная. Жду указаний».

А когда эта радиограмма оказалась на столе Б. В. Дубровина, он не смог скрыть радости. Самойленко начал вживаться в «новый порядок». Так на строго секретной карте, к которой в особом отделе имели доступ лишь немногие товарищи, появился еще один кружок...

Новое назначение и даже ночные вызовы в гестапо в качестве переводчика почти ничего не изменили в домашнем укладе супругов Самойленко. Лишь изредка супруги обменивались визитами с соседкой, одинокой пожилой женщиной, в прошлом тоже учительницей. Но ей это семейство стало в тягость, когда Самойленки буквально зачастили к ней на вечерние чаепития. Началось это после того, как у Клавдии Ивановны, так звали соседку, поселился артиллерийский офицер из штаба корпуса Конрад Гюнтер.

Он явно заслуживал пристального внимания Самойленко. Еще при первом знакомстве он выразил большое удовлетворение от того, что вновь оказался в педагогическом окружении. Он тоже учитель, преподаватель математики. На службу в вермахт призван уже после того, как Гитлер начал войну с Советским Союзом. Конрад на слове «Гитлер» сделал ударение, видимо, давая понять, что для него лично Гитлер и Германия далеко не одно и то же. Не мог Самойленко не обратить вни-

мания и на другую важную деталь. Все без исключения немцы, с которыми ему до сих пор приходилось сталкиваться, о главе «третьего рейха» отзывались куда более почтительно. Если не великий фюрер Германии Адольф Гитлер, то уж по крайней мере «наш фюрер». А тут без всяких церемоний — Гитлер.

Отметив все это, Степан Лукич не мог не поддержать предложения Конрада «позабыть о грани, проведенной между ними войной, и поддерживать дружеские отношения, как это надлежит коллегам».

О своем новом знакомстве Самойленко сообщил «Дону», и ответ оттуда не задержался. Действия Степана Лукича одобрили, но просили не забывать, что учителем Гюнтер был в прошлом, а теперь он офицер фашистской армии и от него в любой момент можно ожидать какой угодно подлости.

Неожиданно на помощь нашему разведчику пришла добрейшая Клавдия Ивановна. Видимо, ее до такой степени возмутило «сюсюканье» соседей с этим фашистом, что она отказала им в своей дружбе. На неуживчивость старухи пожаловался Самойленко и Конрад. Это был прекрасный повод предложить немецкому офицеру перебраться к ним.

Гюнтер перебрался к ним со своими нехитрыми пожитками в тот же вечер. Супруги обратили внимание, что среди вещей обер-лейтенанта не было ни одной трофейного происхождения. С чисто немецкой пунктуальностью объяснив, какие продукты из своего пайка он будет отдавать в «общий котел», а какие отсылать родителям в Германию, Гюнтер попросил считать его как бы равным членом семьи и при необходимости возлагать на него те или иные обязанности по дому.

Однажды Гюнтер пришел со службы в особенном настроении — его до краев переполняла какая-то тайна. Степан Лукич понял, что Конрад ждет расспросов.

Гюнтер заговорил сам, когда ужин подходил к концу. Вы знаете, сказал он, что рождество фельдмаршал Бок решил праздновать в Московском Кремле и поклялся в этом фюреру. Но теперь неизвестно, удастся ли ему удержаться хотя бы в Смоленске.

— Неприятные известия с фронта?

— Не надо притворяться. Неужели вас не поразит известие, что вчера советские войска под Москвой перешли в контрнаступление?

Что должен Степан Лукич ответить сейчас немцу?

— Мне непонятно, чему радуетесь вы, немец? И почему пытаетесь принудить меня разделить эту вашу радость?

— Не нужно, Степан Лукич. Ваше сердце сейчас с вашими учениками: под Москвой, под Ленинградом, в Севастополе. Я вам верю. Прошу верить и мне.

Все это Конрад высказал на одном дыхании. А когда замолчал, стало тихо-тихо.

— Допустим, вы правы, Конрад, что я с вами неискренен. Но кто вы? Как офицеру штаба вам хорошо известно, что даже небольшая часть тех сведений, которые вы мне сообщали как бы между прочим, попади она к советскому командованию...

— О, да, да... Мне даже известны некоторые последствия. На той неделе я рассказал вам, что в районе деревни Большой Торец командование корпуса оголило фланг. Два дня назад советские войска предприняли на этом участке частное наступление и почти без потерь захватили пятнадцать тяжелых орудий.

— Однако вы переоцениваете мои возможности...

— Я привел только один пример.

— И чего же вы хотите от меня?

— Я хочу быть с теми, кто против фашизма.

— Значит, вы хотите работать на нашу победу?

— Я хочу ускорить крах фашизма. А это под силу только вашей стране. За последние месяцы я в этом убедился.

...Конрад Гюнтер оказался на редкость толковым и надежным помощником. Но однажды он пришел домой очень встревоженный.

В штабе корпуса уже велись разговоры об утечке секретной информации, знали штабисты и о том, что в городе или вблизи него работает советская радиостанция, выходящая в эфир с позывными «Хорол», но засечь ее координаты до сих пор не удавалось. И теперь в Белгород прибыли машины-пеленгаторы. Радиосвязь пришлось прекратить. В таком случае через две недели с той стороны должен был прийти связник.

Гестаповцы и абверовцы упорно продолжали искать советского разведчика. Они подобрали ключ к коду, которым пользовался Самойленко, и поняли, что утечка секретной информации идет из штаба корпуса.

Над Гюнтером начали сгущаться тучи. В зданиях

штаба все чаще появлялись работники гестапо, абвергруппы и корпусного отдела «1-Ц». После их визитов исчезло несколько сотрудников, которые слишком уж рьяно отдавали дань красоте «руссиш фрейлейн».

Вместе с тем продолжалась охота и за таинственной радиостанцией. Гестапо хватало всех подозреваемых. Допросы велись в три смены, и Степан Лукич почти не бывал дома.

В конце января 1942 года Гюнтер сообщил Степану Лукичу, что в войсках получен новый приказ Гитлера. В нем, в частности, содержится обещание до начала весеннего наступления обеспечить армии прорыва новым, сверхмощным реактивным оружием, не уступающим по губительности огня русским «катюшам».

— Однако не спешите с отправкой этого сообщения, — предупредил Конрад. — 12 февраля мне исполняется тридцать пять лет, и я жду в гости своего университетского товарища Георга Торна. Он командует артиллерийским дивизионом и знает значительно больше, чем мог бы знать дивизионный командир. Отец его держит контрольный пакет акций барменских оружейных заводов.

Степан Лукич попросил Конрада рассказать более подробно о его приятеле.

Георг Торн рос замкнутым и очень чувствительным мальчиком, в университете был постоянной мишенью для насмешек. Конрад как-то вступился за Георга, с тех пор тот привязался к нему.

Несмотря на мягкость характера, Торн благодаря протекции отца, оказавшись в 1939 году в армии, сделал себе карьеру — через три года стал уже майором. Но при последней встрече с Конрадом в штабе корпуса Георг заявил, что еще месяц в этом аду, в окружении тупых и безмозглых убийц, и он сойдет с ума.

Конрад тем не менее просил Степана Лукича не привлекать майора к их работе.

— Георг — натура увлекающаяся, — пояснил он. — Вспыхнет на какое-то время, а в этом пламени можем сгореть и мы с вами. Но в отношении его обязательно нужно что-нибудь придумать — ведь нельзя же оставлять человека гибнуть на распутье.

Самостоятельно решать такой серьезный вопрос Самойленко был не вправе. И за линию фронта был послан связной.

В канун приезда Георга Торна Самойленко получил ответ. В сумерках на улице его догнал парень и, шепнув пароль, незаметно сунул в карман туго скатанную бумажку.

Дубровин сообщал, что данные, полученные от Конрада, полностью подтвердились. Но и Дубровин разделял опасения Гюнтера и приемлемой формой воздействия на Торна считал попытку склонить его к сдаче в плен командованию Красной Армии. Но спешить с этим тоже не следует, потому что, по имеющимся у Дубровина данным, Георг собирается в отпуск в Германию, а его знакомство там с новым оружием и степенью его готовности представило бы для нашего командования большой интерес.

Степан Лукич в общих чертах изложил все Конраду, и тот сразу же согласился, что другого выхода для Торна не придумаешь.

Торн приехал уже затемно. После горячих поздравлений и вручения подарков Конрад представил своего друга хозяевам дома. Видимо, и Георг почувствовал то, что Конрад в этом доме человек близкий.

За ужином Торн рассказал о возмутительном явлении, с которым он столкнулся несколько дней назад. На участок фронта, где располагался их полк, в конце января прибыла команда из полка «Бранденбург». Здесь абверовцы переоделись в общевойсковую форму офицеров вермахта и после первой же стычки с противником не вернулись с поля боя. Знакомый капитан из отдела «1-Ц» объяснил Торну, что они сдались в плен. Это добровольное пленение преследует далеко идущие цели. Попав в лагеря для немецких военнопленных, участники этой команды должны нещадно расправляться в назидание другим с германскими офицерами, которые по тем или иным соображениям нарушили присягу, сдались в плен и сейчас сотрудничают с советской лагерной администрацией.

Дальнейшего развития эта тема не получила. Конрад сделал предположение, что с появлением на фронте нового реактивного оружия русским придется туго. Майор при этом болезненно поморщился.

— Новое оружие пока очередной блеф. В этой войне исход будет решен не силой оружия, а силой духа. Под Москвой и здесь нас остановили прежде всего не русские «катюши», а русские солдаты. Заводы моего

отца работают уже в основном на металлоломе. Из двух разбитых пушек отливают одну. Конрад на нашем курсе был лучшим математиком. Он без карандаша может подсчитать, на сколько у нас еще хватит пороху. Не так ли, Конрад?

— Свое право на подсчеты я уступаю господам Кейтелю и Йодлю. Поэтому наша с тобой задача, Георг, давать меньше сырья для завода Торна-старшего.

Воспользовавшись своим пребыванием в штабе корпуса, Георг выхлопотал двухнедельный отпуск и на следующий день вылетел в Германию. На аэродроме в Вуппертале его ожидала машина, но к отчему дому он добирался долго и папаши Торна дома не застал. Он по срочному вызову находился в Берлине. Появился дома лишь на четвертый день после приезда сына и сразу же настоял, чтобы сын облачился в парадный мундир и еще до завтрака побывал на одном из заводов.

Подробно ознакомившись с характеристиками нового оружия, процессом сборки и надежностью механизмов наводки, Георг пришел к выводу, что армейские артиллеристы встретят его без особого восторга. Реклама, как всегда, опережала события.

А Торн-старший взахлеб перечислял преимущества «этих штучек», их колоссальную поражающую силу.

— Работаем на полигонах, но результаты потрясающие! Недалеко от Аушвица мы выбрали подходящий кусок земли, отобрали из пленных три тысячи человек и приказали им окопаться по всем правилам. И тогда мы одним залпом накрыли всю площадь. Представляешь, из всей этой банды уцелело не больше сотни, и то все они были контужены. Был полк, и нет полка. Представляешь?..

Георг представил...

Майор Георг Торн перешел на нашу сторону 11 апреля 1942 года в районе села Старый Салтов. В Особом отделе 38-й армии Торн рассказал: вчера в штаб их части пришла ориентировка из штаба корпуса, в которой сообщалось, что при аресте покончили с собой штабной офицер Гюнтер и хозяева его квартиры.

За несколько дней до этого командование нашего Юго-Западного фронта получило сообщение об участившихся случаях арестов подпольщиков в Белгороде. Бы-

ли все основания полагать, что среди них действует провокатор. Подпольную организацию надо было спасать, и такое задание Военный совет фронта дает Особому отделу. В Белгород посылают уже побывавшего там оперработника из подразделения Дубровина — Ф. П. Голубкова, который с помощью группы Самойленко должен выявить провокатора и обезвредить его.

На след предателя удалось напасть лишь на восьмой день после прибытия Голубкова в Белгород. Это была его встреча с шестым из семи находившихся на свободе подпольщиков.

Представительный мужчина, в прошлом директор одной из местных кустарных артелей, произвел на Голубкова хорошее впечатление. По его мнению, руководство подпольного парткома забыло о строжайшей конспирации. Поэтому, создавая теперь новую организацию, необходимо более скрупулезно подходить к отбору, проверке и поведению товарищей.

На вопрос Голубкова, как ему лично удалось избежать ареста, он ответил:

— Я здесь осуждал наших товарищей за беспечность, и у вас могло сложиться неправильное о них мнение. Это были настоящие коммунисты, убежденные борцы и преданные мне друзья. В организации меня знали лишь три человека, все — члены парткома. Их стойкости и мужеству на допросах я, видимо, и обязан тем, что сейчас вот нахожусь здесь, рядом с вами...

Побеседовав еще немного, Голубков и директор разошлись в разные стороны, договорившись встретиться на том же месте в ближайшее воскресенье.

Голубкова подстраховывал сам Степан Лукич. Вначале он проводил бывшего директора до центра города, а потом еще с добрый час петлял следом за ним по малолюдным улочкам. Когда сгустились сумерки, директор ускорил шаг и вскоре открыл своим ключом калитку дома номер семнадцать по Старо-Кузнецкой улице. А еще через двадцать минут невдалеке от этого дома остановился черный «опель», и вышедший из него немец направился в тот же дом, куда вошел директор. Приближался комендантский час, и Самойленко поспешил домой.

Новая ситуация требовала немедленных действий. Решено было сегодня же захватить предателя. Но опасность подстерегала и Степана Лукича. На Старо-Куз-

нецкой улице его заметил другой гестаповский холуй. И когда в первом часу ночи дежурный разбудил штурмбаннфюрера и доложил ему о дерзком похищении «их сотрудника», шеф поднял на ноги всю свою службу. Тут ему и доложили о Самойленко.

Две крытые машины подкатили к дому учителя. Офицер, руководивший операцией, подошел к двери и настойчиво постучал в нее. «Откройте, из штаба, срочный приказ». Дверь по указанию Лукича открыла Надежда Григорьевна, но, увидев гестаповца, сразу захлопнула ее.

Схватка была короткой, но ожесточенной. Автомат Конрада бил скупыми очередями, расчетливо и метко стрелял Степан Лукич. А когда фашисты, подорвав гранатой дверь, ворвались в комнаты, над вздыбившейся крышей дома качнулось оранжевое пламя — сработала хранимая для самого крайнего случая противотанковая мина.

О подвиге группы Самойленко в Особый отдел фронта рапортовал младший лейтенант госбезопасности Федор Голубков.

ПУТЬ В АБВЕР

Лейтенант Николай Рахов перешел линию фронта в двадцатых числах декабря 1941 года и был направлен на фронтовой сборный пункт в село Пески. В течение нескольких дней он прошел проверку и уже готовился к отъезду в часть, как им заинтересовались работники из подразделения Дубровина.

Николай Рахов в 1940 году, сразу после окончания военного училища, женился на учительнице из Мариуполя и вместе с ней уехал к месту службы под Брест, в 113-ю стрелковую дивизию, где получил назначение на должность командира взвода. Здесь и застала его война. Жена успела эвакуироваться в Мариуполь, а он 3 июля был тяжело ранен и оказался в бобруйском лагере для военнопленных.

Рахову повезло. В Бобруйске жила родная тетка его жены, и он сумел сообщить ей о своем пребывании в лагере. Тетка добилась его освобождения. Немецкому коменданту города она заявила, что жена Рахова — дочь бывшего крупного кулака, умершего в сибирской ссылке, и что их семья достаточно пострадала от Советской власти. Эти данные при проверке подтвердились:

Галиного отца действительно раскулачили и выслали в Сибирь в 1929 году, где он вскоре утонул. Немцы за «обиды» покойного тестя освободили Рахова из лагеря и даже выдали ему аусвайс — пропуск, по которому он мог беспрепятственно передвигаться по оккупированной территории.

Рахов пошел к жене, но по пути в одном из сел на Брянщине встретил двух советских военнослужащих, бежавших из минского лагеря. Дальше на восток они пробирались уже втроем.

После обстоятельного разговора с лейтенантом госбезопасности Балакиным Рахов всю ночь не спал.

Ему предложили вернуться в тыл врага. Добраться до Полтавы, явиться в комендатуру железнодорожной станции, предъявить свой аусвайс и попросить разрешения на проезд поездом до Мариуполя.

Надежда у нас была на то, что немцы не оставят без внимания советского командира, не скрывающего своего недовольства прежними порядками, к тому же «пострадавшего» от Советской власти. Именно таких людей, по имеющимся у нас данным, и вербовал в первую очередь абвер в свои разведывательные школы.

Рахову дали явку и пароль в Полтаве. Однако воспользоваться этими услугами тогда, в феврале 1942 года, ему не пришлось. Через две недели он вновь беседовал с Балакиным и Дубровиным. А произошло вот что...

Перейдя линию фронта севернее Волчанска, Рахов без особых приключений добрался до Полтавы. Но именно здесь его хваленый аусвайс не сработал. Николай попал в облаву и очутился в подвале гестапо.

Через двое суток Рахова вызвали на допрос. Николай вел себя уверенно, отвечал четко, убедительно: рассказал об обстоятельствах освобождения из плена, показал по карте свой маршрут от Бобруйска до Полтавы, дал адреса тетки и жены.

Три дня его еще держали в камере, видимо, проверяли показания, а затем вновь вызвали на допрос. Вертя в руках его аусвайс, офицер время от времени бросал на Николая испытующие взгляды.

— И что же вы намерены делать теперь, господин Рахов?

— Хотел бы повидаться с женой, а там видно будет... На работу или еще куда...

— Значит, по-вашему, мы затеяли эту войну для того, чтобы обеспечить бывшему советскому лейтенанту Рахову тихую и сытую жизнь?

— Я не совсем понимаю...

— Сейчас поймете. — Офицер протянул ему аусвайс. — Мы переправим вас через линию фронта с абсолютно надежными документами. Вы побродите недельку по тылам советских войск, все хорошенько запомните и возвратитесь к нам. Потом мы вернем вам пропуск, не этот, а более надежный, и через день-два вы окажетесь в горячих объятиях фрау Раховой.

— Но я никогда...

— Это детали. Если вы не возражаете против сути моего предложения, то подпишите вот эту бумагу, и с вами займутся специалисты. Они за несколько дней растолкуют вам некоторые тонкости вашей новой работы.

Так Николай Рахов вновь оказался на нашей стороне. Восемь дней, которые до этого он провел в Полтавской разведшколе, — срок, конечно, небольшой. Но цепкая память лейтенанта с фотографической точностью запечатлела лица руководителей абверкоманды и школы, некоторых ее преподавателей, инструкторов, вербовщиков и обучающихся.

На описание их портретов и подробный доклад об обстановке в школе ушло у Рахова около трех суток. А тем временем наши товарищи готовили для немецкой разведки сведения о состоянии наших войск, морально-политическом духе бойцов, о дислокации некоторых частей. Поскольку зона действия «абверовского агента» захватывала сравнительно небольшой участок фронта, данные эти были недалеки от истины. Мы не исключали, что Рахова, возможно, проверяют. Так оно впоследствии и оказалось.

Николай Рахов возвратился в Полтаву на день раньше намеченного срока. Абверовский офицер похвалил его за быстрое и точное выполнение задания, но на территорию школы не пустил, назначив на следующий день встречу на квартире. Переночевав на вокзале, Николай явился по указанному адресу, где ему вручили небольшую сумму денег, недельный солдатский паек и аусвайс с жирным гестаповским штампом наискосок: «Проверен».

Встреча с Галей в значительной мере компенсировала все тяготы и лишения последних месяцев. Глядя в

сияющие глаза жены, Николай с острой внутренней болью отсчитывал отведенные ему часы и дни. Он-то знал, что немцы так просто от него не отступятся, и в глубине души даже торопил их. Ведь от последующих ходов абвера зависел успех большого дела, ради которого он сюда послан.

Гестаповцы явились к нему на квартиру в третьем часу ночи. Рахова отвезли в городскую тюрьму. Мариупольские палачи мало чем отличались от своих полтавских коллег. Те же методы, только тут чувствовался более «серьезный» к нему подход — две недели без допросов в окружении провокаторов, пять дней методических избиений в сыром полутемном застенке.

При первом допросе гестаповский офицер предложил Рахову чистосердечно написать, как и когда он был завербован советской разведкой и какое задание должен был выполнить в Мариуполе. Николай категорически отвергал все обвинения. Его допрашивали, били и снова допрашивали.

Однажды ночью — шла уже пятая неделя со дня ареста — Николай услыхал на соседних нарах приглушенный шепот. Речь шла о побеге.

Очередная гестаповская провокация? А если нет? Как ему поступить? Промолчать на очередном допросе — значит, дать козырь в руки следователя, если это провокация. Сообщить о заговоре? А если действительно готовится побег? Такой задачи с двумя неизвестными Рахову решать еще не приходилось. За «иксом» и «игреком» стояли человеческие жизни, его собственная и судьба порученного ему дела.

Едва забрезжил рассвет, Рахова вызвали на допрос.

— Разрешите задать вопрос, господин следователь.

— Я вас слушаю.

— Если доведенный до крайности пытками и побоями заключенный решится бежать, что ждет его близких?

— Их расстреляют. И его тоже. А вы имеете в виду что-то конкретное?

— Ведь есть же предел человеческих возможностей. Есть та черта, за которой все становится безразличным. И тут мне пришла в голову простая мысль: ведь если я, отчаявшись в этом аду, сбегу, это совсем не будет означать, что вы правы и я действительно советский разведчик. Все значительно проще: каждый человек стремится во что бы то ни стало выжить. Даю вам сло-

во: знай я, что меня оставят в покое, я, не задумываясь, признался бы во всем, чего вы требуете. Но это было бы неправдой.

— Что ж, вы правы. Но только отчасти. Для вас лично выход есть.

— В чем же он?

— В том, господин Рахов, что мы сейчас выпьем с вами по чашке кофе, выкурим по сигарете, а потом я познакомлю вас с одним очень интересным господином.

— И я смогу увидеть жену?

— Только попрощаться. Сегодня ночью вы уезжаете отсюда. Надолго. А о жене не беспокойтесь. Кстати, все время, пока вы находились здесь, она получала приличный паек.

Поздно вечером Николай в сопровождении немецкого лейтенанта заехал домой. И той же ночью выехал в Волноваху.

Около месяца он жил на конспиративной квартире, где под руководством двух офицеров-разведчиков постигал тайны шпионского ремесла. Экзаменовал Николая сам Фаулидис. Он остался доволен знаниями курсанта. Особый восторг у матерого шпиона вызвало мастерство лейтенанта в стрельбе. В полутемном тире с двух рук Рахов точно поражал быстро мелькающие мишени. После экзаменов Николаю торжественно объявили, что он оставлен инструктором при зондеркоманде господина Фаулидиса.

Эта команда вела подрывную деятельность против наших войск, главным образом Южного и Северо-Кавказского фронтов, а в Мариуполе и в Волновахе у нее были свои курсы по подготовке разведчиков и диверсантов.

С непосредственным начальником лейтенантом Александром Кранцем у Рахова очень скоро установились почти приятельские отношения. На работе Кранц был службистом до мозга костей, и со своих курсантов он сгонял по семь потов.

Вскоре Кранц представил Рахова большой группе курсантов. Свою короткую речь он закончил так:

— Если через месяц господин инструктор доложит мне, что кто-либо из вас не может попасть из автомата в летящую ласточку, тот будет отправлен в лагерь.

На вопрос Рахова, чем вызвана такая строгость, Кранц ответил, что эта банда будет заброшена на грозы-

ненские нефтяные промыслы с особым заданием. В случае наступления германских войск русские, видимо, попытаются взорвать промыслы. И эти агенты должны будут воспрепятствовать их действиям.

Учитывая «важность» задания, Рахов ввел индивидуальные занятия с каждым курсантом снайперской группы. Самых способных стрелков он ухитрился отчислить в лагерь за «нерадивость», однако и те, что оставались в группе, к концу месяца стреляли превосходно. Вскоре их отправили на полевой аэродром.

Воспользоваться своим умением им, к большому сожалению господина Фаулидиса, не удалось. Вся эта банда диверсантов и террористов была арестована советскими чекистами сразу же после приземления.

15 июня 1942 года из Особого отдела 9-й армии к нам поступила телеграмма, в которой сообщалось, что на квартире стрелочницы станции Боровая задержаны два агента немецкой разведки. На допросе один назвался Раховым и просил сообщить о нем в Особый отдел Юго-Западного фронта.

В 9-ю армию срочно выехал лейтенант госбезопасности Балакин. Рахов рассказал, что на нашу сторону он был заброшен еще 11 июня в районе села Кунье Харьковской области в паре с агентом по кличке Петер. Им поручили разведать наличие войск по реке Дону, на участке Серафимовичи — Калач — Цимлянская.

Оказавшись среди своих, Николай очень радовался, но докладывал четко и по существу. Со слов его «друга» абверовского лейтенанта Александра Кранца ему стало известно, что 22 июня немецкое командование начинает крупное наступление на Сталинград. В связи с этим абвер забросит в тылы наших фронтов — Брянского, Юго-Западного и Южного — около двухсот агентов, окончивших Варшавскую, Брянскую, Полтавскую разведшколы и курсы в Мариуполе, Волновахе и Харькове. Заброска будет производиться главным образом по воздуху на территории Тамбовской, Саратовской, Сталинградской и Астраханской областей, а также в Ставропольский и Краснодарский края. Рахов подробно описал известных ему агентов, рассказал о методах их действий, возможных паролях и экипировке.

Балакин срочно связался с Дубровиным, и тот принял решение возвратить Николая Рахова в «команду Локкерта». Там он должен был заявить, что своего на-

парника ликвидировал при его попытке явиться к советскому командованию с повинной.

Благодаря данным, полученным от Рахова, чекисты Особого отдела фронта и управления НКВД Тамбовской, Саратовской и Сталинградской областей только в июле 1942 года арестовали 110 немецких агентов. Еще одна масштабная операция абвера была сорвана.

С момента ухода Рахова к немцам прошло больше трех недель, а мы не получали от него никаких известий. Никто из нас не хотел верить в наихудшее, хотя для опасений были основания. Ведь мы отправляли Рахова в спешке — истекал срок выполнения его задания. Немцы могли заподозрить неладное и в тех сведениях, которыми был снабжен Николай, ведь их авиация вела в Придонье интенсивную разведку и могла обнаружить расхождения с раховскими разведданными. На одном из допросов — к большому сожалению, уже после ухода Николая — петлюровец Петер заявил, что Рахову немцы полностью не доверяют и его приставили к нему.

И вот руководство решает направить в Мариуполь, к жене Николая, нашего человека. Надо было в кратчайший срок выяснить судьбу Рахова и в случае его провала постараться внедриться в зондеркоманду Фаулидиса — Локкерта.

Начался срочный подбор кандидатуры для выполнения такого задания. Поиск шел среди младшего командного состава. Нужен был человек смелый, энергичный, беспредельно преданный Родине и уже побывавший в немецком плену. Кроме того, нужен был если не уроженец Мариуполя, то, во всяком случае, человек, имеющий там близких родственников и желательно знающий, хотя бы слабо, немецкий разговорный язык.

Выбор пал на лейтенанта Василия Гордиенко. Василий незадолго до начала войны окончил Чугуевское авиационное училище. За два месяца боев сбил три фашистских самолета, за что был представлен к ордену Красной Звезды. В одном из неравных воздушных боев в районе Кировограда сбил четвертого по счету гитлеровца, но и его И-шестнадцатый получил несколько прямых попаданий, и обожженный лейтенант попал в плен. В бессознательном состоянии его доставили в санчасть при днепропетровском лагере для военноплен-

ных. Только стал на ноги — попытался бежать. Потом вторая попытка, третья. Вначале немцы ограничивались штрафным бараком, а в октябре отправили Гордиенко в лагерь смертников в Замостье. По дороге ему и еще таким же пятерым смертникам удалось бежать. Все шестеро после двухмесячного скитания по лесам, полям и болотам вышли к своим на участке 21-й армии.

К моменту знакомства Гордиенко с капитаном госбезопасности Дубровиным перечень его боевых заслуг увеличился. Прибавилось звездочек на фюзеляже его Яка, а рядом с первым орденом появился еще один, боевого Красного Знамени, и медаль «За отвагу».

Не менее важным было и другое. Гордиенко родился в Запорожье. Там, на одной из заводских окраин, в маленьком домике, жил его отец-пенсионер. К нему в самом начале войны эвакуировалась жена Василия — Надя. Надины же родители жили в Мариуполе.

Такое счастливое стечение обстоятельств плюс его личные качества делали Василия Гордиенко подходящей кандидатурой для осуществления задуманной операции. Об этом прямо сказали лейтенанту, добавив, что последнее слово остается за ним.

— Я считаю, что рассуждать тут долго нечего. Партийная дисциплина для всех одна. Приказывайте.

— Не имею права сейчас приказывать. Вот когда ты все взвесишь, сам придешь к нужному решению, и сердцем и умом придешь, тогда изволь слушаться — оплошности не спущу. Понял?

— А с товарищем, который пропал, вы тоже так?

— Тоже так.

— Ну что ж, поскольку я теперь вроде и за него в ответе, и на его место иду, считайте, товарищ полковник, что со всеми колебаниями покончено было еще тогда, им. Решил он и за себя и за меня...

Потянулись дни учебы. И когда Дубровин лично убедился, что Василий готов к выполнению задания, ему вручили аусвайс, сделанный по образцу раховского, и в ночь на 8 августа отправили самолетом в партизанский отряд Беспалько. Приземлился Гордиенко удачно и на следующий день, детально ознакомившись с обстановкой на месте, двинулся в путь.

Аусвайс сработал безотказно. Меньше чем за трое суток Гордиенко добрался до Запорожья и еще до начала комендантского часа был на пороге отчего дома.

На следующее утро Гордиенко явился в немецкую комендатуру для регистрации. У него отобрали аусвайс, документы отца и жены и заставили прождать в приемной больше двух часов. К полудню его наконец проводили в кабинет, где, кроме пожилого немецкого офицера, находился еще какой-то гражданский тип.

Разговор с немцем был непродолжительным. Тот лишь поинтересовался родственниками в Запорожье, с какого времени он находился в плену и какую должность до того занимал в Красной Армии, где работает жена. Но когда офицер, даже не кивнув на прощанье, вышел из кабинета, «цивильный» буквально засыпал Василия вопросами. Его интересовало все — и детские годы, и учеба в летной школе, и служба в армии, и поведение в лагере, и точное название хуторов и сел, через которые Гордиенко добирался из лагеря в Запорожье. Даже не искушенный в подобных делах Василий понял, что попал в руки опытного контрразведчика. Правда, в этом разговоре у лейтенанта неожиданно появился довольно веский козырь. Прослужив почти полтора года в Стрые, недалеко от Львова, Василий, знавший украинский язык еще с детства, без труда освоил наиболее характерные словечки и обороты местного диалекта. И сейчас умело вставлял их в беседе с «цивильным».

Под конец беседа приняла доверительный характер.

— Настоящие патриоты Украины формируют сейчас добровольческую армию, — заговорщически сообщил гражданский тип.

— Если бы можно отложить наш разговор хотя бы на недельку — устал и в лагере.

— Бога ради! Сейчас требуется только ваше согласие. Вначале отдохнете, потом подучитесь. Наше дело такое — без подготовки никуда...

— Ну это другой вопрос.

— Значит, по рукам, сотник. А? Каково звучит — «сотник»?

— «Полковник» звучит лучше.

— Будешь, друже Гордиенко, будешь и полковником. Дай только срок.

Ситуация, в которой Гордиенко оказался столь неожиданно, не была предусмотрена в плане, разработанном в Особом отделе фронта. Пока что Василий радовался полученной отсрочке — все-таки можно успеть съездить в Мариуполь.

На следующий день Гордиенко с женой зашли в комендатуру поблагодарить немецкое командование за предоставленную им возможность быть вместе и вручили дежурному офицеру прошение о пропуске в Мариуполь.

Разрешение на выезд и все необходимые документы они получили в тот же день.

Пользуясь «железными» документами, Василий и Надя безбоязненно разгуливали по Мариуполю, и вскоре Гордиенко хорошо изучил расположение улиц и даже несколько раз проходил мимо дома, в котором, по его данным, должна была жить жена Рахова, но зайти боялся. Если Рахов арестован, в квартире могла быть засада.

Тогда он решил прибегнуть к помощи жены. Во время одной из прогулок сказал Наде, что в Мариуполе должен жить один из его друзей по немецкому лагерю, лейтенант Коля Рахов. Парень чудесный, всегда делился последним куском хлеба, который умудрялась передать в лагерь тетка его жены. Она же помогла Николаю освободиться из плена еще в прошлом году. С тех пор срок прошел немалый, но он боится идти к Раховым. Лучше всего было бы выяснить через соседей, добрался ли он домой и как поживает сейчас. К счастью, недалеко от Раховых жила старая Надина учительница, и жена охотно вызвалась навестить ее.

Надя возвратилась в подавленном настроении. По ее заплаканному лицу Василий понял, что оправдались предположения товарищей. Немного успокоившись, Надя слово в слово пересказала все, что услышала от старушки учительницы.

Еще в начале года Рахов объявился на какое-то время в Мариуполе, но вскоре вновь исчез. Куда он делся, никто из соседей не знал, однако его жена с теткой не голодали.

Но вот в конце июля к дому Раховых подъехала машина с эсэсовцами. Они перевернули в квартире все вверх дном. Галю вместе с теткой куда-то увезли. Потом через чиновника городской управы, который жил на этой же улице, стало известно, что Рахов был советским разведчиком и его расстреляли.

Возвратившись в Запорожье, сотник Гордиенко начинает свою службу в запорожском «коше». Наиболее за-

метной фигурой здесь был Семен Крячко, бывший хорунжий петлюровской армии, личный адъютант начальника контрразведки. Крячко еще в 1918 году начал сотрудничать с немцами, поэтому в гестаповских и абверовских кругах был своим человеком.

Как удалось выяснить Василию, Крячко подбирал людей для спецподразделений абвера, намечаемых к заброске в тылы Красной Армии, и Гордиенко поставил перед собой цель войти в доверие к петлюровскому контрразведчику. Но руководство местной абвергруппы давно уже имело виды на бывшего красного лейтенанта, и вскоре Гордиенко был приглашен для деловой беседы к начальнику абвергруппы-201 майору Шредеру.

Курсы по подготовке диверсантов и террористов располагались в семи километрах от города. В спецподразделения абверовцы отбирали самых отпетых головорезов. «Учебная программа» строилась в расчете на то, чтобы как можно быстрее натаскать «обучаемого» в приемах массового уничтожения людей.

Василий в совершенстве овладел стрельбой из всех видов оружия, подрывным делом, искусством верховой езды и вождения машины. К моменту выпуска он по праву претендовал на роль старшего команды.

Но еще со времен первой мировой войны Шредер, специализировавшийся по «восточному направлению» и множество раз имевший возможность убеждаться в продажности и беспринципности буржуазных националистов всех мастей, не доверял своим новым союзникам и помощникам и отводил им роль исполнителей — не больше. Незадолго до заброски в советский тыл в группу Гордиенко прислали нового старшего — немца из одесских «фольксдойчей»: Александра Крафта.

С первых же шагов Крафт круто взялся за дело. С разрешения майора Шредера он заменил радиста, которого за время совместной подготовки Гордиенко успел прибрать к рукам. Понимая, какую опасность таит в себе вышедшая из-под его начала и контроля банда «мстителей», Василий лихорадочно искал выход. Ведь он даже не знал пока предполагаемого района их выброски. И Василий решил, что, на худой конец, взорвет самолет со всей группой в воздухе. И только случай спас положение.

В самый последний момент диверсант по кличке

Оглобля вдруг закатил истерику и наотрез отказался пристегивать карабин вытяжного шнура парашюта к тросу под потолком фюзеляжа. Крафт потянулся было за пистолетом, но Гордиенко сказал, что стрелять в воздухе нет смысла, а убрать Оглоблю успеют на земле.

И когда предпоследний рядовой диверсант исчез за бортом, они подхватили Оглоблю под мышки и поволокли к люку. Сделав вид, что прилаживает вытяжное устройство, Василий отцепил от своего поясного ремня гранату, и через пару секунд оглушенные по головам Крафт и Оглобля полетели вниз.

К утру все «мстители», кроме Оглобли и Крафта, были налицо. Гордиенко тут же организовал поиски пропавших. Их трупы нашли километрах в трех на дне неглубокого степного овражка. Радист тут же связался с майором Шредером, доложил и принял приказ о назначении старшим команды Гордиенко.

Получив радиограмму от Гордиенко, Дубровин срочно принял меры, и к исходу этого же дня банду Крафта блокировали в небольшом лесочке. Схватка была короткой — ничего не подозревавшие диверсанты не успели толком организовать оборону. Уйти за линию фронта «удалось» только Гордиенко да, для достоверности, еще двум бандитам.

Возвратившихся отчислили в тыловые полицейские подразделения. А некоторое время спустя Гордиенко принял взвод в «украинской армии», который охранял промышленные объекты в Запорожье и на криворожских рудниках.

Вскоре в офицерских кругах начали поговаривать о том, что украинские националистические формирования немцы собираются перебросить в Югославию для борьбы с партизанами. Василий донес об этом в Особый отдел фронта. Там взвесили сложившуюся обстановку, и разведчик получил приказ — при первой же возможности возвращаться к своим.

В ходе осенних боев на подступах к Волге советские войска основательно перемололи ударные силы гитлеровцев и их сателлитов. Немецкое командование объявило набор «добровольцев» для участия в боях под Сталинградом. Гордиенко одним из первых изъявил согласие и через несколько дней получил назначение в «кубанский эскадрон», формировавшийся на станции

Миллерово. В районе Котлубани эскадрон попал в «котел», и сотнику не стоило большого труда убедить легионеров без боя сдаться в плен...

С января 1942 года под самым носом матерых шпионов и контрразведчиков штаба «Валли», в их Варшавской разведшколе, на должности одного из преподавателей инженерного дела находился советский разведчик, старший лейтенант Константин Александрович Воинов.

Трудная судьба выпала на долю этого замечательного советского патриота. В свое время он был несправедливо обижен, испытал лишения и недоверие товарищей по партии, но сохранил в душе любовь в Родине, незыблемую верность идеалам, в которых его воспитали комсомол и партия.

В двадцатых числах ноября 1941 года боевое охранение 227-й стрелковой дивизии задержало при переходе линии фронта бывшего командира саперной роты нашей 6-й армии старшего лейтенанта Воинова. В те дни это было обычным явлением, и комбат хотел уже было отправить «окруженца» на армейский сборный пункт, но Воинов настоял на немедленной встрече с сотрудником органов НКВД. Начальнику Особого отдела дивизии лейтенанту госбезопасности Днепрову он заявил, что является агентом немецкой разведки и заброшен на нашу сторону со шпионским заданием.

В нашей тогдашней практике это был первый случай явки с повинной, и Днепров об этом немедленно донес в Особый отдел фронта. На следующий день Воинов уже находился в Воронеже. В беседе с нашими сотрудниками он подробно рассказал, при каких обстоятельствах его завербовали гитлеровцы, как готовили к заброске и какое дали задание. Но Дубровина, присутствовавшего на допросах, больше всего интересовали причины, побудившие старшего лейтенанта вначале согласиться сотрудничать с немцами, а потом явиться в Особый отдел с повинной.

В 1933 году Константин Воинов после окончания Саратовского политехнического института был призван в Красную Армию. Служил командиром взвода в одной из саперных частей в городе Энгельсе. Однажды на вечере в гарнизонном Доме Красной Армии молодой красивый комвзвода познакомился с Ирмой Думлер, которая

после окончания средней школы работала в городской библиотеке. Ирма родилась в семье немцев Поволжья, и ее отец считался в городе одним из лучших столяров-краснодеревщиков. Костя и Ирма поженились.

Неожиданно в 1937 году родителей Ирмы репрессировали, и лейтенант Константин Воинов за потерю бдительности был исключен из партии и уволен из армии. Константин уехал с семьей к отцу под Астрахань, устроился работать путевым обходчиком. Товарищи по работе сторонились Константина. При его приближении смолкали разговоры, а соседские ребятишки не принимали его дочку в свои игры.

Вскоре холодок недоверия вокруг Воиновых начал таять. Костя получил должность инженера в дистанции пути. Коммунисты станции уже обсуждали вопрос о восстановлении его в партии. Но грянула война...

В военкомате Воинову объявили о присвоении звания старшего лейтенанта и направили на Юго-Западный фронт. 6-я армия с боями отступала. Вместе с ней отступала и саперная рота Воинова. Она наводила переправы, взрывала мосты и заводские корпуса, чтобы не достались врагу. В районе Умани остатки 6-й армии были окружены гитлеровцами. В бою Воинов получил два осколочных ранения и тяжелую контузию. Утром немцы подобрали его и отправили на станцию Знаменка, где в открытом поле спешно создавался лагерь для советских военнопленных.

Четыре месяца провел Воинов в концлагере. И вот в ночь на 10 ноября его привели в кабинет коменданта. Здесь, кроме знакомого уже шарфюрера, находился еще один офицер в общевойсковой форме. Разговор начал комендант. Он долго подбирал нужные русские слова, пока Воинов на чистейшем немецком языке не заметил, что не обязательно говорить с ним по-русски. Офицеры многозначительно переглянулись.

— О, это меняет дело. Мы вызвали вас из барака, чтобы познакомиться с глупцом. Почему вы скрыли от нас, что пострадали от Советов?

— Меня никто об этом не спрашивал.

— И почему вы умолчали о своей семье, о родителях жены?

— Тема не из приятных.

— В русском окружении, господин Воинов. В русском. Вы понимаете меня?

Константин понял, куда клонят гитлеровцы, и, разыгрывая из себя простачка, тянул время, чтобы собраться с мыслями. «В лагерь я всегда успею вернуться, — рассуждал он, — а очутившись по ту сторону колючей проволоки, легче будет бежать к своим».

В барак Воинов уже не возвратился. Здесь же, в кабинете коменданта лагеря, его переодели в довольно приличный штатский костюм и утром увезли на легковой машине в Кировоград. В тот же день Костя вместе с немецким разведчиком вылетел в Полтаву, где поселили его на частной квартире, обеспечили всем необходимым и приказали молодой хозяйке заботиться о постояльце.

Ускоренная подготовка Воинова заняла чуть больше недели. После беглой проверки знаний нового агента заместитель начальника разведшколы капитан Батцер заявил, что Воинов вполне готов для выполнения задания по ту сторону линии фронта. Ему присвоили агентурный номер, выдали тысячу рублей на расходы и, переодев в рваную крестьянскую одежду, отвезли в прифронтовую деревню. В течение десяти дней он должен был выяснить, есть ли на Юго-Западном фронте реактивная артиллерия и в каких местах она располагается.

Все это Воинов рассказал в Особом отделе фронта. Его показания были проверены, и после неоднократных и обстоятельных бесед с ним Бориса Всеволодовича Дубровина Воинов согласился возвратиться в абверовское логово и сообщать нам обо всем, что там происходит. Костя просил лишь известить жену и отца, что он жив, но Дубровин честно ответил ему, что сейчас сделать этого не может. Для всех он должен оставаться пока пропавшим без вести.

Так в сейфе Дубровина появилась еще одна папка, на обложке которой было выведено: «Луч».

Немцев интересовали в данное время наши «катюши», и руководство Особого отдела, чтобы придать достоверность собранной для Воинова информации, попросило командование фронта перебросить на время в район Обояни дивизион реактивных установок. Через несколько дней после ухода Воинова на ту сторону «катюши» в этом районе «сыграли» по скоплению немецких танков и артиллерии.

Немцы остались довольны своим новым агентом и собранной им информацией. Его снова поселили у

501

фрейлейн Кати и выдали довольно крупную сумму оккупационных марок. Батцер лично вручил Воинову пропуск, позволяющий проходить на территорию школы и бывать в городе.

Премудрости закулисных дел абвера он усваивал быстро, и его немецкие наставники скоро убедились, что им самим впору брать уроки у своего ученика. Однако руководство школы не спешило отсылать его в абвер-команду для получения нового задания за линией фронта. И как-то капитан Батцер предложил Воинову прочитать в школе ряд лекций по устройству «русского» — так он выразился — железнодорожного полотна и мостов. Поскольку с азами диверсионного дела знакомили многих обучающихся, Костя мог узнать примерное количество диверсантов, готовящихся к заброске на нашу сторону. Через пять-шесть дней Воинов получил благодарность за присланные сведения и предложение делать все возможное, чтобы остаться в школе в «занимаемой должности».

И Воинов, как видно, преуспел в этом, потому что в один из январских дней он оставил в тайнике короткую записку, в которой сообщил, что ему приказано подготовиться к длительной командировке.

Дубровин получил донесение об этом, когда Луча в Полтаве уже не было. Долгое время о его судьбе мы ничего не знали. Но Борис Всеволодович не спешил сдавать его дело в архив и не ошибся.

В пригородном местечке Сулеювск нового преподавателя инженерного дела Варшавской разведшколы принял сам начальник «штаба Валли» полковник абвера Гейнц Шмальшлегер. Аудиенция была непродолжительной. Не вдаваясь в подробности его обязанностей, полковник заявил, что, если Воинов не оправдает оказанного ему доверия, он горько пожалеет об этом.

Варшавская школа располагалась в двадцати километрах от столицы Польши. Под «штаб Валли» и канцелярию абвер занял здание бывшей богадельни, а учебные классы, радиостанции и казармы курсантов расположились в бараках на обширной территории, примыкавшей к вековому сосновому бору. Вскоре Воинов убедился, что Варшавская школа по праву считается образцово-показательным учебным заведением абвера. Здесь были созданы все условия для подготовки квалифицированной агентуры: прекрасно оборудованные клас-

сы для изучения различных дисциплин, полигоны для подготовки диверсантов-подрывников, просмотровые кинозалы и тщательно подобранная библиотека. Обеспечением агентуры документами занималась особая группа высококвалифицированных граверов и фальшивомонетчиков, собранных абвером из многих европейских тюрем. При этой группе находился специальный консультант, в совершенстве знающий советское гражданское и военное делопроизводство. Были здесь мастерские, изготовляющие обувь, военное обмундирование и штатскую одежду для агентов.

Шли дни. Отзвенела капелью весна, лето уже клонилось к закату, сто двенадцать курсантов школы несколькими партиями улетали в распоряжение фронтовых абверкоманд, все крикливей становились сообщения геббельсовской пропаганды о победных боях на Сталинградском направлении, а связи с Дубровиным не было.

За семимесячное пребывание в школе Воинов сумел раздобыть снимки ряда ее преподавателей и многих выпускников, составил характеристики на них, уточнил их клички, установил характер заданий и выяснил некоторые районы заброски. Все это пока мертвым капиталом покоилось на всякий случай во взрывпакете.

24 августа 1942 года в тридцати километрах северо-восточнее Астрахани выбросились с самолета на парашютах три немецких агента. Все трое — Кузин, Паромов и Гузенко — в прошлом были командирами Красной Армии. После вербовки обучались в Варшавской разведшколе.

Закопав в землю радиостанцию, топокарты, оружие и десять тысяч рублей, они отправились в Астрахань и разыскали Особый отдел дислоцированной в городе армии. Старший группы, Кузин, попросил дежурного по отделу проводить их к начальнику. Через несколько минут Кузина, Паромова и Гузенко принял начальник Особого отдела капитан госбезопасности Воистинов. Все трое сознались в своей принадлежности к немецкой разведке. Но заявили, что никакого вреда Советской стране они не принесли и приносить не собирались. В Особый отдел обратились по поручению одного из преподавателей Варшавской разведшколы, который просил Кузина разыскать товарища Борисова (служебный псевдоним Дубровина), передать ему привет от человека, имеющего родственников в Астрахани, и

вручить головую шашку, внутри которой находятся очень важные сведения.

В день, когда объявился Воистинов, Борис Всеволодович Дубровин ходил в приподнятом настроении. Для всех нас и особенно для него это было большим праздником. Человек, в которого он поверил, оправдал это доверие и в невероятно сложных условиях сумел сделать невозможное. К. А. Воинова представили к высокой правительственной награде и попросили астраханских товарищей сообщить его жене и отцу, что Константин жив и, по имеющимся проверенным данным, отважно сражается в партизанском отряде на Украине.

Присланная Лучом «картинная галерея» и другие данные об абверовских сотрудниках и шпионах сослужили неоценимую нам службу. До 5 сентября 1942 года оперработниками особых отделов Сталинградского и Юго-Восточного фронтов в полосе от Борисоглебска до Моздока были арестованы почти все 112 выкормышей абверовского гнезда, свитого под Варшавой.

Особого внимания заслуживало сообщение Воинова и о том, что в районе местечка Сулеювек четыре предателя во главе с бывшим генералом Красной Армии формируют из военнопленных так называемую «русскую освободительную армию» и разного рода «национальные легионы». Эта информация была учтена Наркоматом внутренних дел, что позволило своевременно предпринять контрмеры, направленные на разложение изнутри этих антисоветских формирований.

Временная изоляция Луча окончилась. В глубокой немецкий тыл был отправлен связник с рацией. Константин Александрович Воинов полной мерой оправдал символику своего псевдонима. Ему удалось высветить один из самых тайных и темных арсеналов гитлеровского абвера.

Так в течение июля — сентября 1942 года только по данным двух наших зафронтовых разведчиков — Николая Рахова и Константина Воинова — было обезврежено более двухсот агентов. Адмирал Канарис с конца сентября прекратил массовую заброску агентуры в тылы советских войск на Сталинградском направлении. Мы сорвали его планы в генеральном наступлении вермахта на юго-востоке нашей страны.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Владимир ЖМЫР, Юрий ХОРУНЖИЙ

Скифы*

Часть первая

Прозвучал клич, и погнал царь
грозовой клин боевых войск
за рубеж вод, где чужой край,
и попрал мир.
И срубил плот, и связал мост
через пролив тот.
Эсхил. Персы

1

Казалось, сам светоносный Ахурамазда — бог, настолько мудрый, насколько и благий, — освятил это утро первого дня весеннего месяца вияхна **. Солнце, не жгучее, а теплое и ласковое, залило Сузы ***, а утреннее уличное многолюдье сегодня превратилось в настоящее столпотворение.

Нежданный приход царских войск в Сузы вызвал множество толков. Одни говорили, что в Египте восстал наместник и собрал двести тысяч войска. Другие говорили: восстали не египтяне, а бактрийцы, и вражеское войско насчитывает не двести, а триста пятьдесят тысяч.

Так говорили люди, а царские наблюдатели, эти глаза и уши царя, которые при других обстоятельствах не допустили бы подобных разговоров, загадочно усмехались и как бы невзначай прибавляли от себя некоторые подробности. Все чувствовали — близятся важные события.

Но торговле это не мешало. Она с прибытием войска

---

* Повесть печатается с сокращениями.

** Староперсидское название месяца, частично совпадает с мартом. (*Здесь и дальше примеч. авт.*)

*** Один из центральных городов Древней Персии.

значительно оживилась. Сузанцы сочли бы непростительным грехом отпустить такое множество людей в поход с тяжелыми кошельками.

И сегодня воинство толпилось, пило, дралось, покупало, меняло и медленно, но неудержимо продвигалось волнами к центру города, к насыпному холму, туда, где возвышалась на 60 локтей ападана — летняя резиденция царя земли.

На площади перед ападаной, от которой спускались вниз два ряда каменных ступеней, разъезжали саки * в кожаных островерхих шапках, с короткими мечами, а в глубине, вокруг холма, стояли латники-персы. По ступеням, на всех площадках ападаны прохаживались увешанные оружием бессмертные ** — гвардия царя. Их яркие желтые и оранжевые одежды, расшитые узорами и отороченные мехом барса, удивляли даже привычных к роскоши сузанцев.

Во внутренние покои шум города едва проникал. Там, в левой зале, сидело и стояло двадцать человек. Шел совет.

Сам Дарий, сын Гистаспа из рода Ахеменидов, царь Персии — под широким балдахином на троне, с жезлом в правой и маленьким пылающим рожком в левой руке. Два раба с опахалами и закрытыми белой тканью ртами стояли сбоку, недвижно — в зале было нежарко, даже немного прохладно. За рабами, на тронном возвышении, замерло четверо бессмертных персидской сотни, еще двое — внизу.

Тут находились участники переворота, когда семь лет назад, десятого дня месяца багаядиса, Дарий с шестью соратниками ворвался в резиденцию самозваного царя-мага и убил его.

Присутствовал, кроме того, мабед-мабедов *** Барт, а также младший Ахеменид — брат Дария.

Совет длился уже два часа. Все присутствующие успели высказать свое мнение и теперь повторялись снова и снова, выжидающе посматривая на Дария, который молчал...

---

* Азиатское племя, земли которого входили в состав Древней Персии.

** Так их называли, потому что гвардия всегда имела постоянное число воинов — 10 тысяч. Отсюда видимость вечности, бессмертия царской гвардии.

*** Верховный маг. Маги — жрецы в Древней Персии.

— Поэтому, — продолжал Ахеменид-младший, — не будет никакой пользы от этого похода. Я уже говорил, что скифы нищие, не имеют городов. Наши воины останутся недовольные, казна пустой.

Командующий латниками Гобрий сидел на фоне крылатого льва с когтями орла, внимательно слушал и согласно кивал. Лицом своим, седой курчавой бородой он походил на изображенное за его спиной страшилище, однако речи говорил рассудительные:

— По-моему, не следует идти далее Фракии. Там укрепимся, и тогда под ударом будут не только скифы. Откроется прямой путь на Элладу.

Гобрий умолк. Казалось, он уже окончил, но внезапно заговорил снова:

— Не надо спешить. Соберем большое войско. Посмотрим, как к этому отнесутся греческие полисы.

Тогда резко заговорил мабед-мабедов:

— Пусть свидетелем моим будет всемудрый Ахурамазда, если я понимаю, почему мы так долго обсуждаем этот вопрос. Разве великий Заратустра * не учит нас быть непримиримыми, презирать язычников? Эти дикари, эти муравьи ** разбегутся перед непобедимым войском властелина властелинов. Нужно захватить, а еще лучше убить их царя, поставить другого, послушного. Пусть Ахурамазда приведет к счастливому концу дела рук твоих! — кончил маг, обращаясь исключительно к Дарию.

— Скифов надо проучить. Они стали слишком уж... Все народы платят дань Персии и прислушиваются к каждому слову царя царей, а они считают, что это их не касается. А неслыханно наглое письмо к царю царей? Как они осмелились на такую дерзость! — Видарна коснулся самого больного места Дария. Он вообще себе многое позволял. И хотя Барт всегда не соглашался и спорил с ним, теперь они были заодно, и это сыграло решающую роль.

— Значит, решено! — наконец произнес Дарий. — Через три дня выступаем, и пусть Ахурамазда рукой непоборной моей покарает скифов и уничтожит род их на вечные времена! — Царь прислонил жезл к трону и потер большое красное ухо. — Брат мой и те, кто левее

---

* Пророк и основатель религии зороастризма.

** Согласно религии нечистые твари.

Гобрия, вы остаетесь здесь, присмотрите именем Ахурамазды и царя за всеми, пока я буду в походе.

Солнце показывало полдень, когда на верхних ступенях появились две сотни бессмертных, и толпа глухо охнула. Сотни разместились на четвертой ступени. Между колонн показался Дарий со своей свитой и остановился между крылатыми быками. Восторженный гул на площади перешел в настоящий рев и неожиданно оборвался глубокой тишиной, когда на вторую ступень слева от Дария выступил глашатай царя. Все замерло, лишь рабы-евнухи ритмически раскачивали опахала. Движения их были изящны, артистичны.

Глашатай-египтянин, четко выговаривая слова, закричал в толпу:

— Я, Дарий, царь великий, царь Персии, царь страны, сын Гистаспа, внук Аршамы, Ахеменид из племени Парси. С давних времен мы знатны. Ахурамазда дал мне царство. И вот я посоветовался с Ахурамаздой и другими богами. Поэтому по справедливости вершу я, выступая с войском моим против скифов. Я уничтожу их, потопчу край их, пленю все рукой могучей своей. Эти скифы коварны и не чтят великого Ахурамазды. Я чту Ахурамазду и поступлю с ними по желанию моему. Ибо справедливый и правый, я и караю сурово. Пусть Ахурамазда дарует добрый конец делам рук моих!

— Йо! Йо, йо!.. — дико завыла толпа, и копья взметнулись, блестя клюгами *, и саки вздыбили коней, размахивая мечами.

Глашатаи еще много раз выкрикивали царское решение в городе и в опустевшем лагере возле восточных ворот. Сотни гонцов на рысях несли весть дорогами и тропами на север, юг и восток, на запад, по большому царскому пути...

А в Сузах, в пригороде, в лагере, на холмах, возле небольших алтарей-очагов под открытым небом, в часовенках, где хранили огонь, в многочисленных храмах родовых и племенных богов, наконец, в царском храме — везде резали коз, били быков, коней, жгли мясо, готовили хаому — пищу богов.

Царь Дарий, весь двор, Барт, одетый в белоснежную сорочку до колен, подпоясанный позолоченным ремешком, в накинутом сверху пурпурном плаще с широкими

---

* Клюга — собственно копье, то, что насаживается на древко.

рукавами, вступили в храм. Маги пели гимн воинственному сыну Ахурамазды, оку небес:

Митре, владеющему широкими
пастбищами, поклоняемся мы.
Правдивому, красноречивому,
тысячеухому, чудесносотворенному,
десятитысячеглазому, высокому...

Барт, торжественно прямой, медленно поднимался к огненному камню, держа в левой руке чашу, а правой чуть придерживая крышку. Наконец он достиг вершины пирамиды и начал лить хаому в пламя. По храму разнесся аромат.

Он разжигает битву,
Он стоит среди битвы,
Разбивая ряды воинов... —

гремел гимн.

2

Второго дня того же весеннего месяца вияхна ранним утром из западных ворот Суз выехал отряд бессмертных.

Возглавлял отряд тридцатилетний Гаусана, сотник пятой персидской сотни. Кроме обычного снаряжения, имел он старательно зашнурованную сумку — в ней лежал приказ Дария вассальным грекам Ионии, Эолиды, Дориды * и островов.

Только под вечер на четвертые сутки они прибыли в Эфес и прямо с дороги, в дорожной пыли, направились ко дворцу Продика, тирана города **. Гаусане весьма повезло. Продик отправлял тризну по своему умершему отцу, окончилось ристалище, и теперь гости возлежали за пищей и вином. В зале были и Гистией из Милета, и тиран Херсонеса, и другие ионийцы, эолийцы и островитяне. Гаусане не было нужды скакать дальше. Виночерпий второй раз обносил гостей, и пир еще не достиг того уровня беззаботного возлияния, которого необходимо достичь, чтобы в полной мере угодить богам и тени умершего.

---

* Поселения греков в Малой Азии.
** Правитель греческого города-государства.

Гаусана передал царское послание Продику. Взгляды всех гостей устремились к нему.

Дарий приказывал вассальным греческим городам снарядить флот, всего 600 триер * и вспомогательных кораблей, а еще идти к Колхидонии над Босфором и готовить все, чтобы к приходу самого царя с войском можно было навести мост через Босфор.

— Недоброе задумал царь Дарий, говорю я вам, — прервал наконец затянувшееся молчание русый Мильтиад, тиран Херсонеса. — Готовится наступление на Элладу. Мы этого не должны допустить. Иначе конец надеждам освободиться от персов. Конец всему!

Продик нахмурился, и рыжая борода прикрыла ему грудь.

— Клянусь Зевсом, я не знаю, что тебе ответить. Но так оно и есть, как ты говоришь, уважаемый Мильтиад.

Потом откликнулся еще один из гостей, растерянно вертя пустую чашу.

— Но что мы можем? Я тоже обеспокоен наступлением на скифов. Греки Ольвии и Пантикапея издавна торгуют с ними. Скифы — это хлеб и скот. Но что делать?

Мильтиад гордо встрепенулся:

— Люди, собравшиеся здесь! Я вас спрашиваю. Не стыдно ли нам, сильнейшим и славнейшим среди греков, служить Дарию? Хватит! Клянусь богами Олимпа, время положить конец этому!

Возникло беспокойное молчание. Все понимали, что каждое слово, сказанное теперь, может многое решить. Каждый боялся сказать это решающее слово...

Наконец Гистией из Милета, Гистией, который совсем недавно вернулся из Персии, начал говорить своим вкрадчивым, но четким голосом, который никак не подходил к его тучному телу.

— Понимаешь ли ты, Мильтиад, какой опасности мы можем подвергнуться? Недоброе советуешь. Разве будут считать нас смелыми, если, не обдумав и не рассчитав всего, мы выступим против Дария? Нет и еще раз нет! Не смелостью будет это, клянусь Аполлоном, не смелостью, говорю я вам, а безумием и безрассудством. Мы сослужим себе плохую службу. А торговля

---

* Военное судно с тремя рядами весел и парусами.

с персами? Нашу керамику покупают не только в Элладе и Скифии, но и в Великой Персии. Наши мастера-строители имеют заказы от персидской и мидийской знати, и казна городов наших всегда полна.

Гистией умолк и оглядел присутствующих. Продик сосредоточенно вглядывался в чашу, тиран Кизика рассматривал рисунок на подносе, правитель Самоса оправлял хитон — все были чем-то заняты, и только Мильтиад твердо смотрел на оратора.

— Поэтому, — продолжал Гистией, наклоняясь большим телом, — необходимо сейчас решить, кто сколько триер выставит, а не заниматься пустыми и вредными разговорами.

Все согласно закивали головами, и Продик, облегченно вздохнув, сказал:

— Пусть Арей * решает нашу судьбу!

— Некоторые считают, что зло может породить пользу, но есть люди, которые знают, что из посеянного зла вырастает только зло, — сказал, вставая, Мильтиад. Но его уже не слушали, и разговор принял деловой оборот. Каждый торговался об уменьшении своей доли, и только далеко за полночь, когда с этим вопросом покончили, разговор приобрел прежний характер.

3

В Сузах готовились к выступлению. Собирались обозы, пополнялись запасы скота, ячменя, пшена... В кожаные мехи наливали раданаку — маслянистую, легковоспламеняющуюся жидкость для светильников. Неподалеку от Суз раданака вытекала прямо из-под земли. Да мало ли забот у воинов, которые отправляются в далекий чужой край, где все неведомо и враждебно.

Хватает дел у приближенных царя царей: необходимо раздобыть греческие карты скифских земель. Оказалось, что карты почти пустые, с едва обозначенными пометками восьми рек и нескольких озер. Города и дороги на них вовсе не нанесены...

И только Дарий погрузился в непонятную дремоту. Почти не выходил из женской половины, а это значило,

---

* Бог войны (*греч.*).

что никто из приближенных, даже Гобрий и Видарна, не мог с ним видеться.

Вот и сейчас царь Дарий возлежал на широком топчане, устланном пестрым ковром. Внизу, у самого пола, на подставке стояла амфора с терпким красным вином, сладости и сыр. Никого нет в полутемной опочивальне, ни один звук не проникал сквозь толстые, увешанные коврами стены. Иногда за пологом двери ухо улавливало легкие шаги слуг и стражи.

Дарий сдвинул немного на затылок белую войлочную тиару и в который раз попытался понять, почему его тревожит предстоящий поход. Ведь он уже давно намеревался выступить против скифов, и с его согласия сатрап Каппадокии * совершил набег на их земли. Но одна из жен отговорила Дария от похода и направила взор царя на Элладу. В результате под его руку подпал остров Самос. Это был значительный успех, его следовало развить. Но восстал Вавилон. Три тысячи знатных вавилонцев с обрезанными ушами и носами были распяты у разрушенных стен города.

Потом царь вновь вспомнил о скифах. Но не решился тотчас же выступить против них. И еще позавчера терпеливо выслушивал отговоры младшего брата. Слишком недоступной казалась эта земля. Однако мало ли недоступных земель покорил он, царь царей? Разве более доступен, скажем, далекий Египет?..

Теперь в стране покой и порядок. Умиротворены все двадцать сатрапий. Пусть некоторые называют его торгашом за то, что точно определен размер дани для каждой сатрапии. Ерунда! Сам Ахурамазда, который вручил ему эту землю, вселил такую мудрую мысль. Сила оружия и точное распределение дани умиротворили край.

Дарий медленными глотками отпил вино. Память унесла его в первый год царствования, когда он не знал покоя и ждал ударов отовсюду. Трудно удержать власть, труднее, чем захватить. Ведь тогда, семь лет назад, десятого дня месяца багаядиса, требовались только решительность, быстрота и смелость...

Дарий любил вспоминать те дни.

---

* Подвластный Дарию край на южном берегу Понта Эвксинского (Черного моря). Сатрап — властитель сатрапии.

Допив вино, царь слегка ударил чашей по узорчатому медному диску. Еще не растаял глухой звук, как полог двери приподнялся и старший евнух выжидающе склонился у входа.

— Позвать царственную Федиму!

...Царь жестом указал на мягкое ложе, и Федима с достоинством опустилась у его ног. Стройный молодой стан и плавные сдержанные движения, ухоженное лицо и полусумрак опочивальни не могли ввести Дария в заблуждение. Жена была ненамного моложе его. Ведь она знала еще Камбиса и перешла от него к Дарию по закону.

— Память потревожила былые дела, благородная Федима. Поведай мне, как ты раскрыла нам подлого мага, присвоителя власти?

Федима подняла на Дария слегка раскосые глаза и, раскачиваясь, заговорила хрипловатым голосом:

— Ты знаешь, доблестный повелитель, что после смерти сына Кира, владыки Камбиса, я, как и все прочие жены царя, стала согласно обычаю супругой его брата Смердиса. Так вот, когда минуло восемь лун, ко мне отец прислал раба.

Отец первым заподозрил неладное. Ведь новый царь, Смердис, тот, кто называл себя братом Камбиса *, не выходил из дворца и не призывал никого к себе из знатных людей. Поэтому отец мой спросил меня, со Смердисом ли делю я ложе. Но что могла ответить я, которая никогда не видела Смердиса раньше? Тогда отец мой вновь прислал раба и велел мне спросить у других жен, брат ли Камбиса мой новый муж? Но и этого не могла я исполнить, ибо не встречалась ни с кем.

Снова пришел раб и передал мне такие слова: «Дочь! Твое высокое происхождение требует от тебя мужества в совершении опасного дела. Я думаю, тот, кто делит с тобой ложе и властвует, не Смердис, не сын Кира. Ты должна выяснить правду. Сделай так! Когда царь уснет, ощупай его уши, на месте ли они. Если ушей нет, то это не Смердис, а подлый маг, присвоивший его имя. Когда-то Кир приказал отрезать ему уши за непослушание».

---

* Камбис — царь Персии, его брат Смердис должен был наследовать царство и по обычаю всех жен.

Я пообещала отцу выполнить опасное поручение. И вот ночью в опочивальне царя при тусклом свете рожков я привстала на ложе, прислушиваясь к звукам за дверью и дыханию рядом. Ведь если он не спит и узнает, что я замыслила, то жестокая казнь ждет меня. Сдерживая дрожь, просунула я руку под тонкую серую тиару. Меж спутанных волос нащупала ушное отверстие без раковины. Еще сильнее задрожало мое тело, я сделала над собой усилие, чтобы не кинуться прочь из опочивальни...

Дарий, который не впервые слушал рассказ Федимы, уже не вникал в смысл слов, а вспоминал то славное время, когда он прибыл в город и присоединился к шести заговорщикам. Все решили, что самозванец должен смертью заплатить за позор жен Камбиса и за присвоение власти. Рвались немедленно исполнить решение, ибо с каждой луной власть самозванца укрепляется, а привлечение новых людей могло привести к раскрытию заговора. Тогда всех ждала жалкая гибель.

Дарий придумал безумный по смелости план: «Пойти во дворец открыто и даже шумно. Ведь стража не посмеет остановить столь знатных людей. А если их остановит сам страж дверей, тогда Дарий солжет, что прибыл, имея поручения от правителя Парси, своего отца Гистаспа. Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать». Гобрий подлил масла в огонь, напомнив, что им, персам, не гоже оставлять власть в руках магов-мидийцев. Тогда все сразу после совета пошли во дворец...

Они всемером вошли в дворцовые ворота, и стража была полна нерешительности и почтения при виде столь знатных и доблестных господ.

Потом они наткнулись на вечно подозрительных и строптивых евнухов. Жирные бабьи лица то искажались гневом: брань сыпалась на голову стражи, то изображали лживую почтительность, смешанную с подозрительностью: по какому делу пришли господа... Три евнуха заслонили собой дверь, Дарий кивает Гобрию. Семеро пошли прямо на евнухов. На лицах первых решительность, на лицах вторых страх и растерянность. Блеснула сталь кинжалов.

...Наконец они побежали по коридорам, взволнованные, и от этого сделали лишний круг в мужских покоях

дворца. Тут на шум выскочили двое. По одежде видно, что один из них самозванец. Он с луком. Второй, страж двери, копьем ранил двоих заговорщиков. Отец Федимы слева, Видарна справа, почти одновременно вонзили свои кинжалы в тело стража.

Самозванец, отбросив бесполезный лук, побежал на женскую половину, пытаясь запереть дверь. Гобрий всей тяжестью тела упал на дверь, Дарий услышал по ту сторону шум борьбы, в полумраке он разглядел два сплетенных тела. Он был в нерешительности.

— Бей! — крикнул ему с пола Гобрий. — Бей!

— Но я могу поразить тебя!

— Бей обоих, — захрипел Гобрий.

И бог Ахурамазда направил руку Дария в сердце врага...

Потом уже впятером — раненых оставили во дворце — они стояли перед знатнейшими персами с отсеченной головой мидийца-мага и рассказывали о подлом злодеянии и о своем подвиге...

Царь поднимает взгляд на давно умолкнувшую женщину и потирает ухо. Опочивальня полнится мглой. Дарий бьет в диск и велит зажечь светильники. Федима недвижно сидит у его ног...

Когда после заговора немного улеглось волнение, начали думать об организации власти и решили определить царя жребием. Только отец Федимы, этот самый гордый из персов, отказался от жребия в пользу остальных:

— Не желаю я властвовать, но не желаю и быть подвластным. За отказ от жребия даруйте мне и моим потомкам право не подчиняться никому из вас, — сказал он.

И было решено — пусть живет, как знает, но пусть же ни он, ни его потомки не нарушают персидских законов.

Дарий опять направил свой взгляд на жену, сидящую у его ног. Все еще во власти прошлого, царь улыбнулся своей хитрости и находчивости конюха, принесшей ему жребий власти. Не прогоняя улыбки, он кивнул Федиме, которая тотчас пересела поближе к нему, на широкий топчан.

Кто знает, скоро ли они увидятся, ведь перс воин не берет в поход своих жен. И Дарию напоследок хотелось быть ласковым с Федимой...

4

Ольвийский ипподром раскинулся за городом. Колесницы, запряженные тройками, поднимали пыль, разбегаясь по полю, и круто заворачивали у живой изгороди. Возничие грели лошадей. В бронзовой пыли, висящей над ипподромом, синими и зелеными пятнами плавали хитоны ольвиополитов.

В третьем ряду сидел гончар Диамант и тонкой кисточкой рисовал на доске коней и колесницы.

Круглолицый человек с волосами, ниспадающими на плечи, сел рядом.

— Диамант надеется превзойти великого Эксекия *?

— Дай срок, Теодор. Ты первый придешь ко мне. И не будешь заказывать вазы и амфоры за морем.

— Ха-ха! Диамант! Боги недаром каждую минуту ссорятся между собой на Олимпе, а мы становимся их орудием. Мечи и щиты, копья и луки — вот товар, который всегда будет иметь спрос, пока боги не спустятся на землю.

— О да, ты мудрый торговец, Теодор. Но тень Орфея не оставит меня. Эта музыка, которая отовсюду звучит, прислушайся, Теодор. В каждом нашем шаге, в каждом движении нашей мысли она навевает иное видение колесниц и коней. Присмотрись к рисункам Эксекия. Они плоские, бестелесные.

В поле разворачивался ряд коней, разномастных, с подрезанными или буйными, как у львов, гривами, тонконогих и широкогрудых; их подгоняли длинными палицами бородатые ольвиополиты — люди различных занятий, а теперь просто возничие, на повороте один бородач потерял равновесие, взмахнул руками, выпал из колесницы, кони остановились, повернули морды и растерянно заржали. Остальные пошли на второй круг. Мелькали хитоны, развевались бороды, отплевывались ездоки, глаза застилала пыль, а между зрителями, именитыми ольвиополитами, царило спокойствие. Им, собственно, было безразлично, кто победит, все они имели лошадей и колесницы, поэтому каждый считал только себя достойным лаврового венка.

---

* Известный в Элладе рисовальщик на вазах.

Но вот зрители уже спускаются поздравить победителя. Диамант подарил ему свою доску с изображением коней.

— Собираешься прославиться, мастер Диамант? — ухмыльнулся Теодор. — Нужно подружиться с тобой. Ты не откажешься после от старого дружка? — Теодор заглянул в глаза гончару, прикоснулся бородой к его шее.

— Оставь насмешки, Теодор. Я хочу сделать рисунок... как бы это тебе сказать... телесным, объемным! Ты выпиваешь вино, открывается дно чаши, а оттуда несется колесница!

— Ну нет, для меня это слишком. Без килика * доброго самосского не понять. Пошли ко мне. Мой служка как раз приготовил обед.

Теодор взялся за бронзовое кольцо дверей. Они нехотя подались. Когда глаза привыкли к слабому свету, можно было рассмотреть убранство покоев. Стены комнаты в шкурах. Угол занимало деревянное ложе хозяина. Посреди ложе для гостя. Два инкрустированных яшмой треножника.

Теодор с силой хлопнул в ладоши. Вбежал слуга.

— Помой гостю ноги.

Диамант снял сандалии, с удовольствием опустил ноги в деревянное корыто. Слуга, омыв ноги, потер их оливковым маслом.

Разбавлял вино водой и наполнял килики. Теодор и Диамант хмелели каждый на своем ложе.

— Время жениться нам, Теодор!

— Да, помощница в хозяйстве и утешительница не помешает. Довольно уже ходить к подругам. А нравятся ли будущему Эксекию мои шкуры? Я выменял их на мечи и наконечники для стрел у скифов. Чудаки они! Только меняют. Денег не берут! Был в Ольвии оружейник царского кочевья и, думаешь, к кому он обратился?

— К тебе, подсказывает этот килик. Пусть тебе везет во всем! Скифы бывают и у меня. С ними выгодно иметь дело. Они щедры, когда речь идет о стоящих вещах.

---

* Килик — сосуд для вина (*греч.*).

— Молодой этот оружейник-скиф знает толк. Потрогай шкуру. Не какой-нибудь худородный волк — настоящий медведь. Подарил он мне мешок шерсти. Но я не остался в долгу — ведь не в последний раз имею с ним дело. Положил ему на воз золотую фигурку их богини.

— Ты уже освоил и скифский пантеон?

— Я купил несколько статуэток. Пригодятся. Хотя та скифская шерсть и не стоит греческого золота, да пускай. Надо смотреть вперед и не жадничать. Варвары только недавно поняли, что такое золото, и поэтому ценят его вдвойне.

— Наша по... посуда пуста, Теодор, прикажи наполнить ее вином.

— Чего ты бухаешь столько воды, презренный? Жаль господского добра? Не разбавляй! Ведь как у них пьют? Не раз-ба-вля-я!

После трапезы друзья решили прогуляться. Тяжело дыша, поднимались в верхний город, когда оттуда очень четко прозвучал скрипучий звук рога. На одной ноте, с небольшими интервалами звук повторялся. Они остановились отдышаться, и тревога отрезвила их. Этот сигнал означал только одно: в Ольвии произошло нечто важное, и коллегия архонтов созывает горожан.

— Смотри, Теодор, два ворона сидят рядом.

— Хорошая примета, Диамант. Но к чему вдруг сборище, когда близится ночь?

— Пошли быстрее к храму...

Храм Деметры, покровительницы Ольвии, поднимался возле единственной в городе липовой рощи. Площадь перед ним уже заполнили люди. Зажгли факелы. Дым обволакивал капители, поднимался к фризу, где светло-красный Геракл вершил свои подвиги. Из храма выходили члены ольвийских коллегий, чинно размещались на трех массивных ступенях.

Старший жрец поднял руку с длинной палицей.

— Греки! Ольвиополиты! Щедрая Деметра в который уже раз встречает свою дочь Персефону на пути из подземного царства. Прорастает трава, деревья выбрасывают листья, играют звери, и птицы вьют гнезда. Но боги Олимпа посылают нам тяжкое испытание. Персидское войско приближается к берегам Понта Эвксинского.

Шум поднялся над площадью. Напрасно кричал жрец: «Слушайте, слушайте!»

— Пусть говорят стратеги!

— Слово жрецам!

— Персидское войско на берегах Понта!

— Я хочу говорить! Я хочу сказать! — кричал один из стратегов. И, когда немного стихло, начал: — Дуб и камыш поспорили, кто сильнее. Налетел страшный ветер, камыш нагнулся и остался целым. А дуб против ветра боролся, подставив свою грудь, и был вырван с корнем. Сколько имеет Ольвия воинов? Полторы тысячи мужчин и юношей в состоянии держать оружие. У Дария войско — тьма. Греки! Я считаю выход один — откупиться...

Заговорил архонт.

— Четыре года назад персы уже побывали на нашем побережье. Это был набег во главе с сатрапом Каппадокии. Царь скифский Иданфирс послал Дарию письмо, в котором грозил отомстить за своего брата, взятого в плен. Я думаю, это письмо и вызвало поход. Теперь идет сам Дарий. Значит, это не набег, а война — долгая, до конца. Нечего и думать противостоять персам. Единственный выход, и это совет коллегии стратегов, выбранной вами, — выкуп. Предлагаю каждому внести по десять драхм.

— Ого...

— Это много...

— А что сделаешь?..

— Архонтам виднее.

— А что, если персы и деньги возьмут и нас в придачу?

Архонт продолжал:

— Дарий идет на скифов. Наше дело — сторона. Думаю, что его войско вообще нас минует. Но необходимо быть наготове. Выставить дозоры, прекратить всякие сношения со скифами.

— Я хочу говорить! — Это был ольвиополит, который добывал соль в лимане Гипаниса *. — Один человек бежал от преследователей. Прибежал к реке, но встретил волка и полез на дерево, которое нависло над водой. Но на ветке качалась змея. Тогда человек прыгнул в воду, но там его подстерегал крокодил... Так может

---

* Гипанис — Южный Буг.

случиться и с нами, если мы со всеми поссоримся. Скифы, слава богам, соседи, с которыми можно жить...

— Я хочу говорить! Я хочу! — закричал Диамант, не дождавшись, пока кончит оратор. — Греки! Стыдно нам будет, и боги нас покарают, если мы предадим своих соседей, не предупредим об опасности. Оратор прав! Завтра с рассветом я поеду в степь к скифам.

Тогда слово попросил Теодор.

— Мой приятель Диамант собирается совершить угодное богам дело. Но найдет ли он скифов? Я найду их быстрее, чем Диамант. Я бывал у них не раз. И они знают меня и мой товар. Я исколесил чуть ли не всю Скифию и забирался даже к савроматам и будинам *.

— Пусть едет Теодор! — согласились все.

Теодор сдерживал радость. Начиналась большая война, скифам понадобится оружие, много оружия! Вместит ли воз Теодора все, что можно прихватить у ольвийских кузнецов? Вывезут ли трое лошадей столько железа? Мечи, шлемы, пики, дротики, панцири, конская сбруя... Все это понадобится скифам.

5

Уже третий месяц шло войско Дария. Скрипели кибитки на высоких деревянных колесах, запряженные мулами и ослами. Плыли обложенные поклажей горбы верблюдов. Пешие и конные двигались бесконечной вереницей, и к ним присоединялись новые и новые отряды, роды и даже целые племена.

Широкая, мощеная царская дорога не в состоянии была поместить на себе всех, и потому слева и справа вдоль дороги были вытоптаны все посевы и пастбища. Их хозяева роптали на бога, на людей, ругались, дрались, но потом, махнув рукой, присоединялись к войску и уже сами топтали чужие посевы и пастбища...

Купцы с разным товаром на маленьких повозках; бродячие знахари с деревянными ящиками или кожаными сумками, полными трав, толченого угля, мела, костей; стайки женщин — все это, захваченное войском, отставало, останавливалось, опять присоединялось и двигалось на закат солнца.

---

* Савроматы, будины — соседские со скифами племена.

Казалось, что шумный поток этот ползет беспрерывно, и так действительно и было, если смотреть на все войско. Но то тут, то там, на холмах или в оврагах можно было увидеть лагерь отряда или племени, где резали овец, жгли костры, спали, ели, молились... А мимо лагеря двигалось войско. И можно было отдыхать день, два, три... А войско шло. Потом лагерь сворачивался, присоединялся к общему потоку, а другой отряд или племя останавливались и могли передохнуть день или два.

И вот уже широкогрудые бактрийские кони вынесли ассирийскую колесницу Дария на холм, и он увидал пролив Босфор и два его гористых острова и греческий флот — все 600 триер, разместившихся вдоль берега. Греки тоже заметили колесницу Дария и большой отряд колесниц, который остановился позади царя, и сотни бессмертных, выезжавших на холм.

Дарий с советниками и двором принял греков милостиво. Царю была приятна возбужденность греков, он догадывался, что причиной тому — впечатление от мощи персидского войска.

После церемонии приема начался деловой разговор. Гистией ручался, что штиль будет минимум двадцать дней, и поэтому решили завтра же приступить к строительству моста...

— А эти греки молодцы, деловые люди, — говорил Дарий Гобрию, когда после приема в просторном шатре царя собрались на трапезу только избранные. — И главный... как его?

— Гистией, — подсказал Барт, пережевывая жареную телятину.

— Да, — вмешался в разговор молодой Видарна, и Барт недовольно кашлянул. — Но, к сожалению, они не все такие. Мне докладывали, великий царь, что некоторые не хотят твоей победы. Например, Мильтиад из Херсонеса...

— Пустое, — вдруг оборвал его Гобрий, — пустое, сплетни.

Гобрий терпеть не мог придворные интриги, презирал за них Видарну. Сейчас он опасался, что очередная сплетня начальника бессмертных затормозит работу на переправе.

Они сидели среди смоляных факелов, пили вино. Тонко пели женские флейты, им вторили глухие удары

и хрипловатые вздохи мужских флейт. Потом в музыку вплелись плавные движения танцовщиц. Всех опутал сладостный туман пира.

А утром с холма Дарий смотрел вниз на кучи плотов. Царь видел, как рабы под надзором греков забивают в берег толстые сваи, как выгружают с кораблей канаты, как вяжут плоты, как буквально на глазах в Босфор врезается широкая лента моста, как эта лента шевелится на легкой волне. А на земле из-за горизонта шли войска. И Дарий чувствовал себя могущественным и всевластным, уже не царем и даже не царем царей, а подобным богу. Но Дарий знал и другое. Знал, что без греков-ионийцев он не в состоянии выйти в Европу, знал, как необходимы ему греческие триеры и греческие строители. Сейчас необходимы против скифов, а еще нужнее будут потом, когда... Но сегодня Дарий не признался бы в этом даже осторожному Гобрию. Да, конечно, Дарий мечтал об Элладе. А дальше лежали еще земли и моря. Для этого необходимы были те же греки — и Гистией, и Мильтиад, и другие. И не потому Дарий чувствовал себя равным богу, что все мог свершить, нет. Он знал, что в состоянии принудить людей делать то, чего сам он сделать не в силах.

«Что же заставляет людей быть послушными мне, — думал Дарий. — Ведь я сам не владею особенной силой. Но почти все исполнится по приказу моему, все подвластно воле моей. Только великий бог Ахурамазда может свершить такое. Его дух дал мне силу и славу. И я не обману высоких ожиданий. Пусть ум мой будет быстрый, а рука твердой и недремной!»

Внизу от берега отходили триеры, чтобы позже мост не преградил им путь. Четыре плавали возле моста, поочередно придерживая передние плоты, пока подводили и привязывали следующее звено — течение становилось все сильнее.

Дарий еще долго следил за всем происходящим внизу, пока Видарна не сообщил ему, что в шатре все готово к совету.

Это был короткий совет. Дарий определил задание грекам. После постройки моста им следовало плыть через Понт к Истру * и там, в дельте, найти удобное место для еще одного моста.

---

* Истр — Дунай *(греч.)*.

Когда греки ушли и остались только придворные советники, полководцы и Барт, Видарна начал докладывать о поступлении налогов из сатрапии.

Оказалось, что там не все благополучно.

Дарий нервно тер правое ухо, а Барт начал говорить сразу же после Видарны.

— Мы разрешили им всяческие вольности. Они молятся всякой погани. Надо разрушить их языческие капища. Пусть царь вспомнит учение Заратустры, тогда сатрапии не решатся нарушать приказы властелина.

Царь же думал о том, что ему не следует быть чрезмерно суровым с сатрапами, начиная это сложное дело против скифов.

— Повелеваю послать гонцов в земли мои, в Киликию, Лидию, Мизию, Вавилон и Индию. Пусть в письме будет предостережение сатрапам. И еще послать гонца к брату моему. Приказываю ему своей властью покарать секретарей этих сатрапов. Пусть сделает согласно обычаю: обрежет им уши и носы и привяжет на столбах возле центральных ворот, чтобы люди видели мою власть и твердость руки.

Наконец мост длиною в четыре греческие стадии * был готов, и первые из множества тысяч воинов Дария вступили на землю Европы. Перед ними раскинулась Фракия. Одновременно через Понт двинулся греческий флот. Все фракийские племена, кроме гетов, перешли на сторону Дария. Но и гетты оборонялись недолго.

Движущаяся лента войск, перешедших Босфор, вскоре достигла Истра. Недалеко от моста, где река делится на два рукава, был построен еще один мост, и огромная вооруженная масса, не знающая чувства жалости, не знающая никаких других законов, кроме закона силы, вступила на левый берег.

6

На берегу Борисфена ** съехались цари скифов-сколотов ***. Не ставя шатров, развели костры невры — из их края вытекает Борисфен. За холмом, на видном

---

* Стадия — 192 м.

** Борисфен — Днепр *(греч.)*.

*** Скифы — греческое, сколоты — самоназвание.

месте, расставили свои возы меланхлены, на расстоянии двухсот шагов их нельзя было различить из-за темной одежды.

Обособленно разбили лагерь посланцы андрофагов*. А может быть, это остальные теснились подальше, напуганные рассказами о жителях холодного края?

Вслед за савроматами подошли тавры, и совет был назначен на завтрашнее утро.

Между пестрым людом на берегу Борисфена выделялись двое в деревянных сандалиях и свободных плащах. Они бродили по лагерю сколотов между вооруженными людьми, между кострами и войлочными кибитками на телегах.

— Теодор, клянусь богам, мне тут нравится, — кричал один. — Смотри, амазонка!

— Хорошо! — вторил толстый, с жирными волосами, хитро щурился, поймав рукою бороду и поглядывая на свою телегу, уже освобожденную наполовину от мечей и пик. К ним подошел молодой сколот с редкой и мягкой бородой.

— Прошу, прошу, друг Аспак! — закричал Теодор. — Понравились ли царю Скопасису мои дротики и мечи?

— Уважаемый купец, с твоим оружием можно обойти весь мир. Приглашаю тебя и твоего приятеля к моему костру. Будьте гостями и братьями!

Диамант и Теодор не заставили себя приглашать дважды. Взяли за ручки амфору и, кряхтя, пошли за оружейником.

...Утром вожди и старейшины сколотов собрались возле высокой кибитки царя сколотского племени паралатов Иданфирса. Их окружали посланцы соседних племен. Иданфирс, уже немолодой, но стройный и, видно, недюжинной силы, старался говорить спокойно:

— Надвигается войско персов на степи ваши и наши. Греки-ольвиополиты привезли нам весть, а воин-гетт, который спасся от персов, подтвердил их слова.

Гибкий, как лоза, гетт стал перед царями и послами. Он ударил себя в грудь и провел ладонью по горлу, упал на колени и рукою пригнул себе голову, потом поднялся с криком:

---

* Андрофаги — людоеды *(греч.)*.

— Дарий! Истр!

— Слышите? — Иданфирс взглядом обвел всех. — Скоро Дарий будет здесь. Большое войско у него, если удалось покорить все племена противоположной суши и заставить поднять против нас оружие. Но не думайте, что мы погибли. Ведь наши прадеды били персов в Мидии и собирали дань там не одно лето. Так противостоим же дружно нападению, соседи!

На средину вышел посланец агафирсов и, позванивая золотыми украшениями, молвил:

— Дарий идет на сколотов. Если бы они прежде не задели персов набегом на Мидию, то сегодня мирно пасли свои стада. Они без нас нападали на Мидию, пусть сами обороняются теперь. Мы не трогали персов, и персы не станут трогать нас. Они не пойдут за Порату *. Они двинутся к Борисфену.

Выступил тавр, заросший до глаз.

— Если перс пойдет на мой край, мы не останемся в долгу. Пусть попытается сунуть нос в Таврию, в наши горы! А сейчас нечего нам с ним воевать.

И тогда от савроматского посольства отделилась царица савроматов Пата — на вороном, в светлом плаще, колчан на левом боку полон стрел. Многие из приезжих засмеялись, поняв, женщина хочет говорить на совете вождей.

— Сколоты думают верно, — начала Пата. — Когда сколоты властвовали в Мидии? Возможно, и было. Найдется ли сейчас хоть один человек, который видел это и может подтвердить? Только умершие могли бы подтвердить, так было или нет. И персы едва ли помнят об этом. Если бы речь шла о мести сколотам, то зачем Дарий затронул фракийцев и геттов? Та же участь постигнет и нас, если мы будем отсиживаться в своих домах.

— Воюй, женщина, если ты такая удалая. А мы поедем к своим родам, — так ответил атаман невров, закованный в железо, и его спутники зазвенели железными браслетами.

— Тавр за всех сказал, — добавил от себя старейшина меланхленов в черном тулупе до пят.

— А мы... за вами, — выдушил из себя угрюмый андрофаг.

---

* Пората — Прут.

И тогда заговорил светлоглазый будинский вождь:

— Будины и братья наши гелоны обещаем царям сколотским и царице савроматов свою помощь! Наша женщина-будинка замужем за Иданфирсом, и мы не бросим ее детей в беде!

После отъезда несогласных Иданфирс приказал принести большой глиняный сосуд с вином. Ножом надрезал десницу, подержал над сосудом, чтобы в него пролилось несколько капель крови. Цари племен сколотских сделали то же, передали сосуд савроматам, гелонам и будинам. Сошлись вместе возле поставленного на камень сосуда и омочили свои мечи в нем.

— Пусть союз наш будет крепче этого напитка, а для перса страшней молнии в чистом поле. — И, зачерпнув золотым рогом вина, Иданфирс отпил и пустил его по кругу.

— Да будет так, — сказал длинноногий Скопасис, царь катиаров.

— Мы с вами, — отозвался царь траспов.

Иданфирс снял шлем и отбросил назад волосы, будто освобождаясь от тяжелой думы:

— Мы не будем пока сходиться с персом в открытом бою. Лучших всадников пошлем к Истру, пусть следят. Затем разделимся на два войска. Первое возглавляет Скопасис и Пата. И пойдут они на реку Танаис и Меотиду *. Второе войско — под моим началом — будет отступать на восход солнца. Да, мы будем отступать. Скот гнать перед собой. По пути засыпать все источники. Между реками выбирать самый длинный путь. Мы пойдем кочевьями в стороне от селений и нив пахарей. Но после нас персам останется голая земля. Да простит нам это покровительница всякой живой твари и наименьшего стебелька щедрая богиня Апи... Мы принесем ей и мужу ее Папаю богатую жертву — тела врагов наших! Если перс погонится за Скопасисом и савроматами вокруг Меотиды — хорошо, за моей частью войска — еще лучше. Долго ли выдержит перс или нет, но когда-то он ослабеет. И тогда мы ударим и уничтожим его войско. Не так ли, братья-цари?

— Очень хорошо придумал брат Иданфирс. Дарий найдет тут свою могилу.

Тем временем золотой рог Иданфирса пошел между

---

* Дон и Азовское море.

царскими слугами. В руки Аспака он попал от молоденького савромата, узкого в плечах, с тонкой фигурой. Аспак с интересом разглядывал безволосое лицо. Да это савроматка! И серьги маленькие в ушах, и кафтан, расшитый бисером, и массивная гривна на шее. Девушка не походила на молодых сколоток. Была с оружием и в мужской одежде.

Он внимательно оглядел ее всю, подумал, удержит ли эта маленькая рука меч — акинак, загляделся в черные глаза. Интересно, какова в бою...

Садясь на коня, Аспак еще раз увидел между савроматскими послами царицу Пату и молоденькую девушку, которая передала ему рог. Ведь получается, что он побратался с ней...

7

Когда переправа через Истр была закончена, Дарий приказал мост разрушить. Войско, которое на кораблях, пусть сойдет на сушу и примкнет ко всем.

— Разреши слово, царь.

— Кто ты?

Поднялся белокурый грек с кудрявой бородой, которая росла так, что нельзя было разобрать, где кончаются кудрявые волосы, а где начинается борода.

— Я Коэс из Митилены, начальник триеры, — ответил человек. — И вот что я хочу сказать, царь. Ты намерен идти походом в край, где не управляют землей, где нет городов. На то воля Зевса. Но вели, чтобы мост через Истр стоял, как стоит. А стеречь назначь тех, кто его строил. Если выйдет, как ты задумал, и мы найдем и покорим скифов, то будем иметь обратную дорогу для добычи и пленных, а если не сможем их найти, у нас будет надежная дорога для возвращения.

Дарий нахмурился и потянулся рукой к уху. Коэс почувствовал недовольство царя и заговорил быстрее:

— Нет, я не думаю, что мы слабее скифов. Ты скажешь, что я так говорю с целью остаться у моста? Так нет же, клянусь Зевсом, я сам пойду с тобой.

Коэс сел, а Гобрий, чтобы упредить события, сказал:

— Ты верно молвишь, Коэс. Сам Ахурамазда вселил эти мысли, и я считаю, что царь наградит тебя, чьими устами говорил Великомудрый. Ведь старая персидская

поговорка учит: никакого врага нельзя считать ничтожным и беспомощным.

— Конечно же, мой любезный друг, — сказал Дарий после минуты размышлений. — Если я вернусь здоровым, приди ко мне, чтобы я наградил тебя за добрый совет. Слушайте меня, мужи греческие и ты, Гистией, который старшим среди вас. Я посоветовался с Ахурамаздой и отбросил прежнюю мысль. Вы останетесь здесь, возле моста, на страже. И сделаете так. Возьмите ремешок и завяжите на нем шесть раз по десять узлов. А когда я двинусь против скифов и последний воин перейдет мост, то развязывайте по одному узлу с каждым восходом солнца. Если развяжете все узлы, а я не вернусь, то плывите домой. Знайте: я пошел назад через Кавказ. Но до того времени оберегайте мост. Когда так сделаете, то сослужите мне хорошую службу и награда будет щедрой.

Сколотские и савроматские войска ждали известия на берегу Борисфена, а их наблюдатели и царь Скопасис скакали на восток, навстречу персам. В степи оставались по двое сколотов-сигнальщиков. Они в нужный момент разведут большие костры — сигналы о приближении врага.

Аспак старался все время ехать возле царя. Он поглядывал на бронзовый шишак Скопасиса и думал, что и ему не помешал бы такой же. Говорят, стрелы отскакивают от него, словно камешки. Поправил под курткой золотую цигарку Табити — защитницу очага и бронзовое зеркальце, — они сползли вниз и терлись о живот. Скорее бы ночной привал, где можно глянуть в зеркальце, не отросла ли за сегодня борода. Персы, наверное, еще далеко. Что это за люди? Кто из них его, Аспака, добыча?..

За зарослями уже открылась широкая гладь лимана. Когда дозорные сколотов выбрались на высокий правый берег, Аспак заметил над краем степи низкую и серую тучку, непохожую на веселые, чистые облака. Это могла быть только пыль, поднятая громадным стадом или войском...

— Персы!

Аспак почувствовал легкий озноб. Скопасис пронзительно свистнул, и сколоты сгрудились.

— Катиары! Только заманить персов, но на сближение не идти. Держитесь ближе ко мне, не вырывайтесь

вперед! — Скопасис поправил щит на спине и махнул жилистой рукой.

Молча, сосредоточенно неслись сколоты навстречу страшному, всезакрывающему облаку. Оно подвигалось, росло, а кони мчались. Казалось, Скопасис намеревался развеять то облако. Когда из пыли стали выделяться отдельные черные точки, Аспак понял, что их заметили. Но Скопасис не спешил возвращаться.

А тем временем возвращались в белокаменную Ольвию два отчаянных посланца ее, Теодор и Диамант. Позади остались кочевья скифов. Хмурая и пустынная степь, полная опасных неожиданностей, отделяла их от желанного дома.

— Как бы не перехватили нас воины Дария, — говорил Диамант в спину Теодора.

— Зато имеет славный мастер не одного побратима среди скифов. Если скифы победят в этой войне, мы разбогатеем, как Крез.

— Да минует нас бесславный конец царя лидийцев *. Везем пустые амфоры, шерсть и шкуры. Знаешь, так мягко мне нигде не спалось, Теодор.

— Ты опустошил на берегах Борисфена не только свою посуду, но и мои скромные запасы. С кузнецом мы пили до утра.

— А ты почему-то дулся на того кузнеца, Теодор. Боялся, что его наконечники стрел лучше твоих? А какие красивые топорики нам показывал!

— Там где-то есть целый город мастеров по железу. Но меня сейчас беспокоит другое. Уж больно тихо вокруг! Вон пустое селение виднеется... Диамант, посмотри, всадники!

Из оврага медленно выезжало несколько десятков усталых, взмыленных коней.

— Судя по одежде — скифы. Нет причин для опасений.

Теодор свернул с утоптанной дороги, давая проехать всадникам. Было видно, что скакали они прытко — поснимали войлочные шапки и вытирали ими потные лица.

---

* Крез — правитель Лидии (560—546 гг. до н. э.), который прославился своим богатством. После поражения в войне с персами Крез потерял все.

— А вот и наш побратим Аспак. Эй, брат Аспак! От кого вы так убегаете? Случайно, не от Дария?

Всадник с блестевшим на солнце шишаком презрительно процедил:

— Греки хотят познакомиться с персами? Пусть следуют по нашей тропе. Прямо в зубы Дарию, — и расхохотался, откинувшись в седле. — Езжайте, может, откупитесь, вон сколько добра везете.

— Нет, царь! — Диамант соскочил с телеги. — Мы братались с твоими соплеменниками, и боги не простят нам сделок с вашими врагами. Теодор, купец ольвийский, дети за нами не плачут, так поворачивай же назад, к Борисфену. Дарий и наш враг.

— Правдивая речь твоя, мастер Диамант, но какова мне цена без моего дома? Что мы будем делать в степи? Управится ли слуга с хозяйством? Ведь столько непроданого вина и рыбы.

— А мне голова и руки дороже горшков и ваз.

Дозорные сколотов тем временем поворачивали коней.

— Не заблудились ли наши «гости»? — Скопасис втянул воздух горбатым носом. — Чую их дух, но не вижу. А ну-ка давайте покажемся им!

Аспак скакал справа от Скопасиса. Посматривал на царя, любовался его бесстрашным, веселым лицом и сам заражался удалью и беспечностью. «Хо, хо!» — покрикивал на коня Скопасис и подстегивал нагайкой. Вон сколько платков-скальпов на его узде! Аспак вспоминал рассказы о том, как ушел Скопасис от погони разъяренных персов в той битве, когда погиб отец Аспака. Не просто ушел, а увлек за собой двух преследователей, и в степи обезглавил... Персы ему не в новинку.

Между тем один за другим вспыхивали костры сколотов-сигнальщиков, и быстро неслась весть на Борисфен к царю Иданфирсу о том, что враг обнаружен.

Однажды персидский разъезд оторвался от своего войска и заночевал, где застала его ночь. Лицо Скопасиса застыло. Он решился...

На морды лошадей, чтобы не ржали, надели сумки с зерном. Все, что может звякнуть, было привязано. Щиты сдвинуты на предплечья. Все лишнее в ночном бою — копья, колчаны со стрелами и луками — оставлено.

Тихо подобрались сколоты поближе к ночлегу персов. Там все спали, измотанные дневными скачками. И степь, и кони, и звезды — все молчало. Аспак нащупал на груди золотую фигурку Табити, сжал ее и зашептал: «Помогай, Табити, помогай...» И тут разнесся крик Скопасиса:

— Бог Фагимасад, помоги нам!

Акинаки вылетели из ножен, взметнулись над головами, рев полсотни сколотов напугал персидских коней, они кинулись врассыпную. Из темной стены ночи, очерченной звездным горизонтом, выскакивали страшные, подвижные тени, вырастали, наваливались, били короткими мечами, секли.

Аспак свесился, что было силы рубанул темную фигуру, стараясь попасть по шее. Перс пошатнулся, дернулся, Аспак нагнулся, поймал за волосы, голова не отделялась, еще раз рубанул, но опять не попал как хотел, конь учуял кровь, замотал мордой, встал на дыбы, и Аспак скатился на землю, не отпуская жертвы.

Кругом все ревело, ржало, стонало, черные тени поднимались, закрывая собою полнеба, и опадали, у Аспака дрожали руки, он ударил еще раз, брызги крови попали на лицо. Его охватила злость на свою неловкость, страх перед окровавленным телом. Снова опускал руку с мечом, пока не почувствовал голову врага в левой руке. Аспак навалился на коня грудью, вполз на спину, не нашел узду, схватил за гриву и увидел, что остался один, а черные высокие тени неслись туда, откуда примчали, и он ударил коня... Конь храпел, шел боком, но Аспак бил его, и конь отворачивал морду в сторону, тоскливо ржал, но убыстрял бег.

8

Разведчики сколотов добрались до Борисфена. Их уже ждали перевозчики с плотами. На противоположном берегу, низком и таком далеком, что камыши казались травкой, поднимались дымы. Это рабы готовили еду.

Возле шатра царя Иданфирса суетились слуги и рабы. На шатре вышита серебром фигура богини Апи. Толстые косы ложатся на грудь Апи. Вместо ног змеиные закрученные хвосты. Покровительница всего жи-

вого придерживает козлов за крутые рога... Порывы ветра колышут полог шатра, оживляя изображение.

К разведчикам вышел сам Иданфирс. Всадники спешились и положили царю под ноги два десятка бородатых окровавленных голов.

— Наш тебе подарок, брат. Посмотри на персов, ведь ты их не видел еще! — Скопасис вынул из кожаного мешка у седла еще две головы, потряс их за волосы, скривил губы в едва заметной снисходительной усмешке.

— Хорошо, брат! Но привел ли ты войско Дария, не потерял ли его по пути? — в тон Скопасису спросил Иданфирс.

Это говорят ему, Скопасису! Самому ловкому среди сколотов! Скопасис стреляет из лука дальше всех — на две с лишком стадии. Копьем пронзает насквозь вепря. Мечом разрубает врага наполовину. Чтобы он потерял вражеское войско!

— Дария увидишь завтра. Мы протоптали ему хорошую дорогу, Дарий гонится за нами. — И Скопасис швырнул головы в свой мешок.

Иданфирс хищно блеснул глазами:

— Пока Дарий перейдет Борисфен, у нас есть время для жертвоприношения богам. Брат Скопасис, передай старейшинам и дружине, всем конным и пешим, воинам и обозу, пусть соберут к завтрашнему дню стог сена и хвороста — в двести шагов шириною и четыреста длиною. А высотою — сколько хватит сил. Пригласи царицу Пату и дружину ее. Приготовь жертвенный скот. Завтра в полдень боги получат дары наши. А добычу свою возьмите и распорядитесь ею, как велит обычай.

Аспак вошел в свой шатер, упал на шкуры и проспал до утра. С восходом солнца пошел вдоль берега искать дерево, ветка которого поет шмелем, когда, насадив наконечник, пустить из лука. Это высокое дерево — ясень. Не всюду его встретишь, надо немало походить. Аспак бродил над водою до полудня и нашел далеко от лагеря березовую рощу. Что ж, придется довольствоваться березовыми ветками, не такими прочными, как у ясеня, но надежными в стрельбе. Аспак рубил топориком ровные ветки и складывал их рядышком. На кончик Аспак насадит бронзовое острие с кривым шипом. Скопасис любит, чтобы колчан был набит стре-

лами с загогулиной на острие. Такую стрелу не вытянешь из тела, не растерзав внутренности.

В лагере рабы разводили костры, доили кобыл, сбивали масло, а между ними прохаживались сколоты, объезжали молодых коней царские конюхи. Немного дальше находился белый шатер царицы Паты.

Аспак вспомнил о девушке, с которой пил из одного рога, и начал присматриваться к савроматкам, но так и не нашел ее. Подумал, что теперь у него есть преимущество перед этой чернобровой девчонкой с сережками, ибо сегодня на узде его коня появится кожаный платок, снятый с головы убитого перса, чем не каждый может похвалиться! Вернувшись в свой шатер, Аспак уже спокойно осмотрел окровавленный обрубок со скрученной бородой.

Скоро на белом коне объедет лагерь царский глашатай. Созовет все сколотское и савроматское войско за рощу в поле. Каждый воин понесет охапку хвороста, прошлогодней травы или речного камыша и сложит в одну кучу. Стог будет расти, края подравниваться, и, когда царь Иданфирс с золотым колчаном и в греческом шлеме протянет молодому воину свой акинак, тот влезет наверх, воткнет там оружие. Потом подгонят к стогу скот и будут его резать, пока не наполнится кровью большой котел. Самые сильные из сколотов осторожно внесут котел наверх и выльют содержимое на старый, закаленный в боях акинак Иданфирса. Царь потребует меч назад, возденет к небу руки и скажет: «Пусть простят нам боги эту скромную жертву. Пусть подождет Апи и Папай, пока их дети пленят воинов Дария. Клянусь своим очагом, каждый сотый пленный будет пожертвован тебе, Апи, тебе, Папай, тебе, Табити, тебе, Фагимасад». И положит слуга Иданфирса возле святилища Мечу золотые плуг, ярмо, топорик и рог — все, что небо послало когда-то трем праотцам сколотским. Чтобы каждое племя выбрало себе занятие по душе: тем, кто будет сеять хлеб, — плуг, тем, кто хочет пасти скот и кочевать, — ярмо, самому воинственному племени, которое должно возглавлять сколотов в случае войны, — боевой топорик, а всем в одночасье — рог, из которого пить племенам сколотским вино братства, единства, непобедимости.

Загорится веселый огонь, а сколоты положат один другому руки на плечи и кольцом окружат горящее свя-

тилище. Медленно закружит живое кольцо, зазвенят мечи и колчаны на поясах сколотов, зазвучит воинственный крик, обращенный против врага:

Бей его в голову!
Бей его в грудь!
Бей его в сердце!
Бей его в живот!

Почувствует товарища каждый сколот, почувствует его мускулистую руку прежде, чем замрет на месте людской круг. Повернет он в обратную сторону, постепенно разгоняясь, и повторит свой грозный припев:

Проткни его копьем!
Лови его за волосы!
Рази его мечом!

Царь Иданфирс после всего пригласит воинов на пир. Владельцы кожаных платков откушают по чаше неразведенного вина, а тот, кто не убил ни одного врага в бою, будет вне круга досадовать на себя. Аспак же сегодня войдет в круг избранных, чтобы наслаждаться вином из чаши-черепа и поглаживать свою бородку.

Когда левый берег осветился громадным костром, царь Дарий улыбнулся. Да, бог Ахурамазда благоволит к нему. Скифское войско за рекой — не удалось дикарям спрятаться в глубь степей.

9

Видарна пробирался между военным и обозным людом, и все давали дорогу, едва завидев ярко-оранжевое убранство начальника бессмертных. Он хотел убедиться, оберегают ли евнухи его добро и не сбежала ли какая-нибудь из женщин с тонконогим египтянином или диким саком-рыбоедом. Все было в порядке, и Видарну окружили наложницы, каждая из которых старалась поймать его взгляд.

— Мой господин! — Гаусана спешился и кинул на землю свернутый чапрак. Из него высыпались окровавленные человеческие уши. Женщины теснились позади коня Видарны, вытягивая шеи, отталкивая друг друга.

— Вот тебе утешение в отместку за двадцать два бессмертных, которых подлые скифы убили ночью, — продолжал сотник. — А еще я подумал, что тебе, смелейший из бессмертных, будет интересно увидать живого скифа. Всего их было одиннадцать. Видно, заблудились и напоролись прямо на мою сотню.

И только теперь Видарна заметил на небольшой лошади связанного человека. Подъехал ближе к пленному. Приказал перевернуть на спину. Встретил взгляд спокойных бесцветных глаз из-под всклокоченных седых волос. Пока Видарна разглядывал пленного, старшая служанка Тия как бы невзначай приблизилась к сотнику Гаусане и сказала несколько слов.

Колесница Дария с его свитой следовала отдельно от всего войска, окруженная кордоном бессмертных, и Видарна взмахом руки приказал расступиться, а за ним в узкий проход проскочил Гаусана.

— Мой царь! — Видарна знал, что Дарий не любит в походе излишнего красноречия. — Этот молодой сотник хочет показать раба отныне подвластной тебе Скифии.

Двое бессмертных развязали пленного, подвели к Дарию.

— Кто ты? — выдавил из себя Дарий.

Пленный молчал. Тогда Дарий кивнул Видарне, и тот подъехал к скифу, вертя в руках нагайку.

— Грязный раб не хочет говорить? — Видарна поймал скифа за бороду, но тот ударил его по руке, и удивленный, а потом взбешенный Видарна кивнул бессмертным.

Они набросились на пленного. Гаусана держал критский кинжал и вертел нетерпеливо и многозначительно. Скиф закрыл глаза, чтобы никогда больше не увидеть ни неба, ни степи. Знал, что ждет его... Вспомнил своего слепого раба, его терпенье. Лишь бы не закричать, выдержать... Пленник сжался и ждал. Глаза, только свои глаза чувствовал скиф, они словно набухли и вот-вот должны лопнуть от прикосновения острия кинжала...

А бессмертные повалили его навзничь, один сел на голову, другой на ноги, а Гаусана плавным и заученным движением занес кинжал над спиной скифа и вырезал полосу кожи.

— Что теперь рассказывает темный раб?

— Ничего. Скиф стонет.

Коэс из Митилены отвернулся, и Дарий, с интересом следивший за всем из своей колесницы, подумал: грекам не нравится. Ну что же, это в дальнейшем ему пригодится.

Дарий подозвал Видарну ближе.

— Скиф молчит?

— Да, мой господин. Прикажешь поднять на копья? Или закопать живым в землю, принести в жертву Анкраманью и его верным муравьям?

— Злой Анкраманью не удовлетворится этим стариком. Что ему какой-то человечишко? — отозвался Барт. — Злой и могучий Анкраманью хочет сотни, тысячи жертв! Что ему это жалкое приношение? Мы должны поскорее догнать скифское войско, мой царь!

Дарий подумал, что Барт прав. Кроме того, живой скиф, знающий край, может ему пригодиться.

— Если силой не добился своего, Видарна, замени ее лаской. Оставь скифа. Он старый и знает немало. Поручи моему лекарю-египтянину, пусть залечит его раны. Стеречь пленника.

Уже три недели, как персидское войско перешло через Истр. Длинная змея ползла по степи, сокращалась в длину, но разрасталась вширь на сотни стадий. Желанная битва не состоялась, и воины, вначале державшиеся возле возов с тяжелым оружием, теперь отставали или обгоняли обозы и, разморенные летним солнцем, полусонные, качались в седлах.

Но Скифия и на четвертой неделе по-прежнему встречает их пожарищами, засыпанными колодцами, опустошенными селениями да холодными ночами, когда загорелые азиаты, привыкшие к жаре, мерзнут до утра.

Царь царей все еще надеялся, что впереди будут богатые города, а Видарна, Гобрий и Барт передавали его слова дальше, их подхватывали слуги, и вожди семидесяти семи племен успокаивали воинов.

Но веселые женщины, присоединившиеся к войску еще на царской каменной дороге между Сузами и Эфесом, донашивали свои наряды, а воины все сулили им золотые украшения и свитки шелков. Около трех тысяч персидских стадий пути — и ни одного города! Начались перебои с питьевой водой. Стоило обнаружить источник, как ряды воинов расстраивались, завязыва-

лись драки, потасовки, доходившие иногда до убийств. Но небольшие речушки после Борисфена были запружены и загрязнены всякими отбросами, падалью, и немало воинов персидских шло к знахарям, корчась от коликов в животе.

На двадцать третий день разведка доложила Дарию, что впереди широкая река Танаис, и у этой реки скифы разделились — часть пошла на юг, на переправу, а остальные двинулись вдоль берега на восход солнца.

Дарий созвал совет и приказал позвать пленного скифа. Его привезли к царской колеснице. Стоя за кордоном бессмертных, он видел, как приближенные Дария волновались, показывая руками в направлении то на восход солнца, то на полдень. Старик по двум широким полосам вытоптанной травы догадался, в чем дело.

Ласковый тон Дария обескуражил скифа, он стоял перед царем царей в нерешительности, но внезапная мысль, что вот сейчас он может послужить своим, подняла склоненную голову. Согласно кивнул и попросил разрешения проехать по степи в одном и другом направлении.

— Если царь хочет догнать небольшой отряд, пусть переплывает Танаис, — молвил скиф, обращаясь к Дарию. — Если же царь не боится битвы с многочисленными и сильными мужами, пусть и дальше направляет свою колесницу на восход солнца.

Дарию понравился ответ.

— Я пойду на восток, старик. — Дарий обратился к Видарне. — Если он будет стараться и в дальнейшем, назначу его сатрапом этой дикой страны. Скажи ему об этом.

— Сатрапами, мне кажется, лучше назначать своих людей, великомудрый царь, — только Видарна мог осмелиться на подобное.

— Ты не постиг еще всей сложности жизни, Видарна, — сказал Дарий, не упустив удовольствия поучить его. — Местные сатрапы усерднее служат царям, ибо им некуда удирать...

И Дариево многоплеменное войско двинулось вдоль Танаиса, упиваясь чистой водой, наедаясь рыбы, дичи, которой было столько в плавнях, что сколоты не могли уничтожить такое несметное богатство.

Скиф пленник, отмеченный милостью самого царя,

чувствовал себя свободней, без охраны разъезжал по персидскому стану и мечтал о побеге. Но за ним неусыпно следил какой-то человек, он постоянно держался вблизи.

Скиф прикидывал расстояние до своих, присматривался к оставленным ночлегам сколотов, и получалось, что главные силы, как и прежде, находятся от персов на расстоянии однодневного перехода верхом. И разрыв не уменьшался, хотя персы от раннего утра до вечера проходили до двухсот стадий.

Однажды скифа вновь позвали к царю.

— Что это? — спросил Дарий.

Внизу прямо из-под колесницы до самого горизонта простиралась беспредельная водная гладь.

— Что это? — повторил Дарий свой вопрос.

Бесполезно было ждать ответа от грека Коэса или пленного скифа — они замерли на утесе, удивленные не меньше царя. Тот молча и сосредоточенно смотрел вдаль *...

Второй месяц его войско без отдыха гонит скифов. Стада баранов и лошадей тают. Среди войска раздор и грабежи. Пусть постоит здесь, на берегу, пополнит охотой запасы мяса, насушит рыбы.

Старый скиф исполнил свое намерение, когда царские глашатаи объявляли волю Дария о десятидневной стоянке.

Толпа плотно окружила глашатаев, не протолкнуться, и скиф постепенно удалялся от своего стража. Тщетно тот пытался развернуть коня среди массы верховых и пеших, чтобы уследить за маневрами пленника, и в конце концов потерял старика из виду. А тот, отсидевшись в кустах, выехал в степь. Скакал и днем и ночью, пока на берегу Танаиса встретился ему табун низкорослых разномастных сколотских лошадей. Напряженность последних дней оставила его. Вялость в мускулах, острое ощущение голода.

Какой-то человек в греческой рубахе, подвязанной шелковым шнурком, сидел, утопая в траве, и что-то чертил тоненькой палочкой на деревянных досточках. Рядом, небрежно брошенные, лежали сумка, несколько рыб, кусок сыра, небольшая амфора.

---

* Дарий смотрел на Волгу.

У беглеца задрожали руки. Сполз на животе с лошади и подошел к незнакомцу.

— Кто ты, человек?

Рисовальщик от неожиданности опрокинул пузырек, коричневая жидкость расползлась по зеленой траве.

— Я Диамант из Ольвии. А ты, старик?

— Я старейшина Басадос из племени катиаров, был в плену у персов.

— Что ты увидел там? Ты голоден? Ешь.

Пока старик чавкал за спиной, Диамант увлекся мечтой о том времени, когда слава о его рисунках прогремит на весь Понт Эвксинский — от Тираса до Византия и Трапезунда, Эллинским морем поплывет к берегам Либии* и Азии. Он терпеливо будет ждать мгновения, когда Орфей вдохновит его, и крик радости услышат на всей земле: «Нашел! Посмотрите сюда, я нашел утерянную людьми тайну — изображение пространства!» Чувствовал: это вот-вот должно произойти. И именно среди этих степей и чащ с прозрачным воздухом.

— Ты видел греческие города, уважаемый? Их дворцы и скульптуры?

— Города — это гибель сколотов.

— Высоким стилем слов своих ты напоминаешь греческих риториков. Я тебя не замечал раньше.

— А золото ничего не значит, — продолжал Басадос. — Золото тяжелое, много золота не возьмешь на повозку. Его надо прятать в городах, ограждать стеной. Сидеть на месте и стеречь. Это будет наша гибель. Ты видел Дария?

— Нет, не видел никогда.

— А я насмотрелся на все семьдесят семь племен, которые привел Дарий. Они скоро побегут от сколотов. Им не одолеть нас. До тех пор пока мы не имеем городов, пока, подобно солнцу, в постоянном движении, до тех пор мы свободны и не подвластны никому, как само солнце. Землепашцы, которые живут над Борисфеном, вынуждены давать нам хлеб и шкуры. Потому что не могут оставить свои селения и уйти подальше.

— Если кто и победит царя Дария, то это будут греческие полисы, мудрый скиф.

---

* Либия — Африка.

— Какие полисы — те, которые меняют властителей так часто, как мы пастбища?

— Ты говоришь об ионийцах! Но великая Эллада свободна и сейчас.

— Я не знаю Эллады. Я знаю греков над Понтом Эвксинским и на побережье Анатолии. Кому они подвластны теперь, ионийцы?

— Ионийцы — Дарию.

— А до него?

— Киру.

— А до того?

— Крезу.

— Вот так! Твое племя поселилось в городах над морями и ради них готово терпеть кого угодно.

— Я тебе говорю, только греческие полисы победят персов. Города свободных граждан, где каждый знает, что защищает! Ионийцы еще покажут себя. Они вынуждены сегодня покоряться Дарию, но придет время... — больше самому себе, чем Басадосу, говорил Диамант.

Он приставил рисунки к дереву и, приседая, отходя дальше и опять приближаясь, закрывая то один, то другой глаз, всматривался, быстро переводил взгляд на табун и все думал, чего же не хватает его рисункам.

Тем временем старейшина Басадос ехал по дубраве к палаткам сколотских царей.

10

В том месте, где Танаис впадает в Меотиду, Скопасис и Пата, не дождавшись гонца от Иданфирса, собирались пойти вдогонку основному войску.

Оружейник Аспак выехал за лагерь.

— Хо! Хо! — покрикивали объездчики. Лошади косили глазом, жались друг к другу, а савроматы доставали овес из кожаных сумок, приманивали. Более податливых ласками приучали к рукам, прыгали на спину, и начиналась бешеная гонка в степи.

— Если мой брат владеет мечом и луком так же, как приручает лошадей, то можно положиться на него в бою, — улыбнулся Аспак.

Со взмыленного трехлетки спрыгнула знакомая девушка-воин.

— Ну, ну, ну.. — спокойно приговаривала она, во-

дила рукой по гриве, по горбоносой морде, а лошадь перебирала дрожащими ногами, порывисто дышала и уже прислушивалась к нежному голосу человека, который мог быть непреодолимо твердым, как вот накануне, когда гонял ее по полю, вцепившись в гриву, и никакими увертками не сбросить его.

— Мой брат... — продолжал Аспак.

Но девушка, осторожно надевая на лошадь сбрую, сказала тихо и спокойно:

— Мое имя Опия.

— Когда Опия научилась так ездить верхом?

— Сразу же, как увидела солнце, сидела на коне. Когда мои пальцы научились хватать, в них была стрела.

Аспак опешил после такого ответа.

Он подъехал той стороной, где к его седлу была подвешена белая чаша из черепа убитого перса и вился на узде платок-скальп. Опия искоса взглянула на чашу, и Аспак выпрямился в седле, пальцами коснулся бородки, погладил ее, перебирая мягкие волосы.

Лошади шли медленно. Из-за леса взвился орел и закружил над войском, высматривая, чем бы поживиться. Аспак вынул стрелу и быстро наложил на тетиву лука. Но Опия схватила за руку.

— Нельзя даже целиться в орла. Орел — дитя Солнца. Ты принесешь беду. Разве сколот не знает?

— Не ведаю обычаев савроматских, — опустил лук, всматриваясь в черные глаза Опии. — Сколоты сами дети богов. Первый человек на земле был сыном всемогущего Папая и змееногой Апи — дочери Борисфена. Имел он троих сыновей. От среднего пошел наш род катиаров и траспы. От старшего — род авхатов. Младший породил паралатов. Давно это произошло, но так было.

— А скажи, сколоты равны между собой?

— Если не знаешь, я расскажу. Так постановили боги — в военных походах мы подчиняемся царю паралатов Иданфирсу.

— Паралаты — это род младшего брата?

— Ты хорошо слушаешь, Опия! Три брата отдыхали на берегу Борисфена, когда с неба упали золотые плуг, ярмо, топорик и чаша. Увидел старший брат и пошел за ними, но золото начало гореть. Тогда пошел средний — золото опять вспыхнуло. Но когда подошел

младший, оно потухло. И он взял золотые подарки, а старшие братья передали ему власть над собой. Такой была воля Папая. А что это за звери в твоей гривне?

— Львицы. Самые сильные животные. Наши охотники привозили шкуры львиц из предгорий Кавказа. Око львицы оберегает от вражеской стрелы. А расскажи мне еще о сколотских племенах.

— Авхаты, потомки старшего брата, издавна пашут землю, сеют пшеницу, просо, ячмень, коноплю. Это для авхатов боги послали на землю плуг. Прочим трем племенам боги завещали ярмо. Было время, катиары, траспы и паралаты кочевали от Пораты до Сиргиса *, поделив степь. Затем траспы занялись ремеслами и осели. Они делают для остальных сколотов оружие, украшения и телеги. Мое племя катиаров и паралаты кочуют, как и прежде, разводят скот, выделывают кожу, шьют из нее куртки, штаны, обувь. Стрижем овец и запасаемся шерстью, валяем войлок. Не столько для себя, но и для авхатов и траспов, за это выменяваем у одних хлеб, у других оружие, утварь. А теперь ты поведай о своем народе.

— Мать моя рассказывала о нашем племени, а ей рассказала ее мать. Женщины савроматов любят говорить об этом, а мужи слушают без интереса. Прабабки савроматов родом из Анатолии — это за Танаисом, далеко на полдень, за высокими кавказскими горами, их можно обойти только морем. Греки воевали с ними и взяли в плен три корабля савроматок. Но на Понте Эвксинском пьяных греков женщины перебили. Не умели они управлять кораблями, ветер и волны понесли женщин через пролив в Меотиду. И выбросило их на берег. Там небо послало им диких коней, женщины переловили их и поехали в степь, где встретили стойбища сколотов...

Аспак слушал и вдруг почувствовал, что рядом с ним едет девушка, черноокая и живая, и никакой не брат.

— И воевали с родами вашими, пока сколоты поняли, что они воюют с женщинами. Пожелали ваши мужи иметь детей от савроматок. И сказали сколоты: будьте нашими женами...

Ветер бросал на глаза Опии волосы. Она резко от-

---

* Сиргис — Северский Донец.

брасывала их, и Аспак видел, какая она нежная, как волнуется ее белая рубаха под распахнутым плащом и какой он, Аспак, большой по сравнению с этой девушкой. Сила бурлила в нем, хотелось показать ее, не сдерживаясь.

Летний ветерок обжигал лицо.

— Мы не поймем ваших женщин, сколоты, так как нет у нас одинаковых с вами обычаев, ответили тогда савроматки, — не спеша вела свой рассказ Опия. — Возьмите свой скот и свое имущество и пойдемте жить вместе, отдельно от ваших родителей, на восход солнца. Послушались мужи-сколоты и пошли за девами нашими от Борисфена к Танаису и там поселились. И до сих пор придерживаются жены савроматов старых обычаев: ездят верхом на охоту, воюют и носят одежду воинов.

Аспак и Опия отстали от свиты и свернули на опушку леса.

Аспаку привиделась в глубине густая чаша, прохладная и манящая. Схватил коня девушки за повод, ударил своего в бока и повлек за собой Опию, не обращая внимания на крики. Так несся он, ломая мелколесье, пока не почувствовал легкость в руке и не заметил, что держит обрывок повода. Разгоряченный, поворотив коня, увидал, что Опия выезжает из лесу и вкладывает меч в ножны. Закипел у молодого сколота, владельца скальпа, гнев на строптивую девчонку; помчался он вдогонку, готовый убить ее, но расстояние не сокращалось, а войско сколотов и савроматов приближалось. Опия направила коня к царице Пате.

Часть вторая

В сердце входит черный страх.
Сердцем водит злая ночь.
Оа! Персов гордые войска!
Будут слезы, будет стон,
Будет плач
В стенах опустевших Суз.
Эсхил. Персы

1

И соединились войска сколотов. Устроили жертвоприношение сколотскому мечу.

А вечером царь Иданфирс вернулся в просторный

шатер. Отцепил от железного пластинчатого пояса меч, колчан со стрелами и луком, серебряный черпачок для воды. Расстегнул крючки пояса, снял кожаную куртку, усталым движением закатал рукава вышитой красно-зелеными крестиками сорочки. Опустился на кошму посреди шатра. Приказал никого не впускать. Сегодня он устал. И не так из-за тряски в седле, как из-за напряжения, неудовлетворенности. Сегодняшняя жертва богам не удалась, сколько бы овечьей и лошадиной крови ни пролилось на боевой меч. Кровь не та... Разве такой жертвы жаждут Папай и Апи, воинственный Фагимасад от своих детей? Беззащитные твари освятили сегодня меч, а враг продолжает наступать на пятки. Но еще не время! Надо протащить персов по болотам невров, тогда они созреют, чтобы посдирать с их голов кожу и выцедить из жадных глоток кровь. Нет, боги не прогневаются, не оставят его и сколотов. Ведь Иданфирс всегда соблюдал обычаи предков.

...Мимо шатра, в котором отдыхал Иданфирс, проезжал Скопасис. Неодобрительно смотрел он на шатры, окружавшие большую царскую повозку. Вон сколько слуг развел Иданфирс! Тут и конюх и оружейник, повар и виночерпий, пастухи и охрана.

Еще жен бы взял с собой!

Скопасис чувствовал себя легким, необремененным. Из слуг на войну взял только оружейника Аспака. На войне все лишнее — обуза.

А вот та войлочная палатка поменьше. В ней царь Иданфирс хранит реликвии сколотов, ниспосланные когда-то богами: золотой плужок, золотой топорик, золотой рог и маленькое золотое ярмо. Их показывают только во время жертвоприношений богам. И каждый сколот знает, что золото это неприкосновенно. Лишь Иданфирс и его ближайший слуга могут брать реликвии в руки, остальных же, посягнувших на дары богов, ждет смерть. Человек хиреет, чахнет, золото печет ему руки, тело, душу, он не находит себе места.

Скопасис остановил коня, прислушался. Надвигались сумерки, тихо на царской стоянке. Поодаль вокруг костров сколоты подремывают у огня.

Скопасис слез с коня. Тихо ступая, приблизился к маленькой палатке. Откинул полог, но ничего не разглядел. Сердце учащенно бьется. Чего он боится? Кары

богов? Но какая-то сила подталкивала, и он нырнул под полог. Ощупал землю. Что-то обожгло руку, и он отдернул ее, сел на землю. Убраться отсюда поскорее! Но та же сила заставила снова протянуть руку к обжигающему золоту. Это был золотой топорик. Скопасис зажал его в руке и теперь только понял, что металл не горяч, а холоден...

Он сунул в кожаный мешок и топорик, и маленькое ярмо, и плужок, и рог. Озираясь, выбрался из палатки, поехал прочь в темноту. Бросил поводья. Взвешивал в руке мешок, запустил туда руку и гладил золото, грел горячими пальцами. Золото не жгло.

Радость поднималась в нем. Вокруг ни души, и Скопасис рассмеялся, подбросил мешок, поймал его, закинул за спину. Ударил коня в бока. На поляне луна осветила царя катиаров, разгоряченное лицо, долговязую фигуру. Он самый сильный среди сколотов! Священные реликвии льнут к его рукам. И Папай, и Апи, и Табити, и Фагимасад благоволят к нему — Скопасису!

К рассвету Скопасис вернулся в лагерь. Смело, не таясь, подъехал к стоянке Иданфирса, зашел в маленькую палатку, бережно вынул из мешка золотые реликвии, положил их на место.

В шатрах зашевелились сонные слуги.

А днем сколоты вступили в край меланхленов, живущих по обе стороны Танаиса.

Выходили за земляные валы старейшины меланхленов в черных длиннополых одеждах. И царь Иданфирс говорил им:

— Не захотели присоединиться к нам, как советовали мы! Надеялись, перс не достигнет ваших хижин. Пока не поздно — присоединяйтесь. Завтра персы будут стоять на этих валах.

Выкрикивали старейшины вдогонку Иданфирсу. Поглядывали на широкие лесные просеки, оставленные сколотами, и ужас овладевал ими и гнал темные фигуры к хижинам. Но издали нарастал, все сильнее слышался треск деревьев — то продирались сквозь чашу страшные персы, и оставляли меланхлены селения и плетенные из веток, обмазанные глиной жилища, угоняли стада, забирали все, что можно.

Встревожили сколоты и племя андрофагов в их лесных землянках-норах. Глухим ворчаньем встретили

андрофаги соседей. Волчьим блеском загорались глаза.

— Перс, перс! — кричали сколоты, размахивая топорами. И андрофаги с проклятьем вылезали из землянок, складывали шкуры на своих немногочисленных лошадей и гнали их в глубь леса.

Теперь Диамант и Теодор оставили свою телегу, пересели на лошадей. Тяжело было расставаться Теодору со своим добром, но здравый рассудок взял вверх. Телега цеплялась за сломанные деревья и кусты, застревала в грязи — греки едва успевали за войском.

— Сначала я беспокоился, как бы продать побольше оружия сколотам, дальше — как удобнее уложить выменянные шкуры и мешки шерсти. Потом я мучился, что выбросить. Теперь я думаю: как добраться живым домой, хотя бы в одном хитоне, — печально говорил Теодор. Он похудел, от брюха и следа не осталось.

— «О Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, многих людей города посетил и обычаи видел...» * — Диамант смолк, хлопнул себя ладонью по щеке, размазал упившегося кровью комара. — Боги посылают нам испытание. Это вторая «Одиссея», и когда-нибудь поэты будут слагать о нас песни.

— Вместо пения сирен мы слышим вой волков, — печально усмехнулся Теодор.

2

Примерно через полтора суток в том же месте из шелковой палатки вышел Дарий.

Странный и жуткий в своей непонятности сон привиделся Дарию.

Они были снова вместе после смерти мага-самозванца и разыгрывали на царство жребий. Все было, как тогда. Решили: чей конь первым заржет при восходе солнца, когда они выедут за городские ворота, тот и будет царем. И вот Дарий рассказывает об этом своему безбородому смешливому конюху. «Господин! Если только от этого зависит, быть тебе царем или нет, то соберись с духом и не беспокойся — никто не будет, кроме тебя, царем. Есть у меня средство...» — отвечает конюх.

---

* Первые строки «Одиссеи» Гомера. Перевод В. Жуковского.

И видит Дарий, как конюх выводит ночью за ворота любимую кобылицу, как накрепко привязывает ее к столбу за воротами, как обводит вокруг кобылицы жеребца несколько раз и наконец пускает его к ней...

А утром, когда они по уговору садятся на коней и выезжают за те самые ворота, происходит нечто странное: жеребец не бросается вперед и не ржет, как это было тогда, семь лет назад. И никто не падает Дарию в ноги в знак признания власти, а все молча едут... Он хочет воскликнуть: «Давайте проедем еще раз!» — но уста не размыкаются...

Какие-то звери, напоминающие шакалов, но с более грубыми голосами, разбудили царя. Дарий глянул в черную темень, но, кроме догорающих костров, ничего не увидел. Вой несся издали, из глубины леса. Дарий ударил носком сапога раба, спящего у костра, тот разбудил других, и начали они бросать хворост в затухающее пламя. Но вой не прекращался.

Из соседней палатки выполз, по-стариковски кряхтя, Барт.

— Проклятые гиены разбудили владыку.

— Что это за твари? — Дарий указал в темноту. Ему хотелось, чтобы Барт истолковал сон.

— Это скифские шакалы, владыка. Как-то на моих глазах они вмиг разорвали и проглотили лошонка. Я думаю, что они по ночам тащат и уснувших воинов, царь...

Но Дарий не стал слушать нытья мабеда-мабедов. Не стал рассказывать сна. Послал за Видарной.

— Пусть твои люди прогонят этих тварей, они лишили меня сна.

Сотня бессмертных углубилась в лес. Тысячи стрел полетели в темноту, ударяясь о стволы деревьев, разрывая сплетения веток, туда, где мерцали зловещие огоньки. Огоньки зашевелились, потухли, что-то заерзало в лесу, захрипело, а потом огоньки замелькали вновь, и вой усилился.

— Пожирают убитых, — промолвил Видарна и вернулся к царю царей.

Не хотел Дарий сознаться себе, что леса угнетают его и пугают. Он задыхался в них. Путь от Истра и той большой реки был нестерпимо долог. Усталость почувствовал Дарий. Он провел в седле более десяти лет и еще семь лет в царской колеснице. Приходилось и вы-

ходить из нее, драться в пешем строю, несмотря на царское звание. А на троне в Персеполе почти не сидел...

Вой скифских шакалов стал невтерпеж. Еще не рассвело, а Дарий велел позвать мага-писаря, при светильнике продиктовал письмо к царю сколотов.

Вспомнил о пленном старом скифе, но Видарна сказал, что тот умер.

— Пусть самая быстрая сотня бессмертных догонит проклятых скифов. День и ночь не слезать с лошадей! Отправь сию же минуту!

А войско Иданфирса вновь вышло к Борисфену, но уже с востока, когда привели невооруженных всадников в желтых плащах с красными широкими лентами на тиарах.

— Эти люди преследовали нас, пока мы не осыпали их стрелами. Тогда они бросили оружие на землю — и копья, и колчаны, и луки, и даже кинжалы. И мы их подпустили ближе. Дарий шлет тебе письмо.

— Перс обеспокоен! — Иданфирс взял папирус из рук гонца. — Собрать сюда вождей племен и старейшин.

— «Я, Дарий, Ахеменид, сын Гистаспа, царь царей, властелин Персиады, Вавилона, Мидии, Сагартии, Гедрозии, Бактрии, Согдианы, Арахозии, Армении, Сирии, Лидии, Карии, Египта, Хорезма, Ливана, Палестины, Индии, Фракии, Ионии, пишу тебе, царю Скифии. Я спрашиваю тебя: почему ты все время удираешь? Если ты боишься моей силы, семидесяти семи племен азиатских и либийских, перестань удирать, приди и обними мои ноги. Принеси мне, как властелину своему, в дар землю и воду, леса твои, рыбу в твоих реках, зверя в твоих степях, золото и серебро в твоих горах. Приди и покорись, а я, царь царей, определю твою дань ежегодную».

Вздрогнули бессмертные от криков возмущения, охватившего весь стан сколотов, теснее сдвинулись, конь к коню.

— «Знай, что мощный я и руками и ногами. Как всадник, хороший всадник я. Как лучник, хороший лучник. Как копейщик, я хороший копейщик. Помни об этом, царь Скифии. Бог и великий Ахурамазда, который эту землю создал, который небо создал, который человека создал, он меня, Дария, царем сделал, единым над

многими. Все совершить я в состоянии. Помни об этом, царь Скифии».

— Брат Иданфирс! — вскричал Скопасис. — Перс называет нас трусами. Дадим бой. Я покараю Дария!

— Братья! Авхаты оставили поля и селения. Жены и дети наши прячутся. Созревает на полях хлеб. Скоро жатва, а мы далеко. Что нас ждет зимой? Что ожидает остальных сколотов без нашего хлеба? Лучше погибнуть в бою, нежели умирать с голоду.

Старейшина катиаров Басадос ждал момента вставить слово:

— Мне радостно слушать отважных братьев моих, — начал он. — Но я видел персов вблизи. Это сила огромная, неисчислимая. У нас нет и третьей части войска Дария. Но недовольство подтачивает его воинов. Страх вселяется в их душу. И чем дальше заведем мы персов, тем больше страха нагонят на них наши боги. Я разъезжал по стану персов и слышал всякие разговоры. Грек Коэс имеет ремешок, на котором ежедневно завязывает узелки. Я спросил у него, зачем он это делает. Коэс не думал, что я смогу убежать, и он сказал: греческие тираны, которые строили мост через Истр, будут ожидать персидское войско и стеречь мост шестьдесят дней. Так приказал Дарий. Когда я в последний раз видел Коэса, он завязал тридцать пятый узел. Шестьдесят дней скоро минует. Персы беспокоятся. Я видел ремешки с узелками у многих воинов.

— Пусть царь персов хоть в десять раз сильнее! — воскликнул Скопасис. — Катиары хотят встать лицом к врагу! Я готов драться с пятью персами одновременно. Это говорю я, Скопасис. Если же брат наш Иданфирс нездоров, пускай передаст золотой топорик другому царю...

— Надо выйти из этих лесов, — заметил царь траспов. — Что за битва среди кочек и деревьев, когда и руке с копьем негде разгуляться?

Иданфирс оглядел вождей и группу побледневших бессмертных.

— Братья мои цари! Коварный перс хочет обмануть нас. Он пишет хитрое письмо, и у некоторых разум застилает гнев. Персу только этого и надо. Но кто из вас скажет, что я удираю от него? Я делаю то, что делал и в мирное время. Я выпасаю скот и каждый день выби-

раю новые пастбища. Я не имею ни городов, ни обработанной земли, чтобы опасаться за них. Когда перс догонит мои стада и будет угрожать им, я стану на бой. А сейчас и я, и мои стада, и мое войско в безопасности.

Иданфирс наблюдал, какое впечатление произвели его слова. Пата смотрела на Иданфирса с улыбкой. В знак согласия кивает головой краснощекий тяжкотелый царь траспов. Задумались другие вожди, поглядывая на старого воина Басадоса, который побывал во вражьем стане и знает, что говорит. Только Скопасис горячился: Иданфирс чересчур спокоен, и это может плохо кончиться для сколотов.

— Передай послам персидским, — приказал Иданфирс Басадосу, не обращая внимания на речи Скопасиса, — что властелинами над собой я признаю лишь Папая, моего бога и предка Апи — праматерь мою, Табити — хранительницу очага моего, Фагимасада — покровителя в боях. Дарию же пришлю подарки, пусть запасется терпением и ждет.

3

За Борисфеном, на сухих высоких местах, на просторных лесных полянах, начали попадаться селения невров. Услышав о нашествии, невры оставили селения еще до прихода сколотов.

Бродили волки покинутыми селениями, уверенно, по-хозяйски рыскали в поисках добычи и не обращали внимания на ездоков.

— Это невры! — воскликнул Басадос, указывая на зверей. — Я знаю, они обращаются в волков...

Воины обходили селения, не трогая волчьих стай...

Но недолго сдерживали доводы Иданфирса царей сколотских и вождей племен.

— Хорошо, братья мои, — сказал Иданфирс на совете, — время принять бой. Но выйдем из этих болот на земли агафирсов. Там развернем свой строй и станем против Дария. Так я думаю.

— Царь Иданфирс сказал мудро. Надо покончить с персами. Чтобы впредь не зарились на землю нашу. Мост через Истр — единственный обратный путь Дария. Греки с шестьюстами триерами охраняют его. Но греки-ионийцы стремятся к свободе — так объяснил

мне один ольвиец. Если они действительно хотят этого, мы им поможем. И греки должны помочь нам. Пусть разберут мост.

— Старейшина Басадос был среди персов, и, очевидно, сам Папай навеял ему эту мысль. Пусть царь его Скопасис и сам он едут к Истру, — молвил Иданфирс.

— Царица Пата с дружиной поможет катиарам, если греки будут сопротивляться, — сказала Пата, и все одобрительно закивали головами.

— А чтобы не думал царь Дарий плохо о нас, с завтрашнего дня начнем тормошить его, — блеснул зубами Иданфирс. — А особенно под вечер, когда усталые персы усядутся есть...

Скопасис радовался, что Пата вызвалась сопровождать его и катиаров. Но не понравилось иное — царь Иданфирс усылает его прочь от основного войска, чтоб не спорил и не смущал других... Сейчас, когда за спиною многочисленный враг, не время противиться Иданфирсу, не время показывать, кто из них сильнее. Но после победы сколоты поймут, кто должен стоять во главе всего войска.

...Хотя много в лесу тропинок, но тропинки Аспака и Опии сошлись. И оружейник, давший себе слово даже не смотреть в ее сторону, спросил:

— Зачем савроматы носят бронзовые зеркальца за поясом? Я свое давно выбросил.

Опия испуганно взглянула на юношу.

— Как? И ты не боишься теперь? У савроматов бронзовое зеркальце самая дорогая вещь. Если разобьется или потеряется зеркальце — погибнет скоро его владелец. Посмотри в мое, только не урони!

На золотистой глади зеркальца проступали лепестки крупной ромашки, а стебелек ее переходил в держак. Аспак посмотрелся в ромашку, пустил зайчик на хмурый, заросший мхом ствол осины.

— Почему не поехала со мной? Почему удрала?

— Савроматки умеют себя защищать.

— Я хотел, чтобы ты стала моей женой.

— Но ты не спросил меня. — Опия забрала у Аспака зеркальце, вложила его в футляр.

— У сколотов мужчина сам выбирает жену.

— Сколоты имеют не одну жену?

— Да, чем более знатный муж, тем больше у него жен.

— Сколько у тебя?

— Ни одной еще, — смутился Аспак, но глаза Опии радостно блеснули, и Аспак понял, что девушка не презирает его. — Ты будешь первой.

— Я хочу быть единственной женой у своего мужа.

— Не так у сколотов. Когда муж погибает в бою или умирает, жена ложится рядом с ним в могилу.

— Живая жена?

— Она убивает себя. Чтобы вместе быть и в стране мертвых. Так принято у сколотов.

— Нет у нас такого обычая. Я не смогу жить среди сколотов. Савроматки владеют луком, копьем, ездят верхом. А ваши женщины сидят на возах и выполняют рабскую работу.

— Не хочешь стать женой сколота?

— Если какому-то сколоту я понравлюсь, а он мне, то пусть берет свое и идет со мною жить на Танаис, как делали когда-то праматери и праотцы савроматов.

Чтобы он, Аспак, изменил роду, бросил катиаров и отправился в страну савроматов? За это боги покарают его, а Табити не пошлет ему сына... Надо забыть Опию. Среди сколотских девушек Аспак найдет верную жену, боги пошлют ему и стада, и табуны, и детей.

Аспак повернул лошадь и исчез между деревьев. Опия придержала своего гнедого, глядя вслед. Не рассказала ему Опия еще об одном обычае савроматском. Не может иметь мужа савроматка, пока не убьет хоть одного врага...

Утро выдалось ясным. Солнце еще пряталось за стеной деревьев, но над широким озером оно чувствовалось во всем: в прозрачном воздухе, в чистой воде, в росистой траве и ветвях.

Аспак снял с шеи гривну, расстегнул острополую куртку, вышитую на воротнике и груди сорочку. Бережно положил на землю фигурку Табити. Разделся, взял в руки комок глины и натер лицо, грудь, ноги, нырнул и долго плавал, разводя руками щекочущие водоросли. Вода была теплой, теплее воздуха.

Опия с подругами подошла к озеру с противоположной стороны.

Раздевшись, девушки прыгнули в воду. Опия осталась в одной рубахе на берегу в кустах. Узнала Аспа-

ка. А тот, едва посмотрев на савроматок, стал на отмели, закинул голову, повернулся в сторону, где всходило солнце за деревьями. Положил руки на воду, расслабив мускулистые плечи. Прозрачные капли стекали со светлой бороды и длинных, до плеч, волос. Стоял зажмурившись.

И Опии из-за куста захотелось коснуться Аспака, она даже руку протянула. А в другой зажала гривну с бронзовыми львицами.

Сквозь лес пробился резкий звук рога — то глашатай Иданфирса звал в дорогу.

— Почему не купалась? — спросила подруга.

Опия вздохнула и лишь теперь расслышала звуки рога. Подумала: не везет ей, савроматы отправляются к Истру, и неизвестно, встретит ли она там хоть одного перса. А сколоты будут добывать здесь персидские головы. Опии стало не по себе — так и возвратится она с войны без единой вражьей головы...

Подруги побежали, Опия шла медленно и скоро отстала. Она смотела из-за деревьев, как собираются савроматы и катиары. Царица Пата несколько раз оглянулась, вероятно, в поисках Опии; вот она говорит что-то служнице, и та побежала к озеру. Опия взобралась на дерево. Уселась на толстой ветке, тяжело вздыхая. Пусть царица едет к Истру на переговоры с греками, Опия не упустит возможности снять хоть одну голову перса. И добудет-таки право выбрать себе возлюбленного. Девушка вспомнила слова Аспака: «Я хотел, чтобы ты стала моей женой», его русую бородку, купанье...

Обоз савроматов оставался при Иданфирсе. Это хорошо, подумала Опия, позже она незаметно присоединится к своим.

— Где была? Служанка царицы искала тебя, — только и сказал земляк Опии.

— Заблудилась, дядя, я в лесу.

— Оставайся теперь с нами. Где ты будешь искать царскую свиту? Савроматам эти места неведомы.

4

Гобрий, склонившийся над греческим планом земли скифов, резко повернулся к Дарию:

— Надо поворачивать к Истру, на полдень. Нечего делать в болотах, здешние племена все равно разбежа-

лись, и от их пожитков мало пользы, даже отар нет. Конница скифов нападает на нас с юга. Значит, их главные силы там.

Барт пытался было сказать, что болота преградили путь из-за грехов наших да еще за нарушение законов Заратустры, но его остановил взгляд Дария.

Барт подумал, что, будь царь из магов-мидийцев, все развернулось бы иначе. Вот маг, которого убил Дарий, всего восемь лун стоял у власти, а сколько... Барт испугался своих мыслей и оглянулся на присутствующих. Дарий чересчур терпим не только к иноверцам-персам, но и к покоренным народам. Смешно вспомнить! В Вавилоне, когда царь усмирил непокорных, оставил нетронутым золотую статую нагого мужчины — вавилонского бога. А хорош кусок — больше десяти локтей высоты. Так нет, оставил вавилонцам, хотя каждому ясно, что золото, оно только золото, и не может бог иметь человеческое подобие.

Нет, слаб царь Дарий, вот если бы... Барт снова опасливо оглянулся. В шатре окончили обсуждение и ждали от царя последнего слова.

— Поворачиваем на полдень, — молвил царь и, подойдя к Гобрию, склонился над планом.

Кони и люди повернули на юг, но еще долго чавкала грязь под ногами и засасывала колеса, а над ними висли тучи комаров и мошек.

Наконец головные отряды ступили на твердый грунт.

Переезжая неглубокий овраг, Гаусана встретил скифов. Это была большая группа всадников. Скифы заметили врагов, но двигались спокойно, даже несколько торжественно. Отряд Гаусаны настороженно остановился. Теперь персы уже могли хорошо разглядеть скифов. Их было несколько сотен, ехали они скученно, окружив повозку, в которой сидело пять седобородых стариков.

Гаусана дал команду к бою, но от группы скифов отделился один воин и направился к отряду персов. Скиф вынул из ножен меч, переложил его в левую руку и снова вложил в ножны. Потом он снял с пояса лук и проделал с ним то же. К нему присоединился еще один старый скиф и зычным голосом выкрикнул:

— Мы едем к царю Дарию. Проводите нас!

Дарий принял послов, как и подобает царю. Стража ввела пятерых скифов, и их дорожные одежды — темно-коричневые и грязно-серые — подчеркивали пышность и блеск приема. Это были седовласые старики, четверо из них несли что-то, закрытое тканью. Они вышли на средину палатки, остановились перед троном, и один из них выступил вперед:

— Наши цари велели вручить тебе, Дарий, эти дары, — молвил и отступил в сторону.

Старики сделали несколько шагов к трону и, наклонившись, положили на ковер каждый свою ношу.

На ковре в ряд стояли клетки, сплетенные из прутьев, а на краю лежала связка стрел. В крайней клетке порхала маленькая серая птичка, в средней металась полевая мышь. Она на миг останавливалась, смотрела перед собой точками глазок и вновь рыскала по клетке. В последней клетке помещалась большая серо-зеленая лягушка. Она сидела спокойно. Только светлая кожа быстро надувалась и спадала.

— Что это значит? — спросил царь у старшего скифа.

— Наши цари считают, что у тебя много советников и ты сам мудрый, чтобы разгадать значение даров. Ничего больше не велено передать тебе, а приказано немедленно возвращаться. Так прикажи, царь, воинам проводить нас в открытую степь.

Когда Дарий кивнул страже и скифы вышли, в палатке воцарилась тишина.

— Говорите, — приказал Дарий.

Первым выступил Барт:

— Я думаю, что птичка — то конь, а мышь — то земля, о великий царь, а лягушка — то, конечно, вода.

— Я одобряю твою разгадку. Вот я посоветовался с богом Ахурамаздой и говорю вам: мышь живет в земле и ест ту же пищу, что и человек, лягушка живет в воде, а птица подобна коню. Стрелы — это военная сила. Все это значит, что скифы отдают мне себя, свою землю и воду. Это победа, они сдаются.

Все одобрительно зашумели, и Барт сказал:

— Слава велемудрому богу Ахурамазде и его великому сыну, воинственному и могучему Митре, который даровал тебе, царь царей, эту большую победу...

— Подожди, — прервал его речь Гобрий. — Может быть, еще кто желает растолковать значение даров?

Но все молчали.

— Тогда я скажу, — продолжал Гобрий. — Можно ли считать, что скифы признали себя побежденными? Я думаю, нет. Не было ни одной битвы. Наши войска обессилены, и неведомая хворь преследует нас. Скифы знают об этом. Мы сейчас слабее, чем были в начале похода, когда скифы и не думали сдаваться нам. Я много слыхал о скифах. Они никогда по доброй воле не сдавались.

Гобрий перевел дыхание. Никто не помнит, чтобы он так много говорил. Но это было не все. Он сурово взглянул на Барта и снова обратился к Дарию:

— Мне кажется, что скифы хотят вот что сказать своими дарами: «Если вы, персы, не станете птицами и не полетите в небо, или не станете мышами и не спрячетесь в землю, или лягушками не прыгнете в воду, то сгинете от стрел наших!»

Дарий нахмурился и искоса взглянул на Видарну. Тот промолвил:

— Серьезное дело. Надо поразмыслить, обсудить.

Царь в ответ сердито потер ухо и приказал удалиться всем, кроме Гобрия и Видарны.

— Я согласен с толкованием Гобрия, — Видарна будто продолжал внезапно прерванную речь. — Скифы сильны сейчас, как никогда. Нам необходимо быть настороже.

— На месте скифов я бы именно теперь начал атаковать, — вставил Гобрий.

— На стоянках надежно укреплять лагерь и выставлять двойной дозор! — прозвучал наконец голос Дария. — Время покажет, кто прав в толковании даров...

5

...Под вечер сотню Гаусаны сменили на страже около шатра Дария. Сотник направился к ближайшему костру. Люди его сотни раздвинулись, и Гаусана достал из-за пояса широкий вавилонский кинжал. Рабгетт провернул в очередной раз обломок копья, на котором был насажен худосочный старый баран, и Гаусана, ни на кого не глядя, отрезал левую лопатку. Достал из мешочка соль, перец, вонзил в мясо крупные ровные зубы. Только после этого к барану потянулась рука десятника...

Гаусана отбросил за спину обглоданную лопатку и вытер руки о плащ. Оглянулся. Луна поднялась над горизонтом на две лошадиные головы.

Сидел в стороне, думал: покупка второго строевого коня, снаряжения и запасов вина обошлась куда больше платы, которую он получал раз в шесть лун. Правда, перепало немного серебра от Видарны за пленного скифа и добыта еще одна палатка. Она теперь очень пригодилась... Гаусана привстал и отпил глоток вина.

Но что все это в сравнении с его нуждами? Ведь пора подумать о своем доме. Ему пристало иметь не меньше трех жен. Для этого необходима удача в походе... А тут, в Скифии... Что-то неладно с самого начала... Столько времени гоняться за врагом — и не догнать! Люди недовольны: не хватает еды, одежда износилась, вино кончилось, непонятные хвори появились, и знахари не в силах справиться, а главное — не видно всему этому конца-края.

...Вчера разнимали саков-рыбоедов и вавилонцев. Угнал кто-то у кого-то три кобылицы и, конечно, съели. Дошло до резни. А раньше люди его же сотни угнали пару овец у мидийцев. Он покрыл своих, но...

Гаусана легко вскочил на коня и направился в объезд оврага.

Тихо свистнул. Тотчас послышался ответный свист.

— Приветствую тебя, господин.

— Она уже тут? — тихо спросил Гаусана.

— Да, господин, — ответил раб.

Гаусана не сразу различил Тию в полумраке палатки. На толстом войлоке лежали на бронзовом подносе зажаренные куропатки и кусок копченого мяса, заманчиво мерцали на серебре засахаренные фрукты, а две глиняные амфоры обещали терпкую прохладу. Сотник опустился на войлок, Тия, следя за каждым его движением, присела рядом.

Гаусана жадно набросился на еду. Давно уже общие скупые трапезы у костра не насыщали его. Все меньшую пайку выделял осмотрительный Видарна воинам. Поэтому то, что приносила Тия со стола Видарны, было как нельзя кстати. Ведь воину надо иметь сытый желудок, тогда рука его будет тверда, а глаз зорким, и он вернется домой с победой и добычей.

Потом Гаусана, опершись на локоть, рассматривал Тию. Она совсем непохожа на женщин из обоза, которые, садясь с мужчинами, хватают еду из-под рук. Тия ведет себя как настоящая жена. Муж должен наесться, в это время нужно подавать и угождать. Правильно ведет себя. Ведь у них уже все сговорено. Тия будет его, Гаусаны, старшая жена. Она знает дело, насмотрелась у Видарны. Заведет в его доме порядок знатных людей... Гаусана протянул руку и ощутил под гладким прохладным шелком ее тело...

Непонятная тревога пробудила сотника. Казалось, что никакой причины не было. Рядом ровно дышала Тия, за пологом палатки ворчал во сне раб, в ночном лагере — знакомый глухой шум. Лениво ворочались привычные мысли о доме в долине под Персеполем, о трех женах и старшей из них Тие... Потом выплыла картина знакомства с ней, когда перед мостом через Истр Видарна послал его в обоз проследить за переправой своего добра и женщин. Гаусана сразу приметил старшую служанку, но подле неотступно крутился евнух. Только на мосту, когда обоз растянулся, им удалось перемолвиться словом...

Новые звуки ворвались в ночь, в полудремоту сотника. Он несколько мгновений помедлил и вскочил. Сомнения не было: ночной набег. Гаусана разбудил Тию и раба. Топот и крики слышались со стороны оврага. Сотник приказал Тие завернуться в толстую войлочную подстилку и резким ударом выбил опору палатки — нападающим не придет в голову поднимать палатку, а подстилка предохранит Тию от возможных ударов копыт. Потом сотник выхватил копье у первого попавшегося навстречу воина и пустил коня галопом. Сжимая толстое для его руки древко, Гаусана врезался в темный клубок людей и коней, сплетения разноязыких криков.

Крики, удары мечей, стоны, храп лошадей, проклятье — все это быстро приближалось. Тия лежала, укрытая палаткой, сжавшись в комок. Уже сопят рядом кони, кто-то упал, земля дрогнула. Над ней ревели, гикали, ржали, плевались, проклинали, захлебывались кровью, падали с коней воины персов и сколотов.

Но один звук, надрывный и тошнотворный, не смолкал, не унимался, а вскоре пересилил звуки боя — то был рев перепуганных мулов и ослов. Тия не сразу по-

няла, что это, потом ее даже затошнило от этого гадкого крика, казалось, что ревет не скот, а его желудки.

Крики людей, свист и удары нагаек по конским бокам — все это внезапно удалилось и стихло.

Тия выбралась из-под палатки. Отовсюду стоны. Испуганно мечутся лошади без всадников. Умолкли ослы и мулы. Тия побрела, наталкиваясь на тела, щиты и копья.

— Ох, проклятая стрела, — послышался знакомый голос.

Тия пошла на стон. Раб Гаусаны!

— Кто это? А-а... Помоги вытянуть стрелу... Сидит глубоко. Тяни! А-а-а!! — Раб ударил ее ногой в грудь. — Оставь меня. Стрела с зазубриной. Ты разорвешь мне внутренности. Их лошади испугались рева наших ослов... Эти глупые, эти упрямые твари... помогли нам... Иди отсюда!

— Но рана не заживет, если не вытянуть стрелы.

— Не прикасайся... Или я заколю тебя!

Тия вытянула руки, ощупывая темноту, упала на чье-то большое тело. Нагнулась, рассмотрела мертвого мидийца с накладной бородой, которая отвязалась и лежала на спине, шею воина сжимала петля, веревка тянулась в сторону. Тия зажала веревку, ступила за ней несколько шагов и снова упала, зацепившись за другое тело.

Нащупала кожаный кафтан. Решила снять — пригодится, уж очень холодные здесь ночи. Кафтан липкий, наверное, в крови, но не беда — завтра отмоет. Перевернула тело — уж больно легкое, и кафтан будто с мальчика. Тия наклонилась к убитому, различила безбородый и безусый профиль, простенькую сережку в ухе, веревка, тянувшаяся от мидийца, была накручена на локоть. Хм, юный скиф. Живой еще. Воин застонал, в горле заклокотала кровь. Белая рубашка, заправленная в штаны, а между лопаток — кровавое пятно.

Из-за туч вышла луна. Тия повернула мальчика на спину — хотелось рассмотреть лицо скифа.

— Амазонка!

Постояла над воином. Амазонка среди скифов! Подложила ей под голову кафтан, рукавом вытерла кровь с подбородка. На Тию смотрели темные, полные муки

большие глаза. Блеснула на шее бронзовая гривна со львицами. Стиснутые уста сдерживали стон, но разжались судорожно, выпустив струйку крови...

6

А на Истре изнывали от безделья греки. Тираны ионийские разбили свой лагерь на высоком правом берегу, спасаясь от жары в гротах. Продик из Эдеса и Гистией из Милета играли в кости. На круглый столик с отполированной поверхностью падали ребристые агатовые камешки.

Мильтиад из Херсонеса сидел на камне, на открытом солнце, бросал в воду гальку. Ветер спрятался от зноя в камышах противоположного берега. Вдоль него, сколько видно глазу, стояли вытянутые на сушу греческие триеры. Люди на них еле двигались. Неторопливо конопатили щели, смолили, обивали весла бронзовыми пластинами.

Мост терялся в плавнях. Две триеры, на одной из них тиран из Самоса, плавали вдоль моста, охраняя его.

Мильтиад сбросил хитон и пошел к воде. Гистией, закончивший игру, крикнул Мильтиаду, чтобы тот обождал.

— Знаешь, друг, когда-то меня считали лучшим пловцом Милета.

— Так давай посоревнуемся, уважаемый Гистией, кто быстрее доплывет до двадцатого плота!

Прыгали в воду. Фонтаном взметнулись брызги. Продик отодвинул кости, моряки бросили свои дела. Весь высокий берег смотрел на пловцов. Худощавый Мильтиад опережал упитанного, старшего лет на десять Гистиея. И тот понял, что проигрывает, лег на спину, тяжело дыша и отплевываясь. Мильтиад не заметил этого. Когда доплыл, схватился руками за колоду, завертел головой, плечи быстро поднимались и опускались. Посмотрел назад и весело рассмеялся.

— Ты плохо себя чувствуешь, уважаемый Гистией? — крикнул.

— Мне просто не захотелось плыть дальше, — безразлично ответил Гистией и лениво направился к берегу.

Мильтиад взобрался на мост и пошел назад. Ступал с колоды на колоду, ощущая ступнями теплую

шершавость. На берегу повалился на песок, зажмурил глаза.

...Он увидел зеленые оливки Афин накануне праздника Великих Панафиней. Мильтиад идет не спеша по Керамику *, видит предпраздничный люд, видит, как украшают корабль, стоящий возле Аэропага.

Между праздничными белыми хитонами горожан, подбитыми бахромой и расшитыми яркими узорами, выделяются оранжевые одежды жрецов. Побеленные заборы и стены домов слепят глаза, а высокая голубизна неба благословляет будущий праздник.

В стороне остался Пникс, а Мильтиад блуждал по улицам, пока не попала ему на глаза стройная девушка в желтом хитоне. Темно-русые волосы девушки были причесаны в большой узел на затылке и убраны под сетку. Неправильные черты ее смуглого лица представились Мильтиаду необычно красивыми, а тихая печаль в глубине глаз завлекла его. Мильтиад искал и находил взгляд девушки, чувствовал теплую тяжесть его в своих глазах, в своем сердце.

Девушка прошла мимо, в сторону Акрополя, не оглядываясь, а Мильтиад, следуя за ней, мог видеть гордую походку и сандалии, легко ступавшие по плитам, а впереди, вверху, возвышалась медная Афина с копьем. Толпа разлучила их...

Долго и напрасно искал он ее потом в суете шумного города. Соревнования, игры, пение в Одеоне — ничто не привлекало Мильтиада, и утром, перед началом процессии, его потянуло к морю.

По пути к Пирейским ** воротам он на некоторое время смешался с толпой горожан. Отмеченные венками победители, вооруженные воины, женщины с кувшинами на головах — все это вскоре осталось позади, и около полудня Мильтиад очутился в Пирее.

Тут они встретились вновь. Девушка одиноко стояла возле усыпальницы, будто ожидая кого-то, а потом они шли рядом...

Было солнце, и бархат волн, и чистая, нежная голубизна неба, обвенчавшая их. Они любили друг друга, и неугомонно шумящее море белой пеной, как пышными цветами, украсило их.

---

* Керамик, Пникс — районы Древних Афин.
** Пирей — порт вблизи Афин.

Мильтиад восторженно смотрел на нее, всю залитую лучами, когда море топило солнце в потемневшем просторе волн, на ее статную фигуру, на красные волосы, спадающие на округлые плечи. Стройные ноги с широковатыми икрами придавали ей легкую монументальность, и можно было понять мастеров-ваятелей, которые творили по такому образцу.

Они возвращались в город. В свете факелов ходили справа налево двудонные кубки и ревел веселый пир. Они молча несли мимо людей свое счастье, ибо негоже девушке-жрице любить кого-нибудь, кроме богов.

Они вошли в храм. Недостижимая, суровая Афина смотрела на них. Плечом к плечу стояли, угнетенные величественной пустотой храма. Девушка встрепенулась, коснулась рукой подбородка и колен... С неистовой верой молила она лучезарную Афину-заступницу благословить их любовь, простить, спасти их своей силой.

Мильтиад смотрел, и слушал, и начинал верить, что счастье возможно. Вокруг вздымались, мигали пламенем светильников стены, и взирала на них загадочная богиня. Потом они молились вдвоем — в отчаянии, не слыша собственных слов, не замечая ничего вокруг, и только свежее дуновение ветра вернуло их к действительности. Они очутились среди просторов степного ковыля. Ни единого живого существа, только они да степь, и мрак ночи, и таинственные созвездия, глядящие сверху на неисповедимые пути человеческой жизни и человеческой любви...

Мильтиад сел, не мог сообразить, где он, что с ним... Немилосердно палило солнце, сверху доносились голоса Продика и Гистиея.

Гистией подумал, что поступил неосмотрительно, состязаясь с Мильтиадом в плавании. Ведь именно ему, Гистиею, Дарий поручил охрану моста и присмотр за греками. Мильтиад из Херсонеса, этот сын красильщика, мальчишка по сравнению с ним, хоть и побывал архонтом в Афинах. А все от жары. Лишила Гистиея рассудка на глазах всего войска.

Пока Гистией размышлял, на противоположном берегу возникла непонятная суматоха.

Маленькие фигурки сбегали по лестницам с триер, поблескивали щиты и кончики копьев.

Гистией, Продик и Мильтиад побежали к триерам.

Ударили весла по воде. Начальники понукали гребцов, и расстояние до берега быстро сокращалось.

Гоплиты, по колено в воде, окружили подступы к мосту. И когда над камышом показались луки и войлочные шапчонки всадников, греки прикрылись щитами и подняли копья.

Скифы! От греков их отделяла стадия земли, очищенной от камыша по распоряжению Гистиея.

Скифов было немного — около двух тысяч. Гистией облегченно вздохнул. Подплывали новые триеры, из них выходили воины. Скифы наблюдали.

— Что надо славным сколотам? — обратился к ним Гистией.

Горбоносый скиф в бронзовом шлеме, в окружении воинов, и женщина в сопровождении безбородых всадников остановились на расстоянии полета копья, вынули из ножен мечи, переложили их в левые руки, затем вложили мечи в ножны и прижали десницы к груди.

— Греки! — воскликнул горбоносый. — Не с войной пришли мы к вам. Мы принесли вам свободу. Если хотите, выслушайте нас.

Гистией подал знак, и скифские послы подъехали ближе. Молодой русый скиф с чашей-черепом у седла опустил на землю перед Гистиеем большой мешок. Гистией заглянул в него и увидел лоснящиеся черные шкурки выдр.

— Это вам, правители городов Анатолии и островов. Цари сколотов шлют подарок и просят их выслушать.

— Прошу, прошу, — засуетился Гистией.

Послы спешились, пошли за Мильтиадом, Продиком и остальными тиранами на триеру Гистиея. Здесь, на палубе, рабы натянули большой тент. Поставили амфоры с вином, свежие фрукты. Уселись на мраморных скамеечках, и Гистией, нарушая греческий обычай (солнце было еще высоко), приказал рабам поднести всем по полному килику вина.

— Греки! Соседи наши! Мы узнали, что Дарий приказал вам стеречь мост только шестьдесят дней, — начал Скопасис.

— Истинно говоришь, скиф, — кивнул головой Продик.

— А если он не возвратится с войском через шестьдесят дней, то вы можете плыть домой...

— Да, да, — быстро заговорил Гистией. — Я поставлен старшим над греками. Ты верно говоришь: шестьдесят дней и ночей приказано стеречь мост.

— Переждите эти дни, а потом уходите отсюда. Вы ничем не провинитесь ни перед Дарием, ни перед нами.

— Скифы правы, — промолвил Мильтиад. — Выполнить требования Дария, но не больше.

— Персы застряли в болотах Неврии, — повысил голос Скопасис. — Царь Иданфирс готовится к последнему бою. Войско Дария обессилено. Мы постараемся, чтобы оно не увидело этого моста. Греческие города не будут отныне платить Дарию дань.

Тираны одобрительно закивали бородами. Гистией с неудовольствием подметил это. Главное сейчас — пусть скифы скорее убираются прочь. Гистией откашлялся:

— Думаю, правители полисов поддержат меня, если я скажу, что согласен с твоим условием, храбрый скиф. Но срок еще не миновал. Возвращайтесь спокойно назад и делайте свое дело, а мы будем делать свое, пока кончится срок.

— Разве... — раскрыл было рот Продик, но Гистией остановил его, выставив открытую ладонь вперед, и велел рабам наполнить чаши вновь.

— Где гостям приготовить ночлег?

— Спасибо за гостеприимство, но мы сейчас же возвращаемся обратно. Царь Иданфирс ожидает от нас вестей.

Послы выпили вино, быстро поднялись и пошли к лошадям. У бедра женщины колыхался колчан, наполненный стрелами, и греки неотрывно смотрели вслед амазонке...

Первым вскочил с места Мильтиад.

— Итак, мы свободны! Хвала богам Олимпа.

— Шестьдесят дней уже давно минуло!

— Почему ты не сказал им об этом, уважаемый Гистией?

— Тираны полисов ионийских! Вы плохо знаете скифов. Они очень самоуверены, хотя и храбрые воины, боги тому свидетели. Скифы только собираются дать бой Дарию, а значит ли это, что Дарий уже побежден?

Гистией обвел всех глазами, и даже у Мильтиада потух взгляд.

— Вы знаете силу Дария, и скифским ли племенам тягаться с ним? Хорошо, пусть мы выполним свое обещание скифам. А если Дарий разгромит их, придет к Истру, не найдет моста и не застанет нас? Что тогда? Обманутый победитель страшен.

— Но шестьдесят дней миновало?

— Вы хорошего мнения о царе Дарии. Я же бывал в Персеполе и кое-что понимаю в царских обычаях. Последовательность в поступках — не главный закон царя царей...

— Досточтимый Гистией верно говорит, — вмешался Продик, — нам надо выждать. Кто победит — покажет время. Не будем уходить от моста и обождем вестей о решающей битве.

— Я жду еще декаду — и ни дня больше! — крикнул Мильтиад. — Я заберу свои триеры и поплыву к Понту. Боги пошлют кару на головы наши за криводушие!

Между тем Иданфирс с основным войском вышел к Порате, где начинались владения агафирсов. Предгорья Карпаса — удобное место для боя. Но царь агафирсов не дал осуществить это намерение. Над Поратой стали его вооруженные всадники, а сам царь выехал навстречу сколотам.

— Сосед! — сказал царь агафирсов. — Ты привел воинов к моим границам. Дошла весть, что ты заманил персов к неврам, и вы вместе разорили их селения. Если ты намерен то же сделать и с нашими, то ошибаешься. Агафирсы не будут удирать подобно неврам. Сворачивай на восход солнца и не переходи Порату — иначе будем воевать с тобой. Так-решили старейшины, так решил я, царь агафирсов.

И вернулся к своему войску, поблескивая на солнце золотым шитьем плаща.

Цари сколотов стали совещаться.

— Агафирсы никогда не были хорошими воинами, — сказал царь авхатов.

— Не думаю, чтобы они собрали войско больше нашего, — добавил царь траспов.

— Но не забывайте, братья, кто стоит за нашей спиной. — Иданфирс повернулся лицом к северу. — Сейчас сколотам лучше иметь поменьше врагов. Когда покончим с персами, расквитаемся и с дерзкими ага-

фирсами. А теперь, братья-цари, поворачиваем на восход солнца и будем искать место для решающего боя.

— Так, царь, так. Мудро говоришь.

7

Когда лучи солнца одолели мрак ночи и око небес Митра оповестил о начале последнего дня последнего летнего месяца гарманада, Дарий и все персы увидели то, чего так долго ждали и к чему так стремились. Вдали, на равнине, разместилось войско скифов. Они пришли ночью и, не разжигая костров, стали против персов. До сих пор такие неуловимые, теперь спокойно готовились к бою.

Дарий чувствовал, что давно ожидаемая битва почему-то не тешит его. Он понуро смотрел на стан противников и вспоминал долину Мугабо *, чем-то подобную этой равнине... Но воспоминание о прошлой победе не развеяло угрюмости. Царь созвал совет. Теперь решающее слово, несомненно, принадлежало Гобрию, и начальник латников понимал это. Всегда предусмотрительный и уравновешенный, он спокойно отдавал приказания, даже Барт не проявил признаков непослушания.

Тут же отправили богослужение, запели гимн божеству, несущему победу:

И в пятый раз явился Митра
В личине вепря,
Который летит вперед с острыми клыками...

Гобрий слушал знакомые слова и думал, куда поставить вавилонцев. Они вовсе не хотят воевать, эти ленивые вавилонцы, и Гобрий желал избавиться от них. В первой линии их сразу сомнут скифы, и это произведет плохое впечатление на все войско. В первую линию следует поставить саков. Они и одеждой походят на скифов и наверняка знают все скифские приемы боя.

Солнце прошло почти четверть своего дневного пути, когда войска персов и скифов начали сходиться.

---

* В долине Мугабо в Средней Азии Дарий разгромил большое восстание местных племен.

Ряды скифской пехоты двинулись и остановились как бы в нерешительности, нестройными линиями. Дальше шевелилась конница.

Эта кажущаяся нерешительность врага толкнула Гобрия двинуть в атаку латников. Отборная тяжелая конница должна произвести устрашающее впечатление на скифскую пехоту. Железные шлемы с маской, все тело защищено панцирем, даже кони покрыты попоной в железных пластинах.

По сигналу Гобрия железная лава двинулась на нестройный фронт скифов. Разгоряченные боевыми криками кони мчались слитые в одно металлическое целое с всадниками. Острые копья, прикрепленные ремнями к крупу, выдвинуты вперед.

Но, когда до скифских рядов оставалось меньше броска копья, навстречу персам выбежала часть воинов. Гобрий даже опешил от неожиданной удачи, ведь латникам ничего не стоило смять и уничтожить неосмотрительных врагов. Скифы же, сблизившись с латниками, вдруг присели и нырнули под коней: одно колено на земле, голова и спина на уровне копыт. Когда латники проскакивали над присевшими скифами, те кинжалами и мечами наносили удары по конским животам. Обезумевшие животные сбрасывали седоков, они барахтались на земле, беспомощные в своей тяжести, а скифы закалывали их, находя в броне уязвимые места. Гобрий, опомнившись, подал сигнал к отступлению. Латники медленно развернулись и устремились назад. Им в спину посыпались стрелы и копья, не принося, правда, особого вреда. Нелегко пришлось и скифам первой линии: многие погибли под копытами, многие заколоты и порубаны. Однако атака была проиграна, латники отступили, а скифская пехота двинулась вперед.

Тогда Гобрий приказал выстроить персидских и мидийских копьеносцев, а на крыльях — конных саков. Эта линия должна принять ответный удар. Когда линия разомкнется, на средину выйдут фракийцы, каспии, фригийцы, лидийцы... Гобрий не в состоянии запомнить все племена пестрого воинства, такого охотного к грабежам. Чтобы эти горе-воины не дрогнули в решающий момент, за ними будут стоять ряды саков.

Царь Дарий с Видарной и десятью тысячами бессмертных остались возле высокого шатра. К ним присоединился и Гобрий, когда все войско построилось к

бою. Теперь слово за Дарием. Он стоял в колеснице понурый, невыспавшийся.

— Начали! — хрипло бросил царь Гобрию, как будто первой схватки и не было.

Хорошо сверху видно, как оба войска медленно двигались навстречу друг другу, подымая пыль и вытаптывая пожелтевшую траву осенней степи.

Между передними линиями осталось около пятисот шагов, когда среди скифов на левом фланге поднялась суматоха. Ряды их смешались. Даже до шатра долетали приглушенные расстоянием крики.

— Что там творится? — обратился к придворным Дарий.

Сотни бессмертных полетели к войску. Все молча, обеспокоенно ждали их возвращения. И вот бессмертные доложили, что в ряды скифов вскочил испуганный заяц. Копьеносцы на правом фланге хорошо его видели. Заяц проскочил первый ряд, его заметили скифы, бросились с криками ловить, нарушили строй, к пехоте присоединились всадники. Так доложили царю.

— Эти люди совсем пренебрегают нами, если так легкомысленно ведут себя перед боем, — выдохнул Дарий и потянулся к уху. — Ты, Гобрий, верно растолковал значение даров...

— Эти грязные скифы погубили чистую тварь *, — добавил Барт. — Нечистые взяли верх над чистым, очень плохой знак, царь.

Гобрий был озадачен. Скифы сбили с толку даже его, старого и многое повидавшего. Он ежеминутно ожидал от них новой пакости и поэтому решил быть осторожным, не бросать сегодня все войско в дело... Чтобы не попасться в западню.

Бойцы передних рядов сошлись на расстояние полета стрелы, воинственные крики понеслись над степью. Дарий и его свита видели, как приближались скифы, как выходили из безбрежной степи их многочисленные отряды. И теперь, наблюдая все это, ни Гобрий, ни Дарий, ни даже Барт и Видарна — никто не говорил о победе. У каждого крепко засели слова об убитом скифами зайце.

— Надо все хорошо обдумать и все предусмотреть, чтобы иметь возможность своевременно возвратиться к

---

* Заяц, по верованию древних персов, считался «чистой» тварью.

мосту, — молвил Дарий, будто забыл, что срок, назначенный грекам, давно прошел.

А битва между тем разворачивалась, как и задумал Гобрий.

Пехота скифов столкнулась с копьеносцами, после короткой стычки копьеносцы отошли на фланги. Тогда скифы схватились с теми «воинственными» племенами, которые Гобрий не ставил ни во что. Как он и предполагал, скифы мигом смяли их, но вперед не двигались. Они разгадали хитрость персидского военачальника — увидели знакомые шапки саков за линией копьеносцев.

Оба войска топтались на месте, беспокоясь больше о надежной обороне, чем о рискованном наступлении. Все понимали, что сегодняшнее — только начало большой битвы. Надо думать о завтрашнем дне. Слова Дария о возвращении к мосту не забывались персидскими военачальниками.

— Вызвать на помощь греков, — предложил Видарна.

— Видит бог, что ничего глупее нельзя придумать, — со злостью бросил Барт.

— Конечно, не стоит оставлять мост без охраны, да и те шесть тысяч гоплитов мало чем помогут, — тихо, как будто про себя, молвил Гобрий.

Гобрию, конечно, очень хотелось напомнить всем о совете в Сузах, когда он да еще брат царя возражали против похода, а все остальные только то и делали, что хвастались силой и могуществом. Но такое напоминание сейчас вызвало бы только взаимные упреки и вражду.

— Думаю, когда настанет ночь, — сказал Гобрий, — мы зажжем костры, оставим здесь больных и раненых, свяжем ослов, чтобы громче ревели, и отойдем. Надо сделать это сегодня же, чтобы скифы не успели добраться до Истра, разрушить мост или столковаться с греками.

С ним согласились все.

Наконец этот долгий для персов день вступил в свою последнюю четверть. Все так же вяло проходили отдельные стычки.

Но вот скифы начали бить в медные диски, и их воины, которые разрозненными отрядами вели перестрелку или рубились, начали выходить из боя. В этот момент Гобрий крикнул Гаусане передать приказ пешим копье-

носцам снова сомкнуться в центре и хоть напоследок попробовать окружить передовые скифские отряды.

Такие приказы Гаусана выполнял охотно. Он скомандовал, и застоявшиеся кони помчали всадников. Копьеносцам тоже надоело сидеть в обороне. Совсем неожиданно для скифской конницы они двинулись с флангов, отсекая пеших скифов от конных.

Линия фронта стала подобна натянутому луку, в котором копьеносцы были тетивой, а в пространстве между тетивой и луком осталось несколько тысяч пеших скифов. Туда и бросился Гаусана с отрядом. Бессмертные летели на скифов, клюги копьев блестели в красном вечернем солнце.

Гаусана, разгоряченный боем, сразу не почувствовал удара в левое плечо: стрела. Он попробовал вытащить ее правой рукой, переложив меч в левую. Но стрела не поддавалась, и Гаусана отломил ее возле самого острия, но так, чтобы можно было потом вытянуть.

И в тот момент, когда правая рука освободилась, на него наскочил огромный скиф с секирой. Скиф держал ее за длинную ручку и целился прямо в голову. Гаусана успел уклониться, и секира попала в правое плечо, перебив ключицу. Сотник застонал и сполз с лошади.

...Остатки окруженных скифов, прорвав линию копьеносцев, под прикрытием лучников Скопасиса отходили в сторону лагеря.

Зашло солнце. Сумерки окутали оба войска. Вспыхнули костры. Персы и скифы выносили с поля боя убитых и раненых.

После краткого совета в узком кругу Дарий призвал к себе вождей и родоначальников племен и предложил новый план: он сам с латниками, копьеносцами, бессмертными, мидийцами и саками, с отрядами бактрийцев, армян и парфиян отойдут от лагеря в обход скифов, а остальные останутся здесь до утра. Раненым, больным и части обоза приказано спрятаться за насыпью, их будут охранять оставшиеся воины, если скифы попытаются прорваться в лагерь. Утром же основное персидское войско во главе с Дарием нанесет удар скифам в спину.

Оставленные в лагере связанные ослы подняли рев, и этот привычный шум и пылающие костры показывали скифам, что враг на прежнем месте. А основная часть войска персов неутомимо двигалась на юг к

Истру, чтобы поскорее достичь спасительного моста и оставить эти проклятые земли. В обозе Видарны ехала ни о чем не подозревающая старшая служанка Тия, уверенная, что, как только они остановятся на ночлег, Гаусана позовет ее к себе.

Когда же наступил день и отряды скифов двинулись на лагерь, оставшиеся увидели свое бессилие и поняли, что брошены на произвол судьбы. Пали они перед скифами ниц в желтую степную пыль, умоляли о милости и вопили о коварстве своего царя...

...Гаусана в беспамятстве лежал под кибиткой. Здесь оставили его вечером, после боя.

Сотник бессмертных раскрыл глаза, но не увидел над собой неба, и тогда он перевел взгляд на себя, на свое тело, на измятый оранжевый плащ в крови и пыли. Рядом истоптанная голая земля. Наконец понял, что лежит израненный под возом, и тут же совсем близко послышался крик.

Сотник бессмертных со стоном перевалился на бок, и последнее, что он увидел в своей жизни, был молодой русоволосый скиф с бородкой.

Тот деловито вытянул сотника бессмертных за ногу, коротким ударом меча отрубил голову. Потом вытер окровавленный меч о грязный оранжевый плащ сотника.

В тот же день царь Иданфирс приказал авхатам стеречь пленных. Всем остальным кратчайшим путем двинуться к Истру.

— Мы опередим персов и станем спиной к реке. Слева агафирсы, справа Понт Эвксинский. Греческий флот уже ушел: ведь шестьдесят дней минуло. Дарий вынужден будет принять бой.

Как ни спешили сколоты за персами, но прежде необходимо было предать земле погибших, позаботиться об их потусторонней жизни. Край мертвых Герр далек отсюда, и довелось хоронить сколотов в этих землях. Ни селения вокруг, ни засеянного клочка земли — степь ковыльная с широкими залесенными балками. И чтоб не надругались чужие люди над сколотами, тела их решено было предать огню.

Когда огонь над сотнями могил стал ослабевать, землей засыпали погребальные костры. Стелился дым над степью, над свежими курганами. Сколоты выпили по чаше вина, и каждый воин стал обеими ногами на свой

меч. Чтоб живым быть сильными и выносливыми, как это закаленное в боях железо.

И помчалось войско Иданфирса вслед за персами. Обошло стороной Дария и поспешило к Истру. С раннего утра до поздних сумерек летели всадники, отдыхая в коротком сне. Прибыли в долину Истра, поросшую высокими, опутанными травами, раскидистыми вербами и осокорями.

Греки, заметив скифов, бросились разбирать мост. Мелькали вишневые хитоны Продика и его подручных, развязывающих крайние плоты, на берегу суетился Гистией. Он заверил Скопасиса, что к завтрашнему дню моста не будет. Теперь Гистиею легче управлять греками. Прошла неделя, как уплыл в Херсонес Мильтиад со своими триерами.

Успокоив скифов, глядя, как поворачивает их войско назад искать Дария, Гистией собрал греческих тиранов.

— Наконец боги Олимпа смилостивились над нами! Персы больше не угрожают нам, — с восторгом воскликнул рыжебородый Продик.

Все закивали в знак согласия и выжидательно смотрели на Гистиея. Он хмурился:

— Вы рано торжествуете. Дарий еще не разбит. А будь и разбит, это не должно радовать вас. Я удивляюсь вашей легкомысленности! Большинство из вас прожили долгую жизнь и могли набраться больше мудрости! Но видит Зевс, радоваться нечему! Тем более нам, тиранам греческих городов в Азии.

Гистией умолк, ожидая, пока все будут готовы воспринять его слова. Встал и прошелся по кругу.

— Нечего радоваться поражению Дария. Разве не благодаря царю Персии, его могуществу и силе каждый из нас правит в своем городе? И если Дарий падет, демократы сразу же выгонят меня из Милета. И каждого из вас тоже выгонят. Поэтому мы должны сделать все, чтобы помочь Дарию, а значит, самим себе! Помозгуйте над этим, славные мужи.

Тогда решили: со скифами не ссориться и делать вид, что разрушают мост. Но разобрать его только с этого берега, чтобы скифы не додумались силой перебраться через реку.

А гончар Диамант не мог оторвать глаз от моста, хотя Теодор торопил его. Диамант шевелил губами, руки его что-то искали. Сполз на животе с лошади, щепкой

провел на мокром песке несколько линий. Теодор наблюдал за ним. Коснулся плеча товарища.

— Мост, — только и проговорил Диамант.

— Тебя ждет мастерская, Диамант. А меня — лавка.

— Мост! Я открыл тайну пространственного изображения. Глянь, Теодор! Колоды моста одинаковые, но когда смотришь отсюда... Видишь, вон те линии моста, сходящиеся вдали? В их уменьшении секрет рисунка. Глубина и простор подвластны теперь мне. Тень Орфея открыла мне эту тайну, друг Теодор!

— Ты поедешь со мной, Диамант? — тихо, но настойчиво повторил купец.

— Ты собираешься в Ольвию? — спросил Диамант, оставив свой рисунок на песке. — Ты не хочешь видеть последнего действия этого представления?

— Я хочу сберечь свою голову. Слушай, друг мой Диамант, мы приобретем добрых лошадей и, когда все утихнет, вновь пустимся в путешествие по Скифии, доберемся до богатой Неврии.

— Нет, Теодор! Я хочу увидеть Дария. Мои вазы и амфоры украсит рисунок: связанный Дарий плетется за скифским конем. А? Неплохо? Скажи всем ольвийцам, что я овладел пространством! Эврика! Боги возвратили мне секрет, когда-то отнятый у людей! Афины, вся Эллада — все будут требовать мои амфоры и вазы!

8

Гобрий боялся затянуть переход и потому вел персидское войско прежней дорогой, которой шли от Истра на восток свыше трех месяцев тому назад. Вытоптанная осенняя степь, без травы и воды. Измученное войско гнало голодных лошадей, дозорные с нетерпением посматривали вперед, где вот-вот должны были показаться плавни Истра.

Наступила ночь, когда головные отряды вышли на берег и увидели опустевшее скифское стойбище. Это насторожило всех. Но страшнее всего было то, что мост исчез. Где-то там, на противоположном правом берегу, горели костры, а здесь, на левом, черная ночь сползала в темную воду, и вытоптанный камыш подтверждал, что войско скифов только что ушло.

Когда Гобрий возвратился к Дарию, он застал среди придворных растерянность и страх. Все смотрели на Гобрия.

— Царь, вели глашатаю-египтянину, пусть попробует позвать греков.

И вскоре зычный голос раскатился над Истром и потонул в воде и мраке. Трижды кричал глашатай, и трижды после этого замирало все. Будто и не было на берегу многих тысяч людей.

Но вот из темноты вынырнул силуэт триеры, потом второй, и к Дарию уже спешит Гистией.

Царь первый ступил на корабль. На кратком совете решено немедленно, как только начнет светать, восстановить разобранную часть моста. Когда же наконец триера отчалила от левого берега, Барт, тряся своей козлиной бородой, закричал в темноту, в небо, в степь:

— Пусть будут прокляты скифы, это порождение Анкраманью! Пусть злые духи уничтожат их скот и пусть сгинет на веки их род!

Крик Барта сорвался и перешел в свистящий шепот:

— Я говорил, я говорил, что надо разрушить все капища иноверцев! Мы сделаем это по всей Персии, как только вернемся. Ты не откажешь мне в этом, о, царь! Лишь так мы сможем выполнять заповеди великого учителя Заратустры, и это принесет нам победу.

Дарий же, слушая захлебывающийся шепот Барта, вспомнил нелепый случай в Вавилоне после подавления восстания. Там, над воротами, была гробница прославленной жрицы. О сокровищах гробницы ходили слухи. Но самое удивительное, что гробницу никто не трогал, хотя стражи при ней не было. Только непонятная подпись: «Если кто-нибудь из вавилонских царей будет иметь нужду в деньгах, то пусть откроет гробницу и возьмет сколько пожелает. Но лучше не трогать ее вовсе».

Когда по приказу Дария открыли гробницу, то нашли скелет и подпись, которая гласила: «Если бы ты не был столь алчным, то не разорял бы чужих убежищ...»

Триеры, скрипя веслами, покидали враждебный берег. На одной из них курчавобородый Коэс нетерпеливо ходил по палубе, ожидая встречи с Дарием. Коэс

торжествовал, что вышло по его. Мост таки пригодился. Как только триера уткнется носом в спасительный берег, он бросится к Дарию и напомнит царю о награде.

9

Когда остатки моста и пожелтевшие плавни Истра исчезли за спинами сколотов, перед всадниками раскинулась широкая степь. Где-то в ней затерялись персы. Между Поратой и Понтом лежали земли на тысячу стадий, и персидские войска могли проскользнуть незамеченными.

Здравый смысл подсказывал, что персы должны были держаться ближе к Порате, где была свежая трава и много мелких притоков.

— Да, — сказал Иданфирс, — только неразумный человек может пойти прежней дорогой, где его скот все уже съел.

И лишь один Скопасис не разделял мнения остальных. Он предлагал растянуть войско на всем пространстве между Поратою и Тирасом, перекрыть персам все возможные пути. Но даже старейшина его племени Басадос был против этой затеи: нельзя распылять войско, в решающий момент оно должно быть под рукой Иданфирса, собранное в единый кулак. Иначе Дарий прорвет растянутую сколотскую линию.

И скифы круто повернули левее старой дороги.

Но проходит день, второй, а персов нет. На третьи сутки скифы поняли, что разминулись с Дарием. Повернули лошадей к Истру. Цари сколотов громко насмехались над глупостью Дария, повернувшего на старую, голодную дорогу. Но про себя удивлялись его дальновидности, несомненно, навеянной богами, и тревожились. А Скопасис всем видом напоминал о своем отвергнутом плане...

На Истре сколотов ожидали лишь табуны покинутых ослов и мулов. Мост колыхался на волнах, завязнув в плавнях, а дальний его конец, уже разобранный, расползался по течению. На противоположном берегу никаких признаков жизни.

— Где персы? — не веря своим глазам, вопрошал Басадос.

Иданфирс сжался, недобро взглянул на Скопаси-

са — ведь это он договаривался с греками. А тот ответил не менее злобным взглядом.

— Я сам видел, как греки разбирали мост... — растерянно молвил Басадос и запнулся.

Все молчали. Воины деловито сновали по берегу, надеясь чем-либо поживиться после персов и греков.

— Послать за авхатами и пленными. Пусть пригонят их сюда. Каждого десятого мы принесем в жертву Мечу. Возрадуется праотец наш Папай и богородная дочь Борисфена Апи, всеблагая Табити, непобедимый Фагимасад. Пусть веселятся тени предков наших! Остальных пленных ослепить! — кончил Иданфирс.

На какой-то миг наступило молчание, вызванное удивлением. Ведь по обычаям сколотским в жертву Мечу приносился один из сотни пленных.

— Как, всех ослепить? — вырвалось у Басадоса.

— Да, старейшина катиаров. Я хочу угодить богам. А еще поставим на пепелище огромный бронзовый котел, который выплавим из наконечников стрел наших. Пусть каждый воин принесет одну стрелу. И умельцы по металлу и камню — траспы — пусть останутся здесь и выплавят этот котел. А на страже пусть поставят каменного воина-сколота. Чтоб все в этом воине было, как у нас с вами — у вольных сколотов. И грива на шее, и вышитая сорочка виднелась из-под куртки, и пластинчатый пояс, и боевой акинак на нем, и топорик, и рог в руке. Вы поняли меня, траспы? Чтобы дети и дети наших детей помнили победу нашу.

— О, не беспокойся, царь! Воин-сколот будет как живой. И простоит здесь тысячу весен, — ответил каменотес-трасп.

— Надо ли ослеплять пленных? — обводя всех бесцветными глазами, спросил Басадос. — Боги будут иметь богатую жертву. Могилы предков наших мы оборонили. Ослепленные пленные — это не рабы.

— Старейшина Басадос много послужил родам сколотским в набегах на тавров, в походе на Фракию, а еще в других битвах. Пусть простят ему боги эти слова, — раздраженно сказал Иданфирс. — Будет так, как я хочу. Так хотят и цари сколотские. Верно ли я говорю, брат Скопасис, старейшины родов сколотских?

— Верно и правдиво говоришь, царь. Каждого десятого принести в жертву, а остальных — ослепить!

Басадос незаметно выехал из круга.

А гончар Диамант искал глазами триеры, но не увидел ни одной.

— Ионийцы! — крикнул, приложив ладони ко рту. Но порыв ветра утопил его крик в Истре.

Поднял черепок. На осколке рисунок: Геракл побеждает льва. Опустил черепок в воду, неподвижно смотрел на раздерганный мост. Арфа Орфея молчала в его душе. И не было ни одного звука, хотя берег Истра кипел вокруг людской суетой и криками. Уехать бы ему с Теодором в Ольвию и не видеть сегодня этого моста...

— Греки не пожелали свободы, а она давалась им так легко.

Поникнув, поплелся к коню. Чья-то тень стала на пути. Поднял глаза и, узнав старого катиара, вздрогнул, побледнел.

— Я помню тебя, — сказал Басадос. — Ты говорил, что ионийцы освободят мир от Дария. И боги ваши видели, как ионийцы спасали Дария и не поразили их громом?

Диамант молчал.

Через несколько дней в степи заклубилась пыль. То авхаты гнали пленных. Желтые и синие плащи, красные хитоны, шелковые подвязки, яркие ленты в волосах, кожаные пояса, накладные бороды — все это превратилось в грязное, серое тряпье, в скрученные веревки и клочья шерсти. Тысячи пленных стояли, сидели, лежали в открытом поле под жгучими лучами солнца.

По лагерю савроматов разъезжал Аспак. На уздечке лошади трепыхались три кожаных платка и за седлом висели три чаши-черепа.

Аспак объехал стойбище савроматов. Вспоминал, какой масти конь Опии, и осматривал табуны. Хотел расспросить савроматок или бородатых воинов-савроматов, но не решался.

Придержал коня вблизи стоянки царицы Паты, всматривался — не выскочит ли из белой высокой палатки Опия? Он все еще надеялся найти ее.

В палатке, закрытой от чужого глаза занавесом, прихорашивалась царица Пата. Хотела сегодня Пата понравиться Скопасису. За этими гонками, за ежедневными тревогами некогда было и нежным словом обмолвиться с ним. Суриком покрывала щеки и уста, белилами — лоб и нос, углем — брови и мочки ушей. Подавала ей полненькая востроглазая девушка. Хотя не умела

она так досмотреть лошадей Паты, как чернявая Опия, но царица была довольна новой слугой — ее усердием и учтивостью...

А царь Скопасис, напрягшись, сидел на своем боевом коне и смотрел на шатер Иданфирса. Вот-вот оттуда должен выехать Иданфирс со священными реликвиями. И когда их положат возле храма Мечу, тогда из рядов выедет он, Скопасис, царь катиаров. Приблизится к неприкосновенным реликвиям, возьмет их в руки. Он расскажет старейшинам паралатов, катиаров, траспов и авхатов о том, что нынешней ночью на привале к нему явился сам Папай. Да! Как только он прилег, огромный, кряжистый бог Папай вырос из темноты и направился к Скопасису. Вначале он принял бога за старое ветвистое дерево, но потом разглядел руки с корявыми пальцами, а у ног Папая — трех волчиц. Папай остановился над распростертым на кошме Скопасисом и растопырил пальцы-сучки. На землю высыпались золотые плуг, ярмо, топорик и рог... Лица Папая так и не разглядел Скопасис, но хорошо помнил, как выжидательно горели волчьи глаза на уровне щиколоток бога.

Он скажет старейшинам родов, как несколько дней тому царь Иданфирс и все не послушали его. А послушай они Скопасиса, царь Дарий томился б сейчас под огромным стогом хвороста! А если упрямый Иданфирс воспротивится и станет говорить, что спокон веков только паралат водит сколотов в бой, тогда Скопасис обнажит свой меч и заставит сделать то же Иданфирса. Пускай перед храмом богам и Мечу решится, чья жизнь угоднее Папаю и Апи, Фагимасаду, чей домашний очаг дороже Табити!

И вот в долине Истра раздался многоязычный галдеж.

От шатра ехал Иданфирс. На боку висел золотой колчан с луком и стрелами, с другой стороны — меч, который освятит кровь пленных. Вслед за Иданфирсом слуга вез дары богов сколотам: золотые плуг, ярмо, топорик и рог.

А навстречу, сливаясь в сплошной гул, неслись крики — тысячеголосая мольба пленников.

Киев, 1970—1976 гг.

Содержание

ПОВЕСТИ

Евгений Федоровский
СВЕЖИЙ ВЕТЕР ОКЕАНА 6

Владимир Печенкин
ОТЦЫ 103

Эльчин
ВОЛК НАПАДАЕТ СЗАДИ 164

Минель Левин
ТЕНЬ НА ДОРОГЕ 241

РАССКАЗЫ

Евгений Волков
ПИКОВАЯ МАСТЬ 294

Борис Ряховский
ДОЛГАЯ ДОРОГА К РОДНЫМ КОЧЕВЬЯМ 305

Геннадий Семар
НЕ ПОСЛУЖИШЬ — НЕ УЗНАЕШЬ! 324

Эдуард Хлысталов
ОБЫСК 343

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СУДЬБЫ, СОБЫТИЯ, ПРОИСШЕСТВИЯ

Михаил Белоусов
В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ... 364

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Владимир Жмыр, Юрий Хорунжий
СКИФЫ 418

Приключения-79: Сборник (Сост. В. Фалеев. — М., Мол. гвардия, 1979. — 495 с., ил. — (Стрела).

П75

В пер.: 2 р. 200 000 экз.

Традиционный молодогвардейский сборник остросюжетных повестей, рассказов и очерков современных советских авторов.

П $\frac{70302-191}{078(02)-79}$ 249—79. 4702000000 Р2

ИБ № 1754

ПРИКЛЮЧЕНИЯ-79

Составитель **В. Фалеев**
Редактор **Ю. Медведев**
Художник **И. Блиох**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Г. Прохорова**

Сдано в набор 27.12.78. Подписано в печать 16.07.79. А00174. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 26,04. Учетно-изд. л. 26,7. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 100 000 экз.). Цена 2 руб. Заказ 2236.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

